

А.Н. Баранов

Введение в прикладную лингвистику

ББК 81я73

Издание осуществлено при поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) в рамках конкурса «Новая учебная литература по лингвистике и литературоведению».

Печатается по решению Редакционно-издательского совета филологического факультета Московского Государственного Университета им. М. В. Ломоносова

Рецензенты:

А. Н. Барулин — кандидат филологических наук, доцент, декан факультета теоретической и прикладной лингвистики РГГУ

В.З.Демьянков — доктор филологических наук, профессор, заведующий лабораторией автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ

Баранов Анатолий Николаевич

Введение в прикладную лингвистику: Учебное пособие. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 360 с.

ISBN 5-8360-0196-0

В основу книги положены курсы лекций, которые автор читал на отделениях прикладной лингвистики филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова и в Московском государственном лингвистическом университете. В учебнике представлены основные направления прикладной лингвистики — как уже устоявшиеся классические дисциплины (компьютерная лингвистика, машинный перевод, информационно-поисковые системы, лексикография, терминоведение и терминография, методика преподавания языка, теория перевода), так и новейшие специальности, получившие развитие в последние десятилетия — корпусная лингвистика, политическая лингвистика, лингвистические аспекты нейро-лингвистического программирования, теория воздействия. Особое внимание обращается на методы исследования, развиваемые в каждом из прикладных направлений. Во многих случаях обсуждаются примеры использования прикладных методов и полученные результаты. В конце параграфов учебника предусмотрены практические задания, которые позволяют применить усвоенный материал в конкретной проблемной сфере. В отдельной главе рассматриваются проблемы взаимовлияния теории и практики в науке о языке, а также перспективы развития прикладных областей лингвистики. Учебник предназначен для студентов и аспирантов отделений прикладной лингвистики филологических факультетов университетов, других высших учебных заведений, а также для всех интересующихся современными направлениями развития языкознания и его приложений.

ISBN 5-8360-0196-0

Оглавление

Предисловие

Глава 1. Объект и методы прикладной лингвистики

§ 1. Понимания термина «прикладная лингвистика»

§ 2. Круг задач прикладной лингвистики

§ 3. Методы прикладной лингвистики

Глава 2. Оптимизация когнитивной функции языка

§ 1. Компьютерная лингвистика

1.1. Компьютерная лингвистика как прикладная лингвистическая дисциплина

1.2. Когнитивный инструментарий компьютерной лингвистики

1.3. Некоторые направления компьютерной лингвистики

1.3.1. Моделирование общения

1.3.2. Моделирование структуры сюжета

1.4. Гипертекстовые технологии представления текста

1.4.1. Историческое замечание

1.4.2. Теоретические основания гипертекста

1.4.3. Компоненты гипертекста

1.4.4. Элементы типологии гипертекста

1.4.5. Некоторые гипертекстовые системы

§ 2. Прикладные аспекты количественной лингвистики

2.1. Проблематика количественной лингвистики с теоретической и прикладной точек зрения

2.2. Основные области приложения структурно-вероятностной модели языка

2.3. Авторизация текста: пример экспертизы

§ 3. Психолингвистика как приложение лингвистики

Глава 3. Оптимизация эпистемической функции языка

§ 1. Лексикография

1.1. Из истории словарного дела

- [1.2. Базовые параметры типологизации словарей](#)
- [1.3. Основные структурные компоненты словаря](#)
- [1.4. Основные структурные компоненты \(зоны\) словарной статьи](#)
- [1.5. Компьютерная лексикография](#)

[§ 2. Терминоведение и терминография](#)

- [2.1. Исходные понятия](#)
- [2.2. Важнейшие направления деятельности в терминоведении и терминографии](#)
- [2.3. Институциональный аспект терминоведения и терминографии](#)
- [2.4. Лингвистическая терминология как особая терминосистема](#)
- [2.5. Миры лингвистической терминологии](#)
- [2.6. Лингвистическая терминография](#)

[§ 3. Корпусная лингвистика](#)

- [3.1. Языковой материал в лингвистическом исследовании](#)
- [3.2. Исходные понятия корпусной лингвистики](#)
- [3.3. Требования к корпусу текстов с точки зрения пользователя](#)
- [3.4. Опыт разработки корпусов текстов](#)
- [3.5. Заключение](#)

[Глава 4. Оптимизация функционирования языка как средства передачи информации](#)

[§ 1. Перевод как прикладная лингвистическая дисциплина](#)

- [1.1. Лингвистические и нелингвистические аспекты перевода](#)
- [1.2. Виды перевода](#)
- [1.3. «Естественный» перевод: лингвистические проблемы](#)
 - [1.3.1.1. Семантика: различия в категоризации](#)
 - [1.3.1.2. Семантика: грамматические различия](#)
 - [1.3.1.3. Семантика: грамматические различия как фактор метафоризации](#)
 - [1.3.1.4. Семантика: скрытые категории](#)
 - [1.3.1.5. Семантика: «ложные друзья переводчика»](#)
 - [1.3.2.1. Синтактика: синтаксический тип языка](#)
 - [1.3.2.2. Синтактика: лексическая сочетаемость](#)
 - [1.3.2.3. Синтактика: способы введения прямой речи](#)
 - [1.3.3.1. Прагматика: описания в анафоре](#)
 - [1.3.3.2. Прагматика: особенности стиля](#)
 - [1.3.3.3. Прагматика: парадоксы счета](#)
 - [1.3.3.4. Прагматика: перевод идиом и пословиц](#)
 - [1.3.3.5. Прагматика: перевод метафор](#)
 - [1.3.3.6. Другие прагматические проблемы перевода](#)
 - [1.3.4. Экстралингвистические проблемы перевода](#)
 - [1.3.5. Пример переводческой деятельности: терминосистема Л. Вайсгербера](#)

[1.4. Машинный перевод](#)

- [1.4.1. Машинный перевод: элементы хронологии](#)
- [1.4.2. Машинный перевод: элементы периодизации стратегий](#)
- [1.4.3. Машинный перевод: элементы типологии систем](#)
- [1.4.4. Основные области использования машинного перевода](#)
- [1.4.5. Некоторые известные системы машинного перевода](#)
- [1.4.6. Перспективы развития систем машинного перевода](#)

[§ 2. Теория и методика преподавания языка](#)

- [2.1. Грамматико-переводный метод в обучении иностранным языкам](#)
- [2.2. Прямой метод обучения иностранному языку](#)
- [2.3. Аудиолингвальный и аудиовизуальный методы обучения иностранным языкам](#)
- [2.4. Коммуникативно-ориентированный подход в обучении иностранным языкам](#)

[§ 3. Оптимизация общения с ЭВМ: системы обработки естественного языка](#)

[§ 4. Теория и практика информационно-поисковых систем](#)

- [4.1. Основные понятия информационного поиска](#)
- [4.2. Типы информационно-поисковых систем](#)
- [4.3. Информационно-поисковые языки](#)

[Глава 5. Оптимизация социальной функции языка, функционирование языка как средства воздействия](#)

[§ 1. Лингвистика и функционирование государства](#)

[§ 2. Лингвистические аспекты теории воздействия: языковые механизмы вариативной интерпретации действительности](#)

- [2.1. Предмет теории воздействия и ее истоки](#)
- [2.2. Языковое варьирование как важнейший источник имплицитного воздействия языка на сознание. Предпосылки языкового варьирования](#)

2.3. Типология языковых механизмов воздействия на сознание	
2.4. Лингвистические аспекты теории аргументации	
2.5. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности в аргументации: пример анализа	
§ 3. Механизмы вариативной интерпретации действительности в нейро-лингвистическом программировании	
3.1. Нейро-лингвистическое программирование — эффективная практика как теория	
3.2. НЛП как психотерапевтический метод	
3.3. Постулаты НЛП по отношению к языку: взгляд лингвиста	
3.4. Роль языковых механизмов вариативной интерпретации действительности в НЛП	
§ 4. Политическая лингвистика	
4.1. Предмет и задачи политической лингвистики	
4.2. Методика контент-анализа	
4.3. Примеры применения методики контент-анализа	
4.3.1. Метафоры в политическом дискурсе: эксперимент Х. де Ландшер	
4.3.2. Контент-анализ национальной идеи	
4.3.3. Контент-анализ литературного текста	
4.4. Методика когнитивного картирования	
Глава 6. Прикладная и теоретическая лингвистика: проблемы взаимовлияния	
§ 1. Инструментарий прикладной лингвистики в лингвистической теории	
1.1. Традиционные проблемы лексической семантики с точки зрения когнитивного подхода	
1.2. Эвристики лингвистической семантики	
1.2.1. Эвристика о примате когнитивного	
1.2.2. Эвристика о нерелевантности противопоставления лингвистического и экстралингвистического знания	
1.2.3. Эвристика об экономии усилий	
1.2.4. Эвристика о вариативности воплощения когнитивных структур	
1.2.5. Эвристика о неоднородности плана содержания языкового выражения	
1.2.6. Эвристика о множественности семантического описания	
1.2.7. Эвристика о значимости нестандартных употреблений.	
1.3. Заключение	
§ 2. Рефлексия лингвистической теории в прикладной лингвистике	
2.1. Базовые теоретические оппозиции в прикладной лингвистике	
2.2. Филологические методы анализа текста как эвристики построения систем искусственного интеллекта	
Актуальные проблемы прикладной лингвистики	
Список сокращений	
Литература	
Словарные издания	

Предисловие

В основу этого пособия положен опыт чтения автором лекций по прикладной лингвистике на отделении теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ в 1994-2000 гг. и на отделении прикладной лингвистики Московского государственного лингвистического университета в 1990-1998 гг. Несмотря на многочисленные исследования в области прикладной лингвистики, динамичное развитие различных областей прикладной лингвистики и появление новых прикладных направлений, лекционный курс введения в прикладную лингвистику пока не обеспечен необходимыми пособиями. Имеющиеся издания либо посвящены конкретным дисциплинам, либо представляют собой сборники публикаций различных авторов¹), что не дает возможности сформулировать общую концепцию, взглянуть на широкую область приложения лингвистических знаний с единой точки зрения.

Исходная теоретическая и методическая установка представления материала в данной книге предполагает широкое понимание прикладной лингвистики, не сводящееся только к компьютерной лингвистике, машинному переводу или методике преподавания иностранных языков. Сфера прикладной лингвистики рассматривается достаточно широко, что позволяет дать обобщающую картину областей практической деятельности лингвистов.

Тем не менее, не все направления приложения лингвистических знаний описаны с одинаковой степенью подробности. Жанр введения позволяет дифференцированно подойти к различным прикладным дисциплинам. Основной упор сделан на те сферы, для которых, как правило, не предусматривается отдельных лекционных курсов. Например, социолингвистика, психолингвистика, машинный перевод на многих отделениях прикладной лингвистики российских университетов представлены отдельными курсами²). С другой стороны, нигде на отделениях прикладной лингвистики не читаются отдельно как основные курсы такие прикладные специальности, как политическая лингвистика, теория воздействия, корпусная лингвистика, терминоведение и терминография, лингвистические аспекты нейро-лингвистического программирования и др. Им в пособии уделяется значительное внимание. Разумеется, на

степень подробности

1) См., например, [Пиотровский, Бектаев, Пиотровская 1977; Аверина, Азарова, Алексеева 1996].

2) Следует заметить, что психолингвистика и социолингвистика должны преимущественно рассматриваться как прикладные области, соответственно, психологии и социологии в лингвистике. Тем самым в целом эти дисциплины вряд ли осмысленно считать разделами прикладной лингвистики, хотя они и имеют ограниченные области приложения собственно знаний о языке, которые в определенной мере обсуждаются в данном пособии.

обсуждения повлияли и мои научные интересы, а также мой опыт работы в тех или иных сферах прикладной лингвистики. В связи с этим я хотел бы поблагодарить коллег, консультировавших меня на различных этапах написания пособия в тех областях, где мне не хватало практического опыта. Особая благодарность Д. Добровольскому, выступившему соавтором некоторых разделов этой книги, и Н. Любимовой, написавшей второй параграф четвертой главы «Теория и методика преподавания языка».

Обзор проблематики практически любого прикладного направления выявляет в нем значительную теоретическую составляющую. Например, квантитативная лингвистика, обычно рассматриваемая в ряду чисто лингвистических прикладных дисциплин, в аспекте построения структурно-вероятностной модели языка оказывается приложением статистических методов в языкознании, позволяющим уточнить теоретические представления о функционировании языковой системы. Иными словами, это приложение математики, а не приложение лингвистики. В то же время квантитативная лингвистика включает и определенную лингвистическую прикладную область — использование структурно-вероятностной модели языка для авторизации текста, лингвистического мониторинга дискурса и др. целей. Аналогичная ситуация в сфере перевода, в преподавании языка, в психолингвистике и других дисциплинах. В пособии освещаются именно прикладные аспекты соответствующих дисциплин — в этом дополнительная сложность изложения материала и чтения курса введения в прикладную лингвистику.

Структурно параграфы глав пособия устроены таким образом, что вначале излагаются некоторые общие положения, характеризующие данное направление прикладной лингвистики, а в конце даются конкретные примеры использования соответствующих методик. Например, параграф о переводе начинается изложением некоторых общих проблем перевода как раздела прикладной лингвистики, а заключается — примерами конкретных систем машинного перевода. Аналогично при изложении материала о политической лингвистике сначала обсуждаются общие принципы этого направления, имеющиеся методики анализа политического дискурса, а затем конкретные примеры применения этих методик. Основная цель такой формы подачи материала заключается в том, чтобы познакомить читателя не только с теоретическими аспектами прикладной лингвистики, но и с ее реальными практическими проблемами, с практической деятельностью в области прикладной лингвистики. Разумеется, в некоторых случаях такой подход в полной мере реализовать не удалось.

Кроме лекционного курса, введение в прикладную лингвистику предполагает практикум; материалы практикума частично отражены в данном пособии в заключительных разделах параграфов и в заданиях.

Прикладная лингвистика динамично развивается, что, естественно, приводит к старению материала. Использование любого учебного издания в курсе лекций требует определенной корректировки. Это в полной мере распространяется и на книгу, предлагаемую вниманию читателя.

Тем не менее исходная посылка заключалась в том, чтобы, не отказываясь от разговора о наиболее актуальных и перспективных направлениях использования знаний об устройстве языковой системы, полнее отразить ту часть приложений языкознания, которая в минимальной степени подвержена изменениям и образует фундамент этой дисциплины. Остается надеяться, что эта цель в хотя бы в определенной мере достигнута.

В заключение хотелось бы поблагодарить всех коллег, участвовавших в обсуждении текста этой книги — и особенно сотрудников кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Очень конструктивным было обсуждение рукописи с А. Е. Кибриком, А. А. Кибриком и С. Г. Татевосовым. Появление этого издания было бы невозможно без активной поддержки программы «Высшее образование» Института «Открытое общество». Выражаю свою искреннюю благодарность организаторам и сотрудникам этой программы.

Автор

Глава 1 Объект и методы прикладной лингвистики

§ 1. Понимания термина «прикладная лингвистика»

Термин «прикладная лингвистика» многозначен. В российской и западной лингвистике он имеет совершенно разные интерпретации. В западной лингвистике (*applied linguistics*, *angewandte Linguistik*) он связывается прежде всего с преподаванием иностранных языков, включая методику преподавания, особенности описания грамматики для учебных целей, преподавание языка как родного и иностранного и пр.¹⁾ В СССР термин прикладная лингвистика стал широко употребляться в 50-е гг. в связи с разработкой компьютерных технологий и появлением систем автоматической обработки информации (автоматизированных систем управления, систем информационного поиска, автоматизированных систем обработки текста и пр.). Именно поэтому в русскоязычной литературе вместо термина прикладная лингвистика в том же значении часто используются термины «компьютерная лингвистика», «вычислительная лингвистика», «автоматическая лингвистика», «инженерная лингвистика»; между тем отождествление этих дисциплин не вполне удачно, поскольку каждая из них имеет свой предмет и методы работы в рамках прикладной лингвистики как более широкого направления. В. А. Звегинцев, обсуждая соотношение между теоретической и прикладной лингвистикой, писал, что «под прикладной лингвистикой чаще всего понимают все виды автоматической обработки речевой информации (*Language-data Processing*) — машинное распознавание устной речи, машинный перевод, автоматическую классификацию технических и иных документов, автоматическое аннотирование текстов, автоматическое кодирование и пр. И действительно, автоматическая обработка речевой информации составляет в настоящее время основную исследовательскую проблематику прикладной лингвистики (...). Но все же было бы неправильно замыкать прикладную лингвистику в пределах данной проблематики» [Звегинцев 1968, с. 24].

Широкий взгляд на область, охватываемую прикладной лингвистикой, приобретает все больше сторонников²⁾. Широта проблематики

1) Этим объясняются некоторые, на первый взгляд, странные названия английских и американских высших учебных заведений. Так, иод названием *School of Applied Languages* (институт в Г.Дублин, часть Дублинского городского университета) — дословно «школа прикладных языков» — фактически имеется в виду «институт иностранных языков».

2) Ср. характерное утверждение: «Исследовательское пространство, покрываемое термином "прикладная лингвистика", сегодня необычайно широко. О пестроте ее проблематики можно судить хотя бы по докладам, представляемым на международные конгрессы по прикладной лингвистике (...). К числу наиболее интенсивно развивающихся (...) областей [прикладной лингвистики] относятся: лингводидактика, лексикография, практическая стилистика, теория перевода, терминоведение, теория искусственных языков, прикладная риторика, теория массовой коммуникации, текстология, нормирование языка и языковое планирование, полевая лингвистика, теория письменности, методы лечения речевых расстройств и другие» [Городецкий 1983, с. 7].

объясняет удивительную способность прикладной лингвистики существенно увеличивать и активизировать «контакты лингвистики с самыми различными науками» [Городецкий 1983, с. 23]. Междисциплинарные исследования функционирования языка оказывают решающее влияние на лингвистическую теорию, способствуя обновлению концептуального аппарата современного языкознания.

В настоящее время прикладная лингвистика понимается широко — *как деятельность по приложению научных знаний об устройстве и функционировании языка в нелингвистических научных дисциплинах и в различных сферах практической деятельности человека, а также теоретическое осмысление такой деятельности.*

Последнее — широкое понимание — и стоит в центре настоящего вводного курса прикладной лингвистики.

§ 2. Круг задач прикладной лингвистики

Хотя возникновение прикладной лингвистики как автономной научной дисциплины относится к относительно недавнему прошлому (приблизительно к 20-м гг. XX в.), круг проблем, стоящий перед прикладной лингвистикой, нельзя считать совершенно новым для языкознания. Перед языкознанием практически с самого начала его существования встала задача **оптимизации** функций языка — будь то формирование и поддержание традиции чтения и понимания сакральных текстов (экзегетика и герменевтика) или обеспечение контактов между разными народами. В философии и лингвистической теории принято различать коммуникативную, эпистемическую и когнитивную функции языка, которые, конечно, далеко не однородны и, в свою очередь, разделяются на более мелкие функции. Так, коммуникативная функция включает в себя фатическую (контактоустанавливающую) и информационную (в

узком смысле) функции, функцию воздействия, социальную функцию (проявляющуюся в языковой политике). С точки зрения эпистемической функции языковая система предстает как способ хранения и передачи знаний (хранение знаний)³), а также как отражение специфически национального взгляда на мир — отражение национального самосознания. Согласно В. А. Звегинцеву, в рассматриваемой функции язык служит для дискретизации знаний и их объективизации [Звегинцев 1996, с. 195

3) Некоторые исследователи говорят в этом случае об «аккумулятивной» функции — см., например, [Аврорин 1975).

далее]. Когнитивная функция относится к той области жизни языка, которая связана с мышлением человека и с познанием действительности. С помощью языка знания интерпретируются, что приводит к порождению новых знаний (ср. понятие интерпретации знаний в [Звегинцев 1996]).

С функциональной точки зрения прикладная лингвистика может быть определена как *научная дисциплина, в которой изучаются и разрабатываются способы оптимизации функционирования языка*. Функции языка задают точки отсчета для классификации огромной области приложения лингвистических знаний. Оптимизацией коммуникативной функции занимаются такие дисциплины, как теория перевода, машинный перевод, теория и практика преподавания родного и неродного языка, теория и практика информационно-поисковых систем, создание информационных и, шире, искусственных языков, теория кодирования. Социальная функция языка — как часть коммуникативной — находит отражение в социолингвистике, в языковом планировании и языковой политике, в орфографии и орфоэпии, в теории воздействия, в политической лингвистике. Эпистемическая функция так или иначе проявляется в лексикографии (в том числе компьютерной), в терминологии и терминографии, в корпусной и полевой лингвистике. Оптимизация когнитивной функции сосредоточена в компьютерной лингвистике, в «лингвистической криминологии», в психолингвистике и афазиологии, в квантитативной лингвистике.

§3. Методы прикладной лингвистики

Разнообразие методов прикладной лингвистики вполне сопоставимо с разнообразием конкретных областей приложения знаний о языке: каждая конкретная прикладная дисциплина обладает своим уникальным набором методов. Например, квантитативная лингвистика в значительной мере опирается на методический инструментарий статистики, компьютерная лингвистика широко использует методы теории программирования и представления знаний, теория воздействия опирается на представление о значимом варьировании языковых структур. Тем не менее можно выделить нечто общее, характерное для метода прикладной лингвистики в целом. Эта общая часть хорошо видна при сравнении методов описательной, теоретической и прикладной лингвистики.

Перед описательной лингвистикой стоит задача описания фактов языка различных уровней. Иными словами — на первом плане стоит метод классификации, то есть выявления той сетки параметров, которая позволяет охватить все релевантные (в теории) свойства языковых структур. Теоретическая лингвистика формирует само представление о релевантности в концептуальных моделях языка. Концептуальные модели функционирования языка не просто описывают, а объясняют наблюдаемые факты, предсказывая, например, условия их появления.

Моделирование в теоретической лингвистике в своих существенных чертах соответствует идее моделирования в естественнонаучной сфере.

Метод моделирования используется в тех случаях, когда непосредственное изучение объекта моделирования в том или ином отношении затруднено — например, объект разрушается при непосредственном контакте или сам контакт затруднен. В этом случае объект моделирования предстает перед исследователем как своеобразный «черный ящик». Типичным объектом такого рода является мышление человека и язык во всех его проявлениях. Исходный пункт использования метода моделирования — представление о входной и выходной информации (в широком понимании), характеризующей функционирование объекта моделирования. Тем самым для создания модели чего-либо надо знать, как ведет себя объект моделирования в тех или иных условиях. Например, создание модели синтаксиса естественного языка опирается на факты возможности или невозможности осуществления тех или иных синтаксических трансформаций. Если созданная модель повторяет поведение объекта моделирования, то есть входная и выходная информация модели повторяет аналогичную информацию объекта моделирования, то модель функционирует хорошо, адекватно. Теория моделирования позволяет в этом случае перенести особенности устройства модели на сам объект. Это важное теоретическое положение, которое позволяет метод моделирования считать исследовательским методом.

Метод моделирования при всей его универсальности имеет определенные ограничения. Так, в [Апресян 1966, с. 79] отмечается, что моделировать можно только те свойства объекта, которые не определяются его физической природой. Иными словами, успешно моделируются только те характеристики, которые связаны со структурной организацией объекта. Моделирование неструктурных свойств в принципе возможно, однако затруднено перенесение особенностей организации модели на моделируемый объект. Обсуждая свойства лингвистических моделей, Ю. Д. Апресян обращает внимание на то, что модель всегда является идеализацией объекта моделирования, его огрублением. Одновременно она должна предсказывать поведение объекта и объяснять его [Апресян 1966, с. 81 и далее].

В теоретической лингвистике часто используются следующие типы моделей:

- компонентные модели или модели структуры (из чего сделан *X*);
- предсказывающие модели (предсказать поведение *X* в тех или иных

обстоятельствах);

- имитирующие модели (внешне вести себя как *X*);
- диахронические модели (как и почему меняется *X* с течением вре-

мени).

Разумеется, основания выделения лингвистических моделей могут быть и другими. Например И. И. Ревзин, опираясь на структурную традицию, выделяет анализирующие и синтезирующие лингвистические модели. Последние, в свою очередь, разделяются на собственно синтезирующие (от смысла к форме) и порождающие (от базовой формы к разнообразию небазовых форм) [Ревзин 1977, с. 17-28]. Ю.Д.Апресян по характеру объекта моделирования различает модели речевой деятельности (объект моделирования — конкретный языковой процесс или явление), модели исследовательской деятельности лингвиста (модели исследования) и метамодели (в качестве объекта моделирования выступает уже существующее лингвистическое описание) [Апресян 1966, с. 99-113]. Наиболее важными Ю. Д. Апресян считает модели, имитирующие речевую деятельность человека.

Существенно не многообразие моделей языка (было бы странно, если бы моделей было мало), а то, что и описательная, и теоретическая лингвистика в теоретическом моделировании исходят из эвристики «the God's truth» («Божественная Истина»). Иными словами, классификации языковых фактов и концептуальные модели теоретической лингвистики претендуют на описание того, как действительно устроен язык.

Прикладная лингвистика также использует и метод классификации и метод моделирования. Однако поскольку задачи прикладной лингвистики сосредоточены в области оптимизации функций языка, а оптимизация определяется конкретной задачей, то в приложениях языкознания используется познавательная установка, известная под несколько ироническим названием «Фокус-покус» (более уважительно можно было бы сказать «Инженерный подход»). Эта установка в качестве основной ценности выдвигает не познание того, «как все обстоит на самом деле», а решение конкретной задачи, в частном случае — удовлетворение требований «заказчика», преследующего свои собственные цели, часто очень далекие от канонов собственно лингвистических исследований. Это, впрочем, не означает, что результаты прикладных исследований не представляют никакой ценности для теории языка: напротив, прикладные модели оказывают значительное влияние на лингвистическую теорию, способствуя обновлению концептуального аппарата современного языкознания (см. главу 6 настоящего пособия).

Таким образом, важнейшим свойством методов прикладной лингвистики является **оптимизация**. Под оптимизацией понимается такое описание (модель) проблемной области, при котором эта область сохраняет в результирующем представлении только те существенные свойства, которые необходимы для данной практической задачи. Иными словами, если для теоретического исследования предполагается полное описание проблемной области со всеми ее сложностями и т. п., то прикладное оптимизированное описание должно быть удовлетворительным только для данной конкретной задачи⁴). Рассмотрим это на примере.

Возьмем категорию времени. Теоретический подход, в зависимости от выбранной концепции, будет требовать следующего.

4) Прикладная модель, конечно, может обладать такой описательной адекватностью и объяснительной силой, которая существенно превосходит требования, предъявляемые к данному прикладному исследованию, но в принципе этого не требуется.

1) Описательная лингвистика — описание грамматической категории времени (выделение грамем, морфологических способов выражения грамем, сочетаемость грамем категории времени с граммами других грамматических категорий), классификация лексики со значением временных отношений, классификация синтаксических конструкций.

2) Теоретическая лингвистика (в рамках уровневой модели языка) — семантика временных отношений → способы выражения на синтаксическом уровне; → способы выражения на лексическом уровне; → способы выражения на морфологическом уровне.

Прикладное описание будет выглядеть совершенно по-другому:

- составление технического задания (определяется заказчиком);
- анализ проблемной области (сколько типов временных отношений представлено в проблемной области и каковы формальные способы выражения темпоральных отношений в данном подязыке);

• формирование метаязыка, способов описания проблемной области, совместимых с другими привлекаемыми метаязыками;

• применение метаязыка → результирующее представление (модель) проблемной области;

• проверка результирующего представления (объяснительная и предсказывающая сила модели; компьютерная реализация или эксперимент).

Суммируя основные отличия прикладных моделей от теоретических и описательных, можно сказать, что прикладные модели в целом ориентированы на конкретные подязыки, а не на весь язык в целом; как правило, они требуют большей степени формализации; прикладные модели используют знания о языке выборочно; прикладные модели не делают различий между собственно лингвистическими и экстралингвистическими аспектами семантики языковых выражений; прикладные модели в существенно большей

степени огрубляют моделируемый объект, чем теоретические модели и, наконец, прикладные модели не налагают никаких сущностных ограничений на инструмент моделирования.

Задание. Предположим, что необходимо описать временные отношения в тексте инструкции к бытовым приборам для автоматизированной системы понимания текста. Эта система в результате понимания текста должна выявлять следующие временные отношения: *событие А одновременно с В, событие А после В, событие А до события В*. Результат работы системы понимания текста — семантическое представление, в котором отражается содержание событий и их последовательность в терминах заданных темпоральных отношений.

Как составить техническое задание? Как составить словарь выражений с темпоральной семантикой? Сформулируйте возможную структуру словарной статьи словаря. В самом общем виде определите основные параметры метаязыка описания и предложите свой вариант результирующего представления. Как задать систему правил перехода от текстов инструкций к результирующему представлению? Обратите внимание, есть ли в тексте инструкции метаграфематические маркеры темпоральных связей (гарнитура, шрифтовые выделения, абзацное выделение; специальные значки и пр.).

В качестве материала можно привлекать любые тексты инструкций к бытовым приборам, в которых есть отношения соответствующей семантики.

Основная литература

1. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966. С. 78-112.
2. Герд А. С. Предмет и основные направления прикладной лингвистики // Прикладное языкознание. СПб., 1996. С. 5-14.
3. Городецкий Б. Ю. Актуальные проблемы прикладной лингвистики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. М., 1983. С. 5—10, 12—17.
4. Звегинцев В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968. С. 22-35.
5. Кибрик А. Е. Прикладная лингвистика // Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992. С. 261-262.

Дополнительная литература

1. Слама-Казаку Т. Место прикладной лингвистики в системе наук: отношение ПЛ к «лингвистике» // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. М., 1983. С. 23-34.
2. Якобсон Р. Лингвистика в ее отношении к другим наукам // Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985. С. 369-420.

Глава 2 Оптимизация когнитивной функции языка

§ 1. Компьютерная лингвистика

1.1. Компьютерная лингвистика как прикладная лингвистическая дисциплина

Под термином «компьютерная лингвистика» (computational linguistics) обычно понимается широкая область использования компьютерных инструментов — программ, компьютерных технологий организации и обработки данных — для моделирования функционирования языка в тех или иных условиях, ситуациях, проблемных областях, а также сфера применения компьютерных моделей языка не только в лингвистике, но и в смежных с ней дисциплинах. Собственно, только в последнем случае речь идет о прикладной лингвистике в строгом смысле, поскольку компьютерное моделирование языка может рассматриваться и как сфера приложения теории программирования (computer science) в области лингвистики. Тем не менее общая практика такова, что сфера компьютерной лингвистики охватывает практически все, что связано с использованием компьютеров в языкознании: «Термин "компьютерная лингвистика" задает общую ориентацию на использование компьютеров для решения разнообразных научных и практических задач, связанных с языком, никак не ограничивая способы решения этих задач» [Городецкий 1989, с. 10].

В данном параграфе особое внимание уделяется компьютерным моделям отдельных фрагментов языковой системы, поскольку они позволяют расширить возможности использования языка как средства познания. Внимание к языку как средству познания объясняет возрастание роли концептуального аппарата теории знаний, возникшей в искусственном интеллекте и окончательно сформировавшейся в когнитивной науке (cognitive science), в теоретической и прикладной лингвистике.

Институциональный аспект компьютерной лингвистики. Как особое научное направление

компьютерная лингвистика¹⁾ оформилась в 60-е гг. Поток публикаций в этой области очень велик. Кроме тематических

1) Русский термин «компьютерная лингвистика» является калькой с соответствующего английского термина *computational linguistics*. Поскольку прилагательное *computational* по-русски может переводиться как «вычислительный», в литературе встречается также термин «вычислительная лингвистика», однако по-русски он приобретает более узкое значение, почти приближающееся к «квантитативной лингвистике». В [Городецкий 1989, с. 10] отмечается: «Термин (...) "вычислительная лингвистика" может пониматься более узко, ибо даже при широкой трактовке понятия "вычисление" за его пределами как бы остаются такие стороны решения лингвистических задач, как, например, представление знаний, организация банков языковых данных (...). Тем самым можно считать, что термин "компьютерная лингвистика" (по своей внутренней форме) шире, чем "вычислительная лингвистика"».

сборников, в США ежеквартально выходит журнал «Компьютерная лингвистика». Большую организационную и научную работу проводит Ассоциация по компьютерной лингвистике, которая имеет региональные структуры по всему миру (в частности, европейское отделение). Каждые два года проходят международные конференции по компьютерной лингвистике — КОЛИНГ. Соответствующая проблематика широко представлена также на международных конференциях по искусственному интеллекту разных уровней.

1.2. Когнитивный инструментарий компьютерной лингвистики

Компьютерная лингвистика как особая прикладная дисциплина выделяется прежде всего по инструменту — то есть по использованию компьютерных средств обработки языковых данных. Поскольку компьютерные программы, моделирующие те или иные аспекты функционирования языка, могут использовать самые разные средства программирования, то об общем метаязыке говорить вроде бы не приходится. Однако это не так. Существуют общие принципы компьютерного моделирования мышления, которые так или иначе реализуются в любой компьютерной модели. В основе этого языка лежит теория знаний, разработанная в искусственном интеллекте и образующая важный раздел когнитивной науки.

Основной тезис теории знаний гласит, что мышление — это процесс обработки и порождения знаний. «Знания» или «знание» считается неопределяемой категорией. В качестве «процессора», обрабатывающего знания, выступает когнитивная система человека. В эпистемологии и когнитивной науке различают два основных вида знаний — декларативные («знание что») и процедурные («знание как»²⁾). **Декларативные знания** представляются обычно в виде совокупности пропозиций, утверждений о чем-либо. Типичным примером декларативных знаний можно считать толкования слов в обычных толковых словарях. Например, *чашка*] — 'небольшой сосуд для питья округлой формы, обычно с ручкой, из фарфора, фаянса и т. п.' [МАС]. Декларативные знания поддаются процедуре верификации в терминах «истина—ложь». **Процедурные знания** представляются как последовательность (список) операций, действий, которые следует выполнить. Это некоторая общая инструкция о действиях в некоторой ситуации. Характерный пример процедурных знаний — инструкции по пользованию бытовыми приборами. Ср. текст инструкции о настройке видеосигнала для видеоманитрона:

1) Выберите видеоканал. 2) Включите выключатель «Проверочный канал». 3) Установите переключатель «Система» в «I» положение. 4) Отрегулируйте ТВ канал таким образом, чтобы настроечная сетка была четко видна.

2) Разграничение между «знанием что» и «знанием как» восходит к Райлу [Ryle 1949]

В отличие от декларативных знаний, процедурные знания невозможно верифицировать как истинные или ложные. Их можно оценивать только по успешности—неуспешности алгоритма.

Большинство понятий когнитивного инструментария компьютерной лингвистики омонимично: они одновременно обозначают некоторые реальные сущности когнитивной системы человека и способы представления этих сущностей на некоторых метаязыках. Иными словами, элементы метаязыка имеют онтологический и инструментальный аспект. **Онтологически** разделение декларативных и процедурных знаний соответствует различным типам знаний когнитивной системы человека. Так, знания о конкретных предметах, объектах действительности преимущественно декларативны, а функциональные способности человека к хождению, бегу, вождению машины реализуются в когнитивной системе как процедурные знания. Т. Виноград в связи с этим отмечает: «Очевидно, что многое из того, что мы знаем, лучше представляется процедурно; такое знание интерпретировать чисто декларативно трудно. Если мы хотим, чтобы робот действовал в относительной простой среде (такой, например, как игровые кубики), то мы сделаем это наиболее естественно, описав его манипуляции как программы» [Winograd 1975, p. 189]. **Инструментально** знание (как онтологически процедурное, так и декларативное) можно представить как совокупность дескрипций, описаний и как алгоритм, инструкцию. Иными словами, онтологически декларативное знание об объекте действительности «стол» можно представить процедурно как совокупность инструкций, алгоритмов по его созданию, сборке (= **креативный аспект** процедурного знания) или как алгоритм его типичного использования (= **функциональный аспект** процедурного знания). В первом случае это может быть руководство для начинающего столяра, а во втором — описание возможностей офисного стола. Верно и обратное: онтологически процедурное знание можно представить декларативно.

Требует отдельного обсуждения, всякое ли онтологически декларативное знание представимо как процедурное, а всякое онтологически процедурное — как декларативное. Исследователи сходятся в том, что всякое декларативное знание в принципе можно представить процедурно, хотя это может оказаться для

когнитивной системы очень неэкономным. Обратное вряд ли справедливо. Дело в том, что декларативное знание существенно более эксплицитно, оно легче осознается человеком, чем процедурное. В противоположность декларативному знанию, процедурное знание преимущественно имплицитно. Так, языковая способность, будучи процедурным знанием, скрыта от человека, не осознается им. Попытка эксплицитировать механизмы функционирования языка приводит к дисфункции. Специалистам в области лексической семантики известно, например, что длительная семантическая интроспекция, необходимая для изучения плана содержания слова, приводит к тому, что исследователь частично теряет способность к различению правильных и неправильных употреблений анализируемого слова. Можно привести и другие примеры. Известно, что с точки зрения механики тело человека является сложнейшей системой двух взаимодействующих маятников. Представьте себе человека, который внимательно анализирует каждое свое движение в процессе ходьбы — далеко ли он уйдет? В одном из фантастических рассказов описывается вполне правдоподобная трагикомическая ситуация: герой рассказа, обладавший способностью летать, полностью теряет ее после того, как группа высокообразованных научных консультантов начинает изучать, как он это делает. Иными словами, экспликация имплицитного процедурного знания часто приводит к его разрушению. Тем самым возникает вопрос о возможности декларативного представления любого процедурного знания.

В теории знаний для изучения и представления знания используются различные структуры знаний — фреймы, сценарии, планы. Согласно М. Минскому, «фрейм — это структура данных, предназначенная для представления стереотипной ситуации» [Минский 1978, с. 254]. Более развернуто можно сказать, что **фрейм** является концептуальной структурой для декларативного представления знаний о типизированной тематически единой ситуации, содержащей слоты, связанные между собой определенными семантическими отношениями. В целях наглядности фрейм часто представляют в виде таблицы, строки которой образуют слоты. Каждый слот имеет свое имя и содержание (см. табл. 1).

Таблица 1

Фрагмент фрейма «стол» в табличном представлении

Имя слота	Содержание слота
количество ножек	четыре, возможно больше, минимум три
материал	дерево, пластмасса, стекло
поверхность	прямоугольник, овал, круг, квадрат
наличие тумб	факультативно
функции	обеденный, журнальный, рабочий и пр.
и т.д.	

В зависимости от конкретной задачи структуризация фрейма может быть существенно более сложной; фрейм может включать вложенные подфреймы и отсылки к другим фреймам.

Вместо таблицы часто используется предикатная форма представления. В этом случае фрейм имеет форму предиката или функции с аргументами. Существуют и другие способы представления фрейма. Например, он может представляться в виде кортежа следующего вида:

{(имя фрейма) (имя слота), ..., (имя слота_n) (значение слота_n)}.

Обычно такой вид имеют фреймы в языках представления знаний. Так, в базе данных по кадрам фреймы представляются как последовательность свойств служащего:

{(СОТРУДНИК) (ФАМИЛИЯ) (Петров), (ДОЛЖНОСТЬ) (истопник), (ВОЗРАСТ) (32)...}.

Как и другие когнитивные категории компьютерной лингвистики, понятие фрейма омонимично. Онтологически — это часть когнитивной системы человека, и в этом смысле фрейм можно сопоставить с такими понятиями как гештальт, прототип, стереотип, схема. В когнитивной психологии эти категории рассматриваются именно с онтологической точки зрения. Так, Д. Норман различает два основных способа бытования и организации знаний в когнитивной системе человека — семантические сети и схемы. «Схемы, — пишет он, — представляют собой организованные пакеты знания, собранные для репрезентации отдельных самостоятельных единиц знания. Моя схема для Сэма может содержать информацию, описывающую его физические особенности, его активность и индивидуальные черты. Эта схема соотносится с другими схемами, которые описывают иные его стороны» [Норман 1998, с. 359]. Если же брать инструментальную сторону категории фрейма, то это структура для декларативного представления знаний. В имеющихся системах ИИ фреймы могут образовывать сложные структуры знаний; системы фреймов допускают иерархию — один фрейм может быть частью другого фрейма.

По содержанию понятие фрейма очень близко категории толкования. Действительно, слот — аналог валентности, заполнение слота — аналог актанта. Основное отличие между ними заключается в том, что толкование содержит только лингвистически релевантную информацию о плане содержания слова, а фрейм, во-первых, не обязательно привязан к слову, и, во-вторых, включает всю релевантную для данной проблемной ситуации информацию, в том числе и экстралингвистическую (знания о мире)³.

Сценарий представляет собой концептуальную структуру для процедурного представления знаний о стереотипной ситуации или стереотипном поведении. Элементами сценария являются шаги алгоритма или инструкции. Обычно говорят о «сценарии посещения ресторана», «сценарии покупки» и т.п. Характерный пример приводится в [Норман 1998, с. 361]: «Посмотрим, каким может быть в общих чертах сценарий

поведения в ресторане. Вы входите в ресторан и находите свободный столик — иногда сами, а иногда ждете, чтобы вам его указали. Садитесь и ждете.

3) Интересно, что Ч. Филлмор, обсуждая различия между категориями сцены, фрейма, схемы, шаблона, сценария, прототипа и т.п., связывает с фреймом лингвистически обусловленные характеристики структуры знаний: «Мы можем употреблять термин *фрейм*, когда имеем в виду специфическое лексико-грамматическое обеспечение, которым располагает данный язык для наименования и описания категорий и отношений, обнаруженных в схемах» [Филлмор 1983, с. 110].

Через некоторое время подходит официант и подает вам меню (а в Соединенных Штатах также стакан воды). Официант уходит, потом возвращается, чтобы принять заказ. Немного погодя он приносит кушанья, и вы едите. Затем официант вручает вам счет, и вы платите или ему самому, или в кассу. Оставляете чаевые, даже если еда вам не понравилась». Из приведенного описания посещения ресторана видно, что сценарные знания тесно связаны с определенной культурой. Норман сам отмечает специфическую особенность американских ресторанов, в которых официант вместе с меню приносит клиенту стакан воды. Для российской традиции нетривиальным оказывается и оплата счета в кассу, а не официанту. Процедурные знания в большей степени связаны с культурной традицией, чем декларативные. Это, по-видимому, объясняется тем, что процедурное знание, как правило, описывает поведение, которое более социологизировано, чем представление об абстрактных категориях типа движения, времени, пространства и пр. Последние более универсальны, чем способы принятия пищи, освященные традицией ритуалы выбора спутника/спутницы жизни, представления о карьере и успехе. Впрочем, многие декларативные знания прямо зависят от обучения и опыта взаимодействия с окружающим миром.

Изначально фрейм также использовался для процедурного представления (ср. термин «процедурный фрейм»), однако сейчас в этом смысле чаще употребляется термин «сценарий». Сценарий можно представить не только в виде алгоритма, но и в виде сети, вершинам которой соответствуют некоторые ситуации, а дугам — связи между ситуациями. Наряду с понятием сценария, некоторые исследователи привлекают для компьютерного моделирования интеллекта категорию скрипта. По Р. Шенку, скрипт — это некоторая общепринятая, общеизвестная последовательность причинных связей [Schank 1981]. Например, понимание диалога

— *На улице льет как из ведра.*

— *Все равно придется выходить в магазин: в доме есть нечего — вчера гости все подмели.*

основывается на неэксплицированных семантических связях типа 'если идет дождь, на улицу выходить нежелательно, поскольку можно заболеть'. Эти связи формируют скрипт, который и используется носителями языка для понимания речевого и неречевого поведения друг друга.

В результате применения сценария к конкретной проблемной ситуации формируется **план**⁴). План используется для процедурного представления знаний о возможных действиях, ведущих к достижению определенной цели. План соотносит цель с последовательностью действий.

4) Термин «план» используется в когнитивных науках и искусственном интеллекте в самых разнообразных значениях. Например, под планом может пониматься мысленная репрезентация некоторого действия, которое выполняется в отношении некоторого объекта [Солсо 1996]. В других случаях план связывается с мотивами и намерениями участников [Schank 1981]. Здесь обсуждается только одно из наиболее распространенных пониманий.

В общем случае план включает последовательность процедур, переводящих начальное состояние системы в конечное и ведущих к достижению определенной подцели и цели. В системах ИИ план возникает в результате планирования или планирующей деятельности соответствующего модуля — модуля планирования. В основе процесса планирования может лежать адаптация данных одного или нескольких сценариев, активизированных тестирующими процедурами, для разрешения проблемной ситуации. Выполнение плана производится исполнительным модулем, управляющим когнитивными процедурами и физическими действиями системы. В элементарном случае план в интеллектуальной системе представляет собой простую последовательность операций; в более сложных версиях план связывается с конкретным субъектом, его ресурсами, возможностями, целями, с подробной информацией о проблемной ситуации и т. д. Возникновение плана происходит в процессе коммуникации между моделью мира, часть которой образуют сценарии, планирующим модулем и исполнительным модулем.

В отличие от сценария, план связан с конкретной ситуацией, конкретным исполнителем и преследует достижение определенной цели. Выбор плана регулируется ресурсами исполнителя. Выполнимость плана — обязательное условие его порождения в когнитивной системе, а к сценарию характеристика выполнимости неприменима.

Еще одно важное понятие — модель мира. Под **моделью мира** обычно понимается совокупность определенным образом организованных знаний о мире, свойственных когнитивной системе или ее компьютерной модели. В несколько более общем виде о модели мира говорят как о части когнитивной системы, хранящей знания об устройстве мира, его закономерностях и пр. В другом понимании модель мира связывается с результатами понимания текста или — более широко — дискурса. В процессе понимания дискурса строится его ментальная модель, которая является результатом взаимодействия плана содержания текста и знаний о мире, свойственных данному субъекту [Джонсон-Лэрд 1988, с. 237 и далее]. Первое и второе понимание часто объединяются. Это типично для исследователей-лингвистов, работающих в рамках когнитивной лингвистики и когнитивной науки. Ср. характерное высказывание Ч. Филлмора: «{...} мы можем использовать термин *модель*, когда разумею точку зрения конкретного человека на мир или то

представление о мире, которое строит интерпретатор в процессе интерпретации текста» [Филлмор 1983, с. 110]. В системах ИИ модель мира является особым блоком, в который в зависимости от выбранной архитектуры могут входить общие знания о мире (в виде простых пропозиций типа «зимой холодно») или в виде правил продукций («если на улице идет дождь, то надо надеть плащ или взять зонтик»), некоторые специфические факты («Самая высокая вершина в мире — Эверест»), а также ценности и их иерархии, иногда выделяемые в особый «аксиологический блок». В процессе анализа проблемной ситуации из поступивших данных и имеющейся в модели мира информации строится модель актуальной ситуации, которая используется в моделировании различных когнитивных процессов: принятия решений, аргументации, практического рассуждения, понимания естественных языковых текстов и диалога на естественном языке. В модели диалога происходит многоэтапная рефлексия моделей мира участников ситуации общения. В различных формализмах модель мира может иметь различную структуру: предикатную, сетевую, фреймовую и др.

Тесно связано с категорией фрейма понятие сцены. Категория сцены преимущественно используется в литературе как обозначение концептуальной структуры для декларативного представления актуализованных в речевом акте и выделенных языковыми средствами (лексемами, синтаксическими конструкциями, грамматическими категориями и пр.) ситуаций и их частей⁵). Будучи связана с языковыми формами, сцена часто актуализуется определенным словом или выражением. В грамматиках сюжетов (см. ниже) сцена предстает как часть эпизода или повествования. Характерные примеры сцен — совокупность кубиков, с которыми работает система ИИ, место действия в рассказе и участники действия и т.д. В искусственном интеллекте сцены используются в системах распознавания образов, а также в программах, ориентированных на исследование (анализ, описание) проблемных ситуаций. Понятие сцены получило широкое распространение в теоретической лингвистике, а также логике, в частности в ситуационной семантике, в которой значение лексической единицы непосредственно связывается со сценой.

1.3. Некоторые направления компьютерной лингвистики

Обратимся к тем областям компьютерной лингвистики, которые непосредственно связаны с оптимизацией когнитивной функции языка. Ниже в качестве примера рассматриваются три сферы компьютерного моделирования, в которых используются знания о функционировании языковой системы: **моделирование общения, моделирование структуры сюжета и гипертекстовые технологии представления текста**. Использование компьютерного моделирования языковых феноменов для оптимизации других функций языковой системы рассматривается в других главах настоящего пособия. Проблематика машинного перевода и систем обработки естественного языка обсуждается в главе 4, а компьютерная поддержка лексикографических работ (компьютерная лексикография) — в главе 3.

1.3.1. Моделирование общения. В узком смысле проблематика компьютерной лингвистики часто связывается с моделированием общения, в частности, с обеспечением общения человека с ЭВМ на естественном или ограниченном естественном языке. Это относится к оптимизации

⁵ Ср., однако, несколько иная трактовка этого понятия Ч. Филлмором: «Мы можем использовать термин *сцена*, когда имеются в виду почерпнутые из реального мира опытные данные, действия, объекты, восприятия, а также индивидуальные воспоминания обо всем этом» [Филлмор 1983, с. ПО].

языка как средства общения (см. главу 4). Впрочем, компьютерные модели общения часто используются для изучения самого процесса общения. Остановимся подробнее на опыте создания и использования именно таких моделей.

Изучение уже накопившегося опыта эксплуатации компьютерных систем, требовавших обеспечения взаимодействия с ЭВМ на естественном языке, позволило исследователям по-новому взглянуть на функции и структуру естественной коммуникации. В центр внимания попали вопросы, которые ранее были на периферии теории диалога, дискурс-анализа и теории коммуникации. Что обеспечивает естественность общения? Каковы условия связности беседы? Когда общение оказывается успешным? В каких случаях возникают коммуникативные неудачи и можно ли их избежать? Какие стратегии общения используют участники коммуникативного взаимодействия при достижении своих коммуникативных целей? Это далеко не исчерпывающий список теоретических проблем, обнаружившихся в связи с функционированием компьютерных моделей общения.

Одной из наиболее интересных компьютерных моделей диалога, вызвавшей оживленные теоретические дискуссии, была программа Джозефа Вейценбаума «Элиза»⁶), первый вариант которой появился в 1966 г. Изначально «Элиза» создавалась как игрушка, как учебный образец программы-имитатора, целью которой является не моделирование мышления в точном смысле, а моделирование речевого поведения. Программа поддерживала разговор с собеседником в реальном масштабе времени, однако при ее разработке были использованы ограниченные программистские ресурсы, лингвистический анализ и синтез также были сведены к минимуму. Тем не менее программа функционировала столь успешно, что фактически опровергла известный тест Тьюринга на создание искусственного интеллекта. Как известно, Тьюринг вместо софистицированно-го обсуждения философского вопроса о том, может ли

машина мыслить, предложил игровую задачу следующего типа. Пусть есть три участника: мужчина *А*, женщина *В* и спрашивающий *С*. Спрашивающий не знает, кто мужчина, а кто — женщина. Задавая вопросы участникам игры, *С* должен попытаться определить, кто является мужчиной, а кто — женщиной, при этом участник *А* пытается мистифицировать спрашивающего, выдавая ему не ложную, но искаженную информацию, а участник *В* — наоборот, стремится помочь *С*. Понятно, что общение происходит не напрямую, а через телетайп или с помощью записок, отпечатанных на пишущей машинке. Что произойдет, если в качестве *А* будет выступать система ИИ? Будет ли спрашивающий ошибаться столь же часто? [Turing 1950, p. 434]. Более простой вариант этого теста сводится к тому, что несколько участников беседуют с некоторым другим участником *Х*. Проблема построения

6) Имя для программы было выбрано Вейценбаумом не случайно: в пьесе Б. Шоу «Пигмалион» профессор Хиггинс учит Элизу Дулитл говорить на литературном английском

искусственного интеллекта решена, если большинство участников не сможет установить, с кем они беседуют — с человеком или машиной.

Программа «Элиза» была использована группой исследователей во главе с М. Макгайром для изучения структуры диалога и особенностей естественной языковой коммуникации [McGuire 1971]. В проводившемся эксперименте с «Элизой» беседовали в течение часа 24 испытуемых. Общение происходило с помощью телетайпа. За время беседы каждый участник ввел от 10 до 65 реплик и получил на них ответы. По окончании 15 участников (62 %) были уверены, что им отвечал человек, 5 испытуемых (21 %) обнаружили определенные колебания и лишь четверо участников (17%) были абсолютно уверены, что общались с ЭВМ. С лингвистической точки зрения алгоритмы программы «Элиза» включают минимум лингвистической информации. Во-первых, это комплекс ключевых слов, которые актуализуют некоторые устойчивые коммуникативные формулы (шаблоны), во-вторых, способность относительно несложно трансформировать предшествующее высказывание. Например, программа в состоянии переделать предшествующее утверждение в общий вопрос. В одном из вариантов программы «Элиза» перевоплощается в доктора-психиатра, ср. фрагмент диалога с программой «Доктор»⁷):

Доктор. Говорите!

Пациент. Меня волнует погода.

Доктор. Как давно вас волнует погода?

Пациент. С тех пор, как умерла моя мать.

Доктор. Расскажите больше о вашей семье.

Пациент. Они все в области компьютеров.

Доктор. Машины пугают вас.

Пациент. Нет.

Доктор. Пожалуйста, не будьте столь кратки.

Пациент. Извините.

Доктор. Вы говорили о вашей матери.

По внешним характеристикам перед нами предстает совершенно нормальная беседа врача с пациентом. Между тем даже поверхностный анализ показывает, что программа «Доктор» не понимает собеседника в точном смысле: она не имеет своей модели мира, не строит в ней отображение представлений/знаний собеседника, не модифицирует модель мира с каждым новым высказыванием, не накапливает информацию, хотя у нее есть некоторые аналоги кратковременной и долговременной памяти. Например, она способна выделить упоминание термина *мать* и в последующем вставить этот терм в шаблон «Вы говорили об *Х*», который представляет собой косвенно-инициирующую реплику (косвенный вопрос). По приведенному фрагменту видно, что программа содержит также шаблоны «Как давно *Х*!», «Расскажите больше об *Х*», «Пожалуйста, не будьте столь кратки», побуждающие адресата продолжить общение.

⁷Пример приводится из [Уинстон 1980, с. 391, 393].

Интересно, что существенная тематическая ограниченность коммуникации и значительное количество ошибок и неточностей в ответе (порядка 19% неточных или выпадающих из контекста реплик «Элизы» в упоминавшемся эксперименте М. Макгайра), не помешали испытуемым признать партнера по коммуникации человеком. Дело здесь совсем не в патологической глупости испытуемых. Это проявление важнейшей особенности коммуникации на естественном языке: **естественноязыковой дискурс очень терпим по отношению к сбоям и ошибкам — он избыточен и помехоустойчив**. Реплики «Элизы», выпадавшие из нормального общения, испытуемые легко объясняли обычными сбоями в понимании своей предшествующей реплики, не вполне нормальными условиями общения, шутливым настроением партнера. Устойчивость естественного дискурса объясняется также способностями человека к интерпретации речевых действий: человек, принимающий роль участника диалога, ведет себя соответствующим образом. Имея установку на общение, он стремится включать в коммуникацию все то, что по форме напоминает речевой акт, реплику. Иными словами, он склонен наделять смыслом то, что часто смысла не имеет. В этом случае испытуемые сами порождают смысл диалога, сами обеспечивают его связность, сами приписывают партнеру коммуникативные интенции.

Второй важный вывод эксперимента: испытуемые довольно быстро принимали решение о том, кто перед ними — компьютер или человек. 22 участника из 24 уяснили для себя ситуацию не более, чем за пять обменов репликами, и далее не меняли своего решения. Определение ролей в коммуникации относится к

метауровню общения, поскольку это составляет одну из предпосылок успешной коммуникации, предохраняющей общение от многочисленных коммуникативных неудач. Обращение к метауровню немедленно прекращает нормальный диалог, переводя его, например, в брутальную область, ср. характерный пример из «Золотого тельца» И. Ильфа и Е. Петрова:

У Балаганова сразу сделалось мокрое, как бы сварившееся на солнце, лицо.

— Зачем же мы работали? — сказал он, отдуваясь. — Так нельзя. Это... объясните.

— Вам, — вежливо сказал Остап, — любимому сыну лейтенанта, я могу повторить только то, что я говорил в Арбатове. Я чту Уголовный кодекс. Я не налетчик, а идейный борец за денежные знаки. (...)

— Зачем же вы послали нас? — спросил Балаганов, остывая. — Мы старались...

— Иными словами, вы хотите спросить, известно ли достопочтенному командору, с какой целью он предпринял последнюю операцию? На это отвечаю — да, известно. Дело в том...

В эту минуту в углу потух золотой зуб. Паниковский развернулся, опустил голову и с криком: «А ты кто такой?» — вне себя бросился на Остапа. Не переменяя позы и даже не повернув головы, великий комбинатор толчком каучукового кулака вернул взбесившегося нарушителя конвенции на прежнее место (...).

Реплика Паниковского *А ты кто такой?* в данном контексте является вовсе не требованием информации, а маркером перехода на метауровень общения — она связана с выяснением роли, статуса Остапа Бендера в микросоциуме (образующем коммуникативную группу) Остапа и его коллег-подельщиков. Разумеется, переход на метауровень общения не обязательно связан с физическим конфликтом. Реплики представления (самопредставления) типа *Разрешите представиться*, приветствия и прощания также относятся к метакоммуникации. Многие институциональные процедуры типа заседания суда, защиты диссертации включают значительный метакоммуникативный компонент, выполнение которого формально необходимо для успешности процедуры. Так, проведение судебного заседания предполагает обязательное выяснение того, является ли ответчик «надлежащим» ответчиком, то есть тем лицом, которому действительно можно предъявлять какие-то претензии.

Понятно, что определение ролей участников во многом определяет выбор стратегии коммуникативного поведения. Действительно, лучше сразу определить, с кем мы разговариваем по телефону — с давним другом или чиновником налоговой инспекции. Выяснение того, кем является собеседник — машиной или человеком, также относится к метауровню общения, и испытуемые старались установить ролевые характеристики партнера как можно раньше.

Это свойство естественной языковой коммуникации можно назвать **принципом приоритета метакоммуникативных параметров** ситуации общения.

Третье важное следствие из эксперимента М. Макгайра связано с **существованием различных типов коммуникативного взаимодействия между людьми**. Успешное взаимодействие между человеком и программой типа «Элиза» возможно только в ситуации, когда происходит так называемое «ассоциативное общение», при котором реплики диалога связаны не столько логическими отношениями типа «причина-следствие», «посылка—заключение», а ассоциациями. Ассоциативное общение не имеет конкретной направленности; само поддержание беседы может служить ее оправданием. Собеседники не преследуют цели решить какую-то проблему или выработать единую точку зрения на какой-то вопрос. В классификации Р. Якобсона для коммуникации такого типа предложен термин «фатическое общение» [Якобсон 1975]. Заметим, что беседа врача-психиатра с пациентом по форме также имеет вид фатического общения, хотя и преследует вполне определенные цели сбора данных о заболевании пациента и последующем вербальном и невербальном воздействии на его психику для достижения лечебного эффекта. «Элиза» не смогла бы успешно имитировать общение в коммуникативной ситуации, названной М. Макгайром «решение задач», поскольку она не способна понять проблемную ситуацию, то есть построить модель мира дискурса, определить альтернативы выхода из проблемы, выбрать одну из альтернатив и т. д. Одна из типичных стратегий «ухода от непонимания», реализованная в программе «Элиза» — смена темы беседы. Очевидно, что такая стратегия ведения беседы вряд ли приведет к успеху при совместном поиске решения проблемы.

Наконец, четвертый вывод можно сформулировать как **неуниверсальность правил коммуникативного взаимодействия**. Он касается самих закономерностей общения на естественном языке. Каждый тип коммуникации обслуживается своим набором относительно простых правил, обеспечивающих связность дискурса, его осмысленность для участников. Типология видов общения задается соответствующими наборами правил. Из экспериментов М. Макгайра с программой «Элиза» следует, что кроме ассоциативного (= фатического) способа общения, выделяется еще «решение задач», «задавание вопросов» и «уточнение понимания». С лингвистической точки зрения эти типы, скорее всего, неоднородны, пересекаются и даже находятся на разных уровнях дискурса. Так, «уточнение понимания» относится к метауровню коммуникации, «задавание вопросов» может быть частью стратегии «решение задач» и «уточнения понимания» и т. д. Существенно, что компьютерный эксперимент с программой, моделирующей поведение участника коммуникации, позволяет экспериментально подтвердить или опровергнуть многие положения теории диалога, разработанные как в лингвистике, так и в смежных дисциплинах — в дискурс-анализе, теории коммуникации, психологии и социологии общения.

1.3.2. Моделирование структуры сюжета.

Изучение структуры сюжета относится к проблематике структурного литературоведения (в широком смысле), психологии творчества и культурологии. Имеющиеся компьютерные программы моделирования сюжета основываются на трех базовых формализмах представления сюжета — морфологическом и синтаксическом направлениях представления сюжета, а также на когнитивном подходе.

«**Морфология**» сюжета. Идеи о морфологическом устройстве структуры сюжета восходят к известным работам В. Я. Проппа о русской волшебной сказке [Пропп 1928; Пропп 1986]. Пропп заметил, что при обилии персонажей и событий волшебной сказки количество функций персонажей ограничено: «Постоянными, устойчивыми элементами сказки служат функции действующих лиц, независимо от того, кем и как они выполняются. Они образуют основные составные части сказки» [Пропп 1928, с. 31]. К числу базовых относятся, например, следующие функции:

- отлучение персонажа сказки из дома;
- запрет герою на действие;
- нарушение запрета;
- получение вредителем информации о жертве;
- обман жертвы вредителем;
- невольное пособничество жертвы вредителю и т. д.

Идеи Проппа легли в основу компьютерной программы TALE, моделирующей порождение сюжета сказки [Гааза-Рапопорт, Пospelов, Семенова 1980]. В основу алгоритма программы TALE положена последовательность функций персонажей сказки. Фактически функции Проппа задавали множество типизированных ситуаций, упорядоченных на основе анализа эмпирического материала. Возможности сцепления различных ситуаций в правилах порождения определялись типичной последовательностью функций — в том виде, в котором это удается установить из текстов сказок. В программе типичные последовательности функций описывались как типовые сценарии встреч персонажей.

В дальнейшем система была усложнена за счет введения модели мира сказки, география которого состоит из обычного мира, промежуточного (среднего) мира и иного мира [Гааза-Рапопорт, Пospelов, Семенова 1984]. Каждый мир состоит из локусов, связанных между собой определенными отношениями. Отношения связывают не только локусы внутри каждого мира, но и локусы различных миров. Обычный мир состоит из следующих локусов: место проживания героя (локус 1), место получения задания (локус Г), место дарения волшебных предметов, помогающих выполнить задание. Первый локус и локус штрих часто совпадают (ср. сказки о Падчерице и злой Мачехе). К обычному миру относятся также локусы 3 (их может быть много), в которых преодолеваются препятствия с помощью волшебных предметов. Количество препятствий, как правило, совпадает с количеством волшебных предметов. После преодоления препятствий герой оказывается в промежуточном мире, стражем которого является Баба-Яга. Средний мир отделяет мир героев от мира антигероев. Функции Бабы-Яги различаются — она может выступать как дарительница информации или очередного волшебного средства, а может выступать на стороне антигероев (например, при акценте на людоедском поведении Бабы-Яги). Иной мир включает место обитания антигероя (локус 5), место битвы между героем и антигероем (локус 6) и, наконец, локус 7 — место награды или цели, которой добивается герой. Локусы связаны отношениями перехода, которые представляют возможные последовательности развертывания сюжета.

Модифицированная версия программы TALE имеет следующую блок-схему [Гааза-Рапопорт, Пospelов, Семенова 1984, с. 52]:

Блок-схема программы TALE

Работа программы начинается с первого блока, в котором выбирается тип сюжета сказки и ее персонажи. Здесь же формируется экспозиция сказки (setting). Во втором блоке хранятся описания, связанные с персонажами, а в четвертом — постоянные характеристики персонажей. Описания даются во фреймподобных структурах представления знаний. С помощью второго и третьего блоков формируются

мотивы и поступки персонажей. Третий блок задает последовательность движения персонажей по локусам. В последнем (шестом) блоке происходит сборка порожденных фрагментов сказки.

Блок-схема модифицированного варианта программы TALE показывает, что чисто «морфологического» подхода к структуре сюжета сказки явно недостаточно. «Морфемы» сказочного сюжета должны не только определенным образом сочетаться между собой, но и иметь специфические ограничения на сочетаемость. Фиксация одного типичного порядка следования функций персонажей волшебной сказки существенно ограничивает имеющиеся возможности сочетаемости. Более адекватное решение этой проблемы дает синтаксический подход к структуре сюжета.

«Синтаксис» сюжета. Теоретическую основу синтаксического подхода к сюжету текста составили «сюжетные грамматики» (story grammars). Сюжетные грамматики появились в середине 70-х гг. в результате переноса идей порождающей грамматики Н. Хомского на описание макроструктуры текста. Если важнейшими составляющими синтаксической структуры в порождающей грамматике были глагольные и именные группы, то в большинстве сюжетных грамматик в качестве базовых выделялись экспозиция (setting), событие и эпизод. В теории сюжетных грамматик широко обсуждались условия минимальности: ограничения, определявшие статус последовательности из элементов сюжета как нормальный сюжет. Оказалось, однако, что чисто лингвистическими методами это сделать невозможно. Многие ограничения носят социокультурный характер. Сюжетные грамматики, существенно различаясь набором категорий в дереве порождения, допускали весьма ограниченный набор правил модификации нарративной структуры. В подавляющем большинстве случаев эти правила заимствованы из той же порождающей грамматики. Потенциал варьирования структуры сюжета обеспечивается в первую очередь трансформациями передвижения и опущения. Например, текст признания преступника, фиксирующий реальную последовательность развертывания событий в преступлении, можно с помощью перестановок и опущений преобразовать в детективный сюжет:

{преступник → замысел → орудие убийства → место → убийство → обнаружение трупа → поиски преступника} → {обнаружение трупа → обнаружение орудия убийства → поиски преступника}.

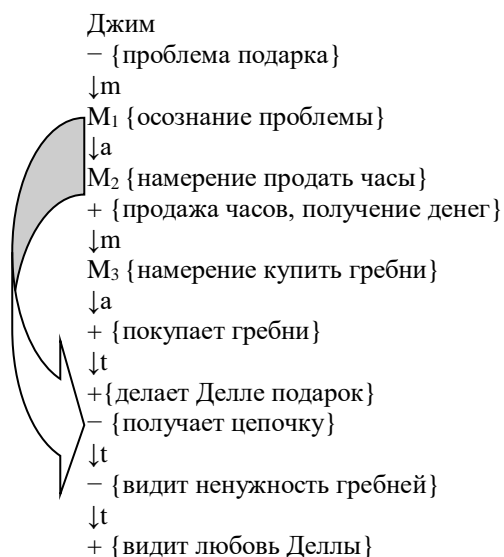
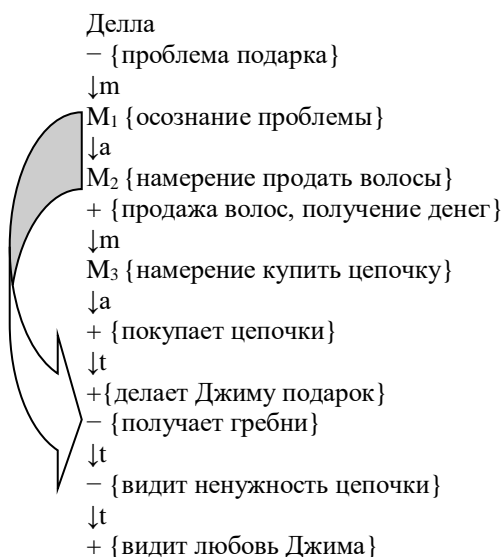
Использование сюжетных грамматик в компьютерном моделировании оказалось не вполне удачным. Синтаксический компонент сюжета, описываемый грамматиками, отражает чисто внешние особенности текста. Не удается обнаружить операциональные критерии выделения различных составляющих сюжета. Например, где в сюжете эпизод, а где событие? Попытка использовать грамматики сюжетов для порождения сюжета приводит к тому, что порождаются тексты, которые не отвечают интуитивному представлению о рассказе. Например, терминальная цепочка, порождаемая одной из грамматик обсуждаемого типа, «Экспозиция + Тема + Сюжет + Разрешение» вполне может быть приписана предписаниям-советам следующего вида: «Вас позвали на рыбалку, а вы ничего в этом не смыслите. Что ж, сначала вам надо обзавестись рыболовными снастями. Вы можете пойти в магазин и купить спиннинг. Чтобы выбрать хороший спиннинг, надо...» [Black, Bower 1980].

Основной вывод дискуссии о недостатках сюжетных грамматик свелся к необходимости описания сюжета в рамках структуры целесообразной деятельности, то есть с привлечением категорий «цель», «проблема», «план» и т.д. Иными словами, метаязыка, учитывающего только внешние особенности сюжета, явно недостаточно. Необходимо обращение к когнитивным состояниям персонажей.

Когнитивный подход к сюжету. В начале 80-х гг. одной из учениц Р. Шенка — В. Ленерт — в рамках работ по созданию компьютерного генератора сюжетов был предложен оригинальный формализм аффективных сюжетных единиц (ACE — Affective Plot Units), оказавшийся мощным средством представления структуры сюжета [Lehnert 1982]. При том, что он был изначально разработан для системы ИИ, этот формализм использовался в чисто теоретических исследованиях. Сущность подхода Ленерт заключалась в том, что сюжет описывался как последовательная смена когнитивно-эмоциональных (аффективных) состояний персонажей. Тем самым в центре внимания формализма Ленерт стоят не внешние компоненты сюжета — экспозиция, событие, эпизод, мораль — а его содержательные характеристики. В этом отношении формализм Ленерт отчасти оказывается возвращением к идеям Проппа.

Каждая аффективная сюжетная единица представляет собой бинарное отношение, связывающее некоторые события, оцениваемые персонажами положительно (+) или отрицательно (—), и когнитивно-эмоциональные состояния персонажей (в различных комбинациях — событие & состояние; событие & событие и т. д.). Бинарное отношение не однородно. Всего выделяется пять типов бинарных отношений, специфицируемых в каждой аффективной сюжетной единице. Бинарное отношение может быть мотивацией (обозначение — т), актуализацией (а), прекращением одного действия другим (t), эквивалентностью (е), а также аффективной каузальной связью между персонажами. Каждая аффективная сюжетная единица получает название, например, УСПЕХ, НЕУДАЧА, УПОРСТВО, ПРОБЛЕМА и т.д. (список элементарных сюжетных единиц см. в Задании 2).

В разных вариантах формализма выделяется от 20 до 60 простых и комплексных аффективных сюжетных единиц. Сюжету рассказа «Дары Волхвов» ОТенри в этом формализме можно сопоставить следующую интерпретацию (сокращенный вариант):

Из приведенной интерпретации сюжета видно, что в целом оптимистическое звучание рассказа обеспечивается сюжетной конфигурацией разрешения проблемы (негативно оцениваемая ситуация сменяется позитивно оцениваемой ситуацией).

Идеология разложения сюжета на аффективные единицы успешно использовалась как в области компьютерного моделирования, так и в собственно гуманитарной сфере. Большой методологический интерес в этой связи представляет работа В. Ленерта, Х. Олкера и Д. Шнайдера «Две реинтерпретации сюжета об Иисусе Тойнби» [Alker, Lehnert, Schneider 1985], в которой формализм, предназначенный для машинной реализации, используется для выявления сюжетных сверток евангельского текста, объясняющих, почему именно тексты Евангелий оказали огромное влияние на миллионы людей и на европейскую культуру. Удалось выявить несколько таких сюжетных мотивов, повторяющихся в фольклоре и мифах, и занимающих центральное положение в сюжетной структуре Евангелий. К ним относится, в частности, идея «восстания против несправедливой власти и успех восстания, интерпретируемый как тайное блаженство, достигаемое ценой собственной смерти».

1. Постройте фреймы для описания объектов, обозначаемых словами *дом, здание, изба, шалаи, сарай, халупа*. Сравните фреймы с толкованиями в толковых словарях или своими собственными толкованиями соответствующих лексем.

Задание 2. Типичный пример сюжетной грамматики — грамматика Мандлера и Джонсона [Mandler, Johnson 1977]. Ниже в упрощенном виде приводятся основные правила этой грамматики:

- (1) фабула → рассказ *и* мораль
- (2) рассказ → событийная структура *и* обрамление
- (3) обрамление → состояние (*и* событие)
- (4) состояние → состояние ((*и* состояние))
- (5) событие → событие ((\и/затем/причина\ событие)) ((*и* состояние))
- (6) событийная структура → эпизод ((затем эпизод))
- (7) эпизод → начало *причина* развитие *причина* окончание
- (8) начало → событие/эпизод
- (9) развитие → (простая реакция *причина* действие)/(сложная реакция *причина* путь к цели)
- (10) простая реакция → внутреннее событие ((*причина* внутреннее событие))
- (11) действие → событие
- (12) сложная реакция → простая реакция *причина* цель
- (13) цель → внутреннее состояние
- (14) путь к цели → (попытка *причина* результат)/(путь к цели *причина* путь к цели)
- (15) попытка → событие
- (16) результат → событие/эпизод
- (17) окончание → (событие (*и* эмфаза))/эмфаза/эпизод
- (18) эмфаза → состояние

И, затем, причина — связи между составляющими сюжета, отражающие, соответственно, временные и причинные отношения.

(i) Постройте с помощью грамматики Мандлера и Джонсона структуру сюжета сказки «О курочке Рябе» по следующему тексту:

Жили-были дед да баба. И была у них курочка Ряба. Снесла раз курочка яичко, да не простое яичко, а золотое. Дед бил, бил — не разбил. Баба била, била — не разбила. Мышка пробежала, хвостиком махнула — яичко упало и разбилось. Плачет дед, плачет баба, и говорит им курочка Ряба: «Не плачь дед, не плачь баба. Снесу я вам яичко другое, не золотое, а простое».

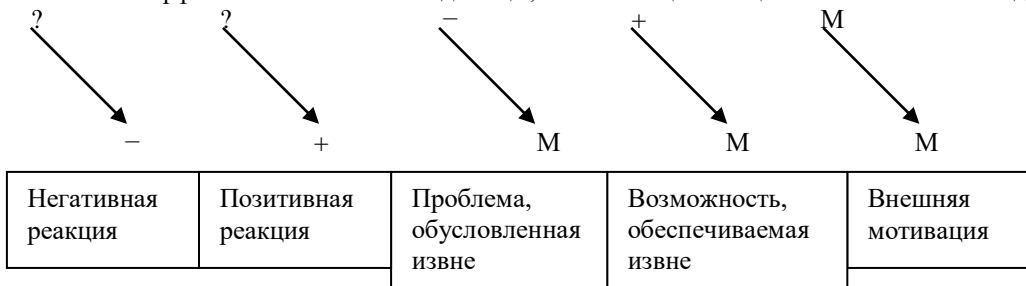
(ii) Постройте с помощью грамматики Мандлера и Джонсона структуру сюжета сказок «Лиса и кувшин», «Лиса и журавль», «Лисичка-сестричка и серый волк», используя любые имеющиеся издания.

Задание 3. Ниже приводится набор простейших сюжетных единиц формализма Ленерта (список сюжетных единиц Ленерта дается по [Олкер 1987, с. 423]).

I Аффективные сюжетные единицы, характеризующие эмоциональное состояние одного персонажа:

М	М	—	+	М
↓a	↓a	↓m	↓m	↓m
+	—	М	М	М
успех	неудача	проблема	активация	мотивация
М	+	—	—	+
↑e	↑e	↑e	↑e	↑e
М	—	+	—	+
Упорство	смешанное чувство	скрытое блаженство	негативный комплекс	позитивный комплекс
+	—	+	—	М
↑t	↑t	↑t	↑t	↑t
—	+	+	—	М
разрешение проблемы	поражение	смена позитивных состояний	смена негативных состояний	изменение намерений

II. Аффективные сюжетные единицы, связывающие эмоциональные состояния двух персонажей:

(i) Постройте с помощью формализма Ленерта структуру сюжета сказки «О курочке Рябе» по тексту, приведенному выше.

(ii) Постройте с помощью формализма Ленерта структуру сюжета сказок «Лиса и кувшин», «Лиса и журавль», «Лисичка-сестричка и серый волк», используя любые имеющиеся издания. Выделите часто повторяющиеся последовательности аффективных сюжетных единиц.

Комментарий к заданию. В формализме аффективных единиц смена эмоциональных состояний каждого персонажа изображается сверху вниз в виде столбцов. На каждого персонажа заводится особый столбец. Ментальные состояния нумеруются. См. пример представления сюжетной структуры рассказа «Дары Волхвов» выше.

1.4. Гипертекстовые технологии представления текста

Феномен гипертекста можно обсуждать с нескольких точек зрения. С одной стороны, это особый способ представления, организации текста, с другой — новый вид текста, противопоставленный по многим своим свойствам обычному тексту, сформированному в гутенберговской традиции книгопечатания. И, наконец, это новый способ, инструмент и новая технология понимания текста.

1.4.1 Историческое замечание.

Идея гипертекста связывается с именем Ванневару Буша — советника президента Рузвельта по науке. В. Буш теоретически обосновал проект технической

системы «Мемекс», которая позволяла пользователю связывать тексты и их фрагменты по различным типам связей, преимущественно по ассоциативным отношениям. Отсутствие компьютерной техники сделало проект трудно реализуемым, поскольку механическая система оказалась чрезмерно сложной для практического воплощения. Идея В. Буша в 60-е гг. получила второе рождение в системе «Ксанаду» Т. Нельсона, которая уже предполагала использование компьютерной техники. «Ксанаду» позволял пользователю прочитывать совокупность введенных в систему текстов различными способами, в различной последовательности, программное обеспечение давало возможность как запоминать последовательность просмотренных текстов, так и выбирать из них практически любой в произвольный момент времени. Множество текстов со связывающими их отношениями (системой переходов) было названо Т. Нельсоном **гипертекстом**.

1.4.2. Теоретические основания гипертекста. Многие исследователи рассматривают создание гипертекста как начало новой информационной эпохи, противопоставленной эре книгопечатания. Линейность письма, внешне отражающая линейность речи, оказывается фундаментальной категорией, ограничивающей мышление человека и понимание текста. Мир смысла нелинеен, поэтому сжатие смысловой информации в линейном речевом отрезке требует использования специальных «коммуникативных упаковок» — членение на тему и ремю, разделение плана содержания высказывания на эксплицитные (утверждение, пропозиция, фокус) и имплицитные (пресуппозиция, следствие, импликатура дискурса) слои. Отказ от линейности текста и в процессе его представления читателю (чтения и понимания), и в процессе синтеза, по мнению теоретиков, способствовал бы «освобождению» мышления и даже возникновению его новых форм.

Прототипический текст — это монолог. Между тем многие лингвисты (и среди них М. Бахтин и Л. Якубинский) указывали на вторичность монолога по сравнению с диалогом. Гипертекст с этой точки зрения позволяет устранить искусственную монологичность текста.

Обычный текст, как правило, имеет автора. Гипертекст автора в традиционном понимании не имеет — у него множество авторов, причем для постоянно изменяющегося гипертекста авторский коллектив также постоянно меняется. Изменение статуса автора меняет и статус читателя: в гипертекстовой системе понимание часто сопровождается изменением компонентов гипертекста или, как минимум, выбором пути просмотра, что опять-таки акт творческий, авторский.

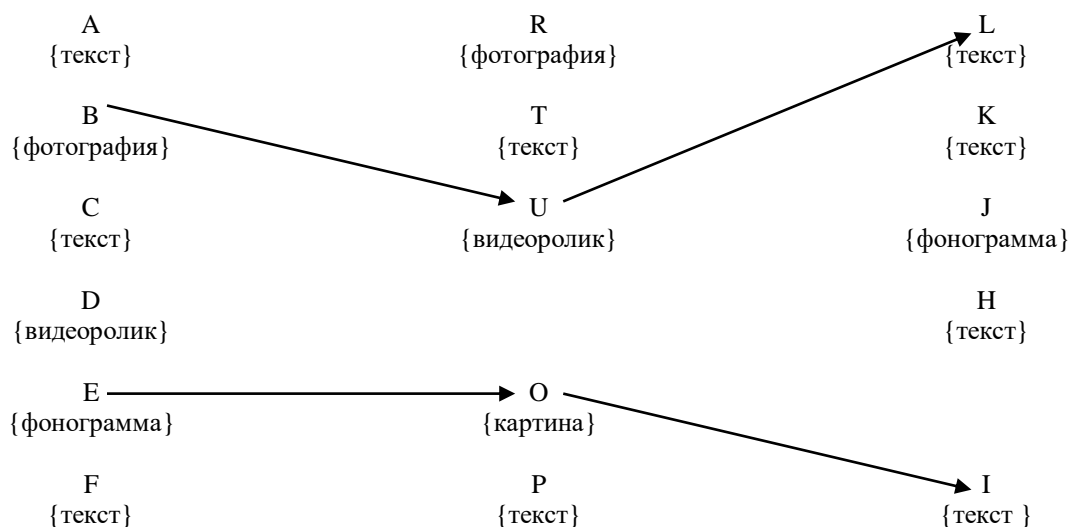
Множественность авторства имеет и еще одно следствие: в гипертексте представлено много точек зрения на проблему, а в обычном тексте — только одна. Именно поэтому гипертекст более объективен и более толерантен к читателю, чем классический текст.

Гипертекстовые технологии позволяют легко сочетать различные виды информации — обычный текст, рисунок, график, таблицу, схему, звук и движущееся изображение. Как традиционный текст, так и гипертекст — феномены, порожденные новыми технологиями. В первом случае технология позволила легко тиражировать и распространять знания самых различных типов, а во втором — компьютерные технологии дали возможность изменить сам внешний вид текста и его структуру. **Разнородность** гипертекста — это первое технологическое свойство гипертекста, **технологическое** в том смысле, что оно непосредственно следует из используемой компьютерной технологии. Второе технологическое свойство гипертекста — его **нелинейность**. Гипертекст не имеет стандартной, обычной последовательности чтения. Прочие свойства гипертекста в той или иной степени являются следствиями из этих двух технологических свойств.

Суммировать различия текста и гипертекста можно следующим образом:

- конечность, законченность традиционного текста vs. бесконечность, незаконченность, открытость гипертекста;
- линейность текста vs. нелинейность гипертекста;
- точное авторство текста vs. отсутствие авторства (в традиционном понимании) у гипертекста;
- снятие противопоставления между автором и читателем;
- субъективность, односторонность обычного текста vs. объективность, многосторонность гипертекста;
- однородность обычного текста vs. неоднородность гипертекста.

1.4.3. Компоненты гипертекста. Структурно гипертекст может быть представлен как граф, в узлах которого находятся традиционные тексты или их фрагменты, изображения, таблицы, видеоролики и т.д. Узлы связаны разнообразными отношениями, типы которых задаются разработчиками программного обеспечения гипертекста или самим читателем. Отношения задают потенциальные возможности передвижения или **навигации** по гипертексту. Отношения могут быть однонаправленными или двунаправленными. Соответственно, двунаправленные стрелки позволяют двигаться пользователю в обе стороны, а однонаправленные — только в одну. Цепочка узлов, через которые проходит читатель при просмотре компонентов текста, образует **путь или маршрут**.

Маршруты через узлы B, U, L и E, O, I соответствуют различным прочтениям гипертекста. Тип чтения гипертекста определяется не только маршрутом, но и качественными характеристиками, связанными с пониманием информации, содержащейся в узлах. Медленное чтение предполагает внимательное знакомство с информацией каждого узла. Часто медленное чтение сопровождается заметками, которые читатель может привязывать к узлам гипертекста. Быстрое чтение — **браузинг** — наиболее часто используется в информационных системах, основанных на гипертекстовой технологии. При поиске конкретной информации пользователь быстро передвигается по узлам сети, маркируя нужные фрагменты. Для браузинга создается специальная программная поддержка.

Совокупность смежных узлов образует **окрестность** данного узла. Понятно, что окрестность узла образуют те узлы, в которых содержится информация, близкая по семантике к содержанию данного узла. Узлы сети, в которые входит и выходит много стрелок-отношений, образуют центральную часть гипертекста, а те, которые почти изолированы от других узлов — его периферию.

1.4.4. Элементы типологии гипертекста. Первое противопоставление относится к структуре гипертекста. Гипертекст может быть **иерархическим** или **сетевым**. Иерархическое — древовидное — строение гипертекста существенно ограничивает возможности перехода между его компонентами. В таком гипертексте отношения между компонентами напоминают структуру тезауруса, основанного на родо-видовых связях. Иерархический гипертекст не реализует всех возможностей технологии гипертекста. В среде разработчиков гипертекстовых систем он не пользуется популярностью (хотя и довольно часто реализуется в работающих системах). Т. Нельсон по поводу иерархического гипертекста писал: «На мой взгляд, иерархии ложны. Они представляют собой слишком сильные упрощения действительности»⁸). Сетевой гипертекст позволяет использовать различные типы отношений между компонентами, не ограничиваясь отношениями «род—вид».

Второе противопоставление характеризует не саму структуру гипертекста, а возможности программного обеспечения. Здесь различаются **простые и сложные** гипертексты. Примером простого программного обеспечения гипертекста может служить электронное оглавление документа, которое позволяет перейти к любой части оглавления, минуя этап просмотра всего текста. К простому гипертексту относится и система, которая дает возможность просматривать отсылки к литературе, содержащиеся в тексте, не обращаясь непосредственно к списку литературы. Сложные гипертексты обладают богатой системой переходов между компонентами гипертекста, в них отсутствует представление о базовом тексте, с которым связаны второстепенные по значимости тексты. В некотором смысле нормальный, обычный гипертекст и является сложным гипертекстом.

По способу существования гипертекста выделяются **статические и динамические** гипертексты. Статический гипертекст не меняется в процессе эксплуатации; в нем пользователь может фиксировать свои комментарии, однако они не меняют существо дела. Для динамического гипертекста изменение является нормальной формой существования. Обычно динамические гипертексты функционируют там, где

необходимо постоянно анализировать поток информации, то есть в информационных службах различного рода. Гипертекстовой является, например, Аризон-ская информационная система (AAIS), которая ежемесячно пополняется на 300-500 рефератов в месяц.

Отношения между элементами гипертекста могут изначально фиксироваться создателями, а могут порождаться всякий раз, когда происходит обращение пользователя к гипертексту. В первом случае речь идет о **гипертекстах жесткой структуры**, а во втором — о **гипертекстах мягкой структуры**. Жесткая структура технологически вполне понятна. Технология организации мягкой структуры должна основываться на семантическом анализе близости документов (или других источников информации) друг к другу. Это нетривиальная задача компьютерной лингвистики. В настоящее время широко распространено использование технологий мягкой структуры на ключевых словах. Переход от одного узла к другому в сети гипертекста осуществляется в результате поиска ключевых слов. Поскольку набор ключевых слов каждый раз может различаться, каждый раз меняется и структура гипертекста. Жесткость или мягкость архитектуры

8)Цитируется по [Субботин 1994, с. 51].

гипертекста зависит и от количества информации, которая в нем содержится. Если узлов в сети гипертекста порядка одной—трех тысяч, то чаще всего используется жесткая архитектура, если же количество узлов достигает нескольких десятков тысяч или даже миллионов единиц, то мягкая структура оказывается более предпочтительной, поскольку кодировка жестких связей отнимает слишком много времени. Заметим, что структура Интернета часто функционирует как гипертекст мягкой

архитектуры.

Технология построения гипертекстовых систем не делает различий между текстовой и нетекстовой информацией. Между тем включение визуальной и звуковой информации (видеороликов, картин, фотографий, звукозаписей и т. п.) требует существенного изменения интерфейса с пользователем и более мощной программной и компьютерной поддержки. Такие системы получили название **гипермедиа** или **мультимедиа**. Наглядность мультимедийных систем предопределила их широкое использование в обучении, в создании компьютерных вариантов энциклопедий. Известны, например, прекрасно выполненные CD-romы с мультимедийными системами по детским энциклопедиям издательства «Дорлинг Киндерсли».

1.4.5. Некоторые гипертекстовые системы. Технологически в основе ги-

пертекста лежат компьютерные программы, которые поддерживают следующие базовые функции:

- обеспечение быстрого просмотра информационного массива (браузинг);
- обработка ссылочных отношений (обращение и вызов фрагмента текста или другой информации, на которую производится отсылка);
- навигация по гипертексту, запоминание маршрута движения; представление пути движения в легко воспринимаемой форме;
- возможность формирования обычного линейного текста как результата движения по гипертексту;
- дополнение гипертекста новой информацией;
- введение новых отношений в структуру гипертекста (для систем с жесткой структурой).

Программные оболочки гипертекста, как правило, универсальны. Они могут использоваться в различных областях для создания тематически разных гипертекстов. Таковы, например, оболочка ZOG и разработанная на ее основе промышленная гипертекстовая система KMS (университет Карнеги-Меллон, США). Сферы применения этих гипертекстовых систем необычайно разнообразны — от работы с документацией и поддержки электронной почты до гипертекстов, предназначенных для экспертов, работающих над бюджетом. Имеются и специализированные системы. Так, система NoteCards (продукт компании «Xerox PARC») предназначена для аналитической работы, а система WE, моделирующая особенности получения нового знания — для помощи в авторской работе. Наиболее популярны в настоящее время программные пакеты HyperCard компании «Apple». Они относительно просты в использовании. Гипертекст в оболочке HyperCard представляется в виде каталожных карточек. Пользователь с помощью довольно простого интерфейса организует структуру карточки и устанавливает связи между карточками. Пакеты HyperCard позволяют сочетать различные типы информации, в частности карточки могут включать графическую, звуковую и др. информацию. Следует отметить, что современные базы данных также включают поля для визуальной и звуковой формы данных (ср., например, базу данных ACCESS 7, работающую в среде Windows). Близка к HyperCard по своим свойствам и программа SuperCard фирмы «Silicon Beach». Некоторые системы гипертекста содержат специальные средства ориентации пользователя в гиперпространстве — карты или закладки, отмечающие наиболее посещаемые узлы гипертекста. Комплексом средств ориентации обладает система Hypergate Writer фирмы «Eastgate Systems Inc».

* * *

Место лингвистов в проектах по созданию гипертекстовых систем не определено еще достаточно четко, но лингвистическая поддержка гипертекстовой технологии необходима. Для гипертекстов с мягкой структурой требуется разработка семантических процессоров, устанавливающих отношения семантической близости между документами в автоматическом режиме. Гипертексты с жесткой структурой требуют установления системы смысловых отношений между компонентами гипертекста, что является одной из важнейших задач лингвистической семантики и лингвистики текста. Особая задача, которая не получила достаточного освещения в литературе по данной проблематике — отбор информации в узлы сети

гипертекста. Эта сфера относится как к инженерии знаний, так и к работе лингвиста-прикладника, определяющего какие смысловые связи должны быть оставлены во фрагменте текста, помещаемого в узел системы гипертекста, а какие могут быть «обрублены», элиминированы. Принципы отбора семантических отношений определяются практическими задачами гипертекстовой системы.

Задание 1. Известно, что обычный текст содержит некоторые компоненты, которые в большей степени характеризуют гипертекст. Например, оглавление, аппарат сносок и примечаний — все это инструменты создания нелинейности текста, обеспечения системы нелинейных переходов. Какие элементы гипертекста обнаруживаются в следующих текстах:

- в тексте библии и евангелий;
- в газетной, журнальной и щитовой рекламе;
- в словарях и энциклопедиях;
- в деловых и информационных справочниках типа «Москва — золотые страницы», «Досуг в Москве и Петербурге».

Задание 2. Многие хорошо известные программные продукты включают элементы гипертекста. Выявите и опишите элементы гипертекста в следующих программах:

- в текстовом редакторе WinWord;
- в операционной среде Windows-95.

Основная литература

1. Баранов А. Н. Категории искусственного интеллекта в лингвистической семантике. Фреймы и сценарии. М., 1987.
2. Городецкий Б. Ю. Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIV. Компьютерная лингвистика. М., 1989. С. 5-31.
3. Войсунский А. Е. Моделирование мышления // Речевое общение: проблемы и перспективы. М., 1983. С. 16-60.
4. Олкер Х. Р. Волшебные сказки, трагедии и способы изложение мировой истории // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 408-440.
5. Поспелов Д. А. Ситуационное управление. Теория и практика. М., 1986. С. 71-83; 99-106.
6. Субботин М. М. Гипертекст. Новая форма письменной коммуникации // ВИНТИ. Сер. Информатика. Т. 18. М., 1994.

Дополнительная литература

1. Баранов А. Н., Паришин П. Б. Варианты и инварианты текстовых макроструктур (к формированию когнитивной теории текста) // Проблемы языковой вариативности. М., 1990. С. 135-168.
2. Цимбурский В. Л. Макроструктура повествования и механизмы его социального воздействия // Когнитивные исследования за рубежом. Методы искусственного интеллекта в моделировании политического мышления. М., 1990. С. 34-61.

§ 2. Прикладные аспекты количественной лингвистики

2.1. Проблематика количественной лингвистики с теоретической и прикладной точек зрения

Название «количественная лингвистика» достаточно условно, хотя и довольно широко используется в современной научной литературе. Оно характеризует междисциплинарное направление в прикладных исследованиях, в котором в качестве основного инструмента изучения языка и речи используются количественные или статистические методы анализа. Иногда **количественная (или количественная) лингвистика** противопоставляется **комбинаторной лингвистике** (см., например, [Пиотровский, Бектаев, Пиотровская 1977, с. 8, 9]). В последней доминирующую роль занимает «неколичественный» математический аппарат — теория множеств, математическая логика, теория алгоритмов и т.д.

Применение количественных методов при описании функционирования языка мало чем отличается от использования аналогичного инструментария в естественных и гуманитарных науках. Привлечение методов измерения и подсчета языковых реализаций позволяет, однако, существенно модифицировать представление о языковой системе и возможностях ее функционирования. В этом отношении количественная лингвистика оказывается важнейшим фактором, влияющим на лингвистическую теорию. Например, в сфере грамматики теоретическая лингвистика, как правило, ограничивается констатацией существования в русском языке системы падежей. Со структурной точки зрения этого, быть может, и достаточно. Между тем за рамками обсуждения остается весьма существенная информация о том, как часто используются различные падежи, какова динамика использования различных падежей с течением времени.

Исследование такого рода позволило бы выявить тенденции развития падежной системы и на основе этого даже сформулировать гипотезы о будущем состоянии грамматической системы русского языка.

Другой пример. С системной точки зрения в русском, английском и латинском языках имеется форма именительного падежа единственного числа личных местоимений. Однако в английском языке при глаголе эта форма местоимения практически всегда необходима, в русском — местоимение в этих случаях обычно представлено, а в латыни — как правило, отсутствует. Отсутствие достоверных количественных данных об этих языковых явлениях делает структурное описание явно недостаточным [Шайкевич 1990]9). Разумеется, имеются и смешанные случаи.

Близкие проблемы возникают и в сфере лексики. Обычные толковые словари не помещают в составе словарной статьи информации о частоте использования той или иной лексемы. Это связано с очень большим объемом работы, который надо проделать, чтобы для каждого слова указать хоть какие-то рамки частотности (ср. пометы типа *малоупотребительно*, *частотно*, *высокочастотно*). Для пользователя словаря такая информация может оказаться очень важной, часто решающей для принятия решения об использовании слова. Ср., например, высокочастотные в публицистике идиомы *с головы до ног/с ног до головы* (48 вхождений на 21 млн словоупотреблений), *целиком и полностью* (49 вхождений на 21 млн), *на все сто* (42 вхождения на 21 млн), *ровным счетом, ни больше ни меньше* (71 вхождение на 21 млн), *ни много, ни мало* (133 вхождения на 21 млн) и весьма редкие для газетно-журнального стиля выражения

9) Впрочем, в рамках порождающего синтаксиса и синтаксической типологии было показано, что обсуждаемое свойство является только одним из проявлений оппозиции «языки pro-drop vs. языки non-pro-drop». Языки pro-drop при определенных условиях (отсутствие эмфазы) допускают опущение местоимений, а языки non-pro-drop — не допускают. См. по этому поводу [Chomsky 1981, p. 240-248, 253-275].

море разливанное (9 вхождений на 21 млн), *(и) стар и млад* (8 вхождений на 21 млн), *разные разности* (1 вхождение на 21 млн)10).

С теоретической точки зрения использование статистических методов в языкознании позволяет дополнить структурную модель языка вероятностным компонентом, то есть создать структурно-вероятностную модель, обладающую значительным объяснительным потенциалом. Эту сторону использования количественных методов следует считать приложением статистики в языкознании. К моделям такого рода относится, например, «модель жизненного цикла слова», предложенная А. А. Поликарповым [Поликарпов 1998]. Проведенный им квантитативный анализ показал, что в достаточно значительной временной перспективе имеется явная тенденция к увеличению степени абстрактности значений у многозначного слова — чем позже возникает значение, тем оно более абстрактно. Разработанная количественная модель позволяет делать интересные предположения об относительном «возрасте» различных частей речи, тенденций развития лексической системы языка и т.д.

Из приведенного примера видно, что задача построения структурно-вероятностной модели функционирования языка относится к теоретическим проблемам лингвистики и входит в компетенцию теории языка. В прикладной же области квантитативная лингвистика представлена прежде всего использованием фрагментов этой модели.

2.2. Основные области приложения структурно-вероятностной модели языка

Лингвистический мониторинг функционирования языка. Задача лингвистического мониторинга заключается в выявлении общих особенностей функционирования языковой системы в конкретном типе дискурса (научном, политическом дискурсе, текстах средств массовой информации и т.д.). В качестве предмета лингвистического мониторинга могут выступать такие феномены естественного языка, как типы языковых ошибок, сфера иностранных заимствований, новые слова и значения, новые (креативные, творческие — не конвенциональные) метафоры, тематическое распределение лексики (например, лексика временных и пространственных отношений, лексика выражения чувств и эмоций, спортивная лексика и т.д.), особенности использования в текстах тех или иных грамматических форм, синтаксических конструкций. Технология лингвистического мониторинга основывается на двух важнейших предпосылках: во-первых, на регулярности и периодичности анализируемых данных, и, во-вторых — на достаточно большом объеме привлекаемого материала, на репрезентативности выборки данных. В силу этого лингвистический мониторинг невозможен без соответствующего компьютерного обеспечения. Использование компьютерной технологии позволяет давать

10) Данные о частотности приводятся по корпусу текстов по современной публицистике (отдел экспериментальной лексикографии Института русского языка РАН).

оценку исследуемому феномену, выявляя его распределение по времени, по источникам, авторам и т.д.

Информация о статистических закономерностях функционирования языковой системы лежит в основе некоторых методик анализа данных, разрабатываемых в политической лингвистике. К ним относится, в частности, методика контент-анализа, используемая для выявления структуры и состояния общественного сознания. При помощи контент-анализа появляется возможность по частоте употребления лексем реконструировать, например, ценностные ориентации общества, выявлять актуальные темы

публичной политики, оценивать динамику изменения тематики политических дискуссий и т.д. (см. подробнее §4 главы 5).

Компьютерное моделирование языка и речи. Другая важная область прикладного использования знаний о частоте использования тех или иных языковых структур — компьютерная лингвистика. Многие компьютерные программы, связанные с функционированием языка, используют алгоритмы, основывающиеся на данных о частоте употребления фонем, морфем, лексических единиц и синтаксических конструкций. Например, программы автоматической коррекции орфографии содержат словари, как правило, только наиболее частотных лексем. Редкие слова пользователь может вводить в свой индивидуальный словарь. Аналогичные словари используются в программах автоматического распознавания письменного текста и речи (типа Fine Reader). Абсолютная частота появления лексем (особенно терминологической лексики) используется в системах автоматического аннотирования и реферирования. Так, согласно статистико-дистрибутивному методу автоматического индексирования информативными для данного текста считаются скопления слов, расположенных достаточно близко друг от друга, частота которых превосходит некоторую пороговую величину, например, среднюю частоту слов в документе (метод ACSI-Matic).

Дешифровка кодированного текста. В процессе дешифровки также могут использоваться данные о частоте употребления графем, морфем и слов, а также их взаимном расположении. К настоящему времени разработаны продуктивные алгоритмы дешифровки, основанные на частоте и дистрибуции элементов кодированного текста; ср. деши-Фровочные алгоритмы Б. В. Сухотина, статистико-комбинаторный метод Н.Д.Андреева. Близки к задачам дешифровки формальные процедуры «открытия» морфемного состава неопisanного языка, предложенные З. Харрисом.

Авторизация/атрибуция текста. Проблема авторизации текста относится к числу классических проблем филологического исследования. Часто она рассматривается в рамках «количественной стилистики» — стилеметрии. Авторизация включает как литературную, так и лингвистическую составляющую. В. В. Виноградов в книге «Проблема авторства и теория стилей» сформулировал типологию факторов атрибуции текста [Виноградов 1961]. К субъективным факторам он относит: а) субъективно-коммерческие; б) субъективно-конъюнктурные; в) субъективно-эстетические; г) субъективно-психологические; д) субъективно-идеологические факторы. Есть и объективные факторы: а) документально-рукописные (археологические); б) исторические (биографии, свидетельства современников); в) историко-идеологические и сопоставительно-идеологические; г) историко-стилистические; д) художественно-стилистические; е) лингвостилистические. Однако чисто филологическое направление авторизации не позволяет построить объективные операциональные критерии анализа и атрибуции текста. К сожалению, большинство факторов, на которые обращает внимание В. В. Виноградов, плохо формализуемы. Иными словами, разные эксперты, используя одни и те же факторы, могут сделать совершенно различные выводы.

Перспектива объективизации экспертного знания была обнаружена в использовании количественных, статистических методов анализа текста. Пионером в этой области стал Н. А. Морозов, перу которого принадлежит опубликованная в 1915 г. работа «Лингвистические спектры. Средство для отличия плагиатов от истинных произведений того или другого известного автора. Стилеметрический этюд». Существенно, что в квантитативном анализе Морозов предлагал опираться не на тематически связанную лексику — слова, определяемые спецификой описываемого материала, его предметной и проблемной ориентацией, — а на служебные слова и слова тематически нейтральные. Дело в том, что именно особенности употребления служебных слов, лексем с общей семантикой, не привязанной к тематике художественного произведения, формируют авторский стиль и практически не поддаются имитации.

В настоящее время развитие методик авторизации текста наиболее продуктивно проходит в рамках стилеметрии. Лингвистические основания авторизации могут быть различны, но использование количественных методов анализа оказывается неизбежным. Одно из перспективных направлений в этой области — привлечение к авторизации текста теории распознавания образов. При таком подходе стиль описывается как пространство количественно выражимых параметров — средняя длина предложения, количество вложенных синтаксических структур, количество слов в предложении, количество предложений в абзаце и т.д. Далее каждый анализируемый текст выражается через вектор, координаты которого задаются значениями выбранных параметров. Сходство векторов определяет и сходство стилей¹¹).

Разрабатываются подходы, основанные на изучении количественных особенностей реализации синтаксических структур [Севбо 1981], а также на выявлении некоторых особенностей формальной структуры текста, связанных с выражением типов чужой и авторской речи. Соотношение чужой речи (прямой, смешанной, вложенной) с авторской также

¹¹) Такой метод авторизации предложен в ряде работ М. В. Марусенко: [Марусенко 1990; Марусенко 1996].

оказывается стилеобразующим фактором. Эта характеристика стиля отражена в «формально-пунктуационном» методе структуризации текста, который реализован в компьютерной системе DISSKOTE [Гринбаум 1996]. Ниже разбирается пример авторской экспертизы текста, основанный на методике анализа квазисинонимичных лексем.

2.3. Авторизация текста: пример экспертизы

Одна из наиболее распространенных областей использования знаний о статистических закономерностях языковых явлений — экспертиза авторства текста. Типологически можно представить следующие базовые ситуации экспертного анализа.

А. Множественная неопределенность. Имеется множество текстов или их фрагментов. Необходимо установить, скольким авторам принадлежат тексты, и атрибутировать каждый текст конкретному автору. Это, разумеется, наиболее сложный случай анализа.

Б. Сравнение по образцу. Имеется пример текста (текстов) некоторого автора X. Необходимо установить, является ли он и автором некоторого другого текста (текстов).

В. Конкуренция образцов. Имеются образцы текстов авторов X, Y, Z... . Необходимо установить, кто из них является автором текстов T_1, T_2, \dots, T_n

Приводимая ниже экспертиза¹²⁾ вписывается в рамки случая В. Речь шла о спорном авторстве. В качестве материала для исследования были получены тексты следующих произведений: «Следователь президента»; «Смоленская площадь»; «Безумные глаза»; «В погоне за невидимым убийцей»; «Незнакомец»; «Шакалы»; «Трудное решение».

Тексты были представлены в печатной и машиночитаемой форме (файлы в формате DOS TEXT). Выборочное сравнение файлов и страниц печатных текстов произведений показало, что они полностью совпадают с точностью до разметки гарнитуры и фактических выделений в файлах. При компьютерной обработке символы разметки не учитывались.

Исходная проблема экспертизы была сформулирована следующим образом. Автором произведений «Безумные глаза», «В погоне за невидимым убийцей», «Незнакомец» является Э. Плющихин, а произведений «Шакалы», «Трудное решение» — В. Непомнящий. Авторство произведений «Следователь президента», «Смоленская площадь» является предметом спора.

В процессе проведения экспертизы необходимо было подготовить ответ на следующие вопросы:

12) Фамилии истца и ответчика, а также названия литературных произведений изменены. Экспертиза проводилась на основании запроса адвокатского бюро «Резник, Гагарин и партнеры». Приводимые материалы, разумеется, нельзя рассматривать как окончательное доказательство. В рассматриваемом случае, кроме лингвистической экспертизы, была проведена также литературная экспертиза, подтвердившая выводы лингвистического анализа.

1. Есть ли специфические языковые особенности, отличающие произведения В. Непомнящего «Шакалы», «Трудное решение» от произведений Э. Плющихина «Безумные глаза», «В погоне за невидимым убийцей», «Незнакомец», а также от спорной группы произведений — «Следователь президента», «Смоленская площадь»?
2. Есть ли специфические языковые особенности, характерные одновременно для произведений Э. Плющихина «Безумные глаза», «В погоне за невидимым убийцей», «Незнакомец» и спорной группы произведений «Следователь президента», «Смоленская площадь», но не присущие произведениям В. Непомнящего «Шакалы» и «Трудное решение»?
3. Можно ли считать, что выявленные языковые особенности являются существенной чертой авторских стилей названных писателей и могут использоваться при установлении авторства художественного текста?

В исследовании по экспертизе использовалась методика количественного анализа квазисинонимичных лексем. Сущность методики заключается в выявлении авторских предпочтений в выборе из группы квазисинонимов — близких по значению слов или устойчивых словосочетаний (фразеологизмов). В литературоведении и структурной поэтике близкие методы привлекаются для характеристики стиля писателя и особенностей его видения мира. Интересную информацию об идиолекте писателя дает изучение частотных характеристик служебных и модальных слов. Так, частицы *разве* и *неужели* по-разному распределены в романах М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и «Белая гвардия»: *разве* значительно чаще встречается в «Мастере и Маргарите», а *неужели* — наоборот. Значение частицы *разве* предполагает более активную, действенную позицию говорящего, подвергающего сомнению некоторое положение дел. В противоположность *разве* частица *неужели* скорее указывает на то, что некоторое положение дел практически принимается говорящим и он лишь недоумевает, удивляется, почему оно имеет место¹³⁾. Учитывая значение этих частиц, указанные факты распределения *разве* и *неужели* можно интерпретировать как лингвистический коррелят авторской позиции в изображении событий и действий героев: нечто вроде пассивного «изумления», «удивления» автора в «Белой гвардии» и при активном восприятии реальности в «Мастере и Маргарите».

Такие «всплески» распределения частот служебных и модальных слов характеризуют не только отдельные тексты художественной прозы, но и оказываются характерологическими для одного писателя, оказываясь поверхностным проявлением его идеологической и творческой позиции. Явная нестандартность распределения частоты некоторых служебных слов наблюдается и в произведениях Ф. М. Достоевского.

13) Более подробно о семантике этих частиц см. [Баранов 1986].

современном русском языке распределение служебных фразеологизмов *по меньшей мере* и *по крайней мере* таково: на 1 употребление *по меньшей мере* приходится 4,1 употреблений *по крайней мере*¹⁴⁾.

В художественных текстах Достоевского мы встречаемся с совершенно иной ситуацией: на одно употребление *по меньшей мере* приходится 342,5 употреблений *по крайней мере* (*по крайней мере* — 685

вхождений по 35 художественным текстам, *по меньшей мере* — 2 вхождения по 35 художественным текстам). Всего употреблений *по меньшей мере* три, но одно из них приходится на контекст, более подходящий для *по крайней мере* ср. (1).

(1) Точно так же невозможно было бы разъяснить в нем с первого взгляда: любил он свою безответную, покорную жену или нет, а между тем он ее действительно любил, и та, конечно, это понимала. Эта Марфа Игнатьевна была женщина не только не глупая, но, может быть, и умнее своего супруга, по меньшей мере рассудительнее его в делах житейских, а между тем она ему подчинялась безропотно и безответно, с самого начала супружества, и бесспорно уважала его за духовный верх.

[Братья Карамазовы]

В этом примере *по крайней мере* явно удачнее.

В противоположность *по меньшей мере*, *по крайней мере* с несомненностью относится к словам Достоевского. Конкордансы на это словосочетание занимают более двухсот страниц текста.

Можно было бы подумать, что в русском языке времен Достоевского распределение между *по крайней мере* и *по меньшей мере* было именно таким: частота *по крайней мере* существенно превосходила частоту *по меньшей мере*. Однако это не так. Предварительный анализ корпуса текстов Гоголя (около трех мегабайт) показывает, что различие в частотности этих единиц не так велико, как у Достоевского: на 1 употребление *по меньшей мере* — 83 употребления *по крайней мере*. Весьма вероятно, что в сфере публицистики того времени различие в частоте употребления *по меньшей мере* и *по крайней мере* было еще меньшим и приближалось к современной норме. Здесь тоже можно видеть коррелят авторского видения мира, авторского стиля.

По полученным файлам произведений Э. Плющихина, В. Непомнящего и спорных произведений (для каждого текста в отдельности и по трем группам — «спорная группа», «группа произведений Плющихина», «группа произведений Непомнящего») были составлены словники с указанием абсолютной и относительной частоты употребления (общее количество словоупотреблений по произведениям и по группам см. в приложении к экспертизе). Для компьютерной обработки использовалась программа DIALEX и база данных ACCESS 7 в среде Windows.

14) *По крайней мере* — 236 вхождений; *по меньшей мере* — 57 вхождений (репрезентативная выборка корпуса текстов по современному русскому языку, включающая около 10 тыс. страниц разножанровых текстов).

Из сферы анализа были исключены слова с предметным значением, частота употребления которых определяется конкретной проблемной областью. Были проанализированы группы квазисинонимов для следующих слоев лексической системы языка:

- наречия,
- частицы,
- вводные слова и выражения,
- фразеологические выражения (идиомы),
- глаголы речи,
- союзы и союзные слова.

Рассмотрим последовательно примеры квазисинонимов из каждой группы лексем.

Наречия степени. Первая проанализированная группа — наречия со значением неполноты проявления какого-либо свойства, характеристики — *едва* и *немного*. Эти наречия во многих контекстах близки по значению. Однако стилистические предпочтения авторов проявляются в тенденциях выбора этих слов. Относительная частота¹⁵⁾ *едва* и *немного* для спорных произведений и произведений Плющихина практически идентична, однако она существенно отличается от относительной частоты употребления этих единиц у Непомнящего: *едва* = 0,007 % (спорные), 0,006% (Плющихин), 0,018% (Непомнящий); *немного* = 0,002% (спорные), 0,002% (Плющихин), 0,031 % (Непомнящий) (см. табл. 1).

Таблица 1

	Спорные произведения		Произведения Плющихина		Произведения Непомнящего	
	Абсолют. частота	Относит. частота	Абсолют. частота	Относит. частота	Абсолют. частота	Относит. частота
<i>Едва</i>	6+7 ¹⁶⁾ =13	0,007 %	12+3+12=27	0,006%	11+18=29	0,018%
<i>Немного</i>	2+1=3	0,002 %	1+2+2=5	0,002 %	25+25=50	0,031 %

Вторая группа исследованных наречий степени характеризует степень) ожидания некоторого события. К ним относятся лексемы *вдруг*, *внезапно*, *неожиданно*. Все эти наречия очень близки по значению. Тем самым их частотное распределение может рассматриваться как характеристика *я* авторского стиля. Анализ показывает, что относительные частоты употре- бления наречий *вдруг*, *внезапно* и *неожиданно* в произведениях «спорной

15) Относительная частота считалась по всем словам соответствующих текстов.

16) Здесь и далее абсолютные частоты словоупотреблений в конкретном произведении указываются в последовательности, соответствующей порядку перечисления исследуемых текстов в Приложении 1.

группы» и произведений Плющихина практически совпадают: *вдруг* — 0,052% (спорные), 0,05%

(Плющихин); *внезапно* — 0,001 % (спорные), 0,000% (Плющихин); *неожиданно* — 0,007% (спорные), 0,006% (Плющихин) (см. табл. 2). Относительные частоты соответствующих наречий в группе произведений Непомнящего существенно отличаются от первых двух групп: *вдруг* — 0,065 %; *внезапно* — 0,005 %; *неожиданно* — 0,016 %.

Таблица 2

	Спорные произведения		Произведения Плющихина		Произведения Непомнящего	
	Абсолют. частота	Относ. частота	Абсолют. частота	Относ. частота	Абсолют. частота	Относ. частота
<i>Вдруг</i>	61+30=91	0,052%	52+16+39=107	0,05%	79+25=104	0,065 %
<i>Внезапно</i>	1+1=2	0,001 %	0+0+0=0	0,000 %	7+1=8	0,005 %
<i>Неожиданно</i>	10+2=12	0,007 %	5+0+7=12	0,006%	12+13=25	0,016%

Третья группа проанализированных наречий степени — лексемы *очень* и *слишком*. Частотное распределение этих единиц с определенностью указывает на сходство спорной группы произведений с произведениями Плющихина. С другой стороны, относительная частота употребления *очень* и *слишком* в текстах Непомнящего существенно выше — 0,17 % для *очень* (0,06 % и 0,05 % в спорной группе и в группе текстов Плющихина соответственно), 0,06% для *слишком* (0,01 % и 0,01 % в спорной группе и в группе текстов Плющихина) — см. табл. 3. Тенденция к использованию лексем, имеющих в значении идею «превышения нормы какого-то свойства», характерная для Непомнящего, проявляется и в частоте употребления количественного наречия *много*, ср. 0,06 % в текстах Непомнящего (абс. част. 100), 0,01 % (абс. част. 26) в спорной группе, 0,02% (абс. част. 42) в произведениях Плющихина.

Таблица 3

	Спорные произведения		Произведения Плющихина		Произведения Непомнящего	
	Абсолют. частота	Относ. частота	Абсолют. частота	Относ. частота	Абсолют. частота	Относ. частота
<i>Очень</i>	47+49=96	0,06%	32+36+42=11	0,05%	103+164=267	0,17%
<i>Слишком</i>	9+4=13	0,01%	0 3+3+8=14	0,01%	43+46=89	0,06%

Частицы. Из лексико-грамматического разряда частиц были проанализированы единицы *тоже* и *также*, лексема *так* (в разных значениях). Если по относительной частоте частицы *также* все группы произведений приблизительно равны, то по относительной частоте частицы *тоже* первая и вторая группы (спорные произведения и произведения Плющихина) объединяются и противопоставляются третьей — произведениям Непомнящего. Аналогично по частоте лексемы *так* противопоставлены спорная группа произведений и произведения Плющихина, с одной стороны, и произведения Непомнящего — с другой (см. табл.4).

Таблица 4

	Спорные произведения		Произведения Плющихина		Произведения Непомнящего	
	Абсолют. частота	Относ. частота	Абсолют. частота	Относ. частота	Абсолют. частота	Относ. частота
<i>Тоже</i>	74+63=137	0,08%	55+36+66=15	0,07%	89+129=218	0,14%
<i>Также</i>	13+29=42	0,02%	11+5+15=31	0,01%	5+21=26	0,02%
<i>Так</i>	208+223=431	0,25%	166+239+118	0,25%	370+295=665	0,42%

Вводные слова и выражения. Как известно, к числу вводных слов относятся лексемы, в которых говорящий выражает свое отношение к сказанному, в частности оценку достоверности-недостоверности пропозиции. Была исследована частота употребления лексических единиц *конечно*, *разумеется*, *естественно*, связанных с выражением уверенности в истинности утверждаемого (см. табл. 5). Легко видеть, что относительные частоты употребления этих выражений в группе спорных произведений и в произведениях Плющихина практически совпадают, причем из группы квазисинонимов *конечно*, *разумеется*, *естественно* предпочтение отдается *конечно*. В группе произведений Непомнящего

относительная частота употребления *конечно* ниже, чем в первых двух группах, что компенсируется использованием вводных слов *разумеется* и *естественно*.

Таблица 5

	Спорные произведения		Произведения Плющихина		Произведения Непомнящего	
	Абсолют. частота	Относ. частота	Абсолют. частота	Относ. частота	Абсолют. частота	Относ. частота
<i>Конечно</i>	114+86= 200	0,12%	113+55+100= 268	0,13%	88+77=165	0,10%
<i>Разумеется</i>	0+0=0	0,00%	0+0+0=0	0,00%	33+13=46	0,03%
<i>Естественно</i>	2+1=3	0,002 %	0+0+0=0	0,00%	16+3=19	0,01%

Фразеологизмы. Специфические особенности использования фразеологизмов относятся к числу наиболее характерных стилевых особенностей. Для анализа была привлечена группа бранных идиом с компонентом *черт*, *хер* и *хрен* типа *черт/хер/хрен его знает*, *черт/хер/хрен их знает* и т. д. Было установлено, что эти выражения встречаются только в группе спорных произведений (абс. частота 8) и в текстах Плющихина (абс. частота 17).

Показательно использование довольно редкой идиомы *тем паче*: она не встречается в произведениях Непомнящего, но представлена в текстах спорной группы (5 употреблений) и в произведениях Плющихина (2 употребления).

Глаголы речи. Среди глаголов речи наибольший интерес представляют те лексемы, которые используются как авторские ремарки для введения речи персонажей. В имеющемся материале были проанализированы глаголы *сказать* и *возразить*. Несмотря на то, что по законам жанра (исследовались детективные романы) конфликтных ситуаций в спорных текстах и в произведениях Плющихина не меньше, чем в произведениях Непомнящего, *возразить* существенно чаще используется именно в последней группе, что является несомненным признаком авторского стиля — см. табл. 6.

Таблица 6

	Спорные произведения		Произведения Плющихина		Произведения Непомнящего	
	Абсолют. частота	Относ. частот	Абсолют. частота	Относ. частота	Абсолют. частота	Относ. частота
<i>Сказать</i>	1059	0,61%	1087	0,51%	919	0,57%
<i>Возразить</i>	2	0,00%	0	0,00%	46	0,03%

Союзы и союзные слова. Анализировались также союзы и союзные слова *поскольку*, *почему* и *если*. Слово *почему*, кроме собственно союзного употребления, функционирует как вопросительное слово; для данного типа исследования это несущественно. По распределению частоты употребления и в этом случае группа произведений Плющихина существенно сближается с группой спорных произведений, а группа произведений Непомнящего противопоставлена первым двум группам, ср. для *поскольку* 0,03 % и 0,03 % vs. 0,00 %; для *почему* 0,05 % и 0,04 % vs. 0,13 %; для *если* 0,22 % и 0,23 % vs. 0,31 % (см. табл. 7).

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что существуют специфические языковые особенности, отличающие стиль произведений Э. Плющихина от стиля произведений В. Непомнящего. Эти особенности проявляются на различных уровнях лексической системы языка — в выборе наречий, вводных слов, частиц, фразеологизмов, союзов и союзных

Таблица 7

	Спорные произведения		Произведения Плющихина		Произведения Непомнящего	
	Абсолют. частота	Относ. частот	Абсолют. частота	Относ. частота	Абсолют. частота	Относ. частота

Поскольку	48	0,03%	57	0,03%	6	0,00%
Почему	95	0,05%	95	0,04%	212	0,13%
Если	381	0,22%	493	0,23%	488	0,31%

слов, а также глаголов речи. Характерные черты стиля Э. Плющихина прослеживаются в произведениях спорной группы «Следователь президента» и «Смоленская площадь». С другой стороны, характерные языковые черты стиля В. Непомнящего не обнаруживаются в произведениях спорной группы. В рамках данного ограниченного по объему материала (для предложенных текстов двух данных писателей) выявленные особенности авторского языка могут рассматриваться как существенный фактор в пользу признания авторства Э. Плющихина на произведения спорной группы.

Приложение к экспертизе

Общее количество словоупотреблений по произведениям и трем группам:

Группа спорных произведений (I):

«Следователь президента» = 80498

«Смоленская площадь» = 93 040

Общая сумма = 173 538

Группа произведений Плющихина (II):

«Безумные глаза» = 68 735

«В погоне за невидимым убийцей» = 39 548

«Незнакомец» = 103 872

Общая сумма = 212 155

Группа произведений Непомнящего (III):

«Шакалы» = 68 583 «Трудное решение» = 91 244 Общая сумма = 159827

Основная литература

1. *Виноградов В. В.* Проблема авторства и теория стилей. М., 1961.

2. *Марусенко М. А.* Атрибуция анонимных и псевдонимных текстов методами прикладной лингвистики // Прикладное языкознание. СПб., 1996.

3 *Пиотровский Р. Г., Бектаев К. Б., Пиотровская А. А.* Математическая лингвистика. М., 1977.

4. *Шайкевич А. Я.* Дистрибутивно-статистический анализ в семантике // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.

5. *Шайкевич А. Я.* Количественные методы // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Дополнительная литература

1. *Виноградов В. В.* Лингвистические основы научной критики текста // Вопросы языкознания. 1958. №2, 3.

2. *Harris Z. S.* From Phoneme to Morpheme // Language. 1955. Vol.31. №2. P. 190-222.

§ 3. Психолингвистика как приложение лингвистики

Психолингвистика как научная дисциплина относительно недавно приобрела respectable институциональный статус. Официальное провозглашение новой дисциплины произошло в 1954 г. актом опубликования сборника научных исследований под общим названием «Psy-cholinguistics. A survey of theory and research problems», редактировали который Ч. Осгуд и Т. Сибек, ставшие впоследствии отцами психолингвистики. В центре внимания психолингвистических исследований стоят процессы речеобразования и восприятия, а также усвоения языка ребенком. Иными словами, если лингвистов в паре «человек—язык» больше интересует «человеческий язык», то психолингвистов — «человек, говорящий на естественном языке».

Основные методы психолингвистического исследования — ассоциативный эксперимент, метод семантического дифференциала Ч. Осгуда — заимствованы из психологии или основываются на чисто психологических категориях. Некоторые психолингвистические эксперименты широко используются в лингвистике. Так, без свободного ассоциативного эксперимента невозможно составление ассоциативных словарей. Методика проведения ассоциативного эксперимента сводится к тому, что испытуемому предъявляется список слов-стимулов, на каждое из которых он должен, не задумываясь, написать или высказать любое пришедшее на ум слово-реакцию. Обобщенные результаты такого эксперимента могут быть положены в основу ассоциативного словаря.

Психолингвистика в основной своей части — приложение психологии в лингвистике, а не приложение лингвистики в психологии. Тем самым это не часть прикладной лингвистики, а скорее часть «прикладной психологии». Как и в количественной лингвистике, лишь небольшие фрагменты проблемной сферы психолингвистики можно отнести к собственно приложениям лингвистики.

В одной из таких областей — изучении афазии — данные об особенностях устройства языковой

системы используются самым непосредственным образом. Афазия — это заболевание, выражающееся в нарушениях речи, возникающих из-за поражения коры головного мозга (прежде всего коры левого полушария – у правшей). Поражения носят органический характер, возникая в результате травм, ранений, сосудистых заболеваний, опухолей головного мозга. Изучением типов афазии занимался А.Р.Лурия, который и составил одну из классификаций типов афазии, в которой учитывались особенности патологии речи.

Результаты исследований Ю в ходе которых широко использовались данные лингвистической теории, показывают, что кора головного мозга разделена на различные участки, образующие две взаимосвязанные системы. Первая система образована задними (теменно-затылочно-височными) отделами; она отвечает за прием, переработку и хранение информации. Вторая система связана с работой передних отделов коры головного мозга, отвечающих за формирование намерений, планов и программ поведения человека. Структура парадигматических отношений кодируется задними отделами левого полушария. При поражении этих областей головного мозга. Р.Якобсон описал различия парадигматические и синтагматические различия в афазии в терминах противопоставления «селекции», отражающей парадигматический аспект языковой системы, и «комбинации», представляющей синтагматические отношения [Якобсон 1985 б, с.289; Якобсон 1996]. Р.Якобсон обсуждает интересный с лингвистической точки зрения пример душевной болезни русского писателя Глеба Ивановича Успенского. Его имя и отчество разделилось в его сознании на две совершенно различных сущности: *Глеб* наделялся в представлении Успенского всеми его положительными качествами, а *Иванович* – воплощал все его пороки [Якобсон 1996, с 50. и далее]. Очевидно, что в данном случае нарушения относятся к сфере синтагматики.

Это лингвистическое по сути основание классификации используется для выделения различных типов афазии. При поражении задних отделов может возникать височная (сенсорная) и затылочно-теменная (семантическая) афазия. Поражение передних отделов часто ведет к лобной (моторной и динамической) афазии.

Сенсорная афазия приводит к тому, что у больного нарушается способность различать звуковой состав слов – выделять фонемы и соотносить их с соответствующими фонемами. Симптомы сенсорной афазии проявляются в первую очередь в том, что больному трудно понимать устную речь, трудно писать под диктовку; нарушается способность к номинации, называнию предметов. Сенсорная афазия многообразна. При акустическо-гностической афазии больной из-за невозможности различать фонемы и сопоставлять их с фонемами слышит одно и то же слово каждый раз по-другому. Произнося слово, он заменяет звуки на другие из того же парадигматического класса, иногда заменяет все слово на близкое по звучанию. Больной с трудом читает и пишет, хотя и словоохотлив. Устная речь содержит много слов со служебными грамматическими функциями, а актанты, замещающие обязательные валентности предикатов, часто отсутствуют. Другая форма сенсорной афазии – акустико-мнестическая – понимает речь на фоне акустических помех.

При **семантической афазии**, впервые выделенной как особый тип Х.Хэдом, у больного нарушено пространственное мышление. Для него представляет большую проблему понимание составляющих с пространственными предлогами, конструкций с диатезами – пассивизацией, залоговыми преобразованиями и пр.

Моторная афазия, описанная в 1861 г. П.Брока, так же как и сенсорная афазия, имеет несколько форм. Для афферентной моторной афазии характерно нарушение артикуляторных движений. Симптоматика проявляется в неправильном произношении слов, замене одних звуков другими, близкими по артикуляции. Эфферентная моторная афазия сопровождается инертностью речевых стереотипов: больному трудно перейти от одного слога к другому, от одного слова к другому. Нарушена мелодика речи. Динамическая афазия приводит к дефектам планирования речи, что проявляется в нарушениях связности речи: больной не в состоянии построить развернутое высказывание.

Р.Якобсон сформулировал гипотезу, согласно которой процесс распада речи при афазии повторяет в обратном порядке процесс становления речи в онтогенезе, а восстановление речевой способности афатиков в процессе лечения повторяет процесс усвоения языка ребенком. Из этого следует, что наиболее сложные аспекты языковой компетенции и речевого поведения утрачиваются в первую очередь, а восстанавливаются самыми последними. В основном гипотеза Р.Якобсона получила экспериментальное подтверждение.

Лингвистические данные позволяют делать выводы и о других психических расстройствах. Например, речь шизофреников на ранних стадиях характеризуется невнятиостью, бессвязностью, нарушениями артикуляции, немотивированным варьированием громкости произнесения. Письменный текст, устойчивые словосочетания теряют цельность, высказывания плохо мотивированы и тематически не соотносятся друг с другом. Маниакально-депрессивные психозы сопровождаются упрощением синтаксической структуры предложения, ошибками в реализации моделей управления глаголов. Разрушение способности к планированию приводит к ошибочному выбору лексемы из синонимического ряда – ср. *Он врезал ей под очи* вместо *Он врезал ей под глаз*. Лингвистический эксперимент оказывается важным фактором диагностики психических заболеваний.

Возможности приложения лингвистических знаний в этой области отнюдь не ограничиваются диагностикой. Курс реабилитации больных с нарушениями речи включает серии специальных лингвистических упражнений, которые различаются для больных с разными психическими расстройствами.

К сожалению, эта сфера еще плохо освоена лингвистами.

Основная литература

1. Слобин Ж., Грин Дж. Психолингвистика. М., 1976.
2. Якобсон Р. Лингвистические типы афазии // Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985. С.287-300.

Дополнительная литература

1. Зубкова Т.И. Психолингвистика // Прикладное языкознание. СПб., 1996. С.245-267.
2. Леонтьев А.А. Основы теории речевой деятельности. М., 1974.

Глава 3 Оптимизация эпистемической функции языка

§1. Лексикография

Лексикография (от греч. *λεξικός* «относящийся к слову» и *γραφω* «пишу») может быть определена как прикладная дисциплина, в центре внимания которой стоят методы создания (составления) словарей. В отличие от лексикологии – теоретической дисциплины, являющейся частью теоретической семантики и занятой разработкой методов описания плана содержания лексем (в том числе методов толкования), проблематика лексикографических работ лежит именно в словарной сфере. Центр ее интереса – типы словарей и способы организации словарной статьи. Разумеется, тип словаря прямо определяется структурой словарной статьи и наоборот.

Обычно под словарем понимается определенным образом организованное собрание слов, обычно с приписанными им комментариями, в которых в стандартной для данного словаря формы (или формате) описываются особенности их структуры и/или функционирования¹). Объектом слова, то есть словам в словаре сопоставляются объяснения (толкования) их значений и употребления, так и их формальная структура. Помимо слов, объектами словарного описания могут выступать их компоненты (таковы, например, словари морфем), а также словосочетания различных типов – фразеологизмы (коллокации, поговорки, пословицы, идиомы, крылатые слова), цитаты и т.п.

К компетенции лексикографии относится также задача разработки технологий составления словарей. В настоящее время в связи с развитием компьютерной техники создаются компьютерные технологии создания словарей, а также разнообразные электронные словари, распространяемые на компакт-дисках или размещаемые на серверах компьютерных сетей. Компьютерные технологии создания словарей рассматриваются ниже в разделе 1.5.

1) Термин *словарь* имеет в лингвистике и другое значение, обозначая всю совокупность слов некоторого языка (иначе говоря, его *лексику*). В этом значении *словарь* противопоставляется *грамматике* – своду правил, по которым из слов строятся более сложные языковые выражения (словосочетания и предложения).

1.1. Из истории словарного дела

Возникновение хорошо известной нам «технологической» формы словаря — упорядоченной по алфавиту совокупности словарных статей — тесно связано с началом книгопечатания, то есть относится к середине XV в. Однако первые словари — «глоссарии» появились задолго до Гутенберга. В их основе лежали списки трудных слов («глосс»²), требовавших пояснения для читателя. В глоссариях находила отражение метаязыковая функция языка — то есть использование языка для описания самого языка, а не коммуникативной ситуации, действительности. Самые ранние глоссы известны с глубочайшей древности (шумерские глоссы — XXV в. до н. э., китайские — XX в. до н.э.). Один из самых древних европейских словарей «Эпинальский кодекс» относится к VII в. Он был составлен неизвестным ученым как справочник для чтения латинских текстов. «Эпинальский кодекс» доступен для изучения; имеется его факсимильное издание под редакцией английского языковеда Генри Суита, которое вышло в 1883 г. Более глобальная идея фиксации всего знания средневековья двигала доминиканским монахом по имени Иоанн Бальбус, который в Генуе в 1286 г. закончил словарное издание «Catholicon» («Католикон»), или «Summa». В 1460 г. Фуст и Шёффер опубликовали это уникальное издание в типографии Иоганна Гутенберга в Майнце.

С началом эпохи книгопечатания переиздаются многие рукописные словари. Одновременно начинаются крупные национальные лексикографические проекты. Для английского языка — это, несомненно, «Оксфордский английский словарь» (первое издание в 10 томах было осуществлено в 1884—1928 гг.). В 1933 г. словарь был переработан и переиздан в 12 томах с однотомным дополнением. «Оксфордский английский словарь» состоит из 290 тысяч словарных статей и примерно 2,5 миллионов

цитат, занимающих 22 тысячи страниц. По-видимому, это один из наиболее полных словарей английского языка, основанных на принципах исторической лексикографии.

Начала американской лексикографии не без оснований связываются с деятельностью Ноя Уэбстера (Noah Webster). При составлении «Американского словаря английского языка» («An American Dictionary of the English Language»), впервые опубликованного в 1828 г., автор преследовал цель показать, что американский английский не испорченный вариант британского, а автономная лексическая система, обладающая целым рядом специфических особенностей. Впоследствии имя Уэбстера использовалось различными издательствами для словарной продукции. Среди таких изданий наиболее известен «Новый интернациональный словарь Уэбстера» («Webster's New International Dictionary»). Вышедшее в 1961 г. третье издание этого словаря вызвало оживленную дискуссию.

2)От греч. glossa 'язык, слово'.

Явная ориентация авторского коллектива на современное состояние языка в ущерб старым нормам не всеми была воспринята положительно.

Один из первых достаточно полных словарей французского языка — «Словарь французского языка» Эмиля Литре (E. Littré. «Dictionnaire de la langue française»). Первое издание было осуществлено в 1863—1872 гг., а в 1956—1958 гг. увидело свет новое издание этого уникального труда в семи томах. Из известных словарей французского языка следует упомянуть также «Большой универсальный словарь» Пьера Ляруса (Pierre Larousse. «Grand dictionnaire universel») в 15-ти томах, вышедший в 1876 г., а также «Словарь современного французского языка» под ред. Жана Дюбуа и др. («Dictionnaire du français contemporain» / Ed. par J. Dubois et al. 1967). Последний включает около 25 тысяч словарных статей.

В Германии начало лексикографии связывается прежде всего с именами выдающихся немецких филологов, братьев Якоба и Вильгельма Гримм, которые начали работу над проектом «Немецкого словаря» (Deutsches Wörterbuch), словарная статья которого включала разнообразную информацию о слове — толкование значения, этимологию, примеры употребления. Работа была закончена только в 1960 г., при том что первый том вышел в 1854 г. Один из современных словарей немецкого языка — «Большой немецкий словарь» под ред. Герхарда Вариха («Das grosse deutsche Wörterbuch» / Hrsg. von G. Wahrig) содержит более 220 тысяч словарных статей. В Германии издается также несколько серий словарных изданий, среди которых особенно известны словари серии DUDEN, охватывающие разнообразные области употребления немецкого слова — от толковых словарей и тезаурусов до словарей произношения.

Итальянская традиция лексикографии берет свое начало на рубеже XIV-XV вв. По свидетельству Альды Барт, одним из первых рукописных толковых словарей итальянского языка является Vocabulista Л. Пульчи [Bart 1986]. Это справочное издание состоит из двух частей. Первая часть включает около двухсот имен собственных из греческой и римской мифологии (божества, нимфы, музы), а также некоторое количество топонимов. Во второй части помещено около семисот латинизмов, широко использовавшихся во «флорентийском вольгаре». К словарным описаниям итальянского вольгаре относят также и словарные списки Леонардо да Винчи, содержащиеся в его рукописях. Зачем Леонардо собирал слова с довольно подробными примерами и интерпретациями — по этому поводу до сих пор идут споры среди исследователей. Некоторые полагают, что настоящая цель великого мыслителя эпохи возрождения заключалась не в том, чтобы создать словарь, а в том, чтобы попытаться установить законы функционирования грамматики и лексики языка. Среди первых печатных словарей итальянского языка следует упомянуть словарь Дж. Верини (1532 г.). Цель словаря — обучение чтению и письму на итальянском языке того времени. По-видимому, это один из первых учебных словарей в истории лексикографии. Большое место в итальянской лексикографии занимали и занимают словари-комментарии к литературным произведениям. Одно из первых изданий такого рода — «Словарь к Декамерону» Л. Минерби, вышедший в Венеции в 1535 г.3)

Словарная деятельность на Руси также начиналась с рукописных глоссариев. По некоторым источникам, самый ранний из сохранившихся глоссариев содержит 174 слова и относится к 1282 г. Основные принципы создания словарей — в частности алфавитный порядок следования словарных статей — устанавливаются к XVI в. Один из первых печатных словарей «Лексис, сиречь речения вкратце собранны и из словенского4) языка на просты русский диялект истолкованы» Лаврентия Зизания Ту-становского был опубликован в Вильно (Вильнюсе) в 1596 г. Позже в 1627 г. в Киеве выходит гораздо больший по объему (около 7 тысяч слов) «Лексикон славеноросский и имен толкование» Памвы Беринды, переизданный в 1653 г. и оказавший значительное влияние на словарное дело. В тот же период появляются многочисленные переводные словари. Петровские реформы приводят к проникновению в русский язык многочисленных иностранных слов, что стимулирует появление словарей иностранных слов. Первым из них был «Лексикон вокабулам новым по алфавиту», составленный в начале XVIII в., но опубликованный только в 1910 г. В 1771 г. появился этимологический словарь Ф. Гельтергофа «Русский Целлариус». Чуть позже (в 1783 г.) увидел свет первый русский словарь синонимов «Опыт российского сословника» Д. И. Фонвизина, содержавший 32 синонимических ряда.

В XVIII в. в Санкт-Петербургской Академии наук под руководством М. В. Ломоносова в недавно организованной Российской академии начались работы по созданию академического толкового словаря русского языка. В результате этого первого национального проекта появился «Словарь Академии Российской», вышедший в 6 частях в 1789—1794 гг. Словарь содержал 43 257 слова, и его выход стал

важнейшим этапом для российской лексикографической традиции. Второе расширенное издание появилось в 1806-1822 гг., а третьим изданием академического словаря стал четырехтомный «Словарь церковнославянского и русского языка» объемом в 114 749 слов, увидевший свет в 1847 г. В XIX веке Россия окончательно становится великой лексикографической державой. В это время создаются словари, которые приобретают знаковый характер для российской культуры и продолжают свою жизнь и в XX в. К их числу следует отнести прежде всего «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля (первое издание — 1863-1866 гг.; третье под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ — 1903-1911 гг.). В XX в. в СССР осуществляются крупнейшие национальные проекты создания нормативных словарей (см. ниже).

3) Более подробно о начальном периоде итальянской лексикографии см. [Лобода-нов 1998].

4) Здесь имеется в виду церковнославянский язык.

1.2. Базовые параметры типологизации словарей

Одно из важнейших противопоставлений в словарном деле — это разделение словарных изданий на **лингвистические** или **филологические словари и энциклопедии**. Это противопоставление носит и формальный, и содержательный характер. Объект описания энциклопедических словарей — область понятий, фактов и реалий. В лингвистических словарях описываются сами слова — их значения, особенности употребления, структурные свойства, сочетаемость, соотношение с лексическими системами других языков (для двуязычных словарей) и т. д. Словники энциклопедических словарей включают, преимущественно, существительные и словосочетания с ними. Словники лингвистических словарей включают все части речи. Существенно отличаются и способы описания: если в лингвистических словарях слово описывается с точки зрения его языковых и речевых характеристик (ему сопоставляется, например, толкование, комплекс грамматических и стилистических помет, данные о происхождении и. д.), то словарная статья энциклопедии может включать самую различную информацию — прежде всего не лингвистическую, передаваемую в текстовой и изобразительной форме (в виде рисунков, фотографий, диаграмм, карт и пр.). Впрочем, следует отметить, что некоторые толковые словари также содержат рисунки и схемы. Это особенно продуктивно при толковании слов, обозначающих малоизвестные реалии.

Проблема соотношения лингвистических и энциклопедических словарей имеет большую теоретическую и практическую значимость, и многое в ней остается дискуссионным. При всей наглядности различия лингвистической и энциклопедической информации⁵⁾ употребление языка сплошь и рядом предполагает обращение к сведениям обоих типов. Чаще всего с этим сталкиваются при создании компьютерных систем обработки текста, а также в практике преподавания иностранных языков и в области перевода. Последнему обстоятельству обязан своим существованием особый класс предназначенных для массового использования лексикографических описаний, объединяющих в себе черты словаря и энциклопедии — **лингвострановедческих словарей**. В отечественной лексикографии самым значительным произведением такого типа является «Американа. Англорусский страноведческий словарь» под ред. Г.В. Чернова (1996); другие аналогичные издания (например, «Великобритания» под ред. Е. Ф. Рогова, 1978, или «Австрия. Лингвострановедческий словарь» Н.В. Муравлевой, 1997) имеют несравненно меньший объем. С лингвострановедческими словарями сближаются также лексикографически оформленные собрания языковых выражений, в которых отражаются особенности национального сознания носителей языка (ср., например, «Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь» В. П. Фели-

5) К чисто лингвистической относится, например, информация о морфологическом Роде слова *стол*, об особенностях его склонения, произношения в различных формах, его многозначности и наборе значений т.д. Экстралингвистической информацией является, например, знание о том, что «Наполеон Бонапарт умер в 1821 г.».

цыной и Ю. Е. Прохорова, 1979), хотя **словари крылатых слов и выражений** на страноведческий статус обычно не претендуют.

Еще один тип словарей, сочетающих в себе черты лингвистических и энциклопедических, — это **терминологические** словари. Их можно считать лингвистическими словарями подязыков конкретных отраслей знания и/или видов профессиональной деятельности (например, техники или экономики), тогда как с точки зрения общелитературного языка содержащаяся в них информация является скорее экстралингвистической; к тому же некоторые из таких словарей содержат и сведения, которые должны считаться экстралингвистическими при любом взгляде (таковы, например, различные политехнические словари). Число терминологических словарей очень велико и постоянно увеличивается; некоторые из них имеют большой объем и содержат не только толкования терминов, но и сведения об их сочетаемости; многие терминологические словари к тому же являются двух- или многоязычными.

Лексикографы принимают участие в составлении энциклопедий, лингвострановедческих и терминологических словарей, однако главная их задача — создание словарей лингвистических.

Лингвистические словари по своим целям и способам лексикографического описания разделяются на несколько типов. Среди лингвистических словарей особое место занимают **толковые словари**, задачей которых является объяснение (толкование) значений слов и иллюстрация их употребления в речи. В общественном сознании толковые словари воспринимаются как хранилище богатства языка и как важнейший источник информации о его функционировании. В большинстве развитых стран мира создание

толковых словарей национальных языков рассматривается как существенная часть языковой политики государства и поддерживается специальными государственными программами.

По функциям и цели создания толковые словари разделяются на **дескриптивные и нормативные**. Дескриптивные словари предназначены для полного описания лексики определенной сферы и фиксации всех имеющихся там употреблений; в них фиксируются все имеющиеся релевантные случаи. Оценка качества дескриптивного словаря зависит от того, с какой степенью полноты словник словаря отражает проблемную область, насколько точно описаны значения лексем, представленных в материале. Типичным примером дескриптивного словаря является «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (первое издание в четырех томах выходило в 1863-1866 гг.). Цель создателя словаря заключалась не в нормировании языка, а в по возможности полном описании всего многообразия великорусской речи — в том числе ее диалектных форм, просторечия. В. И. Даль прекрасно осознавал дескриптивный характер своего словаря, это в полной мере отвечало его исследовательским интересам — интересам собирателя великорусского слова. Дескриптивными по определению являются словари сленгов и жаргонов, диалектные словари. Понятие нормы вполне может быть применено и к сленгу, и к жаргону, однако норма в этих сферах бытования языка, как правило, менее устойчива и — что наиболее существенно — не становится объектом языковой политики государства.

Цель нормативного словаря — дать норму употребления слова, исключив не только неправильные употребления слов, связанные с неправильным пониманием их значений, но и те употребления, которые не соответствуют коммуникативной ситуации (литературный язык vs. диалект vs. жаргон), ср. *отчини* вместо *открой*, *стрелка* вместо *встреча* и пр. Иными словами, нормативные словари рекомендуют, предписывают стандарт употребления слова, задают литературную норму. В этом смысле они являются действенным инструментом языковой политики и языкового строительства. Первым нормативным словарем русского языка двадцатого века является четырехтомный «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, вышедший с 1935 по 1940 гг. Авторский коллектив словаря, включавший, кроме Ушакова, таких известных ученых, как В.В.Виноградов (со второго тома), Г.О.Винокур, Б.А.Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, видел свою задачу в «попытке отразить процесс переработки словарного материала в эпоху пролетарской революции, полагающей начало новому этапу в жизни русского языка, и вместе с тем указать **нормы употребления слов** (выделено мною. — А. Б.)». [Толковый словарь русского языка 1935, От редакции, с. iii]. Словарь должен был «послужить орудием в борьбе за качество того языка, которым каждый день говорит наша литература, наша печать с миллионами трудящихся» [Толковый словарь русского языка 1935, От редакции, с. iii]. Традиция подготовки нормативных словарей в советской лексикографии была далее продолжена в 1948 г. «Словарем современного русского литературного языка» в 17 томах (неофициальное название «Большой академический словарь», или БАС), в 1957 г. «Словарем русского языка» в 4 томах (иногда называется «Малый академический словарь русского языка», или МАС; издание завершено в 1965 г.) и однотомным «Словарем русского языка» С. И. Ожегова (первое издание в 1949 г.; этот словарь был создан на основе словаря под ред. Д. Н. Ушакова, впоследствии многократно обновлялся и с 1992 г. выходит в авторстве С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой). Предшественником этих словарей, помимо «Словаря Академии Российской», был также академический «Словарь русского языка», оставшийся незавершенным. Концепция этого словаря менялась по ходу работы над ним: первый его том под ред. Я. К. Грота (1895) был нормативным; второй (1907) и четвертый (1916) тома под ред. А. А. Шахматова представляли собой словарь-тезаурус — скорее дескриптивный, чем нормативный. В послереволюционное время отдельные его выпуски продолжали выходить до 1930-х гг. под ред. В. И. Чернышева, Л. В. Щербы и др.

По характеру словника толковые словари разделяются на **общие** и **частные**. Рассмотренные ранее толковые словари относятся к общим

б)Ср. английский термин «unabridged», характеризующий в англоязычной традиции лексикографии как разнообразие словника словаря, так и его полноту.

словарям. Характерным примером частного толкового словаря являются фразеологические словари, словники которых ограничены устойчивыми сочетаниями слов, обладающими той или иной степенью идиоматичности (нерегулярности значения). Первые русские словари фразеологического типа появились на рубеже веков; это были сборники С. В. Максимова «Крылатые слова» (1890 и 1892 гг.) и сборник М. И. Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое» (в 2-х т., 1902-1903 гг.). В настоящее время наиболее известен «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А. И. Молоткова (первое издание в 1967 г.), устаревший к настоящему времени по составу словника и примерам. Среди более современных изданий следует отметить словарь «Русская фразеология» Р. И. Яранцева («Русский язык», 1997), «Словарь образных выражений русского языка» под редакцией В. Н. Телии («Отечество», 1995) и «Russian-English Dictionary of Idioms» С. Любенской («Random House», 1995). Последний словарь, будучи двуязычным, содержит тем не менее наиболее полный на настоящий момент словник русской фразеологии и современный корпус литературных примеров. Важная особенность фразеологических словарей — необходимость отражения варьирования формы фразеологизмов.

К частным толковым словарям относятся также **словари жаргонов и сленгов, диалектные словари, словари иностранных слов**. Словарное описание жаргонов и сленгов русского языка осуществляется по большей части не профессиональными лингвистами-лексикографами, а в лучшем случае носителями

соответствующих подязыков и в силу этого далеко от лексикографического стандарта качества. Еще одна проблема — отсутствие доступного корпуса примеров. Фактически при словарном описании жаргонов лингвист сталкивается с ситуацией полевого исследования со всеми вытекающими последствиями — поиском информантов, необходимостью разработки методики опроса информантов, проблемами фиксации речевых примеров и пр. Отсюда типичный недостаток словарей жаргонов и сленгов — практически полное отсутствие зоны примеров на употребление жаргонных единиц.

Из недавно вышедших словарей жаргонов можно упомянуть «Русская феня» В. Быкова («Траст-Имаком», 1994), «Словарь русского сленга» И. Юганова и Ф. Югановой («Метатекст», 1997). Словари англоязычных сленгов представлены, в частности, такими известными изданиями, как «Англо-русский словарь американского сленга» под ред. Е. И. Тузов-ского (1993), в основе которого лежит «Dictionary of American Slang» Р. Спирса [Spears 1991], а также «A Dictionary of Slang and Unconventional English» [Partridge 1984].

Среди диалектных словарей различаются **общие и региональные** словари. Словники общих диалектных словарей включают лексику многих (или по крайней мере нескольких) диалектов и говоров. Словарь В. Даля может быть отнесен именно к этому типу диалектных словарей. Другим примером этого типа является «Словарь русских народных говоров» под редакцией Ф. П. Филина, выходящий с 1965 г. Словники региональных диалектных словарей ограничены лексикой одного диалекта или говора. Ср., например, «Смоленский областной словарь» В. Н. Добровольского (1914).

Словарь иностранных слов — это вид толкового словаря, в котором объясняются значения слов иностранного происхождения, которые хорошо ощущаются носителями языка как заимствования из других языков. Кроме собственно толкования, словари такого типа как правило включают информацию о том, из какого языка пришло слово и его иноязычный аналог. Один из наиболее известных словарей иностранных слов под редакцией И. В. Лёхина, С. М. Локшиной, Ф. Н. Петрова и Л. С. Шаумяна содержит около 23 тысяч единиц (6-е издание в 1964 г.).

Особыми видами толковых словарей можно считать **словари синонимов, антонимов, омонимов и паронимов**, а также **словари новых слов**. Словарь синонимов — это такой толковый словарь, в одной словарной статье которого помещаются близкие по значению слова — синонимические ряды. Словари синонимов появились достаточно давно; помимо уже упомянутого словаря Д. И. Фонвизина следует назвать «Опыт словаря русских синонимов» П.Ф.Калайдовича (1818), содержащий 77 синонимических рядов. Толковаться в словаре синонимов может как весь ряд в целом, так и каждая лексема, входящая в ряд. По такому принципу построен двухтомный «Словарь синонимов русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой («Наука», 1970-1971). Некоторые словари синонимов не содержат толкований вообще (например, «Словарь синонимов русского языка» З. Е. Александровой, 1968). В этом случае предполагается, что значение иллюстрируется самим синонимическим рядом. В настоящее время под руководством акад. Ю. Д. Апресяна осуществляется глобальный по замыслу проект «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка» (первый выпуск в 1997 г.), в котором словарная статья синонимического ряда фактически представляет собой структурированную научную работу, в которой с различных сторон характеризуется значение синонимичных лексем. Разумеется, объем словарных статей такого словаря довольно велик и далек от лексикографического стандарта.

В словарной статье словаря антонимов содержатся антонимы с более или менее подробным описанием их значений. Словари антонимов в русской лексикографической традиции появились относительно недавно. Наибольший по объему и наиболее известный — это «Словарь антонимов русского языка» М. Р. Львова под ред. Л. А. Новикова (4-е дополненное издание вышло в 1988 г.); в 70-е гг. выходили меньшие по объему словари Л. А. Введенской (первый в отечественной лексикографии) и Н. Л. Колесникова.

В словарях омонимов представлены с той или иной степенью подробности омонимичные лексические единицы. Зона толкования для словарей омонимов обязательна, поскольку иллюстрировать различие омонимов без указания на значение невозможно — использование для пояснения значения синонимического ряда, как в словарях синонимов здесь сильно затруднено. Среди русскоязычных словарных изданий такого типа наиболее известен «Словарь омонимов русского языка» О. С. Ахма-новой (1974 г.).

В словари паронимов включаются слова, сходные по морфологическому составу, плану содержания, но имеющие разные значения, хотя и со значительной общей частью. Например, *одеть* vs. *надеть*, *жилой* vs. *жилищный*, *человеческий* vs. *человечный*. Словари паронимов, как и антонимов, появились в русской лексикографической традиции сравнительно недавно; первым из них был словарь-справочник Ю. А. Бельчикова и М. С. Панюшевой «Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка» (1968); в 1971 г. вышел «Словарь паронимов русского языка» Н. П. Колесникова, а в 1984 г. носящий такое же название словарь О. В. Вишняковой, основанный на научных монографиях того же автора, посвященных явлению паронимии.

В периодически издающиеся словари новых слов (неологизмов) включаются недавно вошедшие в язык слова и новые значения слов, понимание и употребление которых может вызывать затруднения. Таков, например, «Словарь новых слов русского языка» под ред. Н. З. Котеловой, вышедший в 1995 г. [Словарь новых слов русского языка 1995].

Другие типы лингвистических словарей. Типология словарей не ограничивается общими и частными словарями. В отличие от толковых словарей, в которых словарные статьи располагаются по алфавиту заглавного слова, в **словарях-тезаурусах** (иначе называемых также **идеографическими словарями**) лексика организуется по тематическому принципу⁷⁾. В качестве словарной статьи выступают целые **таксоны** — группы лексем, объединенных по близости значения. Фактически таксоны представляют собой семантические поля. Наиболее известный из имеющихся словарей-тезаурусов — сделанный на материале английского языка тезаурус П. М. Роже «Roget's thesaurus of English words and phrases» (первое издание в 1852 г.). В России на тезаурусных принципах были построены второй (1907) и четвертый (1916) тома «Словаря русского языка», над которыми работал А. А. Шахматов.

Несмотря на наличие такого классического образца, как тезаурус Роже, принципы построения тезаурусов во многом остаются дискуссионными. Одна из основных проблем построения тезаурусов заключается в том, что в принципе любой семантический компонент в плане содержания слова может служить основанием для создания особого таксона. Например, глагол *обманывать* попадает не только в очевидную тематическую рубрику «ОБМАН, ЛОЖЬ», но и в возможные таксоны «ДОСТИЖЕНИЕ ЦЕЛИ», «НЕКООПЕРАТИВНОСТЬ ПОВЕДЕНИЯ», «ЭТИЧЕСКИЕ НОРМЫ»,

⁷⁾Термин «тезаурус» имеет еще два значения. Одно из них — очень полный, самый полный словарь; второе же относится не к лексикографии, а к теоретической семантике, а также теории знаний и теории коммуникации: тезаурусом называется вся совокупность имеющихся у человека знаний.

«ПРЕСТУПЛЕНИЕ» и др. Вторая проблема связана с древесной структурой понятийных рубрик тезауруса (таксонов). Древесное представление предполагает строгую иерархию понятий. Между тем семантические связи в лексике не ограничиваются отношениями «род—вид». Лексические единицы могут связываться имплицативными, темпоральными, каузальными отношениями, отношениями ассоциации, обоснования, объяснения, экзemplификации и др. Множественность семантических отношений между лексемами указывает на то, что в тезаурусе более предпочтительна структура семантической сети, которая, однако, существенно меняет представление о классической схеме тезауруса. При таком методологическом подходе таксоны (рубрики) тезауруса не образуют единой древесной структуры, а связаны между собой комплексом отсылок⁸⁾.

Третья проблема касается принципов формирования терминальных таксонов тезауруса. Необходима разработка общих правил, по которым одни компоненты плана содержания слова формируют таксон в словаре, а другие — нет. Это требует разработки сложных правил выбора таксонообразующих смыслов. Понятно, что они должны быть более важными, коммуникативно значимыми, чем другие, обладать большим «семантическим весом», высокой степенью обязательности присутствия в плане содержания (ср. противопоставление обязательной и факультативной части семантической экспликации, толкования).

При построении тезаурусов в явном виде возникает и другая нетривиальная проблема — разделение наивного и научного взгляда на мир. Некоторые тезаурусы идут по пути научной структуризации мира, при которой, например, существительное *кит* ни в каком виде не будет представлено в разделе «РЫБЫ», хотя наивное сознание в том или ином виде связывает *китов* с миром рыб. Понятно, что при таком подходе тезаурус представляет не структуру лексики, отражающей наивный взгляд на мир, а структуру научных категорий. Близкий подход можно увидеть в проекте тематического словаря, создаваемого в настоящее время коллективом сотрудников Института русского языка РАН под руководством Н. Ю. Шведовой [Русский семантический словарь 1998].

Наивный взгляд на мир реализуется в проекте создания Тезауруса русской идиоматики [Баранов, Добровольский 2000]. Так, таксон «УХОД, ОТЪЕЗД, БЕГСТВО» из поля «ДВИЖЕНИЕ» содержит отсылки к таксонам «ПОБЕГ», «ПРЕСЛЕДОВАНИЕ», «ВЫГНАТЬ...»; поле «ДАВНО» (часть более общего таксона «ВРЕМЯ») включает отсылки к полям «СТАРОСТЬ» и «СТАРОЕ». Таксон «БЫСТРО, СКОРО, СРАЗУ, СПЕШНО» содержит отсылку к полям «БЫСТРОЕ ДВИЖЕНИЕ...», «БЫСТРОТА, ЛЕГКОСТЬ ПОЛУЧЕНИЯ ЗНАНИЯ». Общая древовидная структура тезауруса идиоматики отсутствует, что отражает реальные функции этого слоя лексической системы языка: имеется явная тенденция

⁸⁾Подробнее о таком подходе к построению тезауруса см. [Баранов, Добровольский

к использованию идиом для выражения смыслов, отклоняющихся от некоторой нормы, что сопровождается позитивной или негативной оценкой говорящего. При этом негативная оценка в целом преобладает. Об этом свидетельствует, например, то, что в создаваемом тезаурусе количество отсылок от семантического поля ПЛОХО к другим полям вдвое превосходит количество отсылок от поля ХОРОШО (76 против 37). Иными словами, в семантической сети тезауруса узел ПЛОХО является существенно более центральным (и, следовательно, более важным), чем узел ХОРОШО. Семантические поля с характеристикой «нормальных состояний» присутствуют в идиоматике в минимальной степени. Фрагмент таксона «ВРЕМЯ» этого тезауруса приводится ниже.

Словари-тезаурусы, сделанные по конкретным проблемным областям (например, по электронике, геологии, торговле, политике), широко используются в системах автоматического поиска. Информационно-поисковые тезаурусы образуют основу информационных языков, с помощью которых кодируются документы в информационной системе (см. §4 главы 4).

Широкое поле работы лексикографов образуют **двуязычные**, или **переводные словари**. Основная задача словарей этого типа заключается в обеспечении понимания текста на иностранном языке, его перевод на родной язык. Несколько более сложной оказывается обратная задача — перевод текста на родном языке

на иностранный язык. Российская лексикография (как и лексикография большинства развитых стран, активно участвующих в различных формах международного обмена) имеет богатую традицию составления двуязычных словарей. Среди англо-русских словарей наиболее широко известны два. Это «Англо-русский словарь В.К.Мюллера, первое издание которого вышло в 1943 г.; впоследствии словарь дважды перерабатывался (последнее, 24-е издание словаря увидело свет в 1993 г.). Затем он был радикально переработан коллективом под руководством Е. Б.Черкасской и выдержал уже несколько изданий под названием «Новый англо-русский словарь». Более полным по словнику является «Большой англо-русский словарь» в 2-х томах под ред. И. Р. Гальперина; его третье издание 1979 г. содержит около 150 тыс. словарных статей. Впоследствии было издано дополнение к этому словарю, а потом он был сильно переработан и значительно расширен, результатом чего стало появление в 1993 г. «Нового большого англо-русского словаря» под ред. Ю.Д.Апресяна, содержащего около 250 тыс. словарных статей⁹).

Французско-русские словари представлены, в частности, словарем К.А.Ганшиной (шестое издание в 1977 г.) и «Французско-русским словарем активного типа» под редакцией В. Г. Гака и Ж. Триомфа (около 37 тыс. слов), в котором широко отражена сочетаемость французских лексем. Значительные по размеру словника и лексикографически хорошо проработанные иностранно-русские словари имеются для немецкого

⁹Первое издание под ред. Ю.Д.Апресяна и Э. М.Медниковой.

итальянского, испанского, польского, латинского, шведского, китайского, японского и некоторых других языков, включая языки народов России и бывшего СССР (например, бурятского). С русско-иностранными словарями дело обстоит несколько хуже; так, русско-английского словаря, сравнимого по своим достоинствам с лучшими англо-русскими словарями, до сих пор не существует.

Переводными словарями особого типа являются также и упомянутые выше лингвострановедческие словари. Кроме того, переводы слов, образующих заглавия словарных статей, на один или несколько языков, могут включаться в лингвистические словари почти всех существующих разновидностей.

Как показывают семантические и психолингвистические исследования, сфера ассоциативных отношений в лексике образует особую достаточно устойчивую систему. Она оказывается объектом описания в **ассоциативных словарях**. Словарная статья такого словаря представляет собой лексему-стимул, которой сопоставляется список упорядоченных по частоте или по алфавиту (с указанием частоты) слов — реакций, полученных в психолингвистическом эксперименте. В 1999 г. в Институте русского языка РАН завершен проект «Ассоциативного тезауруса современного русского языка» (Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов, Ю. А. Сорокин, Н.В.Уфимцева, Г.А.Черкасова), по результатам которого опубликовано три части (шесть книг) нового ассоциативного словаря [Караулов и др. 1994а; 1994б].

Словарный формат описания приложим не только к области значений слов, но и к другим сторонам функционирования лексической системы. В **частотных словарях** указывается частота употребления слов в специально сформированной представительной выборке текстов. Для русского языка наиболее известны «Частотный словарь русского языка» Л. Н. Засориной (М., 1977) и «Частотный словарь современного русского литературного языка» Э. А. Штейнфельдт (Таллин, 1963). Первый же по времени частотный словарь русского языка Г. Г. Йосельсона был издан в 1953 г. в США [Йосельсон 1953]. Наиболее объемный (около 40 тыс. слов) словарь Засориной составлен на основе обработки примерно одного миллиона словоупотреблений, что сейчас уже трудно считать представительной выборкой для такого языка, как русский. Частотные словари широко используются в сфере прикладной лингвистики. Данные о частотности употребления необходимы, например, при установлении авторства текста. Важны данные о наиболее частотных словах и при Разработке компьютерных программ проверки орфографии.

Особую область словарного дела образуют **исторические и этимологические словари**. Задачи **исторического словаря** исчерпывающим образом были сформулированы Л. В. Щербой: «Историческим в полном смысле этого термина был бы такой словарь, который давал бы историю всех слов на протяжении определенного отрезка времени, начиная с той или иной определенной даты или эпохи, причем указывалось бы не только возникновение новых слов и новых значений, но и их отмирание, а также их видоизменение» [Щерба 1974, с. 303]. К историческим словарям, русского языка относится фундаментальный трехтомный труд И. И. Срезневского «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (1893-1903). В качестве источника этого издания послужили примеры из 2 700 памятников XI—XIV вв. В Институте русского языка РАН ведется работа над «Словарем русского языка XI-XVII вв.» создаваемого на основе картотеки, начатой в 20-х гг. А. И. Соболевским и включающей около 2 млн. карточек. С 1984 г. издается «Словарь русского языка XVIII в.».

Этимологические словари преследуют цель объяснения происхождения слова. К числу наиболее полных словарей такого типа для русского языка принадлежит четырехтомный «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера, переведенный и дополненный О. Н. Трубачевым (первое русскоязычное издание 1964—1973; второе — 1986—1987). Не потерял значимости и «Этимологический словарь русского языка А. Г. Преображенского, выходивший в 1910-1914 гг. (фототипическое переиздание в 1959 г.). Из новых этимологических словарей следует упомянуть «Историко-этимологический словарь современного русского языка» П.Я.Черных (1993) и «Этимологический словарь русского языка Н. М. Шанского и Т. А. Бобровой (1994). Данные об истории слов и этимологии приводятся в некоторых крупных толковых словарях, в частности, в «Оксфордском словаре английского языка» [The Shorter Oxford English Dictionary 1964] даются сведения о первом засвидетельствованное употреблении слова, равно как и последующих

употреблениях его в новых значениях; приводятся они и в различных более кратких «оксфордских» словарях английского языка. Некоторые данные об истории слов ее держатся и в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка», поскольку в его корпусе примеров из классической литературы представлены и такие употребления слов, которые в настоящее время выглядят архаизмами.

Термином **словари языковых форм**¹⁰⁾ могут быть названы несколько различных типов словарей, в которых фиксируются в основном особенности формы слов и словосочетаний языка, тогда как их толкования либо отсутствуют вовсе, либо играют вспомогательную роль. Обычно словари подобного типа выполняют роль справочников, необходимых для правильного построения языковых выражений на том или ином языке (в числе при автоматическом синтезе текста).

Из числа таких словарей широкому читателю более всего известны орфографические (фиксирующие нормативное написание) и орфоэпические (фиксирующие нормативное произношение). **Орфографические и орфоэпические** словари являются принадлежностью языков с развитой литературной нормой. Поскольку они носят предписывающий

10) Термин предложен П. Б. Паршиным.

и отчасти даже директивный характер, число их для каждого языка невелико. Основным орфографическим пособием для русского языка является «Орфографический словарь русского языка» под ред. С. Г. Бархударова, И. Ф. Протченко и Л. И. Скворцова, последнее 29-е издание которого, исправленное и дополненное в 1991 г., периодически воспроизводится стереотипно (объем — более 106 тыс. слов). Последний «Русский орфографический словарь» (1999), разработанный коллективом авторов Института русского языка РАН, содержит 160 тыс. слов. Разнообразие орфоэпических словарей несколько больше; наряду с наиболее полным и широко распространенным «Словарем ударений для работников радио и телевидения» (6-е издание под ред. Д. Э. Розенталя вышло в 1985 г. и содержит около 75 тыс. слов) существует несколько меньший по объему «Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы» под ред. Р. И. Аванесова (5-е издание — 1989), содержащий также грамматические сведения.

Другие виды словарей форм рассчитаны в основном на специалистов или на использование их в целях обучения языку. Таковы словари, отражающие процессы словообразования (словообразовательные и морфемные словари, показывающие, каким образом слова складываются из составных частей, а также инвентаризирующие эти составные части) и словоизменения (грамматические словари, создаваемые для тех языков, в которых, как в русском, слово способно выступать во многих грамматических формах). Самый полный «Словообразовательный словарь русского языка» А. Н. Тихонова вышел из печати в 1985 г., он содержит 145 тыс. слов; существует также несколько школьных словообразовательных словарей. «Словарь морфем русского языка» А. И. Кузнецовой и Т. Ф. Ефремовой (1986) содержит около 52 тыс. единиц. «Грамматический словарь русского языка. Словоизменение» А. А. Зализняка (1977, 3-е издание — 1987) содержит около 100 тыс. слов, каждому из которых приписана информация, позволяющая построить любую грамматически правильную форму любого из этих слов. Этот выдающийся труд используется не только в справочных целях и при обучении русскому языку — на его основе был разработан ряд компьютерных программ морфологического анализа и синтеза текстов на русском языке; кроме того, он фактически является почти исчерпывающим орфографическим и орфоэпическим словарем, а также содержит обширную информацию о трудностях русской грамматики.

Особенности русской грамматики (выражение грамматических и словообразовательных значений формальными элементами, стоящими после корня — постфиксами, в число которых входят прежде всего суффиксы к окончаниям) предопределили использование в словаре А. А. Зализняка так называемого обратного алфавитного порядка, при котором слова упорядочиваются сперва по последней букве, при одинаковых последних — по предпоследней и т. д. При таком упорядочивании и русском языке рядом оказываются слова со сходными грамматическими признаками.

Принцип обратного алфавитного порядка использовался в средневековых арабских словарях, а в Европе — в словарях рифм; с 1950-х же годов началась разработка так называемых **обратных словарей** для многих древних и современных языков. Для русского языка первые обратные словари были разработаны в Германии (словарь под ред. Г. Бильфельдта 1958 г. и словарь Р. Гreve и Б. Крёше 1958-1959 гг.) [Бильфельдт 1958; Гreve, Крёше 1958-1959]. Отечественный «Обратный словарь русского языка», созданный группой авторов под руководством М. С. Шевелевой и в дальнейшем обработанный в Вычислительном центре Академии наук, был опубликован в 1974 г. Он охватывает словник основных четырех толковых словарей русского языка и насчитывает около 125 тыс. слов [Обратный словарь русского языка 1974].

По своей целевой направленности (помочь выразиться правильно) «словарям языковых форм» близки словари, предметом специального описания в которых являются особенности употребления языка. Их можно назвать **словарями речевого употребления**. Двумя основными разновидностями таких лексикографических изданий являются словари трудностей и словари сочетаемости.

Словари трудностей, появившиеся в отечественной лексикографии более ста лет назад («Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи» В. Долопчева вышел в 1886 г., а «Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики» В. И. Чернышева — в 1914-1915 гг., по форме это словарь), отражают разнообразные трудные случаи построения, употребления, произношения и написания языковых выражений. Из современных русских словарей такого типа наиболее известны

«Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» (под редакцией К. С. Горбачевича; 1973, около 8 тыс. слов) и «Словарь трудностей русского языка» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой (6-е издание — 1987, около 30 тыс. слов); аналогичные издания имеются и для других языков, например, «Longman Dictionary of Common Errors» («Лонгмановский словарь типичных ошибок английского языка», составители Дж. Б. Хитон и Н.Д.Тэртон, 1987, рус. изд. 1991) или выдержавшая множество изданий (1-е — в 1947 г.) книга Э. Парtridge «Usage and Abuse» («Правильное и неправильное употребление»).

Еще один тип словарей речевого употребления — **словари сочетаемости**. Нестандартная сочетаемость языковых единиц всегда в той или иной степени отражалась в толковых и переводных словарях, однако делалось это, как правило, несистематически; словари же сочетаемости специально создаются для фиксации несвободных сочетаний слов — коллокаций. В практическом плане словари сочетаемости некоторого языка ориентированы в первую очередь на лиц, изучающих его в качестве иностранного, а также на тех, кто занимается переводом на этот язык, хотя они могут быть иногда полезными и для носителей данного языка, фактически выступая при этом в качестве разновидности словаря трудностей. Для русского языка наиболее полным на настоящий момент является «Словарь сочетаемости слов русского языка» под редакцией П. Н.Денисова и В. В. Морковкина (1978); существует также ряд учебных словарей сочетаемости русского языка: «Устойчивые словосочетания русского языка» К. В. Регининой, Г. П. Тюриной и Л. И. Широковой (1976), «Слово в тексте» Е. Г. Борисовой (1995) и др. Значительное внимание в лексикографии уделено описанию несвободной сочетаемости слов в английском языке, для адекватного владения которым она очень важна; здесь выделяется прежде всего «Комбинаторный словарь английского языка» М. Бенсона, Э. Бенсон и Р. Илсона (M. Benson, E. Benson, R. Ilson. «The BBI Combinatory Dictionary of English», 1-е изд. — 1986; неоднократно издавался в СССР и России), а также переводные словари сочетаемости: «Русско-английский словарь глагольных словосочетаний» М. Бенсона и Э. Бенсон (1-е изд. — 1993, русское — 1995), «Англо-русский словарь глагольных словосочетаний» под ред. Э. М. Медниковой (2-е изд. — 1990) и «Учебный англо-русский словарь сочетаемости и трудностей словоупотребления» С. С. Хидекель, М. Р. Кауль и Е. Л. Гинзбурга (1998).

Описание несвободной сочетаемости слов рассматривалось как одна из важнейших задач создания «Толково-комбинаторного словаря русского языка» (ТКС), по первоначальному замыслу задуманного как словарный компонент действующей компьютерной модели языка «Смысл <f> Текст». ТКС должен представлять собой комплексное лексикографическое произведение и содержать, помимо сведений о сочетаемости, также особым образом построенные толкования слов. Для такого словаря был разработан аппарат лексических функций — нестандартных способов выражения одного и того же смысла при различных словах¹¹). ТКС создавался большим коллективом авторов под руководством И. А. Мельчука и А. К. Жолковского в 1960-1970-х гг. На определенном этапе работы ее результаты были изданы [Мельчук, Жолковский 1984]. Некоторые из принципов, на которых строится ТКС, получают ныне свое воплощение в упомянутом выше «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка».

Что касается принципов представления регулярной сочетаемости и ее статистических закономерностей, то они к настоящему времени не разработаны. Теоретически сочетаемость этого типа должна предсказываться на основании описания значения слова и общих правил сочетания семантических элементов друг с другом (ср. известные правила наложения, уничтожения смыслов). Однако это весьма затруднительно как из-за отсутствия полного словарного описания лексической системы языка, так и вследствие неизученности моделей продуктивной и непродуктивной регулярной сочетаемости. До определенной степени свободная сочетаемость отражается в справочниках по стилистике.

11) Например, высокая степень выраженности признака — Magn — обозначается при словах, обозначающих различные признаки, по-разному и при этом непредсказуемым способом: *гробовое молчание, круглый дурак, полная темнота, абсолютный слух, исключительная наглость* и т.д.; *заботами окружают, а приветствиями осыпают*, но не наоборот и т.д.

Ономастиконы. Еще один класс словарных изданий образуют разнообразные словари собственных имен, или ономастиконы. Наиболее распространены среди них **антропонимические** словари, содержащие личные имена и фамилии; таковы «Словарь русских личных имен» Н. А. Петровского (3-е изд. — 1984), «Справочник личных имен народов РСФСР» под ред. А. В. Суперанской и Ю. М. Гусева (2-е изд. — 1979), «Русские фамилии» Б. О. Унбегауна (2-е рус. изд. — 1995; английский оригинал увидел свет в 1972 г.), «Словарь русских фамилий» В. А. Никонова (1993), «Русские фамилии: Популярный этимологический словарь» Ю. А. Федосюка (3-е изд. — 1996), «Русские фамилии тюркского происхождения» Н. А. Баскакова (2-е изд. — 1993) и др. Другой разновидностью ономастических словарей являются **топонимические** словари, или словари географических названий, примером которых может послужить «Краткий топонимический словарь» В. А. Никонова (1966). Словари обоих типов содержат, как правило, сведения об этимологии и истории имен и топонимов, а антропонимические словари иногда сообщают и об особо знаменитых носителях тех или иных имен и фамилий в реальном мире и в литературе. Словари географических названий могут быть и переводными, например, таков «Англо-русский и русско-английский словарь географических названий» (2-е изд. — 1994). Свообразными гибридами топонимических и словообразовательных словарей являются «Словарь названий жителей РСФСР» под ред. А. М. Бабкина (1964) и «Словарь названий жителей СССР» под ред. А. М. Бабкина и Е. А. Левашова (1975). Уникальным в своем роде является «Словарь народных географических терминов» Э. М. Мурзаева (1984), сочетающий в себе черты частного толкового словаря, ономастикона и этимологического словаря топонимов. Большое

количество самых разнообразных личных имен содержится также в уже упоминавшихся лингвострановедческих, а также исторических словарях. Существуют и другие разновидности словарей собственных имен, порою весьма необычные (например, обширный словарь: L. D. Schmadel. Dictionary of Minor Planet Names, то есть «Словарь названий малых планет», второе издание которого вышло в 1993 г. в издательстве «Шпрингер»).

Нетрадиционные типы лингвистических словарей. Особо следует сказать о словарных изданиях, в которых предпринимается попытка лексикографирования не вполне словарного по своей природе языкового материала. Одна из таких не вполне обычных сфер лексикографического описания включает в себя эпитеты, сравнения и метафоры. Имеющиеся в этой области словарные издания, как правило, опираются не на традицию (которой как таковой нет), а на выбранный теоретический подход, который и задает способ словарного представления. В **словарях политических метафор** А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова («Русская политическая метафора», 1991; «Словарь русских политических метафор», 1994) в качестве такого теоретического подхода используется когнитивная теория метафоры, рассматривающая метафору как единую структуру, состоящую из «источника», из которого переносятся некоторые знания и представления, «мишени» или «цели», на которую эти знания и представления переносятся то есть того что является предметом метафорического переосмысления — например, ЭКОНОМИКА (цель) это ОРГАНИЗМ (источник). Соответственно, в словарных статьях описываются, с одной стороны, ипичные способы метафорического осмысления различных «мирней» Дяжем ЭКОНОМИКА может осмысляться как БОЛЬНОЙ ЧЕЛОВЕК, НАРКОМАН, ПАРАЛИТИК, МЕХАНИЗМ, РАСТЕНИЕ, ЖИВОТНОЕ и т д а с другой — характерные типы «источников» (метафорических моделей), знания о которых используются для осмысления различных «мишеней»: богатыми источниками для метафорических переносов являются например, знания о боевых действиях, путешествиях, различного рода играх, механизмах, спорте, театральном действии и т.д. В этих случаях принято говорить о метафорических моделях ВОИНЫ, ИГРЫ, МЕХАНИЗМА и т.д. Несколько иной теоретический подход предложен для словарного представления **поэтических метафор** в макете Словаря Н В Павлович «Язык образов. Парадигмы образов в русском полическом языке» (1995). В полном виде словарь поэтических метафор вышел в 1999 г. [Павлович 1999]. На уровне определений образная Система описывается в **словарях эпитетов**. Так, в «Словаре эпитетов русского литературного языка» К. С. Горбачевича и Е. П. Хабло (1979) к слову *язык* приводится 319 эпитетов: *благозвучный, гортанный, грубый, звонкий, мелодичный, музыкальный, мягкий, напевный, плавный, приятный, сладкозвучный, тягучий, хриплый* и т. д.

Выходит за пределы стандартного представления о словаре и авторская лексикография, целью которой является словарное описание особенностей индивидуального стиля (идиостиля) писателя. В **авторских словарях** в идеальном случае фиксируются все слова, Представленные в произведениях того или иного писателя (часто включая тексты вариантов, писем, заметок). Типичным примером издания такого типа является «Словарь языка Пушкина» под редакцией В. В. Виноградова (м., 1956-1961). К авторским словарям относятся также словари, сделанные по отдельным произведениям. Например, «Словарь комедии "Горе от ума" А. С. Грибоедова» [Чистяков 1939]. Из новых проектов создания авторских словарей следует упомянуть «Словарь языка Достоевского», разрабатываемый в Институте русского языка РАН под руководством Ю. Н. Караулова. К настоящему времени подготовлен компьютерный корпус текстов Достоевского, включающий как его художественные произведения, так и публицистику и письма. Разработано необходимое программное обеспечение. Готовится к печати первый том толкового словаря. Основная проблема составления авторских словарей заключается в том, что особенности авторского употребления лексических единиц не всегда легко Отделить от особенностей функционирования языка соответствующей эпохи. Если при описании идиостиля современных писателей авторские особенности относительно легко выявляются, то для русской классической литературы эта проблема встает в полный рост, поскольку русский язык XVII-XIX вв. с этой точки зрения практически не описан. Один из способов ее решения — привлечение текстов современников описываемого автора.

В российской лексикографической традиции практически отсутствуют **словари конкордансов**, являющиеся важным инструментом изучения языка писателя. Под термином **конкорданс** в лексикографии понимается пример употребления слова в контексте фиксированной длины. Словари конкордансов включают примеры употребления всех слов в отдельном произведении или во всем творчестве писателя. Известны словари-конкордансы к поэмам О. Мандельштама [Koubourlis 1975], к поэзии А. Пушкина [Pushkin: A Concordance to the Poetry 1985]. Относительно недавно опубликован конкорданс к русскому варианту Библии [Симфония или словарь-указатель к Священному Писанию Ветхого и Нового Завета 1988]. Устройство словаря-конкорданса довольно просто. Словарным входом служит словоформа. Она помещается в центр строки и отделяется от текста примера дополнительными пробелами слева (разумеется, возможно использование и других способов выделения). Пример имеет фиксированную длину, поэтому концы приводимого контекста обычно обрезаются. Пример сопровождается индексом, привязанным к какому-то достаточно полному изданию, что позволяет найти пример в тексте произведения. Ср. фрагмент конкорданса на словоформу *кинулась* к словарю-конкордансу романа «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского [Concordance to Dostoevsky's Crime and Punishment 1994]12):

кинулась

ать. С воплем и плачем *кинулась* бешная Катерина И Е33147

чу. Катерина Ивановна *кинулась* в Лебезятникову. Е30703
с визгом, как бешеная, *кинулась* она к Катерине Ива Е31101

Многообразие отношений, организующих систему языка, и непредсказуемо широкое поле практических приложений знаний о языке оставляют большой простор для лексикографического творчества, и поэтому вполне можно ожидать появления и других нетрадиционных разновидностей словарной продукции, равно как и развития традиционных типов словарей.

Области лексикографирования. Имеющиеся типы лингвистических словарей взаимодополняют друг друга, описывая в лексикографическом формате различные аспекты функционирования языковой системы. Так, с точки зрения оппозиции «язык—речь» толковые словари, грамматические и обратные словари, этимологические и исторические словари в большей степени относятся к области языка. Хотя следует иметь в виду, что во многих толковых словарях имеются зоны сочетаемости, которые больше связаны с речевым аспектом функционирования языка. С другой стороны, частотные словари, словари метафор, авторские словари

¹²⁾Цитируется по [Шайкевич 1995].

скорее связаны с речевым измерением языка. По оппозиции «синхрония — диахрония» исторические и диахронические словари противопоставляются всем прочим типам лингвистических словарей. Впрочем, авторские словари, будучи ориентированными на классические образцы, чаще оказываются связаны с историей развития языка. Синтагматический аспект функционирования языковой системы в первую очередь описывается в словарях сочетаемости, авторских словарях. Оппозиция «семантика — прагматика» противопоставляет, например, толковые словари лингвострановедческим словарям. В обобщенном виде сферы лексикографического описания в словарях представлены в табл. 1.

Таблица 1

Сферы лексикографического описания языка

Язык	толковые словари, грамматические словари, обратные словари, ассоциативные словари, этимологические словари, исторические словари, ономастиконы
Речь	словари метафор и эпитетов, словари сочетаемости, словари трудностей, авторские словари
Синхрония	толковые словари, грамматические словари, обратные словари, словари метафор и эпитетов, словари сочетаемости и трудностей
Диахрония	исторические словари, диахронические словари, авторские словари (часто), словари собственных имен (с этимологиями)
Парадигматика	толковые словари, грамматические словари, обратные словари, этимологические словари, исторические словари
Синтагматика	словари метафор и эпитетов, словари сочетаемости и трудностей
Семантика	толковые словари, исторические словари
Прагматика	лингвострановедческие словари, ассоциативные словари

1.3. Основные структурные компоненты словаря

Каждый словарь состоит из ряда компонентов, обеспечивающих читателю доступ к содержащейся в нем информации. Первый важнейший компонент — **словник** словаря. В словник включаются все единицы, которые формируют область описания словаря и являются входами словарных статей. Фактически словник задает область описания словаря. Как таковой словник отдельно в словаре обычно не выделяется. Словник может состоять из морфем (для словарей морфем и грамматических словарей), лексем (например, для толковых словарей), словоформ (для грамматических словарей) и словосочетаний (например, для фразеологических словарей, словарей идиом, словарей синтагм). Элементарной единицей словаря является **словарная статья** — каждый отдельно взятый объект описания словаря и сопоставленные ему словарные характеристики. Множество словарных статей и формирует основной текст словаря. Отдельный структурный компонент образуют **указатели**, или **индексы**. В обычном толковом словаре указатели встречаются довольно редко. Совершенно иная ситуация с фразеологическими словарями и словарями идиом. Поскольку базовая форма фразеологических единиц подвержена сильному варьированию — *положить зубы на полку* и *зубы на полку положить*, *греть/нагреть/погреть руки (на чем-л.)* и *руки греть/нагреть/погреть (на чем-л.)* — любой выбранный способ упорядочивания словника не обеспечивает

легкого поиска. Для облегчения процедуры поиска нужной идиомы во фразеологических словарях создаются указатели, которые позволяют находить идиому по любому из ее компонентов. Часто указатели включаются и в структуру тезаурусов и двуязычных словарей. Указатели тезауруса дают возможность определить, в какие таксоны входит то или иное слово, а указатели двуязычных словарей отчасти выполняют функции обратного словаря по отношению к данному.

Важной структурной частью лингвистического словаря является **список источников**. Для европейской словарной традиции он абсолютно необходим, поскольку использование любых уже опубликованных текстовых материалов (в том числе в примерах) требует соответствующего разрешения от держателя авторского права.

Особой частью словаря можно считать **вводную статью**, в которой объясняются принципы пользования словарем и содержится информация о структуре словарной статьи. Иногда структура словарной статьи выносится в особый раздел словаря. Кроме того, лингвистические словари, как правило, включают в свой состав **список условных сокращений и алфавит**.

1.4. Основные структурные компоненты (зоны) словарной статьи

Базовая единица словаря — словарная статья — состоит из нескольких **зон** описания. Каждая зона содержит особый тип словарной информации. Первая зона — **лексический вход** словарной статьи, **вокабула** или **лемма**. Часто в вокабуле указывается ударение. Лексический вход обычно маркируют полужирным выделением. Поэтому в жаргоне лексикографов и редакторов эта зона часто называется — «черное слово». В толковом словаре после лексического входа чаще всего следует зона **грамматической информации** и зона **стилистических помет**. В толковых словарях в качестве грамматической информации о слове указывается принадлежность к части речи, характерные грамматические формы (например, для существительных — форма родительного падежа и указание на род). Комплекс стилистических помет дает представление об ограничениях на употребление слова: литературный язык vs. диалекты, термин следует **зона значения**, которая разделяется на отдельные подзоны:

- номер значения;
- дополнительные грамматические и стилистические пометы;
- зона толкования;
- зона примера/иллюстрации;
- зона оттенков значения.

В толковых словарях словарная статья, как правило, заключается **зоной фразеологизмов**. Поскольку зона фразеологизмов обычно маркируется знаком ромба, на жаргоне лексикографов она называется «заромбовой» зоной.

Кроме того, для более полного описания слова в некоторых случаях приводится этимологическая или историческая информация — **зона этимологии**.

На рис. 1 приведена типичная словарная статья Малого академического словаря [Словарь русского языка 1985-1988].

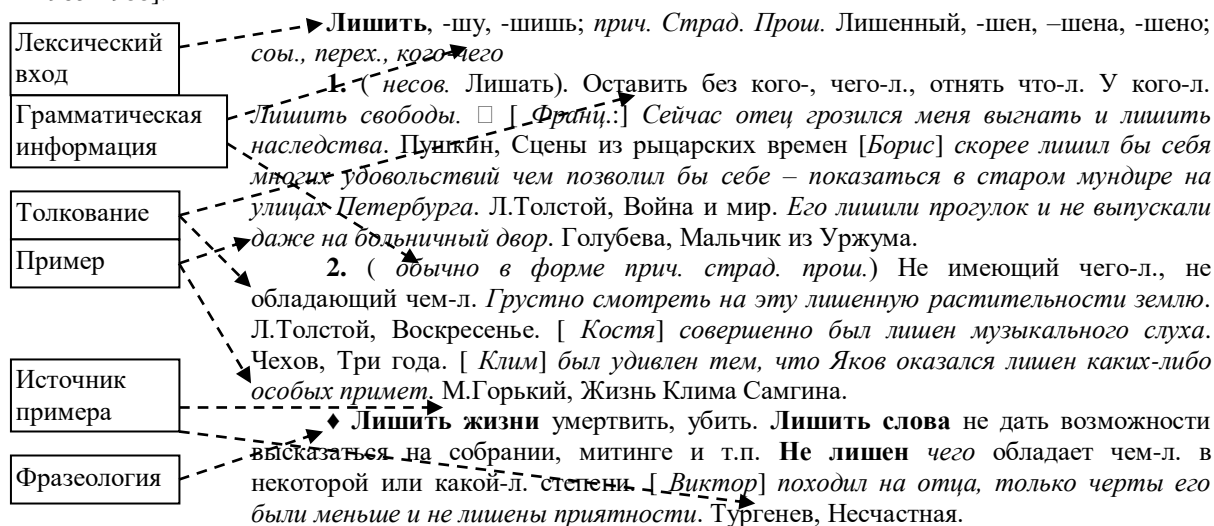

Рис. 1 Словарная статья глагола *лишить*

Каждый тип лингвистического словаря характеризуется своей структурой словарной статьи. Так, нормативные и дескриптивные словари отличаются не только выбором материала, но и его организацией в словаре.

Нормативный словарь

1. Лексический вход (вокабула).
2. Стилистическая помета.

3. Грамматическая информация.
4. Толкование.
5. Примеры употребления.
6. Зона идиоматики (устойчивые сочетания, фразеологизмы).

Дескриптивный словарь

1. Лексический вход (вокабула).
2. Варианты.
3. Помета сферы употребления.
4. Грамматическая информация.
5. Толкование.
6. Примеры употребления.
7. Примеры нестандартных употреблений.
8. Зона идиоматики (устойчивые сочетания, фразеологизмы).

Тем самым словарь дескриптивного типа представляет по возможности все особенности употребления слова, а нормативный обращает внимание на литературный стандарт, разделяя лексику на стилистические области и формируя стандарт литературного языка.

Совершенно иную структуру словарной статьи имеют частотные словари, словари метафор и эпитетов. Например, в них практически отсутствует зона толкования.

Несколько размытым понятие словарной статьи оказывается для тезаурусов, поскольку в них отражена иерархия семантических отношений внутри лексики. Если тезаурус представляет собой дерево родо-видовых отношений в чистом виде, то единой словарной статьёй можно считать весь текст. По этой причине, как уже отмечалось выше, применительно к структуре тезауруса чаще используется понятие **таксона**, под которым понимается любая совокупность слов, словосочетаний (и даже морфем), которым сопоставляется единое семантическое описание в терминах дескрипторов тезауруса. Иными словами, таксон — это множество единиц описания, объединенных в группу по единым семантическим основаниям любого уровня абстракции.

Для таксонов высокого уровня абстракции лучше говорить о иерархическом строении словарной статьи. Последняя предстает в тезаурусе как совокупность иерархически упорядоченных терминальных таксонов, формирующих таксоны более высоких уровней.

Ср. ниже совокупность терминальных таксонов, образующих таксон ВРЕМЯ из Тезауруса русской идиоматики [Баранов, Добровольский 2000]

ВРЕМЯ

1. ВРЕМЕННАЯ ОСЬ

1.1. ПРОШЛОЕ; ДАВНО

→ старость → старое

(и)спокон веков/веку/века

во время оно

давным-давно

при царе Горохе (...) ¹³⁾

Речевые формулы

было и/да былшем поросло

много воды утекло [с тех пор];

сколько воды утекло

1.2. НАСТОЯЩЕЕ

→ новое

[стоять] на дворе (...)

1.3. БУДУЩЕЕ

светлое будущее/завтра

со временем

не за горами

завтрашний день

со дня на день

на днях

(...)

2. ПАРАМЕТРЫ ВРЕМЕНИ

2.1. БЫСТРОТА, СКОРОСТЬ

2.1.1. быстро, скоро, сразу, спешно

→ быстрое движение... → быстрота,

легкость получения знания

брать быка за рога

по быстрому

с быстротой молнии

с первого взгляда; с полувзгляда

ВОТ-ВОТ

(...)

2.1.2. долго, медленно

→ ПОСТОЯННО...

до скончания века

целую вечность

¹³⁾ Состав терминальных таксонов воспроизводится частично.

[сидеть...] не отрывая жопы/задницы

(...)

2.2. КОЛИЧЕСТВО ВРЕМЕНИ

→ количество...

2.2.1. много; достаточно

еще не вечер

много/немало воды утекло;

сколько воды утекло

время терпит

(...)

2.2.2. мало; недостаточно

без году неделя

в запарке; по запарке

сроки вышли

(...)

РЕЧЕВЫЕ ФОРМУЛЫ

поезд ушел

2.3. ПЕРИОДИЧНОСТЬ

2.3.1. постоянно; всегда, навсегда; все

время; часто

→ долго...

от века

из века в век

на веки вечные

(и)спокон **веков/веку/века**
(...)

**2.3.2. временно, иногда, никогда; редко;
когда-нибудь**

в кои(-то) **веки**
до лучших **времен/дней**
на **время**
время от времени
не видеть/видать в глаза
после дождика в четверг
когда как
ждать у моря погоды
(...)

2.3.3. постепенно

день ото дня
шаг за шагом
(...)

**3. ВЫДЕЛЕННЫЙ ВРЕМЕННОЙ
ИНТЕРВАЛ; ВЫДЕЛЕННЫЙ МОМЕНТ
ВРЕМЕНИ**

→ *время суток*
в один прекрасный день
самое **время**
в самую **пору**
время «Ч»
день «икс»
золотые денечки
недобрый **час**
неурочный **час**; неурочное время
(...)

**3.1. ПОКРЫТИЕ ВРЕМЕННОГО
ИНТЕРВАЛА**

**3.1.1. Полное покрытие временного
интервала**

ночь напролет
[от звонка] [и] до звонка
от и **до**
(...)

**3.1.2. начало, середина, конец временного
интервала**

под занавес
[еще] на заре (чего-л.)
с колыбели
с/от младых/молодых **ногтей**
с пеленок
(...)

3.2. ПЛОХОЕ ВРЕМЯ

бог весть когда
бог знает когда
смутное **время**; смутные времена
невеста когда
(...)

3.3. СООТВЕТСТВИЕ –

Для маркировки зоны словарной статьи используются различные виды графического (точнее, «топографематического») выделения, позволяющие читателю легко находить и разделять типы информации, сопоставляемые в словарном представлении тому или иному слову. Наиболее типичные способы топографематического выделения, принятые в русской лексикографической традиции, приведены в табл. 2.

**НЕСООТВЕТСТВИЕ МОМЕНТУ
ВРЕМЕНИ**

3.3.1. точно, вовремя, в нужный момент

время пришло
ноль-ноль
в самую **пору**
как из **пушки** (...)

3.3.2. неточно, невовремя

в неурочный час; в неурочное время

3.3.2.1. рано

раньше **времени**
не по годам (...)

3.3.2.2. поздно

[успеть...] к шапочному **разбору**
задним **числом**
(...)

3.4. ВРЕМЯ СУТОК

3.4.1. утро

в (какую-то) **рань**
до первых **петухов**
ни **свет** ни **заря**
по **утраку/утрянке** (...)

3.4.2. день

среди/среди бела дня (...)

3.4.3. вечер

на **ночь** глядя (...)

3.4.4. ночь

ночь напролет (...)

3.5. ВОЗРАСТ

→ *человек*

не по годам
десяток разменять (какой-л.)
от **роду**
(...)

3.5.1. детство, молодость

молодая **кровь**
молодой да ранний
молоко на губах не обсохло
(...)

3.5.2. зрелость

бальзаковского **возраста**
в **летах/годах**
в [самом] **расцвете/цвете лет/сил**
(...)

3.5.3. старость

→ *старое*
до седых **волос**
старая **дева**
мышинный жеребчик
песок [из **жопы**] сыплется
(у кого-л.)
(...)

Таблица 2

Типичные способы топографематического выделения словарных зон

Зона словарной статьи и/или ее компоненты	Выделение
---	-----------

Лексический вход/вокабула	полужирный шрифт / абзацный отступ / висячая строка
Грамматическая информация	меньший кегль / курсив
Стилистические пометы	меньший кегль / курсив / начальная прописная буква
Номер толкования	полужирный шрифт
Толкование	обычный прямой
Пример/иллюстрация	курсив / графический маркер примера
Толкуемое выражение в примере/ иллюстрации	отсутствие специального выделения / полужирный шрифт / курсив
Источник/автор примера	меньший кегль
Зона фразеологизмов/идиом	графический маркер (часто ромб)
Фразеологизмы	полужирный шрифт / курсив

Различные графические выделения тесно связаны друг с другом. Например, использование курсива для маркировки источника примера/иллюстрации делает невозможным его использование для выделения самого примера. Правила сочетания выделений («защит» по А. А. Реформатскому — см. подробнее [Реформатский 1933]) изучаются не только в книжном деле, но и в лингвистике, семиотике, теории рекламы и теории воздействия.

1.5. Компьютерная лексикография

Современная лексикография существенно расширила и усилила свой инструментарий компьютерными технологиями создания и эксплуатации словарей. Специальные программы — базы данных, компьютерные картотеки, программы обработки текста — позволяют в автоматическом режиме формировать словарные статьи, хранить словарную информацию и обрабатывать ее. Множество различных компьютерных лексикографических программ можно разделить на две больших группы: программы поддержки лексикографических работ и автоматические словари (АС) различных типов, включающие лексикографические базы данных.

Компьютерные программы поддержки лексикографических работ. Работа лексикографа непосредственно связана со словами, примерами их употребления и словарными статьями создаваемого словаря. Традиционная форма фиксации словарных данных — каталожная карточка, в которой указывается описываемое слово, пример употребления, источник примера, автор, а также различная дополнительная информация. Современные компьютерные технологии позволяют упростить процесс сбора и хранения лексикографической информации, используя вместо обычной картотеки базу данных, записи которой представляют собой аналог традиционной каталожной карточки. В отличие от обычной картотеки, записи базы данных дают возможность автоматически сортировать массив по выбранным параметрам, отбирать нужные примеры, объединять их в группы и т. д. Специализированных лексикографических баз данных — имеются в виду специальные программные оболочки — на рынке нет. Однако современные базы данных типа D-Base, ACCESS, FOX-Base, PARADOX вполне подходят для ведения электронных словарных картотек. Приведем пример записи базы данных по современной русской идиоматике, созданной в Институте русского языка РАН, которая поддерживается программой ACCESS.

ЗАПИСЬ 28982 ID {идиома}

у черта на куличках EXAMPLE {пример}

А когда, например, Баранов позвонил Ефиму и сказал, что может угостить свежей телятиной, тот немедленно выскочил из дому, схватил такси и поперся к Баранову к черту на кулички в Беляево-Богородское вовсе не в расчете на отбивную или ростбиф, а приехав, получил на очень короткое время то, ради чего и ехал, — книгу Солженицына «Бодался теленок с дубом».

SOURCE {источник}

Шапка

AUTH {автор} Войнович В.

Лексикографические базы данных фиксируют первичный лексикографический материал, который используется для написания словарных статей словаря.

Еще один важный этап лексикографической работы — поиск примеров на слово и формирование картотеки примеров. В традиционной технологии сбор примеров производится вручную и занимает огромное количество времени. Современные компьютерные программы дают возможность выбирать примеры на нужное слово из корпусов текстов, хранящихся в машинном формате на компьютере, в автоматическом режиме. Поиск примеров на употребление слова называется построением конкордансов. Некоторые компьютерные программы построения конкордансов по желанию пользователя могут преобразовывать найденные контексты в записи базы данных. Например, программа DIALEX позволяет получать

конкордансы как в традиционной форме (в виде файла для текстового редактора), так и в формате базы данных PARADOX¹⁴).

После подготовки первичного словарного материала — словарной картотеки — непосредственно следует этап составления словарной статьи. Технологическая цепочка словарных работ и здесь не остается без компьютерной поддержки. Новая словарная статья вводится в базу данных, которая становится исходной базой данных создаваемого словаря. Редактирование словарных статей также происходит в базе данных, а не в обычном текстовом файле. Все это существенно сокращает время разработки словаря, поскольку упрощается обработка системы отсылок, в автоматическом режиме происходят сортировки (в том числе алфавитизация словарных статей), сравнительно легко порождаются различные указатели. Для редактирования словаря можно привлекать компьютерные программы проверки орфографии.

Наконец, последний этап — формирование текста словаря, создание оригинал-макета книги — также существенно облегчается. Технологическая цепочка и здесь не прерывается: существующее программное обеспечение позволяет выдать текстовый материал сразу из базы данных с разметкой под топографематические выделения. Поля записи базы данных трансформируются в автоматическом режиме в зоны словарной статьи с соответствующими шрифтами, кеглями, курсивом, подчеркиваниями и пр.

Ниже на рис. 2 представлены этапы лексикографической работы в традиционном варианте (А) и компьютерная технология создания словаря (Б). Разумеется, в каждом конкретном случае проекты создания словарей могут модифицировать стандартные схемы. Например, в некоторых случаях для сбора корпуса примеров могут использоваться не только корпуса текстов, но и лексикографические базы данных. Так, проект Фразеологического словаря современного русского языка опирается не только на корпус текстов по современному русскому языку (включающий тексты художественной прозы, публицистики, детективной литературы¹⁵), но и на базу данных по современной идиоматике, включающей в настоящее время около 50 тысяч контекстов употребления

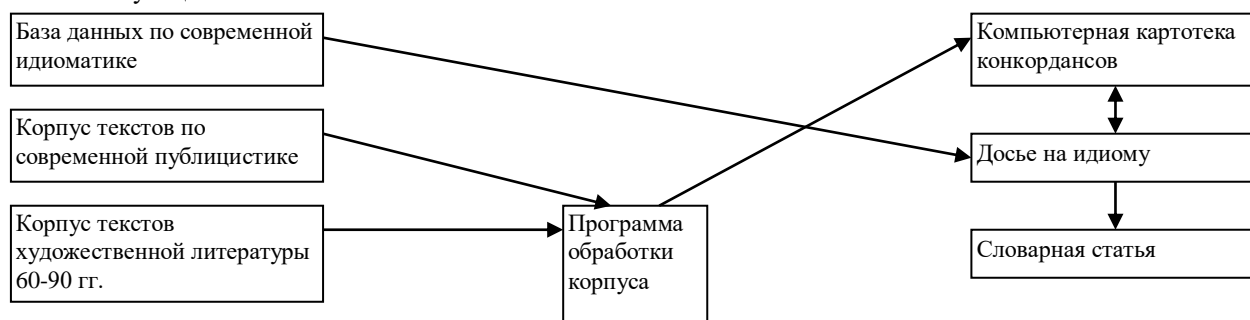
¹⁴)Подробнее о программе DIALEX и технологиях формирования корпусов текстов см. в §3 главы 3.

¹⁵)В необходимых случаях привлекаются и тексты русской классической литературы.

Рис. 2 Традиционная компьютерная технология создания словаря

дном [Баранов, Добровольский 1995]. Иными словами, корпус примеров, формируется не только в результате обработки корпуса текстов, но и базы данных — см. рис. 3. Для словарей писателей может быть предусмотрен этап формирования корпуса текстов писателей-современников, необходимый для выявления различий между особенностями идиостиля данного автора и общими характеристиками языка соответствующей эпохи.

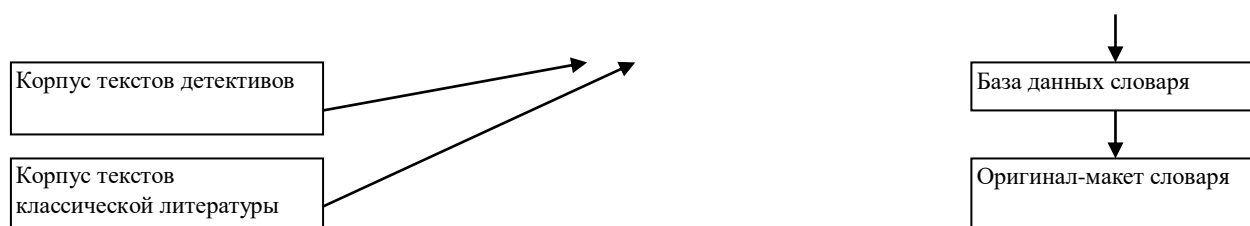

Рис. 3. Схема компьютерного обеспечения проекта Фразеологического словаря современного русского языка

Особо следует упомянуть о существовании издательских систем, используемых для создания оригинал-макета (верстки) словарей. К ним относятся, например, издательский пакет программ Quark-X-Press, различные версии программ Page-Maker и WinWord. Для словарной верстки наиболее удобны системы, имеющие встроенные языки, позволяющие формировать макросы — относительно простые, но технологически эффективные операции обработки редактируемого и верстаемого текста. К ним относятся процедуры приписывания стилей зонам словарной статьи, алфавитизации, создания указателей и т. п.

Автоматические словари. Автоматический словарь — это словарь в специальном машинном формате, предназначенный для использования на ЭВМ пользователем или компьютерной программой обработки текста. Иными словами, различаются **автоматические словари конечного пользователя-человека** (АСКП) 16) и **автоматические словари для программ обработки текста** (АСПОТ). Автоматические словари, предназначенные для конечного пользователя, по интерфейсу и структуре словарной статьи существенно отличаются от АС, включенных в системы машинного перевода, системы автоматического реферирования, информационного поиска и т. д. Чаще всего они являются компьютерными версиями хорошо известных обычных словарей. Так, на рынке программного обеспечения имеются компьютерные аналоги толковых словарей английского языка (автоматический Вебстер, автоматический толковый словарь английского языка издательства «Коллинз», автоматический вариант «Нового большого англо-русского словаря» под ред. Ю. Д. Апресяна и Э. М. Медниковой), существует компьютерная версия словаря Ожегова, которая, впрочем, пока не имеет широкого коммерческого распространения. Автоматические словари такого типа практически повторяют структуру словарной статьи обычных словарей, однако они обладают функциями, недоступными своим прототипам. Например, многие АСКП позволяют осуществлять сортировку данных по полям словарной статьи (ср. отбор всех прилагательных), проводить автоматический поиск всех вокабул, имеющих в толковании определенный семантический компонент и т. д.

Автоматические словари для программ обработки текста можно назвать автоматическими словарями в точном смысле. Они, как правило, не предназначены для обычного пользователя. Особенности их структуры, сфера охвата словарного материала задаются теми программами, которые с ними взаимодействуют. Так, количество зон словарной статьи такого словаря может варьировать от одной до сотни. Чрезвычайно разнообразны и области лексикографического описания. Это может быть синтаксический словарь, семантический словарь, словарь морфем, псевдооснов, словарь устойчивых словосочетаний и т. д. АС, используемые в системах информационного поиска, имеют вид тезаурусов, а АС систем машинного перевода включают подробную информацию о морфологических, синтаксических и семантических особенностях функционирования слова.

В принципе, к автоматическим словарям можно применить те же параметры классификации, которые подходят для обычных словарей. Есть примеры обычных словарей, которые широко используются как АСПОТ. Так, фамматический словарь А. А. Зализняка [Зализняк 1977] в машинной форме реализуется как часть подавляющего большинства компьютерных программ, предусматривающих морфологический анализ или синтез словоформ русского языка. К профаммам такого рода относятся, например, многочисленные системы проверки орфографии, распознавания письменного текста.

16) «Конечный пользователь» отличается от «неконечного» тем, что он стоит в конце технологической цепочки использования АС. Автоматические словари могут иметь и других — побочных — пользователей, которыми часто оказываются не люди, а другие программы, использующие данный АС для своих целей.

Компьютерная форма представления словарной информации и целевая ориентация АСПОТ позволяет создавать комплексные словари с разнообразной фамматической и лексической информацией. Например, один из стандартов автоматических переводных словарей, разработанный во Всесоюзном (ныне Всероссийском) центре переводов (ВЦП), включает тринадцать следующих зон¹⁷⁾: 1) заглавная единица, или лексический вход (морфема, слово, словосочетание в канонической форме); 2) лексико-грамматический класс (принадлежность к части речи; для словосочетаний часть речи определяется в зависимости от синтаксической функции); 2 а) лексико-фамматический класс русского переводного эквивалента; 3) морфолого-фамматическая информация (включает не только информацию о словоизменении, но и о стандартных сокращениях заглавной единицы); 3 а) сокращения русского переводного эквивалента; 4) тематическая рубрика и стилевая характеристика; 5) индекс надежности перевода, отражающий степень общепринятости русского эквивалента (А - эквивалент зафиксирован в каком-либо из существующих стандартов; Б — эквивалент имеется в известных переводных словарях; В - эквивалент зафиксирован в

тетрадах новых терминов ВЦП; Г — переводной эквивалент представлен в переводах или предложен автором словарной статьи); 6) русские переводные эквиваленты (с порядковыми номерами); если перевода нет, то ставится специальный маркер и обязательно заполняется зона толкования; 7) пояснительные пометы, уточняющие значение заглавной единицы; 8) толкование заглавной единицы; 9) примеры употребления; 10) фразеологические сочетания с заглавной единицей; 11) информация об авторе или редакторе словарной статьи; 12) источник переводного эквивалента; 13) дата составления или редактирования словарной статьи.

Наиболее известные автоматические переводные словари, как правило, являются многоязычными. Так, АС LEXIC содержит лексикофа-фические данные по немецкому, английскому, французскому, русскому, итальянскому, датскому и португальскому языкам; автоматический переводной словарь ВЦП включает переводные эквиваленты по четырем языкам: английскому, немецкому, французскому и русскому.

Важным типом АС являются автоматические словари конкордансов, содержащие в машинном виде примеры на употребление всех слов (словоформ), представленных в конкретном произведении или в творческом наследии писателя.

Задание 1. Определите параметры, на основании которых выделяются:

- одноязычные vs. многоязычные словари;
- обычные словари vs. фразеологические словари vs. словари пословиц и поговорок vs. словари цитат;
- словари литературного языка vs. словари жаргонов vs. терминологические словари.

17) Структура словарной статьи приводится по [Беляева, Герд, Убин 1996, с. 324-327]

Задание 2. Зоны словарной статьи можно иерархически упорядочить. Напри мер, в зону значения входят более мелкие зоны толкования, примеров/иллюстра ций и т. д. В некоторых словарях зона фразеологизмов подчинена зоне кон! кретного значения, а не словарной статье в целом. Выявление иерархии внутри словарной статьи позволяет описать словарную статью в виде **системы порождающих правил**. Например, (i) вокабула → грамматические пометы + стилистические пометы + значение + фразеология; (ii) грамматические пометы → категориальные характеристики (принадлежность к части речи) + характерные грамматические формы; (iii) значение → номер значения + {дополнительные грамматические пометы + дополнительные стилистические пометы} + толкование и т.д. Составьте порождающую схему для представительной словарной статьи следующей[словарей:

- *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. М., 1903-1909 [любое переиздание].
- Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М., 1978 [любое переиздание].
- Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935-1940 гг. [любое переиздание].
- Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Евгеньевой А. П. Т. 1. М., 1985 [любое переиздание].
- Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.—Л., 1950-1965 [любое переиздание].

Задание 3. Создайте структуру записи базы данных (в любой доступной компьютерной БД) для фиксации контекстов употребления слова, которая включала бы информацию о самом слове, примере употребления, авторе, источнике примера, а также предварительное описание значения.

Основная литература

1. *Беляева Л. Н., Герд А. С., Убин И. И.* Автоматизация в лексикографии // Прикладная лингвистика. СПб., 1996. С. 318-333.
2. Как пользоваться словарем // Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Евгеньевой А. П. Т. 1. М., 1985.
3. *Протченко И. Ф.* Словари русского языка. М., 1996. С. 25-72.
4. *Щерба Л. В.* Опыт общей теории лексикографии // *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. М., 1974. С. 265—304.

Дополнительная литература

1. *Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография. М., 1976.
2. *Скляревская Г. Н.* Новый академический словарь: Проспект. СПб., 1994

§ 2. Терминоведение и терминография

2.1. Исходные понятия

Терминология в широком понимании соотносится с областью всех терминов естественного языка, а в узком — связывается с терминами конкретной научной дисциплины или специальной области практической деятельности. В рамках одной теории термины образуют **терминосистему**. **Термины** можно определить как слова (словосочетания) метаязыка науки и приложений научных дисциплин, а также слова, обозначающие специфические реалии областей конкретной практической деятельности человека. В последнем случае часто используют термин «номенклатура». Отсюда следует, что терминами не являются, например, формулы,

математические и символичные выражения различного рода, которые, конечно, входят в метаязык соответствующих наук, но которые нельзя рассматривать как часть всей лексики естественного языка. Впрочем, символы могут входить в термины, ср. *μ-излучение*. Иными словами, метаязык и терминосистема не являются синонимами. Большая часть терминов входит в лексику языка через соответствующие терминосистемы.

Обычно понятие термина задается через его свойства, реализуемые в терминосистеме. В отличие от обычной лексики, использование терминов основывается не на интуиции, а на имеющихся определениях. В несколько меньшей степени это распространяется на номенклатурную составляющую терминосистем. Термину, как правило, сопоставляется одно значение; желательно, чтобы в терминосистеме отсутствовала омонимия терминов. Разумеется, это имеет характер тенденции, а не безоговорочного правила; например, такие термины как *функция*, *переменная* в математике, физике, психологии, лингвистике могут иметь совершенно различные значения. Такая многозначность может характеризовать термин и в рамках одной терминосистемы. Это особенно характерно для терминов гуманитарных наук, например, философии, филологии, истории. Важной особенностью терминологии можно считать и отсутствие У этого слоя лексики экспрессивного компонента значения и стилистических характеристик, отличных от нейтрального или научного стилей. Термины часто детерминологизируются, теряют свой терминологический статус, становясь частью лексической системы литературного языка. Детерминологизация терминов может приводить к возникновению языковых выражений с сильной экспрессией, ср. физический термин *черная дыра* и идиому *черная дыра*, возникшую на его основе:

(1) (...) было открыто излучение сильно нагретого плотного газа, по-видимому, закручивающегося вихрем при падении в *черную дыру*.

[Энциклопедический физический словарь]

(2) ЕЭС и вообще вся заграница окончательно в нас разочаруются и поймут, что нашу «*черную дыру*» ничем не залатать.

[«Столица»]

Термины не только могут терять свой терминологический статус, но и переходить из одной науки в другую. Этот процесс называется **ретерминологизацией**. Например, математический термин *переменная* в контент-анализе (см. подробнее §4 главы 5) обозначает концепт, понятие, с точки зрения которого исследуется выбранная совокупность текстов. Например, переменной может оказаться оппозиция «СВОЙ—ЧУЖОЙ», если она становится в центр исследования при анализе корпуса текстов программ политических партий.

В лингвистике терминология ж особая часть языковой системы изучается в **терминоведении**. Принципы построения специальных терминологических словарей разрабатываются в **терминографии**.

2.2. Важнейшие направления деятельности в терминоведении и терминографии

К настоящему времени в мире насчитывается более 20 тыс. терминологических стандартов. Особые стандарты по организации терминосистем разрабатываются не только на государственном и международном уровнях, но и в отдельных компаниях и фирмах. В этих условиях унификация терминов и терминосистем оказывается не только научной, но и практической, промышленной задачей. Многозначность терминов одной терминосистемы, омонимия, отсутствие согласования между близкими терминосистемами являются ощутимым препятствием для научно-технического прогресса и развития производства.

Государство, проводя языковую политику, финансирует разработку терминологических стандартов, обязательных для применения в тех или иных документах. Выпускаются сборники рекомендуемых для использования терминов. Разработка стандартов и формирование списков рекомендуемых терминов дает возможность систематизировать термины определенной проблемной области, избежать многозначности и омонимии, уточнить определения и т.д. Для правильного проведения политики в области терминологии необходимо использование знаний о функционировании языка. Характерным примером ошибочной языковой политики может служить переименование *Государственной автоинспекции* (ГАИ) в *Государственную инспекцию безопасности дорожного движения*. Сокращение нового названия — ГИБДД — не только труднопроизносимо, но и вызывает нежелательные ассоциации. Не случайно, что сейчас вместо аббревиатуры ГИБДД на машинж этой службы чаще используется сокращение ДПС — Дорожно-Патрульная Служба. Отсутствие квалифицированной лингвистической экспертизы приводит не только к труднопроизносимым сокращениям, но и к большим проблемам в разработке промышленных технологий.

Важной частью терминоведческой деятельности является перевод научно-технической терминологии. Для облегчения перевода терминов разработаны некоторые рекомендации, формирующие основу работы переводчика-специалиста в сфере терминологии [Лейчик, Шелов 1989—1990]. В идеальном случае перевод предполагает поиск эквивалента в языке-цели — языке, на который осуществляется перевод. Например, немецкий термин *Leitung* передается русским термином *управление*. При отсутствии эквивалента в языке-цели

новый термин может быть создан на основе уже имеющихся в нем других слов, близких по значению (ср. русское слово *дерево* получило развитие как термин теории управления, теории классификации и информатики в словосочетаниях типа *дерево целей*). Возможно также семантическое калькирование (ср. *tree structure* и *древовидная структура*), структурное калькирование (ср. перевод греческого термина *philosophia* как *любомудрие*) и простое заимствование (*know-how* и варваризм *ноу-хау*). Если и эти способы перевода оказываются по тем или иным причинам невозможными, то используется описательная конструкция, распространенный оборот-определение.

Современные компьютерные технологии позволяют разрабатывать терминологические банки данных (ТБД) по различным областям знания и сферам практической деятельности. Необходимость автоматической обработки больших массивов терминологической информации сделало это направление работ в области терминологии чрезвычайно актуальным. По типу ТБД разделяются на переводческие (то есть, ориентированные на задачи перевода научно-технической терминологии) и информационно-нормативные, определяющие стандарты использования научно-технической терминологии. В России существует несколько крупных ТБД, а частности, во ВНИИКИ — Научно-исследовательском институте комплексной информации по стандартизации и качеству. Крупнейшим в мире является ТБД фирмы «Сименс», включающий около двух с половиной миллионов терминологических записей на восьми языках мира.

Создание словарей специальных терминов — еще один существенный практический выход работ в области изучения и описания терминологии. В научно-технической терминографии разрабатываются принципы формирования специальных словарей. По назначению и форме представления словарной информации специальные словари могут быть разделены на словари, предназначенные для человека, и машинные словари, ориентированные на использование в компьютерных программах, например, для поддержки информационного поиска. Типы машинных словарей чрезвычайно разнообразны — это информационно-поисковые тезаурусы, частотные словари, рубрикаторы, классификаторы и пр. Обычные, не машинные, специальные словари чаще всего бывают переводными словарями или толковыми словарями (о типах словарей см. подробнее предшествующий параграф данной главы). Большинство терминологических словарей являются дескриптивными. Их цель заключается в описании состояния терминологии в терминосистеме на данный момент времени.

Нормативные терминологические (специальные) словари задают некоторую норму, стандарт использования терминов в данной проблемной области. Словарь-стандарт имеет официальный статус, он предписывает использование соответствующей терминологии в определенной термино-системе. В словаре-стандарте не только приводится сам корпус терминов, но и подробно описывается область, на которую распространяется стандарт. Словарная статья ел о варя-стандарта обязательно включает зоны «Термин» и «Определение». Приведем для иллюстрации фрагмент из ГОСТа «Коррозия металлов» по [Герд 1996]:

Термин	Определение
Общие термины	
1. Коррозия металлов...	Разрушение металлов вследствие химического или электрохимического взаимодействия их с коррозионной средой...
2. Коррозионная стойкость	Способность металла сопротивляться коррозионному воздействию среды

Некоторые специальные словари не обладают статусом официальных документов, не являются ГОСТами, а лишь рекомендуют использование тех или иных терминов.

Информационно-поисковые тезаурусы (ИПТ) предназначены для: автоматического (реже ручного) поиска информации в значительных по объему массивах данных. В ИПТ описываются термины-дескрипторы с точки зрения родо-видовых и ассоциативных отношений, указываются* также синонимичные термины. Ср. фрагмент информационно-поискового тезауруса по сталям [Герд 1996]:

Сталь, выплавляемая в дуговых печах

с Электродуговая сталь

в Электросталь

н Сталь вакуумно-дугового переплава

Сталь плазменно-дугового переплава Сталь, выплавляемая в плазменно-дуговых печах

см. Сталь плазменно-дугового переплава

Расшифровка обозначений: **с** — синоним, **в** — вышестоящий термин, **к** — нижестоящий термин.

Указатели многих справочных изданий имеют вид ИПТ, что существенно ускоряет ручной поиск. Для маркировки родо-видовых отношений в этих случаях часто используются метаграфематические способы выделения текста (гарнитура, кегль, полужир, курсив, абзацный отступ, обратный абзацный отступ и т.д.). Ср. фрагмент тезауруса по системам безопасности [Деловые контакты в России 1996, с. 277-280]:

БЕЗОПАСНОСТЬ

Защитные конструкции

Бронированные двери

Бронескабины
Конструкции с пуленепробиваемыми стеклами
Одежда для служб безопасности
Знаки различия
Форменная обувь
Форменная одежда
Эмблемы
(...)

ТРАНСПОРТ

Автомобили

Дополнительное оборудование
автомобильная аудиотехника
автомобильная сигнализация

Спецавтомобили

бронированные автомобили
бронированные грузовые автомобили
бронированные микроавтобусы

Транспортировка

денег и ценностей

ЗАЩИТА

Бронирование

бронированные автомобили — см. *Автомобили*
пуленепробиваемое стекло — см. *Автомобили*

Системы защиты

системы видеонаблюдения
инфракрасные датчики движения

Создание ГОСТов в области терминологии должно рассматриваться как часть языковой политики государства и тем самым получать законодательную и институциональную поддержку.

2.3. Институциональный аспект терминоведения и терминографии

Поскольку деятельность в области терминоведения носит не только чисто научный, но и организационный характер, она часто оказывается связанной с языковой политикой государства и имеет международный аспект. В рамках языковой политики терминоведческие исследования позволяют формулировать общие стандарты на разработку терминологических словарей, терминологических банков данных. Международные организации разрабатывают программы унификации международной терминологии, создают единые стандарты описания терминов, формируют списки эквивалентных терминов разных языков.

В России программы стандартизации терминологии выполняются в московском Научно-исследовательском институте комплексной информации по стандартизации и качеству (ВНИИКИ). ВНИИКИ выпускает журнал «Научно-техническая терминология». Проблемы унификации терминологии в естественных и технических науках стоят перед Комитетом научно-технической терминологии РАН. Крупными международными организациями, координирующими международные исследования в области терминологии, являются находящийся в Вене Международный центр информации по терминологии (Инфотерм) и Международная организация по унификации терминологических неологизмов (Варшава), выпускающая журнал «Neoterm». Разработкой международных стандартов занимаются Международная организация по стандартизации, Международная электротехническая комиссия и другие международные институты.

Специфика терминографической работы хорошо видна на примере описания конкретной терминосистемы.

2.4. Лингвистическая терминология как особая терминосистема*

Согласно известному тезису Романа Якобсона сущность любого лингвистического исследования заключается в замене знаков одной семиотической системы знаками другой системы [Якобсон 1985 в, с. 363]. В лингвистике в качестве знаков первой семиотической системы выступает естественный язык, а в качестве второй — метаязык лингвистической теории. Сфера лингвистической терминологии образована в основной своей части элементами метаязыка¹⁸). Отсюда следует, что описание лингвистической терминологии можно рассматривать как «метадеятельность» языковеда, направленную на выявление оснований лингвистической науки и установление парадигм языкознания, а также их связей с другими научными дисциплинами. В этом смысле терминологическая деятельность по некоторым задачам может рассматриваться как часть науковедческой проблематики.

Своеобразие лингвистического знания — его гуманитарный и одновременно естественнонаучный

характер — проявляется в динамичности лингвистической терминологии, в существовании многочисленных интерпретаций одного и того же термина, а также в наличии синонимии между терминами различных лингвистических парадигм. Обилие

* Раздел 2.4 основывается на [Баранов, Добровольский 1990а; 1993].

18) Особый слой лингвистической терминологии образован единицами номенклатур (см. выше) — названиями конкретных языковых фактов, явлений, ср. *двойной дательный падеж*, *саксонский падеж*, «*арабский айн*».

терминов-синонимов в языкознании объясняется, кроме всего прочего, теми дополнительными функциями, которые выполняют собственно лингвистические термины. Они являются не только элементами Метаязыка, функция которых заключается в описании предметной области языка-объекта, но и социальными маркерами, определяющими принадлежность лингвиста к той или иной идейной (теоретической) группировке. Ср., например, *модус* — исходно термин романского языкознания, связанный с концепцией Шарля Балли, и *модальная рамка* — термин, ассоциируемый в первую очередь со школой «языка мысли» Анны Вежбицкой.

Отметим, что состояние терминологии любой науки отражает степень ее развития и ее структуру. Значительная часть лингвистических терминов не потеряла еще связей с теми областями научного знания, из которых они были заимствованы. Например, у термина *proposition* (англ.), *Proposition* (нем.) и его русского соответствия *пропозиция* легко прослеживаются логические истоки. Ср. также нем. *Subject, Prddikat, Argument, Variable* и др. Это не проходит бесследно для мышления лингвистов, которые готовы подчас бросаться из одной крайности в другую, пытаясь найти ответы на свои вопросы у психологов, математиков, логиков, кибернетиков и др., ср. название книги одного из столпов современной лингвистической семантики Дж. Макколи: «Все, что лингвисты давно хотели бы узнать у логиков, но стесняются спросить» [McCawley 1981].

Из всего этого можно сделать два вывода. С одной стороны, инструментарий лингвистики — ее метаязык — находится на стадии становления, напоминая один из этапов формирования терминов из обычных слов естественного языка в древнегреческой философии [Аверинцев 1979]. При этом в случае лингвистики в качестве фона заимствования выступает не естественный язык, а терминологические системы других наук. С другой стороны, специфическая свобода терминологической системы лингвистики — воспринимая извне почти как абсолютная, но далеко не абсолютная на самом деле — довольно легко позволяет ассимилировать новое знание в рамках лингвистики как таковой. Такая всеядность вполне объяснима, поскольку язык представляет собой настолько сложное явление, что его исследование силами одной лингвистики невозможно.

Положение дел в лингвистической терминологии диктует определенные рамки исследования и описания инструментария языкознания. Важно отметить следующие исследовательские установки, существенные для изучения мира лингвистических терминов:

- ориентация на выявление внутренних и внешних парадигматических связей субсистем лингвистической терминологии (научоведческая перспектива); эквивалентность терминов различных терминосистем, проблемы перевода;
- теоретические основания представления результатов исследования (лексикографическая перспектива).

Рассмотрим их последовательно.

2.5. Миры лингвистической терминологии

Традиционно науковедческий анализ в сфере лингвистики сводился в первую очередь к истории лингвистических учений. Легко показать, что для целей терминоведения такой подход малопримем или по крайней мере недостаточен, поскольку лингвистические школы и различные направления не всегда резко противопоставлены друг другу с терминологической точки зрения. В отдельные исторические периоды могут сосуществовать несколько школ с резко различающейся терминологией, ср., например, структурализм и традиционное языкознание, а также различные направления структурализма. В то же время наблюдается и определенная терминологическая преемственность между отдельными этапами развития какой-либо определенной школы, ср. гумбольдтианство и неогумбольдтианство. Более того, преемственность терминологии возможна даже между противопоставленными друг другу направлениями, ср., например, порождающую грамматику и порождающую семантику, возникшую как реакция на критику синтаксической теории Н.Хомского.

Миры лингвистической терминологии определяются не исторически ограниченными школами и направлениями и не отдельными этапами развития лингвистики в целом, а по крайней мере следующими тремя моментами:

- научной областью, являющейся источником заимствования терминологии;
- комплексом эвристик, навязываемых исследователю областью заимствования (под эвристиками понимаются априорные представления о сущности объекта исследования [Шрейдер 1976]);
- сферой описываемых языковых феноменов.

Используя расхожую метафору, выделенные параметры можно уподобить ситуации лова рыбы:

выбирая орудие лова — сеть, удочку, гарпун — мы руководствуемся нашими представлениями о том, что мы собираемся поймать (кита или мелкую плотву), ср. априорные представления о сфере описываемых языковых феноменов. Тем самым мы реализуем здесь комплекс исходных эвристик, действенных по отношению к данному виду рыбы. И наконец, орудия, используемые при лове (ср. термины, с помощью которых описываются те или иные языковые явления), заимствуются из определенной области человеческой деятельности (различные области научного знания).

Возвращаясь к сфере лингвистической терминологии, приведем пример конкретных терминологических субсистем или модулей, отнюдь не связанных только определенными школами и направлениями в языкознании. Известно, что в основе европейской лингвистической традиции лежали философия и логика. Логическая составляющая в лингвистической терминологии довольно значительна (см. пример выше). В последние два десятилетия она пополнилась новым терминологическим пластом, в который входят такие единицы, как *пресуппозиция* (нем. *Presupposition*, *Voraussetzung*, англ. *presupposition*), *аргументно-связанный* (нем. *Argument-gebunden*, англ. *argument-bound*), *аргументно-свободный* (нем. *Argument-frei*, англ. *argument-free*), *референция* (нем. *Referenz*, англ. *reference*). Сферу употребления этих терминов вряд ли можно ограничить какой-то одной теорией. Даже термин «референция» широко используется не только в рамках теории референции, но и в области лингвистической семантики в целом.

Отсутствие соответствий между лингвистическими теориями и модулями лингвистической терминологии существенно осложняет работу исследователя, особенно в области двуязычной лексикографии, поскольку некоторые модули практически непереводимы в терминологические миры другого языка. В этом случае перевод термина возможен только при заимствовании или переизложении соответствующей теории. Так, например, немецкие термины *Erganzung* — *Angabe*, образующие оппозицию, могут быть переведены на русский язык только описательно, поскольку их противопоставление основано на разработанной в германистике версии теории валентности, согласно которой члены предложения противопоставлены друг другу как заполняющие обязательные или факультативные валентности предиката (*Erganzung*) и связанные со всем предложением в целом (*Angabe*). Ср. близкое противопоставление *актантов* и *сирконстантов* по Л. Теньеру. Аналогичные трудности возникают при переводе некоторых терминов славистики. Так, выражение *вводное слово*, хотя и может быть переведено на немецкий язык калькой *Schaltwort*, нуждается в дополнительном пояснении для лингвиста, не знакомого с русской грамматической традицией. Это является одной из причин, приводящей к тому, что некоторые двуязычные словари лингвистических терминов содержат в структуре словарной статьи зону комментария (см., например, [Баранов, Добровольский 1993; Баранов, Добровольский, Михайлов, Паршин, Романова 1996]). В качестве другого примера может служить перевод терминологии оригинальной теоретической концепции Л. Вайсгербера — см. раздел 1.2.5 главы 4, см. также [Баранов, Добровольский 1990 а].

Сколько же миров в лингвистической терминологии? Разумеется, на этот вопрос нельзя дать однозначного ответа. Однако междисциплинарные связи лингвистики позволяют представить себе хотя бы в общих чертах возможные направления их поиска. Можно выделить по крайней мере следующие научные дисциплины, в которых поднимается вопрос о различных аспектах функционирования языковой системы: философия, психология, логика, физика (акустика), кибернетика, теория информации, литературоведение, культурология, история и многие другие. Некоторые из этих важнейших дисциплин представлены на следующей схеме.

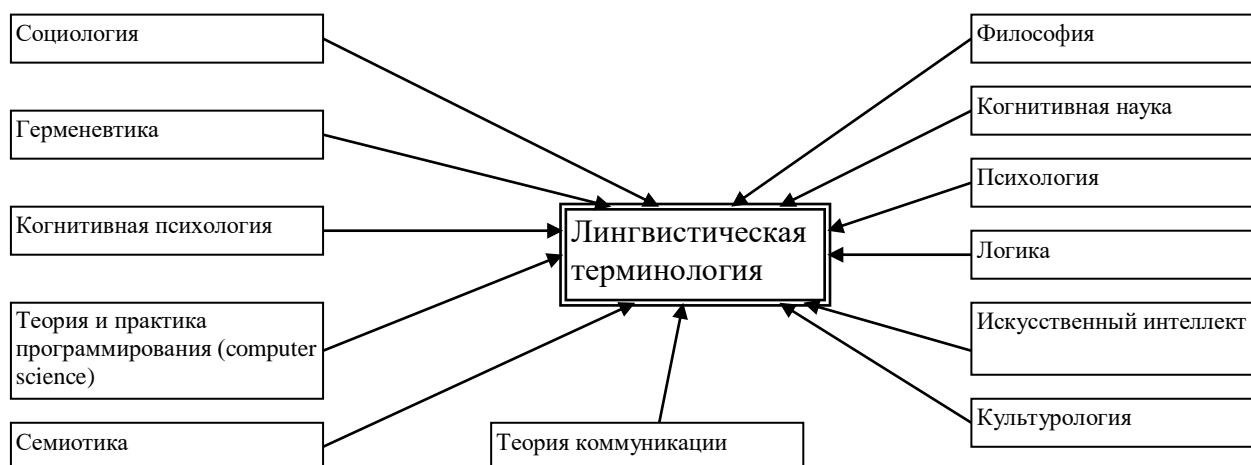

Схема 1 Источники заимствования лингвистической терминологии и междисциплинарные связи лингвистики.

Специфика лингвистической терминологии подсказывает и наиболее адекватный способ ее описания, учитывающий как уровневую метафору строения языка (фонетика-фонология, морфология, синтаксис и т.д.), так и модульное строение системы лингвистических терминов (ср. зону парадигматических отсылок в структуре словарной статьи некоторых терминологических словарей). Имеется в виду тезаурусная организация словаря лингвистической терминологии.

Приведем примеры некоторых конкретных таксонов подобного те-заурусного описания, которые были получены в автоматическом режиме из многоязычной базы данных по лингвистической терминологии, созданной в отделе экспериментальной лексикографии Института русского языка РАН. Первым указывается немецкий термин, вторым — русский, третьим — английский. Таксоны воспроизводятся частично.

Термины семиотики¹⁹

Ausdruck • план выражения, означающее, форма
 • signifying, significant, signifier
 Ausdrucksebene • план выражения, означающее, форма • signifying, significant, signifier
 Bezeichnende • означающее, план выражения • signifying, significant, signifier
 Bezeichnete • означаемое, план содержания • signified
 Designator • десигнатор • designator
 Inhaltsebene • план содержания, означаемое • signified
 Pragmatik • прагматика • pragmatics
 Semantik • семантика • semantics
 Semiose, Semiosis • семиозис • semio-sis
 Syntaktik • синтактика • syntactics
 Zeichen • знак • sign

Термины прагматики

doxastische Sprechereinstellungen • докастические установки говорящего • epistemic (prepositional) attitudes
 Einstellung • установка, точка зрения • attitude
 Einstellungsmodus • модус (пропозициональной) установки • mode of attitude
 epistemisches Prädikat • эпистемический предикат • epistemic predicate
 epistemische Sprechereinstellungen • эпистемические установки говорящего • epistemic (prepositional) attitudes
 Implikatur • импликатура • implicature
 Intention • интенция, намерение • intention
 intentionale Sprechereinstellungen • интенциональные установки говорящего • intentional speaker's attitude
 Kommunikationsabsicht • интенция высказывания • intention of utterance
 Pragmatik • прагматика • pragmatics
 propositionale Einstellung • пропозициональная установка • prepositional attitude

¹⁹) Термины таксонов приводятся выборочно.

soziale Rolle • социальная роль • social role
 Sprechereinstellung • установка говорящего • speaker's attitude (prepositional or communicative)

Термины теории диалога, термины теории речевой коммуникации

Adressant • адресант, отправитель • speaker, producent
 Adressat • адресат, получатель • addressee
 Argumentation • аргументация • argumentation
 Interaktion • интеракция, взаимодействие • interaction
 Kommunikationsakt • коммуникативный акт, акт коммуникации • communication act, communicative act, act of communication
 Kommunikationsplan • коммуникативная стратегия, стратегия коммуникации, план коммуникации • communicative strategy, strategy of communication
 kommunikative Kompetenz • коммуникативная

компетенция • communicative competence

Konversationsanalyse • анализ естественного диалога, анализ разговора, анализ речевого общения • conversational analysis

Konversationsanalyse • анализ естественного диалога, анализ разговора, анализ речевого общения • conversational analysis

Konversationsimplikaturen • имплика-туры речевого общения, коммуникативные импликатуры • conversational implicatures

Rollentausch • смена ролей, смена хода • turn-taking

Sprecherstrategie • стратегия говорящего • speaker's strategy

Zug • коммуникативный ход, коммуникативный шаг, реплика • move, turn

Термины логического анализа естественного языка

abhängige Variable • зависимая переменная • dependent variable

Allquantor • квантор всеобщности • universal quantifier, generic quantifier, all-operator

De-dicto-Lesart • интерпретация de dicto • De Dicto interpretation

De-re-Lesart • интерпретация de re • De Re interpretation

Disjunktion • дизъюнкция • disjunction

Existentialoperator, Existenzoperator • квантор существования • existential operator, existential quantifier

Existenzpräsupposition • пресуппозиция существования • existential presupposition

fokale Präsupposition • пресуппозиция фокуса, пресуппозиция для фокуса • focus presupposition

Konjunktion • конъюнкция • conjunction

mögliche Welt • возможный мир • possible world

opaker Kontext • референциально непрозрачный контекст • (referentially) opaque context

transparenter Kontext • референциально прозрачный контекст • transparent context

Wahrheitsbedingungen • условия истинности высказывания • truth conditions of utterance

Термины прикладной лингвистики

automatische Sprachdatenverarbeitung, automatische Sprachverarbeitung • автоматическая обработка языковых данных • language data processing

automatische Übersetzung, maschinelle Übersetzung, Maschinellenübersetzung • автоматический перевод, машинный перевод • automatic translation, machine translation

Informationsabstastsystem, Informationssuchersystem, Informationssystem • информационно-поисковая система • information(al) retrieval system

Informationsanforderung • информационный запрос, запрос на поиск информации • information query, data-base query

Informationsrecherchesprache • информационно-

поисковый язык • information query language, data-base query language
 Konkordanz • конкорданс • concordance
 Spracherkennungssystem • система распознавания речи • speech recognition system
 Vocoder, Voder • синтезатор • voice coder, voice synthesizer
 Wissensdatenbank • банк знаний, база знаний • knowledge base

Термины теории речевых актов

Aufrichtigkeitsbedingung • условие искренности (речевого акта) • sincerity condition
 AuBerungsakt, lokutiver/lokutionärer Akt акт произнесения, локутивный акт • locution, locutionary act
 Bedingung für den propositionalen Gehalt • условие пропозиционального содержания • propositional content condition
 Illokution • иллокуция • illocution
 Illokutionsindikator • индикатор иллокуции, показатель иллокутивной силы • illocutionary force marker
 illokutiver/illokutionärer Akt • иллокутивный акт • illocutionary act, illocution
 indirekter Sprechakt • косвенный речевой акт • indirect speech act
 Perlokution • перлокуция • perlocution, perlocutionary act
 perlokutiver/perlokutionärer Akt • пер-

локутивный акт • perlocutionary act, perlocution
 propositionale Einstellung • пропозициональная установка • prepositional attitude
 Sprechakt • речевой акт • speech act
 Sprechaktbedingungen • условия успешности речевого акта • felicity conditions, conditions on speech act, conditions on illocutionary act
 Sprechereinstellung • установка говорящего • speaker's attitude (prepositional or communicative)
 wesentliche Bedingung • существенное условие • essential condition

Термины искусственного интеллекта

Allgemeinwissen • общее знание • general knowledge, mutual knowledge
 Enzyklopadisches Wissen • энциклопедическое знание • world knowledge, encyclopedic knowledge
 Frame • фрейм • frame
 Knoten • слот • slot
 prozedurales Semantik • процедурная семантика • procedural semantics
 prozedurales Wissen • процедурное знание • procedural knowledge
 Weltwissen • знание/знания о мире • world knowledge
 Wissen • знание • knowledge
 Wissenskongfiguration • конфигурация знаний, структура знаний • knowledge structure
 Wissensrepräsentation • представление знаний • knowledge representation

Из приведенного материала видно, что таксоны такого лингвистического тезауруса не могут быть полностью автономны. Их взаимозависимость проявляется в двух отношениях: во вхождении одного и того же термина в несколько иерархически одноуровневых таксонов (например, термин *Sprechereinstellung* — установка говорящего — *speaker's attitude* одновременно входит и в таксон «термины прагматики», и в таксон «термины теории речевых актов»), а также в иерархической подчиненности одного таксона другому: например, при описании лингвистической терминологии термины искусственного интеллекта естественно подчинить таксону «термины прикладной лингвистики», поскольку прежде всего таким путем терминология искусственного интеллекта проникает в лингвистические исследования. Заметим, что один из первых опытов научного описания лингвистической терминологии в отечественном языкознании также основан на тезаурусном принципе — см. [Никитина 1978].

Остановимся несколько более подробно на одном из важнейших направлений в современной науке, ставшем мощным источником пополнения лингвистической терминологии. Речь пойдет о когнитивной науке, давшей название новой лингвистической дисциплине — когнитивной лингвистике. Когнитивный переворот в языкознании может быть осмыслен только с точки зрения предшествовавших когнитивному подходу позитивистской и неопозитивистской парадигм, реализовавшихся в лингвистике в первую очередь в виде различных школ структурализма. Когнитивная теория наделила лингвистов, ограниченных эвристиками структурализма, правом непосредственного обращения к категориям мышления, минуя рогатки психологического экспериментирования.

Особенности когнитивного подхода, его преимущества и недостатки определяют рамки применимости когнитивной методологии в лингвистических исследованиях. Одна из сфер широкого использования когнитивного инструментария в языкознании — исследовательские ситуации типа «айсберг», то есть случаи, когда в языковых формах представлена (отражена) лишь часть изучаемого феномена — «верхушка понятийного айсберга», а ее основа содержится в когнитивной системе, отражаясь в структурах знаний и алгоритмах операций над ними. Такое строение имеет целый ряд традиционных для лингвистики областей исследования, ср. поле коммуникативных категорий (тема vs. рема, данное vs. новое, определенное vs. неопределенное, контрастивность, точка зрения и т.п.), ср. также сферу сложных речевых актов, объединенных единой коммуникативной целью (макроакты аргументации, интерпретации, объяснения и пр.). Преимущественное когнитивное содержание имеют многие категории лингвистической семантики — ср. понятия 'норма', 'цель', 'установка', 'оценка' и др. Именно поэтому основными областями применения когнитивных эвристик в языкознании стали сферы синтаксической и семантической типологии (Т. Гивон, А. Е. Кибрик, Л.Талми) и лингвистическая семантика (Дж.Лакофф, Л.Лангакер, Ч.Филлмор, У.Чейф).

Особенно удачно вписалась когнитивная методология в приложения языкознания и в первую очередь

в компьютерное моделирование функционирования естественного языка (моделирование понимания текста, диалогического взаимодействия на естественном языке, практического рассуждения и др.). Приводимые ниже термины, иллюстрирующие эти сферы компьютерного моделирования, уже вошли в сферу лингвистического знания. В принципе они могли бы составить особый таксон тезауруса лингвистических терминов.

Термины когнитивной науки

Allgemeinwissen • общее знание • general knowledge, mutual knowledge
 Bewertung • оценка • evaluation
 Einstellung • установка, точка зрения • attitude
 Frame • фрейм • frame
 Framewissen • фреймовое знание, знание фрейма • frame knowledge
 Gestalt • гештальт • Gestalt
 Knoten • слот • slot
 kognitive Einstellung • когнитивная (препозитивная) установка • cognitive (prepositional) attitude
 kognitive Linguistik • когнитивная лингвистика • cognitive linguistics
 kognitive Strukturen • когнитивные структуры • cognitive structures
 konzeptuelle Representation • концептуальное представление • conceptual representation
 konzeptuelles Netzwerk • концептуальная сеть • conceptual net, conceptual network
 konzeptuelle Straktur • концептуальная структура • conceptual structure
 Plan • план • plan
 Prototypensemantik • семантика прототипов • prototype semantics
 prozedural • процедурный • procedural

prozedurale Semantik • процедурная семантика • procedural semantics
 prozedurales Wissen • процедурное знание • procedural knowledge
 Script • сценарий • script, scenario
 Scriptsemantik I • семантика сценария • semantic of a script
 Scriptsemantik II • сценарная семантика • script semantics
 Scriptwissen • знание сценария, сценарное знание • script knowledge
 semantisches Netz, semantisches Netzwerk • семантическая сеть • semantic net, semantic network
 Skript, Szenarium • сценарий • script, scenario
 Szene • сцена • scene
 Verstehen • понимание • understanding
 Weltwissen • знание/знания о мире • world knowledge
 Wissen • знание • knowledge
 Wissenskongfiguration • конфигурация знаний, структура знаний • knowledge structure
 Wissensrepräsentation • представление знаний • knowledge representation
 Wissenssystem • система знаний • knowledge system

Поскольку когнитивная наука по своему происхождению тесно связана с искусственным интеллектом, ее терминология в значительной степени пересекается с терминологией ИИ.

Как и у всякой цельной исследовательской концепции, достоинства когнитивного подхода — опора на компьютерное моделирование процессов мышления, возможность компьютерной верификации гипотез о характере когнитивных процедур, непосредственное обращение к ментальным категориям — естественным образом переходят в его недостатки — априоризм и сугубая операциональность выделяемых когнитивных концептов, невозможность непосредственной верификации когнитивных категорий в духе позитивистских идеалов, отсутствие единого общепризнанного концептуального аппарата и пр. [Баранов, Паршин 1990 б]. Очевидно, что выявление дальнейших перспектив использования когнитивного подхода в языкознании требует весьма серьезного науковедческого и собственно лингвистического изучения (см. подробнее главу б).

Мы коснулись здесь лишь некоторых модулей лингвистической терминологии, на основе которых формируется новый инструментарий языкознания. Полный тезаурус лингвистических терминов, разумеется, должен учитывать не только новые, но и уже хорошо известные миры лингвистической терминологии, а также выявлять определенные тенденции ее развития. Это возможно лишь в рамках науковедческой парадигмы в языкознании.

2.6. Лингвистическая терминография

Исследование лингвистической терминологии неотделимо от ее описания, то есть науковедческий подход может быть до конца реализован лишь в словарной форме. С другой стороны, наличие словарей лингвистических терминов можно рассматривать как необходимое условие дальнейшего развития науковедческого подхода к изучению терминологии языкознания.

Современная лексикографическая практика дает целый ряд примеров словарного представления лингвистической терминологии. Имеющиеся словари отличаются друг от друга как составом словника (то есть выбираемой областью описания), так и структурой словарной статьи, определяющей способ подачи словарного материала. Укажем некоторые важнейшие параметры лингвистических словарей, задающих их классификацию.

(1) Тип словника

Первый параметр задает ту область терминологии, которая подлежит описанию в словаре. Таким образом, от типа словника зависит тип словаря. Здесь выделяются следующие типы словарей

лингвистических терминов:

- **общелингвистические словари**, словники которых претендуют на охват всех лингвистических областей или по крайней мере их большинства (к их числу относятся, например, словари О. С. Ахмановой, Т. Леван-довского, К. Хойпеля, словарь под редакцией Р. Конрада и целый ряд других [Ахманова 1969; Lewandowski 1984-1985; Neupel 1978; Conrad 1985]);
- **частнолингвистические словари**, посвященные конкретной лингвистической дисциплине или конкретной лингвистической теории. Словарями второго типа можно считать словари В. Вельте, В. 3. Де-мянкова — терминология порождающей грамматики [Демянков 1979; Демянков 1982; Welte 1974], В. Ульриха [Ulrich 1972] — базовая терминология языкознания, В. Абрахама [Abraham 1988] — терминология новейших лингвистических теорий, И. Вахека [Вахек 1964] — терминология Пражской школы, Н. В. Подольской [Подольская 1978] — сфера русской ономастической терминологии и т.д.

(2) ПЕРЕВОДНЫЕ VS. ТОЛКОВЫЕ СЛОВАРИ

Этот параметр в значительной мере определяет устройство словарной статьи. Совершенно очевидно, что та информация, которая является обязательной для переводного словаря, может отсутствовать в толковом и наоборот. Например, наличие эквивалента на другом языке (на других языках) — необходимо для переводного словаря и факультативно для толкового. Так, в словаре Р.Конрада [Conrad 1985] английские соответствия не приводятся даже для терминов порождающей грамматики, а в словаре Т. Левандовского [Lewandowski 1984-1985] можно найти английские, французские и русские соответствия.

(3) ОБЩИЙ ПРИНЦИП РАСПОЛОЖЕНИЯ СЛОВАРНОГО МАТЕРИАЛА: тезаурусный vs. алфавитный

Изложенные в предыдущем разделе параграфа особенности лингвистической терминологии однозначно указывают на предпочтительность тезаурусного способа представления информации в терминологическом словаре. И действительно, если обратиться к имеющимся словарям лингвистической терминологии, легко обнаружить, что многие из них в большей или меньшей степени ориентированы на тезаурусную структуру. Так, в словаре С.Никитиной [Никитина 1978], В. Демянкова [Демянков 1979; Демянков 1982] и «Словаре славянской лингвистической терминологии» [Словарь славянской лингвистической терминологии 1977] тезаурусный принцип взят за основу расположения словарных статей, а в словаре В. Вельте [Welte 1974] имеются элементы тезаурусного представления. В самых крайних случаях тезаурусные отношения эксплицируются в зоне перекрестных отсылок, где, как правило, указываются вышестоящие, рядоположенные и нижестоящие термины.

(4) ОДНОЯЗЫЧНЫЕ VS. МНОГОЯЗЫЧНЫЕ СЛОВАРИ

Данный параметр касается переводных словарей и определяет возможность поиска термина по одному или нескольким языкам. Так, например, словарь Назаряна [Назарян 1989] содержит лишь один вход: от французского термина к его русскому переводу. А словарь Нэша [Nash 1968] позволяет войти в основной корпус от любого из представленных в словаре языков.

(5) ИНФОРМАЦИЯ О ПРОИЗНОШЕНИИ ТЕРМИНА

Для лингвистической терминологии этот параметр весьма важен, поскольку среди лингвистических терминов очень много заимствований, не вполне ассимилированных языком.

(6) ИНФОРМАЦИЯ О ЯЗЫКЕ-ИСТОЧНИКЕ

В некоторых случаях информация о языке источнике помогает определить школу, в рамках которой употребляется этот термин, и уточнить тем самым его понимание.

(7) ГРАММАТИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Под грамматической информацией чаще всего имеются в виду ча-стеречная принадлежность термина и способы образования основных форм словоизменения. Этот параметр крайне редко учитывается в словарях лингвистических терминов. Между тем информация такого рода часто уникальна и невыводима из знания регулярных правил. Например, некоторые грамматические характеристики немецких лингвистических терминов, приводимых в [Баранов, Добровольский 1993], получены в результате опроса информантов, поскольку они отсутствовали в имевшихся на момент выхода словаря справочных изданиях.

(8) ПЕРЕВОД

Перевод обязателен для переводного и факультативен для толкового (одноязычного) словаря.

(9) ТОЛКОВАНИЕ

Толкование или его аналог имеют, разумеется, толковые словари, а в переводных словарях толкования, как правило, нет.

(10) ИЛЛЮСТРАЦИИ И ЯЗЫКОВЫЕ ПРИМЕРЫ

В подробных словарных статьях толковых словарей иллюстрации, как правило, присутствуют, образуя важнейший компонент системы экспликации термина. Языковые примеры употребления терминов из реальных научных работ практически не встречаются.

(11) УКАЗАНИЯ НА ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ТЕРМИНА К КОНКРЕТНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ ИЛИ ТЕОРИИ

Этот параметр реализуется в словарных статьях по-разному. В толковых словарях указание на принадлежность вводится в структуру толкования или помещается в особую зону [Conrad 1985]. В некоторых случаях соответствующая информация может быть выведена из ссылок на литературу, если таковые имеются [Lewandowski 1984-1985]. В переводных словарях этот параметр присутствует далеко не всегда.

(12) ПЕРЕКРЕСТНЫЕ ОТСЫЛКИ

Отсылочная зона весьма существенна для правильного понимания парадигматических и синтагматических характеристик термина. Здесь могут использоваться такие маркеры, как *см.*, отсылающий к близким по значению терминам или синонимам, *см. также*, отсылающий к терминам того же таксона тезауруса, и *ср.*, указывающий на термины в каком-то смысле противопоставленные данному. Чаще всего перекрестные отсылки образуют особую зону [Баранов, Добровольский и др. 1996; Lewandowski 1984-1985; Conrad 1985].

(13) ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

Ссылки на литературу наиболее характерны для словарных статей с подробной зоной толкования, поскольку установка на краткость экспликации значения термина препятствует использованию подробного ссылочного аппарата. Тем самым для переводных словарей этот параметр, как правило, принимает отрицательное значение.

(14) ЦИТАТЫ

Наличие цитат предполагает отсылку у источнику, что связывает данный параметр с предшествующим. Цитирование наиболее уместно в тех случаях, когда термин принадлежит оригинальной, не вполне общепринятой авторской концепции. В противном случае многочисленные цитаты могут препятствовать пониманию. Цитация в толковании широко используется в словарях новейшей лингвистической терминологии, ср., например, словари В.Вельте и В.Абрахама [Welte 1974; Abraham 1988].

(15) УКАЗАТЕЛИ

На первый взгляд, этот параметр носит чисто формальный характер. Однако на самом деле указатели, как правило, позволяют компенсировать определенные потери информации из-за выбранного способа расположения словарных статей. Например, алфавитный список терминов при тезаурусном способе подачи материала дает возможность читателю найти необходимый термин, даже если он не знает месторасположения нужного слова в понятийном дереве терминологического тезауруса или среди выделяемых одноуровневых тематических разделов; ср., например, словарь В.З.Демьянкова [Демьянков 1979; Демьянков 1982]. С другой стороны, при алфавитном способе подачи материала указатели могут помочь определить некоторые важные тематические группы, образующие один или несколько таксонов при тезаурусном способе представления; ср. один из указателей к словарю В.Вельте [Welte 1974].

Выделенные параметры позволяют построить типологию наиболее известных словарей лингвистической терминологии. На табл.3 представлены результаты типологизации тринадцати лингвистических словарей.

Анализ табл.3 показывает, что в общем случае лингвистические словари довольно индивидуальны (набор значений выделенных параметров для каждого словаря уникален). Однако, если попытаться выделить общие

Таблица 3

Характеристики словарей лингвистической терминологии в параметрическом представлении

	1 Общ.	2 Тол.	Пер.	Алф.	Тез.	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Ахманова 1969	+	+	-	+	-	0	-	-	-	±	+	+	-	±	-	-	+
Демьянков 1979-1982	-	+	-	-	+	0	-	-	-	-	+	+	+	+	+	-	+
Назарян 1989	+	-	+	+	-	-	-	-	+	±	+	±	+	+	-	-	+
Никитина 1978	-	-	-	±	+	0	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-
ССЛТ*	+	-	+	-	+	+	-	-	-	+	-	-	±	+	-	-	+
Abraham 1988	+	+	-	+	-	0	-	-	-	±	+	+	+	+	+	+	+
Conrad 1985	+	+	-	+	-	0	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-
Heupel 1978	+	+	-	+	-	0	-	-	-	-	+	+	±	+	-	-	-
Lewandowski 1984-1985	+	+	-	+	±	0	-	-	-	+	+	+	±	+	+	+	+
Nash 1968	+	-	+	+	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
Welte 1974	-	+	-	+	±	0	-	-	-	+	+	+	±	+	+	+	+
Баранов, Добровольский 1993	+	—	+		—	+	+	+	±	+	+	+	+	+	—	—	+
Баранов, Добровольский и др. 1996	+	—	+	+	—	+	+	+	—	+	+	+	+	+	—	—	+

* — [Словарь славянской лингвистической терминологии 1977].

Расшифровка обозначений: Знак «плюс» («минус») указывает на реализацию (нереализацию) значения соответствующего параметра. Знак «плюс-минус» используется в тех случаях, когда соответствующее значение параметра реализуется частично. Знак «ноль» маркирует те случаи, когда признак вообще неприменим к описанию данного словаря. Сокращения: «общ.» — общелингвистические словари; «тол.» — толковые словари; «пер.» — переводные словари; «алф.» — алфавитный принцип расположения; «тез.» — тезаурусный принцип расположения.

закономерности, то можно прийти к выводу о наличии трех основных типов толковых словарей лингвистических терминов. Для первого типа, к которому принадлежит, например, словарь К. Хойпеля

[Heupel 1978], характерно стремление к краткости. Словники таких словарей довольно невелики (в пределах 1 000 единиц), но в то же время охватывают термины самых различных областей лингвистики. При этом отбор словника, как правило, весьма произволен, а толкования (или пояснения, комментарии к термину) очень скудны.

Словари второго типа отличаются относительной полнотой охвата лингвистической терминологии (до 3 000–4 000 терминов) и довольно пространными толкованиями, комментариями и ссылками на литературу. К последнему типу относятся, например, словари Левандовского и Конрада [Lewandowski 1984–1985; Conrad 1985]. По-видимому, это наиболее удобный вид словаря, ориентированный на самую широкую аудиторию.

Третий тип представлен в первую очередь частнолингвистическими словарями [Демьянков 1979; Демьянков 1982; Abraham 1988; Welte 1974], словники которых довольно полно отражают терминологию соответствующей предметной области, а толкования позволяют подробно ознакомиться с особенностями употребления каждого термина и его парадигматическими связями.

Отсутствие достаточного количества материала не позволяет построить полную типологию переводных лингвистических словарей. Однако некоторые важные противопоставления могут быть выделены уже на основе проанализированного материала. Первое разграничение касается двуязычных и многоязычных переводных словарей. К первому типу относится, например, словарь Назаряна [Назарян 1989], а ко второму — словарь Нэша [Nash 1968] и [Словарь славянской лингвистической терминологии 1977]. Возможно также разграничение переводных лингвистических словарей на односторонние, позволяющие войти в словарь через термины одного языка к другому, и многосторонние, допускающие вход от терминов каждого представленного языка (ср. параметр 4).

Особое положение в пространстве рассмотренных параметров занимают «Немецко-русский и русско-немецкий словарь лингвистических терминов» и «Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике» [Баранов, Добровольский 1993; Баранов, Добровольский и др. 1996]. Рассматривая особенности устройства этих словарей лингвистических терминов, можно прийти к выводу, что они занимают промежуточное положение в двух смыслах: во-первых, между переводными и толковыми и, во-вторых, (внутри множества переводных словарей) между двуязычными и многоязычными. Будучи исходно переводными словарями, они включают зону комментариев, сближающую их с толковыми словарями. Наличие английских эквивалентов к немецким и русским терминам в «Немецко-русском и русско-немецком словаре лингвистических терминов» позволяет рассматривать его как промежуточный тип между двуязычными и многоязычными. Что касается разграничения словарей на одноязычные и многоязычные, то опять-таки этот словарь, будучи по форме двуязычным, по сути может быть отнесен к многоязычным словарям, так как имеет входы как от немецкого, так и от русского, а также от английского терминов.

Объектом изучения лексикографии являются не только слова как единицы лексикона, но и функции и устройство словарей. В имеющейся литературе по этой проблематике содержится довольно подробное исследование параметров и функций словарей различных типов (см., например, [Караулов 1981]). Однако когнитивный подход позволяет и здесь по-новому взглянуть на уже хорошо исследованную область. С когнитивной точки зрения словарь можно рассматривать, с одной стороны, как инструмент фиксации и хранения знаний, а с другой — как инструмент онтологизации знаний, то есть инструмент, обеспечивающий понимание знания, стоящего за термином, и его вербализацию. В структуре словарной статьи мы легко обнаружим те естественноречевые феномены, которым соответствуют когнитивные процедуры онтологизации знания. Так, процедуре экспликации знания соответствует зона толкования (или комментария), а также — для переводного словаря — зона перевода. Для обеспечения вхождения читателя в парадигматический класс термина используются операторы типа *см.*, *см. также*, *ср.*, отсылающих к единицам, входящим в релевантное множество. Заметим, что аналогичные функции выполняют единицы естественного языка *также*, *тоже*, *еще* и другие. Процедуре экзemplификации — приведению примера — соответствует та часть зоны комментария, которая вводится оператором *например*.

Параллелизм когнитивных процедур онтологизации знания в языке и словаре далеко не случаен. Словарь можно рассматривать как отдаленный во времени комплекс речевых актов с довольно широкой коммуникативной интенцией, направленной на введение определенного типа знаний в модель мира адресата. Основная сложность коммуникации такого рода заключается в том, что авторы словаря должны предусмотреть заранее все возможные типы коммуникативных неудач, специфичных для данной проблемной области. Именно это побуждает «отправителя словарного сообщения» опираться на общепринятые процедуры онтологизации знания. И именно поэтому структура словарной статьи строго фиксируется, что формирует горизонт коммуникативных ожиданий адресата.

Проведенный анализ словников различных словарей лингвистических терминов дает весьма неожиданные результаты. Вопреки общему мнению, согласно которому пересечение словников различных тематически близких словарей выявляет базовый лексикон данной предметной области, например, пересечение словников немецких лингвистических словарей оказалось относительно невелико. Это подводит к выводу о том, что лингвистическая терминография находится лишь в стадии становления²⁰⁾, и имеющиеся словарные издания при всей их много-

20) Хотя можно говорить о существовании соответствующей словарной традиции — ср., например, [Brugmann 1909]

могут рассматриваться лишь как первый этап описания современной лингвистической терминологии.

Задание 1. Принадлежность к классу терминов проявляется в разных словах по-разному. Например, существуют слова, являющиеся терминами лишь в одном из значений, ср. слово *звук* в словосочетании *звук падающих капель* и в выражении *согласный звук*. С другой стороны, некоторые лексемы вообще не используются за пределами терминологических систем, ср. такие лингвистические термины, как *фонема*, *морфема*, *сема*, *семема*. Кроме того, термины могут принадлежать конкретной теории, научной дисциплине, а могут быть и общенаучными, входя в слой общенаучной лексики, ср. слова типа *функция*, *система*. Иными словами, слово может быть терминологично в том или ином отношении. Определите слова-термины в следующем тексте и охарактеризуйте их терминологический статус в рассмотренных выше аспектах:

В музыке мы встречаемся со звуками долгими и короткими. Чередования их, одинаковых или разных по длительности, образуют ритм.

Внутреннюю организацию ритма называют метром. Первый уровень организации — деление времени на равные промежутки, счетные доли. Яснее всего доли выделяются в музыке, связанной с движением, например, в марше, а есть жанры, в которых это деление завуалировано: лирическая народная песня, плач.

Второй уровень организации времени в музыке связан с подразделением долей на сильные и слабые. Отсчитывая доли вальса — раз, два, три, — мы непременно акцентируем «раз» и таким образом группируем доли в такты: сильная доля с последующим слабыми, вплоть до следующей сильной, и образует такт.

[«Энциклопедический словарь юного музыканта». М., 1985. С. 239]

Задание 2. Термины в терминосистеме могут образовываться различными способами. Например, лингвистический термин *приставка* образован в результате субстантивации нетерминологического глагола *приставать*, а термин *пропозиция* является заимствованием из английской лингвистической терминологии. С другой стороны, термин *теория управления и связывания* является семантической калькой английского термина *government and binding theory*. Выявите способы образования терминов из следующего фрагмента текста:

Кварк — частица со спином $1/2$ и дробным электрическим зарядом, являющаяся составным элементом адронов. Это название было заимствовано М. Гелл-Маном из одного из романов Дж. Джойса. По-немецки «кварк» — «творог», но в романе это слово означает нечто двусмысленное и таинственное; герою снится сон, где чайки кричат: «Три кварка для мистера Марка». Термин вошел в научный обиход, возможно, потому, что соответствовал двусмысленной и таинственной роли кварков в физике.

Все известные адроны состоят либо из пары кварк-антикварк (мезоны), либо из трех кварков (барионы). Кварки (и антикварки) удерживаются внутри адронов глюонным полем. Помимо спина, кварки имеют еще две внутренние степени свободы — «аромат» и «цвет».

[«Энциклопедический словарь юного физика». М., 1984. С. 120.]

Основная литература

1. Герд А. С. Научно-техническая лексикография // Прикладное языкознание. СПб., 1996. С. 287-307.
2. Лейчик В. М. Прикладное терминоведение и его направления // Прикладное языкознание. СПб., 1996. С. 276-286.
3. Никитина С. Е. Семантический анализ языка науки: На материале лингвистики. М., 1987.
4. Реформатский А. А. Что такое термин и терминология // Вопросы терминологии. М., 1961.

Дополнительная литература, словарные источники

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
2. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Немецко-русский и русско-немецкий словарь лингвистических терминов (с английскими эквивалентами) Т 1 2 М., 1993.
3. Баранов А. К, Добровольский Д. О., Михайлов М. Н., Паршин П. Б., Романова О. И. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике Т 1 М., 1996.
4. Вахек И. Лингвистический словарь Пражской школы. М., 1964.
5. Греймас А. Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка // Семиотика. М., 1983.
6. Демьянков В. З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической обработке текста. Вып. 1. Порождающая грамматика. М., 1979.
7. Демьянков В. З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической обработке текста. Вып. 2. Методы анализа текста. М., 1982.
8. Караулов Ю. И. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981.
9. Квятковский А. П. Поэтический словарь. М., 1966.
10. Лат Э. Словарь терминов порождающей грамматики // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 232. Тарту, 1969.
11. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М., 1960.
12. Назарян А. Г. Французско-русский учебный словарь лингвистической терминологии. М., 1989.
13. Немченко В. Н. Основные понятия морфемики в терминах (краткий словарь-справочник). Красноярск, 1985.
14. Никитина С. Е. Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике (Автоматическая обработка текста). М., 1978.
15. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978.

16. Словарь славянской лингвистической терминологии = Dictionary of Slavonic linguistic terminology / Ved. red. prof. dr. Alois Jedlicka. Praha, 1977.
17. Abraham W. Terminologie zur neueren Linguistik. 2., vollig neu bearb u erw Aufl Tubingen, 1988.
18. Conrad R. (ed). Lexikon sprachwissenschaftlicher Termini. Leipzig, 1985.
19. Heupel C. Linguistisches Wörterbuch. 3., vollig neu bearb. Aufl. München, 1978.
20. Lewandowski Th. Linguistisches Wörterbuch. In 3 Bd.4., neu bearb Aufl Heidelberg, 1984-1985.
21. Nash R. Multilingual lexicon of linguistics and philology: English Russian, German, French. Florida, 1968.
22. Ulrich W. Wörterbuch: Linguistische Grundbegriffe. Kiel, 1972-
23. Welte W. Moderne Linguistik: Terminologie/Bibliographie. Ein Handbuch und Nachschlagewerk auf der Basis der generativ-transformationellen Sprachtheorie. In 2 Bd. München, 1974.

§ 3. Корпусная лингвистика

3.1. Языковой материал в лингвистическом исследовании

Любое лингвистическое исследование в той или иной мере опирается на анализ языкового материала, языковых данных. Чем больше материал, тем выше достоверность выводов, тем шире сфера действия наблюдаемых закономерностей. В традиционном языкознании сбору материала всегда придавалось особое значение. Более того, во многих областях лингвистики сбор новых языковых фактов может считаться основной задачей лингвистического описания — ср. исследование неописанных и плохо описанных языков, выявление фонетических и морфологических различий в диалектах, изучение функционирования жаргонов, определение изменений в функционировании языка и множество других задач, которые невозможно даже перечислить.

Каковы традиционные способы сбора и хранения языковых данных? Если отвлечься от области фонетики (это совершенно особая тема, требующая специального обсуждения), то чаще всего речь идет ручной обработке письменных текстов, опросе информантов по разным методикам и последующем изучении полевых анкет, о записях текстов в письменной форме, словарных картотеках и пр.²¹⁾ Нет нужды говорить, что часто этап сбора материала в традиционной технологии исследования занимал многие годы. Конечно, при удачном стечении обстоятельств лексикографическая картотека становилась важнейшим источником для изучения языковых форм — такова судьба картотеки Академического слЭ³Р^я петербургского Института лингвистических исследований (ранее ленинградского отделения Института языкознания АН СССР). Однако это скорее исключение, чем правило. К сожалению, многие картотеки недоступны для лингвистов-исследователей, некоторые из них просто потеряны.

Имеются и другие проблемы. При традиционной технологии сбора и обработки языковых данных обновление собранного материала представляет собой отнюдь не тривиальную задачу. Текущая обработка картотеки, поиск нужных единиц и пр. — все эти абсолютно необходимые операции отнимают значительное время. Кроме того, традиционная технология делает практически невозможным доступ к языковым данным на расстоянии. Некоторые типы данных — корпусы текстов — существовали

²¹⁾ Целый ряд методов полевого исследования языка обсуждается в [Кибрик 1972].

в весьма ограниченном по объему виде (например, в виде хрестоматий, сборников текстов).

Новые информационные технологии и технические средства (компьютерные системы, системы связи, системы мультимедиа) значительно облегчили сбор языковых данных. Так, поскольку компьютерные технологии широко используются в печатном деле и в средствах массовой информации, то существенно упростился процесс получения материала: большинство крупных газет имеют электронные версии, функционирующие в информационных сетях, в частности, в Интернете. Имеются довольно продуктивные устройства сканирования текста (сканеры) и эффективные программы расшифровки графической информации («картинки» текста) в собственно текстовый формат (текст как совокупность графем). Налицо колоссальный технологический рывок вперед. Многие издательства используют для составления словарей специально подготовленные корпусы текстов — ср., например, Бирмингемский корпус английского языка и соответствующую базу данных, созданные как источники для подготовки англоязычных словарей издательства «Коллинз» (см., например, [Collins COBUILD English language dictionary 1987]).

Этот технологический рывок создал, однако, другие — не менее серьезные — проблемы, существенно осложняющие использование языкового материала как для чисто научных, так и научно-практических целей (например, для составления словарей). Дело в том, что чрезмерный объем изучаемых данных может и затруднить описание исследуемого феномена. Такой эффект возникает в двух случаях: во-первых, когда информации слишком много²²⁾, и, во-вторых, когда выбранный языковой материал искажает реальную картину функционирования языка относительно описываемого феномена. При наложении первой и второй ситуации — и материал слишком велик и он не отражает реальный узус — результаты исследования практически не поддаются никакой разумной оценке. Заметим, что перечисленные проблемные ситуации не исключение, а рутинная практика современной лингвистики. В этом смысле

остроумная метафора У. Фрэнсиса, сравнившего процесс формирования корпуса с попыткой вычерпывания ведром океана, не кажется значительным преувеличением [Фрэнсис 1983, с. 337].

Встает задача разработки общих принципов построения лингвистических корпусов данных с использованием современных компьютерных технологий. Рассмотрим здесь две важнейшие темы корпусной лингвистики, связанные с конструированием корпусов текстов:

²²) Например, изучение функционирования выражения *по крайней мере* в художественных произведениях Ф. М. Достоевского требует анализа более чем 500 употреблений этого грамматического фразеологизма. Между тем представление о реальной картине употребления появляется после просмотра первых 70-80 контекстов. Остальной материал не дает практически ничего нового. См. по этому поводу [Баранов 1996].

- формулировка общих требований к корпусу данных с точки зрения пользователя;
- обсуждение опыта создания корпусов данных для различных исследовательских проектов.

Ниже речь пойдет о корпусах текстов, однако многие обсуждаемые здесь проблемы вполне переносимы и на корпуса данных других типов.

3.2. Исходные понятия корпусной лингвистики

В имеющейся литературе по корпусной лингвистике часто используются понятия, которые никак не определяются, но составляют исходный категориальный аппарат этой дисциплины. Рассмотрим их в самом первом приближении, не претендуя на точные, исчерпывающие дефиниции (см. также [Баранов 1998 а]).

Проблемная область. Под проблемной областью понимается область реализаций языковой системы, содержащая феномены, подлежащие лингвистическому описанию. Проблемная область для конкретного корпуса данных может быть сколь угодно велика или мала — все определяется выбранным объектом анализа. Существенно иметь в виду, что в идеале проблемная область имеет два измерения — языковое и речевое. Речевое представлено речевыми высказываниями (реализациями), а языковое измерение проявляется в существовании потенциальной возможности появления других употреблений, дополняющих массив имеющихся реализаций. Как правило, в корпусной лингвистике языковой аспект фактически игнорируется, поскольку изначально фиксируется область привлекаемых данных — реализаций языковой системы. Это совершенно естественно, поскольку вряд ли возможно зафиксировать, собрать «потенцию», «возможность». Однако для регулярно изменяемых корпусов данных языковой аспект проблемной области сразу «вылезает» при разработке принципов модификации корпуса. Кроме того, для лингвистического исследования (кроме специально оговариваемых случаев) в центре внимания стоит именно языковое измерение, поскольку его следует реконструировать в результате анализа.

С чисто практической точки зрения проблемная область чаще всего предстает перед разработчиком корпуса как множество данных, обработка которых затруднена из-за того, что языковых реализаций слишком много.

Корпус данных. Корпус данных представляет собой сформированную по определенным правилам выборку данных из проблемной области. Тем самым корпус данных представляет собой результат отображения из проблемной области. В отличие от проблемной области, корпус данных имеет только одно измерение — речевое, поскольку сам по себе он не обладает потенцией производства своих составляющих. Последнее, однако, не означает, что корпус данных не может использоваться для реконструкции языка как системы. Наоборот — это одна из главных задач лингвистического исследования корпуса. Перед нами одно из глобальных противоречий, свойственное любому продукту языковой системы — от звука до текста. Лингвисту приходится по отдельным результатам деятельности языка делать выводы о функционировании языка как целого, как системы.

Единица хранения корпуса данных. Поскольку корпус данных — это некоторая выборка из проблемной области, сформированная по определенным принципам, то единица хранения непосредственно зависит от того, по каким основаниям осуществляется выборка. **Единица хранения** — это некоторая совокупность естественных языковых выражений проблемной области, которой сопоставляется одно описание на некотором метаязыке, определяемом процедурой формирования корпуса. У. Фрэнсис, обсуждая размеры «базовых единиц» корпуса, отмечает, что это могут быть отдельные слова, короткие фразы, предложения, словосочетания (синтагмы). Если корпус предполагается для синтаксического анализа, то он должен включать целые тексты или их достаточно большие фрагменты [Фрэнсис 1983, с. 344 и далее].

На основании описания единицы хранения можно судить о том, какая часть проблемной области представлена в корпусе. Например, единица хранения корпуса рекламных слоганов, созданного в Отделе экспериментальной лексикографии Института русского языка РАН, включает следующие характеристики:

- слоган: *Для мужчин, которые любят женщин, которые любят мужчин*
- фирма: «Louis Azzaro»
- предмет: *туалетная вода Azzaro pour Homme*
- область: *косметика и парфюмерия*
- вид слогана: *перевод с французского*
- оригинал: *Pour les hommes qui aiment les femmes qui aiment les hommes*

- источник: *Стае, Космополитен*

Выражение естественного языка *Для мужчин, которые любят женщин, которые любят мужчин* и сопоставленные ему характеристики вместе образуют единицу хранения, которая может вводиться в базу данных или включаться в обычный файл текстового формата.

Единица хранения корпуса названий газетных статей должна была бы включать само название и совокупность дескрипций, содержащих информацию о том, из какой газеты название получено, в какой рубрике находится статья, когда вышла газета и другую необходимую информацию. Совокупность описаний единиц хранения образует некоторое множество, по которому можно судить о представительности выборки — какие газеты представлены, как формировалась выборка по временному параметру (все газеты какого-то периода vs. газеты через определенные промежутки времени vs. все газеты выбранных временных отрезков и т.д.); статьи каких рубрик представлены и пр.

Корпус текстов. Корпус текстов — это вид корпуса данных, единицами которого являются тексты или их достаточно значительные фрагменты, включающие, например, какие-то полные фрагменты макроструктуры текстов данной проблемной области.

Несколько соображений о типах корпусов данных.

Исследовательские корпусы. Исследовательскими называются такие корпусы, которые предназначены преимущественно для изучения различных аспектов функционирования языковой системы. Они строятся не *post factum* — после проведения какого-либо исследования, а до его проведения. Этот тип корпусов данных, как правило, ориентирован на широкий класс лингвистических задач. Неспецифицированность задачи требует при построении исследовательских корпусов использовать пропорциональное сужение, являющееся наиболее простым способом обеспечения репрезентативности (см. ниже).

Иллюстративные корпусы. Иллюстративные корпусы создаются после проведения научного исследования: их цель не столько выявить новые факты, сколько подтвердить и обосновать уже полученные результаты. Такие корпусы не являются слепком, правильным (с точки зрения статистики) отображением проблемной области. Они включают лишь то, что достаточно для иллюстрации описываемого феномена. Типичный пример иллюстративного корпуса представлен в «Путеводителе по дискурсивным словам русского языка» [Баранов, Плунгян, Рахилина 1993], где семантический анализ частиц и выделенные значения сопровождаются значительным текстовым материалом, позволяющим читателю проверить предложенные семантические интерпретации.

Динамические и статические корпусы текстов. Первоначально корпусы текстов создавались как статические образования, отражающие определенное временное состояние языковой системы. Типичными представителями этого вида корпусов являются авторские корпусы — коллекции текстов писателей. Однако значительная часть чисто лингвистических и не только лингвистических задач требует выявления функционирования языковых феноменов на временной шкале — например, изменения значения слов, частоты использования тех или иных синтаксических конструкций и пр. Для отражения процессуального аспекта проблемной области была разработана новая технология построения и эксплуатации динамического корпуса текстов. В имеющейся литературе такие корпусы получили также название **мониторных**²³⁾. Особенность сборки мониторных корпусов заключается в том, что они не предполагают раз и навсегда заданного набора текстов. В течение заранее фиксированного промежутка времени происходит обновление и/или дополнение множества текстов корпуса.

Специфика эксплуатации динамического корпуса состоит в том, что пользователь при проведении исследования может выделить из общего генерального корпуса рабочий корпус, включающий лишь часть текстов генерального корпуса. Как динамический корпус строился Бирмингемский корпус английского языка. Пример динамического корпуса по современной российской публицистике рассматривается ниже.

Корпусы параллельных текстов. Для научных и практических целей (в частности, для преподавания иностранных языков) формируются

23) Термин «мониторный» прямо связан с идеей лингвистического мониторинга — см. §4 главы 5.

корпусы параллельных текстов. По своей структуре это подмножество текстов на языке-источнике и одно или несколько подмножеств текстов, которые являются переводами текстов языка-источника на языки-цели. Например, английский текст «*Alice in Wonderland*» и его переводы на немецкий, французский и русский языки могут формировать такой корпус или быть частью большего корпуса параллельных текстов.

Способ представления и хранения корпуса данных. Наибольший интерес представляют те способы, которые опираются на современные компьютерные технологии хранения и обработки данных. Для дальнейшего изложения важно делать различие между двумя основными способами представления — **неструктурированным** текстовым форматом хранения (запись графом текста в ASCII-кодах) и **структурированным** форматом хранения (текст со специальной разметкой); к последнему можно отнести также представление данных в форматах баз данных различного типа.

Порог отображения. Поскольку корпус данных является сужением проблемной области, то совершенно очевидно, что при «пропорциональном» сужении, являющемся, по-видимому, простейшим случаем реализации принципа репрезентативности (см. ниже), некоторые части проблемной области оказываются вне корпуса данных. Возьмем грубый пример. Пусть в проблемной области содержится 20 контекстов, а в корпусе данных должна быть четвертая часть — 5 контекстов. Контексты являются

примерами реализации различных синтаксических феноменов: в десяти контекстах представлены простые предложения, а в восьми — сложные. В двух последних контекстах содержатся примеры парцелляции. В корпусе данных один контекст соответствует четырем контекстам проблемной области. Это означает, что контексты парцелляции при пропорциональном сужении в четыре раза не попадают в корпус данных. Соотношение между корпусом данных и проблемной областью при пропорциональном сужении будем называть **порогом отображения**. Чем выше порог, тем больше вероятность, что какие-то феномены проблемной области, обладающие сравнительно низкой частотой, не попадут в корпус данных.

Параметризация проблемной области. Сужение проблемной области к исследовательскому корпусу основывается на выделении некоторых характеристик текстов проблемной области, которые релевантны для предполагаемого исследования. Совокупность этих характеристик (их возможные комбинации) образует многомерную матрицу, служащую основой для отбора текстов в корпус. Часто для оценки релевантных параметров проблемной области привлекается экспертная оценка. У. Фрэнсис, описывая историю создания Брауновского корпуса, отмечает, что на этапе планирования работ было собрано совещание известных экспертов в области конструирования корпусов (в нем принимали участие Р. Куирк, Ф. Гоув, Дж. Кэррол), которое и сформулировало основные принципы параметризации проблемной сферы и структуру корпуса [Фрэнсис 1983, с. 344 и далее].

* * *

Обратимся теперь к тем требованиям, которые обычно предъявляют пользователи к корпусу текстов (в дальнейшем именно корпус текстов будет основным предметом обсуждения), имея в виду, разумеется, идеальную ситуацию.

3.3. Требования к корпусу текстов с точки зрения пользователя

Корпус данных, будучи отражением проблемной области, должен совмещать, с точки зрения пользователя, самые противоречивые требования. Поскольку последовательное соблюдение любого из требований приводит к разрушению корпуса как такового, необходимо соблюдение баланса между ними. То, как создатель корпуса старается совместить различные требования, формирует стратегию построения корпуса.

Репрезентативность. Важнейшее свойство корпуса текстов — его репрезентативность по отношению к проблемной области. Под репрезентативностью понимается способность корпуса текстов отражать все свойства проблемной области, релевантные для данного типа лингвистического исследования, в определенной пропорции, определяемой частотой явления в проблемной области. Другими словами, частота явления в корпусе должна быть близка частоте в проблемной области. Это требование ориентирует «сборщика» корпуса текстов на специализацию разрабатываемого продукта по уровневой тематике: фонетические, морфологические, синтаксические, лексические, текстовые и пр. корпуса.

Например, текстовые корпуса должны содержать в соответствующей пропорции тексты с базовыми, наиболее типичными макроструктурами, имеющимися в данной проблемной области. С другой стороны, лексические корпуса должны включать выбранные исследователем поля лексических единиц.

Стремление к репрезентативности налагает определенные ограничения на единицы хранения корпуса: если для морфологии это могут быть максимум словосочетания и отдельные предложения (для языков с развитой морфологией), то для собственно текстовых корпусов единицами хранения должны быть целые тексты и фрагменты их макроструктур.

Репрезентативность, конечно, не исчерпывается перечисленными параметрами. Так, в каждом конкретном случае может оказаться необходимым учесть стилистическую, временную, авторскую и другие составляющие текстового массива проблемной области.

Требование репрезентативности в самом простом варианте отражается в пропорциональном сужении проблемной области. В этом случае можно говорить о «пропорциональной стратегии» организации корпуса текстов. Требование адекватного отображения статистики может быть нарушено, если цель исследования заключается не столько в оценке частотности того или иного явления, сколько в изучении множества уже выделенных языковых структур. Для таких задач более разумно и экономично использовать иллюстративные корпуса текстов.

Полнота. Репрезентативность корпуса указывает на то, что единицы проблемной области отражаются пропорционально в корпусе данных, но при определенном пороге некоторые релевантные явления пропадут, исчезнут из корпуса. Полнота требует учета релевантных явлений, даже если это не соответствует идее пропорционального сужения. Требование полноты совершенно необходимо в тех случаях, когда лингвист-конструктор корпуса приблизительно знает, что ему искать. В такой ситуации исследовательский корпус может приобрести те или иные черты иллюстративного корпуса.

Экономичность. Корпус текстов должен экономить усилия исследователя при изучении проблемной области. В частности, он должен быть не просто строгим подмножеством текстов проблемной области, но, по возможности, существенно отличаться от нее по объему. В общем случае чем более «экономичен» корпус, тем выше порог отображения. В то же время для исследовательских корпусов экономия не может проводиться в ущерб репрезентативности: статистические пропорции должны быть адекватно отображены,

если это не оговорено специально.

Структуризация материала. Определение единиц хранения корпуса не должно быть непосильной задачей для пользователя. Желательно сопоставить корпусу опись данных, в которой единицы хранения характеризуются по тем параметрам, которые могут оказаться важными для пользователя.

В ряде случаев на состав единиц хранения налагаются существенные ограничения. Если единицей хранения оказывается фрагмент текста (предложение или группа связанных между собой предложений), то важно, чтобы он был **самодостаточным**. Последнее означает, что он не должен содержать неоднозначности любых типов, в частности, местоимений, для которых невозможно восстановить антецедент и пр. В тех случаях, когда единицы хранения включают случаи языковой игры, связанной с неоднозначностью, рамки контекста должны быть таковы, чтобы пользователь мог легко определить, что речь идет о языковой игре, а не об ошибке в вычленении единицы хранения. Разумеется, это не очень существенно для таких корпусов, которые ориентированы, например, на морфологическую или фонетическую инвентаризацию проблемной области.

Компьютерная поддержка. Желательна поддержка корпуса текстов комплексом программ по обработке данных, обеспечивающих функции составления конкордансов, статистической инвентаризации, автоматической словарной обработки (составление полных и частичных словников по различным основаниям — по частоте, по алфавиту и пр.), лемматизации. Как минимум, корпус должен быть «прозрачен» для компьютерной обработки (отсутствие переносов, лишних пробелов и пр.²⁴⁾

²⁴⁾ Ср. формальные требования к представлению текстов в Машинном фонде русского языка в [Андрюшенко 1987].

Имеющиеся компьютерные программы, ориентированные на обработку корпуса текстов, строятся по двум основным стратегиям. В первом случае программа порождает для текста комплекс указателей, в частности, указатель словоформ, в котором для каждой словоформы указывается адрес в тексте. В дальнейшем при составлении конкордансов программа оперирует не столько текстом как таковым, сколько указателями к нему. Типичный пример программ такого типа — программные пакеты LJNILEX (Машинный фонд русского языка) [Мошкович 1989], а также американские программы ETC и WORD CRUNCHER (более поздняя версия пакета ETC; компания Electronic Text Corporation и Brigham Young University) [WordCruncher 1989a; WordCruncher 1989b]. В Великобритании используется аналогичный по функции пакет OCP (Oxford Concordance Program), а в Германии — программа TEXTPACK²⁵⁾. При второй стратегии для поиска необходимых контекстов программа каждый раз последовательно просматривает текст, маркируя те фрагменты, которые удовлетворяют поисковому заданию (см., например, программа DIALEX-DIAWIN — отдел экспериментальной лексикографии Института русского языка РАН [Исаев 1996]). Достоинства и недостатки первой и второй стратегии связаны с двумя факторами: с необходимостью предварительной обработки корпуса (подготовки его к составлению конкордансов) и с объемом корпуса. Первая стратегия (программы типа UNILEX) предполагает предварительное разбиение текстов на модули и составление больших указателей, что, разумеется, требует значительного рабочего времени и наличия больших ресурсов памяти.

Совершенно иная ситуация с программами, работающими по второй стратегии (программы типа DIALEX): указатели, которые они строят по корпусу текстов, являются временными и уничтожаются по мере выполнения алгоритма. Они не требуют предварительной обработки корпуса, членения текстов на отдельные модули и т. п. Но программы такого рода должны использовать очень продуктивные подпрограммы обработки текста, поскольку каждый поиск предполагает сплошной просмотр корпуса. Фактически программы типа DIALEX состоят из «кирпичиков» — очень продуктивных программ-перекодировщиков типа «FT». Основной недостаток второй стратегии заключается в том, что значительное увеличение массива текстов в корпусе существенно замедляет работу программы. В настоящее время эта пороговая величина находится на уровне 100 мегабайт. В этом случае более выгодно использовать программы типа UNILEX, работающие при составлении конкордансов не с текстами как таковыми, а с указателями к ним. Очевидно, однако, что разметка 80-100-мегабайтного корпуса и составление к нему указателей потребует значительного времени²⁶⁾.

²⁵⁾ Распространяется организацией Zentralfür Umfragen, Methoden und Analysen — ZUMA (г. Мангейм, Германия).

²⁶⁾ Подробный сравнительный анализ некоторых программных пакетов обработки корпусов см. в [Müller 1993].

Особого программного обеспечения требуют корпуса параллельных текста. Программа MULTICONCORD позволяет строить конкордансы и устанавливать соответствия между фрагментами оригинального текста и его переводами на другие языки [GroB, MiBler, Wolff 1996]. В настоящее время MULTICONCORD работает с корпусом из шести языков — английский, немецкий, французский, греческий, итальянский и датский (текст на источниковом языке и пять текстов на целевых языках). Для разных текстов целевые языки и языки-источники варьируются. Корпус параллельных текстов полностью интегрирован в программу. Он включает разнообразные литературные тексты — романы, драмы, короткие рассказы, а также публицистику, информационные тексты, анекдоты. Программа дает возможность производить поиск по разным языкам, разным словам, словоформам и словосочетаниям. Ср. фрагмент поиска на английский глагол *look* в оригинальном тексте «Alice in Wonderland» и его лексические эквиваленты в переводе на немецкий язык:

First, she tried to look down and make out what she was coming to, but it was too dark to see anything;	Als erstens spah te sie in die Tiefe hinab , um zu erkennen, was ihr dort bevorstand, aber es war so
--	--

It was as much as she could do, lying down on one side, to look through into the garden with one eye;	dunkel, daB man nichts sehen konnte; Wenn sie sich seitlich hinlegte, konnte sie mit einem Auge gerade noch in den Garten hinausblicken , aber mehr auch nicht, und dorthin zu gelangen war aussichtsloser denn je
--	--

Результаты поиска могут сортироваться по объему, алфавиту, по произведениям, авторам и т.д. Предполагается использовать MULTICONCORD на занятиях по изучению иностранных языков, литературы и в сфере контрастивной лингвистики.

Основная проблема в построении корпусов параллельных текстов и разработке пакетов программ для их обработки заключается в установлении соответствий между оригинальными текстами и переводами. Понятно, что тривиальное соответствие по словам или предложениям здесь невозможно. Теоретически обоснованным было бы использование технологий систем машинного перевода с языком-посредником или универсальным языком, однако в настоящее время такой подход вряд ли возможен. Насколько можно судить, создатели программы MULTICONCORD в простых случаях устанавливали лексические соответствия, а в случае свободного перевода индексировали целые фрагменты предложений или текстов.

3.4. Опыт разработки корпусов текстов

К настоящему времени накоплен серьезный опыт разработки корпусов текстов для различных языков. Наибольший интерес представляют фундаментальные корпусы текстов, отражающие состояние языка в целом, а не каких-то его отдельных феноменов, подсистем.

Фундаментальные корпусы. Наиболее известен Брауновский корпус американского варианта современного английского языка, создававшийся в Брауновском университете в 1962—1963 гг. под руководством У. Фрэнсиса. Брауновский корпус существует в компьютерном варианте и на микрофишах. Объем корпуса около 1 млн словоупотреблений. Корпус состоит из 500 текстов, каждый из которых включает 2 000 словоупотреблений. В корпус вошли тексты, впервые вышедшие в 1961 г. и относящиеся к литературному варианту английского языка. Тексты охватывают 15 различных жанров американского английского: газетные статьи (репортажи, передовицы, обзоры); религиозную литературу; профессиональную литературу; научно-популярную литературу; беллетристику; образцы деловой прозы (в том числе правительственные документы); научную литературу; художественную прозу; детективы и научную фантастику; приключенческую литературу и вестерны; романтическую литературу; юмористические истории и рассказы. В 1980 г. появилась индексированная (аннотированная) версия Брауновского корпуса, в которой была проведена лемматизация словоформ, маркировка их поверхностно-синтаксических функций и пр.

Британским аналогом Брауновского корпуса является Ланкастерско-Осло-Бергенский корпус (принятое сокращение LOB). Он создавался несколько позже Брауновского, но включал тексты того же временного периода и тех же жанров, но британского варианта английского языка. Аннотированная версия корпуса LOB появилась уже в 1985 г. Существование двух фундаментальных корпусов-аналогов для американского и британского вариантов английского языка стимулировало проведение сравнительных исследований в этой области и дало весьма интересные результаты.

Существенно отличается от Брауновского корпуса — Лондонско-Лундский корпус, разработанный в рамках проекта «Обзор употребления английского языка». Цель проекта заключалась в том, чтобы по возможности полно зафиксировать особенности грамматической системы английского языка в речи взрослого образованного носителя. Проект разрабатывался с 1960 г. под руководством Рэндола Квирка в Лондонском университетском колледже. Объем корпуса — 1 млн словоупотреблений. Лондонско-Лундский корпус, кроме письменных текстов, включает и тексты устной речи (100 письменной и 100 устной), представленные в орфографической записи с маркировкой некоторых просодических и паралингвистических особенностей естественного дискурса. Текстами устной речи были записи радиопередач, заседаний официальных структур, а также неформальных бесед. Машинный вариант корпуса создавался в Лундском университете (Швеция) и был готов для использования с 1979 г. Машинная версия содержит подробный указатель словоформ, а также маркеры некоторых просодических особенностей речи. На основе корпуса была подготовлена и выпущена в 1985 г. Полная грамматика английского языка.

Еще один интересный опыт создания фундаментального корпуса — Бирмингемский корпус. В отличие от ранее рассмотренных примеров Бирмингемский корпус основан на идеологии мониторингового или динамического корпуса. Идеологом этого проекта стал Дж. Синклер — один из отцов современного дискурс-анализа. Мониторный корпус отличается от обычного по следующим параметрам: 1) объем такого корпуса достигает нескольких десятков миллионов словоупотреблений; 2) корпус постоянно пополняется и изменяется, отражая те изменения, которые происходят в языке; 3) пользователь получает возможность в автоматическом или полуавтоматическом режиме создавать рабочие корпусы из генерального корпуса.

Первым этапом на пути создания корпуса стала Бирмингемская коллекция английских текстов, предназначенная для поддержки проекта «Словаря современного английского языка». Для реализации проекта было организовано специальное подразделение COBUILD (Corpus Building). К 1986 г. объем

коллекции текстов достигал 20 млн словоупотреблений. Единицей хранения коллекции является целый текст или его достаточно большой фрагмент. Объем каждой единицы хранения порядка 70 тыс. словоупотреблений. Отбор текстов — с 1970 г., периодика привлекалась с 1979 г. Коллекция объединяет тексты всех вариантов английского языка — 65-70% британский английский, 25-30% американский английский, 5 % прочие варианты английского языка. Сфера письменных текстов не ограничивается опубликованными материалами: в коллекцию входят образцы эпистолярного жанра, неопубликованные рукописи. Часть коллекции представлена устными затранскрибированными текстами. В настоящее время исследователям доступен фрагмент Бирмингемской коллекции — Бирмингемский корпус, достигающий 7,3 млн словоупотреблений (6 млн письменные тексты, 1,3 млн — устные тексты). Общий состав Бирмингемского корпуса таков: нехудожественная литература (66 текстов), художественная литература (25 текстов), газеты (4 текста), журналы (12 текстов), деловая проза (правительственные документы) — 5 документов, письма — 6 документов. Среди текстов устной речи наиболее частотны радиодискуссии (44 текста), неформальные личные диалоги (15 документов), радиоинтервью (60 текстов), университетские лекции (18 текстов).

Корпусная лингвистика в Германии. В Германии появление Брауновского корпуса дало толчок разработке проекта LIMAS-корпуса, создававшегося в рамках проекта системы немецко-английского машинного перевода²⁷⁾. LIMAS-корпус состоит из 500 подкорпусов по 2 000 слово-

27) LIMAS — сокращение от названия исследовательской группы Linguistische und MASchinelle Sprachubersetzung, работавшей в Институте исследования проблем коммуникации и фонетики Боннского университета с 1965 по 1976 гг.

употреблений каждый, представляющих тексты различных типов, опубликованные в 1968 г. Объем корпуса — 1 млн словоупотреблений. Хотя внешне LIMAS-корпус идентичен Брауновскому, жанровая классификация текстов LIMAS-корпуса существенно отличается от него. В основу жанровой классификации положена тематическая классификация предметных областей, принятая в Немецкой библиографии за 1971 г. Всего было выделено 33 области; наиболее значимые из них — религия, культура, право, политика/управление, общество, экономика, литература, искусство, история, география, медицина, техника, беллетристика. Оттуда же заимствованы и пропорции представления текстов. LIMAS-корпус считается представительным для современного немецкого языка.

Корпусы текстов немецкой разговорной речи. Создание разговорных корпусов текстов в Германии началось довольно давно. Разумеется, исходная форма хранения корпусов разговорной речи — запись на магнитной ленте. Однако в последующем акустическая форма переводилась в фонетическую транскрипцию. Полный вариант фонетической транскрипции из-за сложности транскрибирования и восприятия пользователем оказался неудачным. В результате нескольких опытов графической фиксации разговорной речи выработался неполный вариант фонетической транскрипции, сохраняющий некоторые особенности произношения и отражающий последовательность и/или одновременность произнесения речевых актов. В сокращенном варианте фонетической транскрипции использовались средства фиксации интонации, диалектных черт произношения, степени разборчивости речи и т. п. Неполный вариант фонетической транскрипции существует в двух нотациях — драматургической и партитурной. **Драматургическая нотация** предусматривает оформление реплик участников диалога как персонажей пьесы, причем «режиссерские» ремарки указывают на характер наложения реплик говорящих друг на друга, темп речи, громкость и пр. **Партитурная нотация**, считающаяся более удачной, строится как музыкальная партитура, но вместо инструментов выступают участники коммуникации. Это позволяет более точно отразить процесс общения в абсолютном измерении (на временной оси) и в относительном измерении, характеризующем речь участников коммуникации в сравнении друг с другом [Menge 1993]. Чисто технически партитурная нотация требует большей точности и более сложна в написании. Однако использование специальных средств компьютерной поддержки позволяет упростить создание партитурных транскриптов речи. Таким образом, графическое представление разговорной речи в настоящее время уже не является такой сложной технологической проблемой, как раньше.

Хотя в области графической фиксации устной речи даже при отсутствии единого и обязательного для всех стандарта достигнут некоторый прогресс (связанный прежде всего с наличием прецедентов), то в описании невербальной составляющей естественноречевой коммуникации — чрезвычайно важной для обыденной речи — царит полнейший произвол, что затрудняет дальнейшее продвижение в этой области. Проблема невербального в общении осложняется еще и тем, что относительно лингвистической релевантности тех или иных невербальных компонентов естественного диалога нет единого мнения, как нет и общепризнанной теории невербальной коммуникации.

К числу наиболее известных корпусов текстов немецкой разговорной речи можно отнести «Корпус базового немецкого» (Grunddeutsch-Korpus), который начал создаваться с 1961 г. в Стэнфорде (Institute for Basic German). Метод сбора материала предполагал охват всех основных областей функционирования немецкого языка. Всего в корпусе содержится 401 интервью, средней продолжительностью 12 мин. (общая продолжительность звучания — около 80 часов). Записи производились в 36 городах ФРГ и 10 городах ГДР, шести городах Австрии и четырех городах Швейцарии. Методика сбора материала не давала возможности получать по-настоящему естественный диалог, поскольку ситуация общения искусственно конструировалась: эксплицитно задавалась тема коммуникации, участники диалога были информированы о целях опроса и т. д. Письменный вариант корпуса, созданный на основе полной транскрипции, а затем (для

упрощения восприятия) приближенный к орфографической норме, был опубликован в 1984 г. [Pfeffer, Lohnes 1984]. Книга, кроме собственно текстов, включает приложения, в которых указаны результаты предварительной обработки (список «фонетических маркеров хезитации», частотный список словоформ, список незавершенных высказываний и т.д.). Корпус существует также и в компьютерной форме. Существенно, что «Корпус базового немецкого» доступен для исследователя и в фонетической, и в письменной, и в компьютерной форме.

«Саарбрюккенский корпус», опубликованный в 1987 г. [Rath, Immels-berger, Schu 1987], содержит транскрипции речи (диалоги с интервьюером) итальянских, турецких и немецких детей. Цель создателей корпуса состояла в демонстрации особенностей спонтанного овладения вторым языком в детском возрасте. Записи речи немецких детей привлекались как эталон для возможного сравнения. Всего записан 231 час, а опубликовано около 36 часов звучания. О компьютерном аналоге этого корпуса информация отсутствует.

Та же проблемная область — детская речь — представлена в «Дорт-мундском корпусе спонтанной детской речи» (DOKO). Корпус включает тринадцать полкорпусов; каждый подкорпус представляет собой запись речевого поведения одного и того же ребенка в нормальных жизненных ситуациях. Запись, как правило, производилась родителями, которые вели подробный протокол условий протекания коммуникации. По результатам обработки Дортмундского корпуса был создан словарь словоформ, характеризующий речевую активность каждого ребенка. Материалы корпуса доступны как в акустической записи, так и в компьютерной форме. Дортмундский корпус является частью международного банка данных «Система обмена данными по детской речи», хранящегося на психологическом факультете университета «Карнеги-Меллон» в Питтсбурге (США) и в Институте психолингвистики им. Макса Планка в Неймегене (Нидерланды) [Mac Whinney 1991; Mac Whinney, Snow 1985].

Проблемная область Фрейбургского корпуса — обыденная и официальная речевая коммуникация. Фрейбургский корпус, создававшийся с 1968 по 1974 гг., состоит из двух частей. Первая часть — «Корпус основных структур» (224 текста, из которых 80 текстов опубликовано [Texte gesprochener deutscher Standardsprache 1971-1979]), вторая часть — «Корпус диалоговых структур» (72 текста). Для опубликованных фрагментов корпуса был разработан специальный транскрипционный формат представления. В настоящее время Фрейбургский корпус на машинных носителях находится в Институте немецкого языка в Мангейме. Имеющееся программное обеспечение позволяет удовлетворять самые различные запросы — по частоте слов и словоформ, по совместной встречаемости в рамках предложения, абзаца, текста и пр.

Существенно, что Фрейбургский корпус объединяет тексты двух различных типов. К первому типу относятся тексты радио- и телевизионных передач, предполагающих свободное ведение коммуникации — интервью, дискуссии и репортажи. Разумеется, свобода порождения текстов такого рода весьма относительна, поскольку часто первичным для них является письменный сценарий. Второй тип — записи спонтанных бесед, которые в ряде случаев производились без предварительного предупреждения. В этом отношении Фрейбургский корпус оказывается чрезвычайно ценным, поскольку с этической точки зрения запись речи без предупреждения говорящего не вполне корректна и считается противоправным действием, что затрудняет получение таких данных.

Кроме рассмотренных выше чисто текстовых корпусов, в Германии представлены также корпусы, которые условно можно было бы назвать **мультимедиальными** или **мультимедийными**. Корпусы такого рода, кроме текстовой составляющей, включают видеозаписи процесса коммуникации с привязкой к тексту. Примером такого корпуса может служить созданный на секции психоаналитических методов университета Ульма корпус терапевтического дискурса [Mergenthaler 1986]. Корпус состоит из видео- и аудиозаписей бесед, отражающих различные формы и методы психоанализа (парная терапия, семейная терапия, групповая терапия, анализ снов и пр.). Объем корпуса 8,2 млн словоупотреблений. Хотя этот корпус создавался не для лингвистов, тем не менее он представляет значительный интерес для лингвистических исследований различного рода, в том числе для проведения работ в области дискурс-анализа. К сожалению, для российской лингвистики мультимедиальные корпусы пока остаются красивой мечтой. Они требуют, кроме наличия чисто технических возможностей, затрат значительных ресурсов времени. Однако перспективность корпусов такого рода для исследования взаимодействия вербальной и невербальной составляющей естественного диалога не вызывает сомнений.

Корпусы письменных текстов немецкого языка. Сейчас в распоряжении лингвистов имеется значительное количество текстов в машиночитаемой форме. Это, однако, не приводит автоматически к появлению хороших корпусов текстов — коллекций текстов, отобранных по фиксированным параметрам, которые определяются некоторой исследовательской задачей. В немецкой традиции принципы отображения проблемной области в корпусе текстов в явном виде не обсуждаются. Большая часть корпусов образует замкнутые множества текстов — совокупность произведений одного автора на машинных носителях с необходимой компьютерной поддержкой [Kammer 1993]. В Мангейме в Институте немецкого языка представлены на машинных носителях корпусы текстов Томаса Манна и Гёте; в Бонне имеется также корпус текстов Канта, в Аахене/Зигене — корпусы текстов Гельдерлина, Клейста и Новалиса. К сожалению, точного и полного описания этих корпусов обнаружить не удалось.

Кроме корпусов художественных текстов, в Институте немецкого языка в Мангейме в распоряжении исследователей имеются: 1) Боннский корпус газетных текстов, объемом в 3 млн словоупотреблений (в

качестве единицы хранения выступает текст всего номера газеты); 2) Корпус текстов справочников (Handbuchkorpora, около 11 млн словоупотреблений); 3) два корпуса текстов различных типов (Mannheimer Korpora I & II); 4) так называемый LIMAS-корпус (LIMAS сокр. от Lin-guistische und MASchinelle Sprachubersetzung). Последний корпус состоит из 500 подкорпусов по 2 000 словоупотреблений каждый, представляющих тексты различных типов, опубликованные в 1968 г.

Все эти корпуса имеются на машинных носителях, что позволяет, используя необходимое программное обеспечение, проводить обработку массивов текстов по различным параметрам. Так, например, возможен поиск на любую комбинацию слов в рамках любого фрагмента корпуса (строки, предложения, абзаца, главы и т.п.). Имеющаяся система лемматизации дает возможность пользователю не перечислять всех словоформ слова при поиске, что особенно важно для глаголов. Лемматизация позволяет, кроме того, осуществлять поиск разрывных составляющих.

Значительный интерес представляет «Wendekorpus», занимающий промежуточное положение между корпусами разговорной речи и письменных текстов [Teubert 1990]. Он включает, с одной стороны, газетные и журнальные тексты, а с другой — транскрипты интервью, круглых столов, радиодискуссий и т. п. Объем корпуса — 3,3 млн словоупотреблений. Проблемная область корпуса — тексты публичной политики за период 1989-1990 гг., касающиеся политических изменений в бывшей ГДР и объединения Германии. Наполовину корпус состоит из текстов средств массовой информации бывшей ГДР, наполовину — из текстов средств массовой информации ФРГ. «Wendekorpus» находится в Институте немецкого языка в г. Мангейм и доступен для работы по Интернету в режиме on-line.

С 1993 г. несколько общенациональных немецких газет выпускают компьютерные варианты своих текстов на CD-ромах — «Frankfurter Allge-meine», «Neue Ziircher Zeitung», «Tageszeitung». CD-ромы, кроме текстов газет, содержат программное обеспечение, которое позволяет/проводит поиск информации по ключевым словам, названиям статей, авторам и некоторым другим параметрам. Впрочем, возможности обработки текстовой информации с помощью содержащихся на CD-ромах программ сравнительно невелики [Wagner 1996].

Корпусная лингвистика во Франции. Один из наиболее грандиозных французских проектов — создание «Сокровищницы французского языка», включающей корпус текстов в 90 млн словоупотреблений. Разработка проекта началась в 1963 г. Ввод основного материала закончен в 1968 г. Введены тексты XIX-XX вв. Корпус уже используется для создания 15-томного словаря французского языка XIX-XX вв. — «Tresor de la langue francaise», включающего 80 тыс. лексических входов [Tresor 1988].

Корпусы текстов по русскому языку. Работа над созданием корпусов текстов по русскому языку начата сравнительно недавно. Первые разработки в этой области относятся к началу 1970-х годов. Реально используемых корпусов сравнительно немного. В первую очередь здесь следует упомянуть «Уппсальский машинный фонд русского языка», создававшийся с 1987 г. в Уппсальском университете. Общий объем корпуса — около 1 миллиона словоупотреблений. В корпус отбирались художественные тексты с начала 1960 г., специальные журнальные тексты — с начала 1985 г. и газетные статьи — с начала 1987 г. По замыслу корпус должен отражать современное состояние русского языка; временное распределение статей в корпусе из различных источников отражает взгляды составителей на процессы старения лексики. Цель формирования корпуса заключалась в том, чтобы представить в первую очередь литературный язык, поэтому в массив не включались образцы разговорной речи. Минимальной единицей хранения Уппсальского корпуса является целый текст, а не фрагменты текстов. Корпус состоит из 200 подмассивов по 5 000 словоупотреблений в каждом. Подмассив может состоять из одного текста. В текстах корпуса в равной пропорции представлена художественная и специальная литература. Классификация специальной литературы осуществляется по тематике (биология, химия, физика и т. д.), а художественной литературы — по авторам. Если автор тематически разнообразен, то в выборку включаются все важные тематические области. Например, В. Астафьев представлен военной прозой, описаниями природы и сельской тематикой. Каждому тексту сопоставлено формальное описание, в котором содержится информация о типе текста (специальная vs. художественная литература), об источнике, тематике, авторе. Кириллический алфавит исходных текстов передается латиницей.

Собственно российский опыт составления корпусов. В рассматриваемом подходе формированию корпуса текстов должен предшествовать анализ исследовательской программы возможного или реального пользователя, а также предварительная инвентаризация проблемной области. Инвентаризация проблемной области в качестве результата предполагает получение некоторого комплекса параметров, которые достаточно полно характеризуют содержащиеся в ней тексты. Фактически параметризуя проблемную область, лингвист выделяет из объекта исследования предмет исследования. В настоящее время не разработано более или менее ясных принципов выделения параметров в связи с поставленной задачей лингвистического описания. Создатель корпуса текстов по большей части действует, основываясь на интуиции и здравом смысле.

Особая задача — выявление информационной потребности пользователя корпуса, если создатель корпуса и исследователь — не одно и то же лицо. В описываемых примерах потребители и составители корпусов практически выступают в одном лице, тем самым проблема выявления информационной потребности (исследовательской программы) существенно упрощается.

Корпус по дискурсивным словам русского языка²⁸⁾. Составление корпуса по дискурсивным словам

преследовало две основных задачи. Первая — обеспечение исследователя контекстами употребления дискурсивных слов, которые в должной мере отражали бы функционирование этих единиц в проблемной области. Первая задача типична для исследовательского корпуса. В рамках второй задачи корпус использовался как источник примеров для словарных статей словаря дискурсивных слов, и здесь корпус должен был иметь некоторые характеристики иллюстративного. В качестве источников выступали тексты, в которых широко используются частицы различных семантических групп.

Для формирования корпуса текстов по дискурсивным словам (единица хранения — связный текст, объемом три-четыре абзаца и более) были учтены следующие факторы исходных массивов исходной проблемной области:

²⁸⁾ Корпус словаря языка Достоевского разрабатывается в рамках проекта, поддержанного РГНФ; корпус текстов по дискурсивным словам русского языка создавался в совместном российско-французском проекте описания дискурсивных слов русского языка, частично финансировавшемся INTAS.

- временное распределение (периоды: классическая литература XIX в. художественная литература первой половины XX в.; художественная литература второй половины XX в., а также публицистика 90-х гг.); привлечение публицистики 90-х двадцатого века объясняется прежде всего тем, что многие газеты и журналы имеют электронные версии; сканирование газетного и журнального текста изданий 60-80-х гг. сильно затруднено из-за низкого качества бумаги;
- авторское распределение — Ф. Достоевский, И. Бунин, Л. Толстой, А. и Б. Стругацкие, Ф. Искандер, А. Вампилов, К. Симонов, Б. Окуджава, Ю. Трифонов, С. Довлатов и т.д.;
- жанровое распределение (предпочтение отдавалось жанрам, отражающим такие сферы функционирования языка, для которых типично употребление частиц: газетные и журнальные интервью; тексты радио- и телевизионных дискуссий; драматургические произведения; поэзия представлена минимально; классическая литература также представлена образцами, в которых широко используются дискурсивные слова).

В настоящее время корпус по дискурсивным словам русского языка включает около 30 мегабайт (приблизительно 15 тысяч страниц) текстов.

Корпус текстов словаря языка Достоевского. Текстовый корпус Достоевского создавался как источник для словаря языка Достоевского. Параметры организации корпуса определялись правилами построения словарной статьи: поскольку словарная статья предполагала составление указателя ко всем употреблениям слова, то корпус должен был охватывать все тексты Достоевского — как художественные, так и публицистические. Тем самым сложности, связанные с разработкой теоретических оснований отображения проблемной области, отсутствовали. В качестве основного текстового источника использовалось академическое полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского. Единицей хранения в корпусе текстов словаря является отдельное произведение (любого размера — от романа до письма). К настоящему времени на машинных носителях находятся все художественные произведения, публицистика и эпистолярное наследие писателя. Корпус хранится в ASCII формате с минимальной разметкой, позволяющей осуществлять адресацию к произведению и странице по полному собранию сочинений. Для программной поддержки был разработан специальный пакет программ DIALEX-DIAWIN, идейную основу которого заложил М. Марон. Окончательное оформление пакета, доведение его до рабочего вида и дальнейшее развитие осуществлено И. Исаевым [Исаев 1996].

Основное направление развития Корпуса текстов словаря Достоевского в настоящее время — совершенствование программного обеспечения и технологии подготовки словаря. Кроме того, осуществляется ряд исследований, в результате которых предполагается получить словари, которые можно будет использовать для лингвистического изучения корпуса текстов Достоевского. Сейчас готов частотный словарь, составленный А. Я. Шайкевичем. Сформирована база данных по идиоматике Достоевского для словаря идиом писателя.

Корпус текстов словаря языка Достоевского существует также в CD-ромной версии («Достоевский: Тексты, исследования, материалы»), распространяемой вместе с программами обработки корпуса, базой данных по идиоматике и базой данных по частотному словарю, составленному А. Я. Шайкевичем.

Динамический корпус текстов по современной публицистике (90-е гг.)²⁹⁾

Этот корпус текстов относится к числу новых проектов, осуществляемых в отделе экспериментальной лексикографии Института русского языка РАН. Основная цель проекта — дать источник для проведения различных лингвистических исследований, ориентированных на изучение изменений языковой системы в период перестройки и постперестройки. В 90-е гг. произошли существенные изменения в языке средств массовой информации, в политическом дискурсе, что оказало существенное влияние на художественную прозу, научный язык и пр.

Динамический корпус текстов как новая технология прикладной лингвистики. Как было показано выше, корпус текстов в идеальном случае должен удовлетворять критерию репрезентативности и в то же время быть существенно меньше проблемной области, которую он отражает. С другой стороны, репрезентативность корпуса прямо связана и с теми задачами, которые стоят перед исследователем. Сложность совмещения требований статистической репрезентативности и установок пользователя приводит к тому, что многие значительные по объему корпуса вообще не имеют четких критериев отбора текстов. В проекте динамического корпуса текстов по современной публицистике была предложена такая стратегия

формирования, которая позволяет каждому пользователю получить для решения конкретной задачи из базового массива свое подмножество текстов. Базовый, исходный массив текстов, из которого осуществляется отбор, вместе с программным обеспечением называется **динамическим корпусом текстов**.

Получение репрезентативного корпуса текстов по публицистике представляет собой сложную задачу, поскольку количество периодических изданий огромно, а количество текстов, появляющихся даже в течение одного дня, с трудом поддается исчислению. Эти тексты пишет целая армия журналистов и аналитиков, да и сами тексты сильно отличаются как по форме, так и по тематике. Отдельной проблемой, которую мы здесь не затрагиваем, является определение понятия публицистического текста. При формировании массива авторская группа опиралась на интуицию: не включались чисто информативные тексты, краткие заметки, лишённые авторского **взгляда на описываемое положение дел, и т. п.**

Стратегия формирования исходного массива. В плане репрезентативности основное внимание было обращено на выбор периодических изданий различной ориентации наиболее важных для общественного сознания в исследуемый период, и на соблюдение пропорции, учитывающей значимость и популярность последних. Кроме того, вторым важным фактором организации корпуса был количественный критерий: текстов должно было быть достаточно много, чтобы отразить все релевантные свойства

29) Проект финансировался в 1996-1997 гг. Российским фондом фундаментальных исследований (грант № 96-06-80359). Авторская группа: Баранов А. Н., Михайлов М. Н., Сидоров Г. О.

проблемной области. Верхний предел корпуса ограничивался прагматическими соображениями — местом на носителе информации и скоростью работы сервисных программ.

Как уже говорилось выше, разные пользователи предъявляют различные требования к корпусу. Нельзя не учитывать и тот факт, что многие пользователи могут оказаться нелингвистами. Этих людей будет интересовать отражение конкретных событий в прессе определенного периода, они захотят читать целые тексты, а не отбирать ограниченные по объёму примеры употребления. Чтобы учесть разнообразные интересы, необходимо составлять корпус из целых текстов, а не из отрывков, как зачастую практиковалось в начальный период развития корпусной лингвистики³⁰⁾.

Следует учитывать, что лингвисты разных профилей предъявляют разные требования к корпусу данных. Для исследований по морфологии и синтаксису, как правило, не требуется очень больших массивов текстов. В ряде случаев это просто нежелательно: например, объём конкордансов на употребление служебных слов типа *или, да, нет* может достигать нескольких тысяч страниц. На один интересный пример может приходиться сотня тривиальных. Для исследований по грамматике представляется важным иметь в корпусе тексты, различающиеся по структуре и по жанру. В то же время массив текстов должен быть достаточно большим, чтобы обеспечить получение примеров на редкие слова. Только в этом случае корпус будет представлять интерес для лексикологов и лексикографов.

Таким образом, задача составителей корпуса текстов — постараться по возможности учесть интересы различных пользователей. Для этого необходимо, чтобы все тексты, входящие в корпус, были снабжены достаточно подробным «поисковым образом», который позволил бы программному обеспечению «фильтровать» исходный большой массив, исходя из нужд пользователя.

В отличие от корпуса языка Достоевского, корпус по современной публицистике потребовал разработки сетки параметров, позволяющих осуществить инвентаризацию проблемной области и обеспечить ее репрезентативное представление в корпусе. Единицей хранения корпуса текстов по публицистике является текст или его относительно законченный фрагмент. Параметризация проблемной области при формировании корпуса текстов по современной публицистике основывается на следующих основных факторах:

30) Ср., например, Брауновский корпус, составленный из отрывков по 1 000 слов каждый.

- фактор автора текста: журналист/непрофессиональный политик vs. профессиональный политик (распределение по политикам учитывает как крупных политических деятелей типа Ельцина, Путина, Черномырдина, Немцова, Хакамады, Селезнева, Гайдара, Жириновского, так и политиков второго ряда); отдельно стоит проблема выявления «команд спичрайтеров», определяющих собственно языковое оформление текста — в ряде случаев данная проблема решается довольно легко, но для многих текстов это не возможно в принципе;

- фактор персонификации-деперсонификации автора (конкретный человек vs. партия/общественное движение/политическая организация/учреждение vs. деперсонифицированный текст — лозунги, передовицы и т. п.);

- фактор адресата (кому адресован текст: сторонники — противники — нейтральная аудитория; профессиональная ориентация — выступление перед шахтерами; творческой интеллигенцией и пр.);

- фактор прагматических условий порождения текста (речь на митинге — речь на заседании институционального органа — интервью — пресс-конференция (всего было учтено 15 типов условий произнесения));

- фактор источника: журнальный текст — книжный текст — листовка — агитационный плакат — лозунг — телевидение — радио,

- коммуникативное распределение (монологический текст — диалог; общие типы иллокуций: демонстрация намерений, например, политическая программа — аргументативный диалог и пр.).

На основе сформулированных факторов была сформирована матрица параметров, позволившая

выделить из проблемной области около 70 типов текстов. Эта типология и была положена в основу отбора текстов в корпус.

Кодировка единиц хранения массива. После параметризации текстов были определены те характеристики, которые фиксировались в дескрипции каждого текста в корпусе (о фасетной формуле — см. особенности организации фактографических информационно-поисковых систем в § 4 главы 4): 1) источник (значения параметра: «Век», «Дружба народов», «Завтра», «Знамя», «Известия», «Итоги», «Молодая гвардия», «Московский комсомолец» и т.д.); 2) автор (около 1 000 авторов); 3) название статьи (1 368 названий); 4) политическая ориентация издания («общедемократическая» пресса; «левая» пресса); 5) жанр (значения параметра: «воспоминания», «интервью», «критика», «круглый стол», «очерк», «проблемная статья», «репортаж», «рецензия», «фельетон»); 6) тема (значения параметра: «внутренняя политика», «внешняя политика», «литература», «искусство» — всего 39 различных тем); 7) время (период 90-х гг.; было включено также несколько характерных статей периода «ранней перестройки»).

Программное обеспечение. Корпус текстов очень сильно проигрывает, если к нему не сделан «дружественный» пользовательский интерфейс» позволяющий производить обработку текстов и не требующий специальной подготовки пользователя.

Вообще, следует отметить, что в настоящее время не существует стандартного программного пакета обработки текстов, который удовлетворял бы нужды всех пользователей, работающих с письменными источниками (см. по этому поводу выше). По этой причине организации, занимающиеся обработкой текстов, чаще всего создают свое собственное программное обеспечение, которое, однако, далеко не всегда позволяет выполнять все необходимые операции. Общая проблема программ го класса — проблема группировки текстов, отвечающих какому-ли признаку. Наиболее часто используемые программы предлагают пользователям создавать список текстов вручную. Начнем с того, что э процедура требует от пользователя определенных знаний о компьютере] и изрядного терпения, чтобы, скажем, ввести в текстовом редакторе список типа:

```
c:\dost\txt\bs.txt  
c:\dost\txt\bkl.txt  
c:\dost\txt\bk2.txt  
c:\dost\txt\podr.txt
```

...

Кроме того, следует отметить, что когда количество текстов корпуса превышает 1 000 единиц хранения (что имеет место в данном случае), и имя файла не всегда отражает все признаки текста, пользователь просто не в состоянии это сделать вручную. Процедура составления списка текстов должна быть максимально упрощена. От пользователя можно потребовать лишь указания интересующих его параметров текста — издание, автор, тематика, жанр и т. п.

Получение конкордансов и словников. Система позволяет осуществлять следующие функции:

1. Стандартный просмотр текстов, входящих в состав корпуса (в виде просмотра таблицы базы данных).
2. Выборка и упорядочивание текстов по указанным формальным или содержательным признакам, а также на основе различных их комбинаций. В системе реализован стандартный набор типовых запросов в виде выбора из списка, автоматически переводимых затем на язык SQL; возможен также ручной ввод запросов на SQL.
3. Получение текстовых массивов, являющихся подмножествами исходного корпуса на основе изменяемой случайной выборки и задания процентов от общего корпуса по одному из параметров.
4. Просмотр массивов-подмножеств и их обработку: получение словников и списков контекстов (конкордансов).

Формирование корпуса текстов. Размеченные в соответствии с описанными выше параметрами тексты представляют собой лишь сырой материал. Отметим, что в традиционной технологии это и есть окончательный результат. В технологии динамического корпуса текстов размеченный исходный массив является источником для формирования конкретных корпусов, более точно отражающих информационную потребность пользователя. Массив хранится в виде базы данных, а каждый отдельный текст — в одной записи (параметры — в текстовых и числовых полях, сама статья — в поле МЕМО). Перевод размеченных текстов в формат базы данных осуществляется с помощью специальной служебной утилиты.

Состояние проекта. К настоящему времени сформирован корпус текстов по современной публицистике объемом 15 мегабайт (около 7,5 тыс. страниц). Корпус можно оценить как представительный с точки зрения параметров, которые были определены для отбора текстов в результирующий массив. Иными словами, все значения параметров и их сочетания (за исключением малочастотных и невозможных) представлены в корпусе. Например, в журнале «Новый мир» не были обнаружены статьи по финансам, а в журнале «Эксперт» — по литературе. Тем самым эти сочетания значений параметров (издание «Новый мир» & тематика «финансы» и, соответственно, издание «Эксперт» & тематика «литература») в результирующем корпусе не представлены. С другой стороны, тематика «внутренняя политика» сочетается в исходном массиве практически со всеми привлекавшимися изданиями. Следовательно, в корпус были введены тексты, в которых реализуются все встретившиеся сочетания тематики «внутренняя политика» с названиями представленных в корпусе газет и журналов: «внутренняя политика» & «Новый мир», «внутренняя

политика» & «Московские новости», «внутренняя политика» & «Итоги», «внутренняя политика» & «Российская газета» и т.д.

Созданный корпус текстов по современной русской публицистике с точки зрения выбранных параметров может рассматриваться как модель функционирования языка современной публицистики в дискурсе. Наиболее полно в корпусе представлены следующие источники: «Век» (около 8 %), «Завтра» (около 14 %), «Известия» (около 5 %), «Итоги» (около 11 %), «Литературная газета» (около 6%), «Московские новости» (более 8 %), «Независимая газета» (около 6 %), «Новый мир» (около 12 %), «Российская газета» (около 8 %).

В имеющейся версии корпуса и программного обеспечения имеется возможность варьирования набора текстов по следующим параметрам: 1) источник; 2) автор; 3) время публикации; 4) тема текста; 5) жанр текста (внутри «публицистического» стиля). Программная оболочка содержит четыре стандартных варианта корпуса — полный корпус, а также пропорциональные сужения (до 25 %) по изданиям, темам и жанрам соответственно. Пользователь может формировать собственный корпус из имеющихся текстов, запоминать его конфигурацию и производить обработку.

Разработанный программный продукт, являющийся одновременно источником языковых данных, представляется уникальным в двух отношениях. Во-первых, это первый корпус по русскому языку, в котором представлен язык российской публицистики. Близкие по жанру корпуса текстов, даже относящиеся к другому временному отрезку, к настоящему времени отсутствуют. Во-вторых, создана новая технология организации и эксплуатации корпуса текстов — концепция «динамического корпуса текстов», которая более гибка по сравнению с традиционной и предоставляет пользователю существенно больше информации о составе корпуса и больше возможностей адаптации исходного массива к конкретной лингвистической (и не только лингвистической) задаче. Следует заметить, что элементы динамической технологии — в частности, возможность выборки подмножества текстов из генеральной совокупности — ранее были использованы при создании Бирмингемского корпуса текстов.

3.5. Заключение

К настоящему времени накоплен уже довольно значительный опыт построения корпусов текстов, однако информация о наличии корпусов в разных странах ограничена. Это существенно затрудняет проведение научных исследований и нередко приводит к дублированию работы. Сложность получения информации о существующих корпусах текстов связана с тем, что практически все они создаются по локальным проектам отдельными организациями. Международная координация усилий в этой области пока еще не налажена в должной мере.

Вторая проблема в области корпусной лингвистики связана с первой: локальность проектов приводит к возникновению различных форматов представления корпусов текстов. Отсутствие единого формата представления дополняется и несовместимостью программного обеспечения.

В имеющихся описаниях корпусов нет ясной информации о содержательных принципах отбора материала. Поскольку корпус является сужением проблемной области, то представительность корпуса прямо связана с принципами отбора материала. Если же нет уверенности в представительности корпуса, его заведомо нельзя использовать для многих видов лингвистической деятельности, например, для оценки частоты употребления лексем в тех или иных значениях или для составления словарей некоторой проблемной области. Необходимо разработать общепринятую процедуру сужения проблемной области до корпуса текстов. По-видимому, таких процедур должно быть несколько, поскольку соотношение между корпусом и проблемной областью не является постоянной величиной и меняется в зависимости от характера проблемной области и задач исследования.

Необходимо проводить ясное разграничение между «исследовательскими» корпусами и «иллюстративными» корпусами (первые создаются для изучения явления, а вторые — для иллюстрации установленных закономерностей). Очень часто требования, предъявляемые пользователем к исследовательскому корпусу текстов, по сути аналогичны требованиям для иллюстративных корпусов, при том что исследование еще не проведено.

Последовательное выполнение принципов построения корпусов текстов приводит к тому, что корпус может быть построен только после того, как уже завершена та работа, для которой он предназначен. Удел «сборщиков» корпусов — балансирование между этими крайностями — уже завершённой работой и необозримым множеством текстов проблемной области.

Основная литература

1. Баранов А. Н. Автоматизация лингвистических исследований: корпус текстов как лингвистическая проблема // Русистика сегодня. 1998 № 1-2. С. 179-191.
2. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Немецкая корпусная лингвистика // Вестник МГУ. Сер. Иностранные языки. 1998. № 1.
3. Исаев И. А. Опыт автоматизации лексикографических исследований. Система DIALEX // Слово Достоевского. М., 1996.
4. Михайлов М. Н. Компьютерное обеспечение корпуса текстов (взгляд пользователя) // Русистика

сегодня. 1998. № 1-2. С. 192-201.

5. Мошкович Ж. Г. Автоматическая лексическая система Унилекс-2. М., 1989.

6. Фрэнсис У. Н. Проблемы формирования и машинного представления большого корпуса текстов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV Проблемы и методы лексикографии. М., 1983. С. 334-353.

Дополнительная литература

1. Леннгрен Л., Ферм Л. Уппсальский машинный фонд русского языка // Труды машинного фонда русского языка. Т. 1. М., 1991.

2. Renouf A. Corpus development at Birmingham University, Corpus linguistics. Recent developments in the use of computer corpora in English language research / Eds. Aarts J. & Meijs W. Amsterdam, 1984.

3. WordCruncher. WC Index Text Retrieval Software. Birgham Young University, 1989a.

4. Word Cruncher. WC View Text Retrieval Software. Birgham Young University, 1989b.

Глава 4 Оптимизация функционирования языка как средства передачи информации

§ 1. Перевод как прикладная лингвистическая дисциплина*

1.1. Лингвистические и нелингвистические аспекты перевода

Термин *перевод* многозначен. С одной стороны, он обозначает деятельность, заключающуюся в передаче содержания текста (в широком понимании) на одном языке средствами другого языка, а с другой — сами результаты этой деятельности. В этом параграфе речь пойдет и о переводе-процессе, и о переводе-результате. Наука о переводе (англ. translation studies; нем. Übersetzungswissenschaft или Translationswissenschaft) включает несколько направлений, среди которых выделяются теория перевода, анализ перевода, методика обучения переводу. Особое место занимает машинный перевод — научная и одновременно технологическая дисциплина, связанная и с наукой о переводе и с компьютерной лингвистикой. Как и многие другие дисциплины прикладной лингвистики, перевод по существу междисциплинарен, будучи связан не только с лингвистикой, но и с литературоведением, когнитивными науками и культурной антропологией [Toury 1986; Snell-Hornby 1988; Wilss 1988; Lambert 1995; ReiB 1995; Translation and meaning 1996; Stolze 1997; Routledge encyclopedia 1998]. В этом параграфе формулируется типология «естественного» перевода, обсуждаются его лингвистические проблемы и дается представление о машинном переводе как особой сфере приложения лингвистических знаний.

Междисциплинарность теории перевода и ее практических приложений указывает на то, что перевод является не чисто языковым, а довольно сложным когнитивным феноменом. Переводя с одного языка на другой, человек использует как свои языковые знания и способности, так и самые разнообразные экстралингвистические знания (о физической природе мира, об обществе и его культуре, о ситуациях, в которых был порожден переводимый текст и будет восприниматься его перевод и т. д.), причем этапы понимания и синтеза текста принципиально различаются. В самом общем виде полную схему основных языковых и когнитивных операций, сопровождающих процесс перевода с одного языка на другой (с «языка-источника» L_1 на «язык-цель» L_2), можно представить следующим образом (см. схему 1).

* Разделы 1.1.-1.3.5 написаны совместно с Д.О.Добровольским.

двусторонний (билатеральный). Односторонний перевод осуществляется только с языка-источника (обычно обозначаемого L_1) на язык-цель (L_2), в отличие от двустороннего, предполагающего перевод; с L_1 на L_2 и наоборот. В обычном случае двусторонний перевод является последовательным, то есть используется в ситуации переговоров и т. п.

Все рассматриваемые выше типы перевода выделяются на основе **формально-организационных характеристик** коммуникации, дискурса — сам характер дискурса (устная vs. письменная коммуникация), быстрота перевода (синхронность vs. последовательность), направление перевода (только с языка L_1 на L_2 или еще и наоборот). При этом предполагается, что с содержательной точки зрения, мы имеем дело с нормальным, коммуникативным переводом, преследующим цель максимально адекватными средствами, которые соответствуют нормам языка L_2 , донести до адресата содержание исходного сообщения на языке L_1 .

Содержательная сторона перевода включает, однако, множество других параметров, по которым может проводиться классификация. Так, по основанию цели выделяются и другие типы перевода: (а) **«подстрочный»** перевод, в результате которого создается подстрочник, (б) **буквальный** перевод, называемый в англоязычной традиции *grammar translation*, (в) **филологический** перевод, называемый также «документальным», и (г) **адаптивный** (и как частный случай **реферативный**) перевод [ReiB 1995, S. 21-23].

В **подстрочнике** текст предстает как последовательность слов, каждое из которых имеет самостоятельную ценность. Слова в переводе сохраняются, таким образом, в той же последовательности и в тех же формах, что и в оригинале. То, что на выходе получаются некорректные, а часто и совершенно непонятные высказывания, не рассматривается в этом случае как недостаток. Такой перевод широко используется как инструмент лингвистического описания, например, в работах по синтаксической типологии. Другая область применения подстрочника — перевод поэзии. Для поэта, порождающего текст на языке L_2 и не владеющего языком L_1 , важно иметь в качестве исходного материала текст, не просто передающий смысл оригинала, но и дающий представление о том, какие именно слова и в какой последовательности употреблены в тексте на языке-источнике.

Буквальный перевод, в отличие от подстрочника, предлагает рассматривать текст не как последовательность отдельных слов, а как последовательность предложений. Обеспечение когерентности текста, сохранение его воздействующего эффекта, адаптация метафор и какой бы то ни было учет узуса языка-цели не входит в задачи буквального перевода. Этот тип перевода используется в первую очередь как инструмент овладения иностранным языком. На определенном этапе изучения языка от учащегося требуется умение порождать грамматически корректные и содержательно адекватные предложения. Это умение достигается, в частности, с помощью выполнения упражнений на буквальный перевод.

Цель **филологического** перевода, сформулированная Ф. Шлейермахером еще в начале XIX века в рамках герменевтической традиции, состоит в том, чтобы максимально «приблизить читателя к автору» [Schleiermacher 1973]. Если при этом порождается текст, изобилующий чуждыми реалиями, непривычными образами и даже определенными нарушениями узуальных конвенций языка-цели, это рассматривается скорее как достоинство, нежели как недостаток, так как утверждается, что высшим критерием качества перевода является верность авторскому стилю и сохранение художественных особенностей оригинала. Естественно, что сферой применения филологического перевода оказываются исключительно художественные тексты, в особенности «канонизированные» литературные памятники. Характерным выражением именно филологического перевода можно считать сохранение в немецких, английских и французских переводах русской классики патронимов (отчеств) персонажей. Одним из наиболее известных поборников филологического перевода был Ортега-и-Гассет [Ortega y Gasset 1956]. Небезынтересно отметить, что в своей практической переводческой деятельности Ортега сплошь и рядом отступал от постулированных им принципов, создавая тексты, скорее отвечающие требованиям коммуникативной адекватности.

Парадоксальным образом проблемы филологического перевода возникают не только при переводе с одного языка на другой, но и при передаче текстов внутри одного языкового сообщества. Это возникает, во-первых, при переложении на литературный язык текстов, созданных на основе диалектов и жаргонов, и, во-вторых, при воспроизведении в современных условиях культурно значимых текстов, написанных в рамках уже ушедшей культурно-филологической традиции. Например, современные переиздания русской классики XVIII в. во многих отношениях искажают исходные тексты. В частности, они неправильно воспроизводят семиотически значимые противопоставления в системе топографематических выделений (курсив, полужир и пр.) текстов оригинала, игнорируют особую роль написаний с прописными и строчными буквами — *Натура* и *натура*; *Поэзия* и *поэзия* (см. подробнее по этому поводу [Лотман, Толстой, Успенский 1981] 1)).

Адаптивный перевод — это перевод, предполагающий приспособление результирующего текста к потребностям пользователя. Чаще всего он связан с сокращением текста оригинала, извлечением из него важнейшей информации, то есть созданием реферата (отсюда другое название этого типа перевода — **реферативный**), дайджеста, аннотации на другом языке. В последнее время этот тип перевода получает все большее распространение, что связано с повышением удельного веса «нехудожественных» (деловых, научных, технических и т. п.) переводов. По имеющимся данным, удельный вес художественной литературы в общем потоке переводимых сегодня текстов составляет не более пяти процентов.

Отдельные типы перевода могут выступать как в чистом виде, так и в комбинации. Так, например,

перевод «Сатирикона», выполненный под редакцией Б. И. Ярхо, — это весьма удачная комбинация коммуникативного и филологического типов [Петроний Арбитр 1990].

Интересный случай перевода художественной литературы представляет собой перевод поэтических текстов, особенно если перевод предполагает сохранение размера оригинала (ср., например, [Эткинд 1963]). И. А. Бунин, который перевел с английского «Песню о Гайавате» Лонгфелло, отмечал, что из-за разницы в средней длине слов переводить стихи, сохраняя размер, чрезвычайно трудно. Восьмисложная строка «Гайаваты» вмещает от пяти до восьми слов, в то время как в аналогичную русскую

1) Ср. характерное утверждение авторов этой статьи: «Специфика и трудности публикации [литературных текстов XVIII в.] во многом сродни проблемам, возникающим при переводе художественного текста» [Лотман, Толстой, Успенский 1981, с. 312].

строку укладывается не более четырех-пяти слов. Не менее сложной задачей представляется перевод прозаических либретто музыкальных произведений, требующий (в отсутствии возможности опереться на строгий размер) полной идентичности чередования ударных и безударных слогов и соблюдения пауз между фонетическими словами.

1.3. «Естественный» перевод: лингвистические проблемы

Несколько огрубляя истинное положение вещей, можно утверждать, что лингвистические сложности перевода с одного языка на другой объясняются особенностями **семантики, синтактики и прагматики** языковых выражений языка-источника (L₁) и языка-цели (L₂).

Разберем суть этих проблем на примерах.

1.3.1.1. Семантика: различия в категоризации. Известно, что стандартное членение суток на временные отрезки, зафиксированное в русском языке, отличается от членения суток, принятого в немецком и английском языках (в которых, кстати, нет особого слова для обозначения понятия «сутки»). Если в русском языке сутки членятся на четыре отрезка (утро, день, вечер, ночь), то в немецком представлены пять временных разграничений: *Morgen* «утро», *Vormittag* букв. «предполуденное время», *Nachmittag* букв. «послеполуденное время», *Abend* «вечер», *Nacht* «ночь»². Таким образом, русское предложение *Встретимся сегодня вечером* может быть в принципе переведено на немецкий язык и как *Wir treffen uns heute nachmittag* «Встретимся сегодня в послеполуденное время» и как *Wir treffen uns heute abend* «Встретимся сегодня вечером». Только обращение к контексту позволяет выбрать адекватный вариант перевода. Членение суток, представленное в английском языке, отличается как от русского, так и от немецкого. Говорящие по-английски делят сутки на три части: *morning* «утро», *afternoon* «послеполуденное время», *evening* «вечер» (после которого опять наступает утро). «Что касается слов *day* и *night*, то они обозначают уже иное деление суток, не на три, а на две части: светлую (*day*) и темную (*night*)» [Бархударов 1975, с. 89-90].

Подобные случаи, на наш взгляд, в наименьшей степени попадают в сферу компетенции собственно теории перевода. Они скорее должны описываться в рамках контрастивной лингвистики. В теоретическом смысле эта проблематика активно разрабатывалась в трудах представителей европейской и американской ветвей неогумбольдтианства, отстаивавших тезис о неповторимом своеобразии «картины мира», зафиксированной в каждом языке³. Ср. также замечание А. Вежбицкой, что даже столь близкие в культурном, генетическом и ареальном плане языки, как английский и французский, существенно различаются по фиксированному

2) *Mittag* «полдень» в обычном случае воспринимается не как временной интервал, а как точка.

3) См. в первую очередь [Weisgerber 1962; Gipper 1972; Уорф 1960а; Уорф 1960б].

в лексике способу членения мира на означенные фрагменты [Wierzbicka 1996, p. 15]. Практическое решение проблемы несовпадения отдельных слов по объему значения в разных языках и связанных с этим различий в сочетаемости должны взять на себя двуязычные словари. В настоящее время ведутся работы по составлению компьютерных словарей, фиксирующих все подобные случаи⁴.

1.3.1.2. Семантика: грамматические различия. Среди межъязыковых различий, обусловленных несовпадениями в организации языковой структуры, в первую очередь значимыми для теории перевода могут оказаться грамматические различия. Наиболее известный пример в этой области принадлежит Р.О.Якобсону [Якобсон 1985в]. Ссылаясь на Боаса, Якобсон подчеркивает, что грамматическая структура (в отличие от структуры лексикона) определяет те значения, которые обязательно выражаются в данном языке. В качестве примера он приводит английское предложение *I hired a worker*, которое не может быть точно переведено на русский язык без дополнительной информации. Поскольку в русском языке категории глагольного вида и грамматического рода имен существительных не могут остаться невыраженными, при переводе этого предложения мы вынуждены сделать выбор между *нанял* и *нанимал*, с одной стороны, и между *работника* и *работницу* — с другой. При обратном переводе соответствующей русской фразы (безотносительно к тому, какой из возможных вариантов *Я нанял/нанимал работника/работницу* был выбран) нам опять потребовалась бы дополнительная информация, так как «русский перевод этой фразы не дает ответа, нанят ли этот работник до сих пор или нет (перфектное и простое

время), был ли этот работник (работница) какой-то определенный или неизвестный (определенный или неопределенный артикль). Поскольку информация, которой требуют английская и русская грамматические структуры, неодинакова, мы имеем два совершенно разных набора ситуаций с возможностью того или иного выбора; поэтому цепочка переводов одного и того же изолированного предложения с английского языка на русский и обратно может привести к полному искажению исходного смысла» [Якобсон 1985 в, с. 365]. Ср. метафору С. О. Карцевского, уподоблявшего ситуацию обратного перевода многократному обмену валюты по невыгодному курсу.

В самом общем виде проблему передачи фамматических категорий можно представить следующем образом: в языке L] есть некая фаммати-ческая категория, а в языке Ёг нет, и наоборот. Например, в английском языке есть категория определенности-неопределенности, выражаемая артиклями, а в русском нет. Означает ли это, что этой категории всегда должен быть найден некоторый, не обязательно фамматический, аналог при переводе с английского на русский? Это разумно делать только в том

4) Ср. для английского и французского языков [Fontenelle 1997].

случае, если значение грамматической категории оказывается коммуникативно значимым. Например, словосочетание *on the table* в зависимости от ситуации может переводиться и как *на столе*, и как *на этом столе*.

В обратном случае, например, при переводе с безартиклевового языка на языки, использующие артикли, при отсутствии коммуникативной значимости постановка артиклей регулируется стандартными фамматическими правилами, которые могут отличаться от языка к языку. Например, русское предложение *Он студент* переводится на немецкий язык как *Er ist Student* (без артикля вообще), а на английский *He is a student* (с неопределенным артиклем).

1.3.1.3. Семантика: грамматические различия как фактор метафоризации. Чисто фамматические категории могут «лексикализироваться», т. е. осмысляться как содержательно значимые, ср. указание Якобсона на то, что Репина в свое время удивил тот факт, что немецкие художники изображают фех в виде женщины (*die Stinde*). Русская смерть — старуха с косой, немецкая смерть — *der Sensenmann*, поскольку русское слово *смерть* — существительное женского рода, в то время как немецкое *der Tod* «смерть» — мужского рода [Якобсон 1985 в, с. 366].

Наиболее очевидна потенциальная значимость подобных различий в переводе художественных текстов, на что указывает Л. В. Щерба в своем анализе лермонтовского перевода «Сосны» Генриха Гейне: «(...) совершенно очевидно (...), что мужской род (*Fichtenbaum*, а не *Fichte*) не случаен и что в своем противопоставлении женскому роду *Palme* он создает образ мужской неудовлетворенной любви к далекой, а потому недоступной женщине. Лермонтов женским родом *сосны* отнял у образа всю его любовную устремленность и превратил сильную мужскую любовь в прекраснотушны мечты» [Щерба 1957, с. 98-99]⁵⁾.

Естественно, значимость персонификаций подобного рода варьирует в зависимости от авторской интенции. Ср. следующий отрывок из эссе Ортеги-и-Гассета «Блеск и нищета перевода» (1) и его перевод на немецкий язык (2), выполненный К. Райе:

(1) *исп.* (...) *y si yo digo que por Oriente', lo que mis palabras (...) propiamente dicen es que un ente de sexo varonil y capaz de actos espontaneos — lo llamado 'sol' — ejacuta la action de 'salir'.*

[Ortega y Gasset 1956, p. 64]

(2) *нем.* (...) *wenn ich sage: 'die Sonne geht im Osten auf, dann besagen meine Worte eigentlich, daB ein Wesen weiblichen Geschlechts und spontaner Handlungen fahig, — das, was wir 'Sonne' nennen — die Handlung des 'Aufgehens' vollzieht.*

(Пер. на нем. [ReiB 1995, S. 53])

⁵⁾ Заметим в скобках, что не менее интересной модификацией текста оригинала, которую Л. В. Щерба не обсуждает в своей работе, является замена «ели» (*Fichtenbaum* или *Fichte* — по-немецки «ель» или «пихта») на «сосну».

[...] когда я говорю «солнце встает на востоке», мои слова означают собственно, что некое существо женского пола, способное к спонтанным действиям, — то, что мы называем «солнцем» — совершает действие «вставания».]

В немецком переводе испанского выражения *un ente de sexo varonil* «существо мужского пола» заменено на *ein Wesen weiblichen Geschlechts* «существо женского пола», так как слово *Sonne* «солнце» в немецком языке — существительное женского рода. Если в переводе стихотворения Гейне изменение грамматического рода влекло нежелательные последствия для его образной системы, в данном примере это совершенно оправданно, поскольку нужно отразить сам факт и саму возможность персонификации. Какого пола будет эта персонифицированная сущность в данной коммуникативной ситуации — не важно. Так, по-русски в этом случае вполне допустимо было бы сказать «некое живое существо», вообще не указывая его пол и избежав тем самым трудностей, связанных с тем, что в русском языке *солнце* — существительное среднего рода.

1.3.1.4. Семантика: скрытые категории. Помимо «классических» случаев межъязыковых расхождений в грамматикализации категорий типа определенности-неопределенности, встречаются случаи, в которых релевантные различия практически не грамматикализуются или выражаются морфологически нерегулярно, что делает их очень сложными для систематического описания. Эти категории часто называются «скрытыми» или «имплицитными». Примером подобных семантических

категорий может служить категория неотчуждаемой принадлежности, которую можно рассматривать как частный случай категории посессивности. Например, по-немецки (как и в большинстве других германских языков) русским словосочетаниям *велосипедная цепь* и *цепь от велосипеда* соответствует одна и та же агглютинативная конструкция *Fahrradkette*. Иными словами, немецкий язык не делает разницы между отчужденной (цепь от велосипеда, валяющаяся на помойке) и неотчужденной принадлежностью (велосипедная цепь как деталь велосипеда)⁶⁾. Выбор правильного перевода слов типа *Fahrradkette* на русский язык — задача не вполне тривиальная. Так, немецкое *Autoschlüssel* может быть переведено на русский только как *ключ от машины* (**машинный ключ* в этом значении невозможен). Это объясняется тем, что ключ — в любом случае отторгаемая (отчуждаемая) часть машины, так как он может лежать в кармане владельца, а не торчать в замке. По-немецки это различие не передается. Важную информацию о возможностях перевода выражений с категорией неотчуждаемой принадлежности можно получить из знаний об устройстве мира. Если некоторая сущность является частью другой сущности, то следует иметь в виду, что для нее обсуждаемая скрытая категория может оказаться релевантной.

6) По отношению к обсуждаемой категории русские выражения *велосипедная цепь* и *цепь от велосипеда* образуют привативную оппозицию: *велосипедная цепь* может относиться как к отдельно взятой детали велосипеда, так и к цепи, находящейся на велосипеде. Выражение *цепь от велосипеда* используется только по отношению к отчужденной сущности..

Категория неотчуждаемой принадлежности может смешиваться с другой категорией — «класс vs. представитель класса», не менее важной с точки зрения переводческой практики. Так, русские эквиваленты немецкого слова *Frauenhande* — *женские руки* и *руки женщины* в большинстве случаев легко взаимозаменяемы. Если речь идет о конкретном референте, представителе класса, в принципе допустимы обе конструкции; ср. *Нежные руки женщины прикоснулись ко мне* и *Нежные женские руки прикоснулись ко мне*. Однако в контекстах квалификации, отнесения к классу для рассматриваемого выражения возможна только конструкция «прилагательное + существительное». Ср. *У него были миниатюрные женские руки при нежелательности* ? *У него были миниатюрные руки женщины*. В соответствующих немецких предложениях во всех случаях будет использована конструкция *Frauenhande*.

Ошибки, связанные с передачей категории неотчуждаемой принадлежности, обнаруживаются и в рекламе. На российском телевидении рекламные ролики часто просто переводятся с английского, немецкого, французского и других европейских языков. Неумелый перевод приводит к коммуникативному эффекту, обратному ожидавшемуся. Например, героиня рекламного ролика мыла «Palmolive» восклицает: «Как приятно ощущать мою кожу такой свежей!». Использование притяжательного местоимения *мой* в данном случае предполагает, что кожа отделена от тела и вымыта мылом «Palmolive». Семантико-прагматические следствия такого рода вряд ли будут способствовать успеху рекламной кампании. Более приемлемый вариант перевода звучал бы приблизительно так: «Как мне приятно ощущать свою кожу такой свежей!».

1.3.1.5. Семантика: «ложные друзья переводчика». Одной из наиболее традиционных является проблема так называемых «ложных друзей переводчика» (*faux amis*). К ложным друзьям относят в первую очередь слова, сходно звучащие в языках L₁ и L₂, восходящие часто к общим этимологическим корням, но имеющие в L₁ и L₂ совершенно различные значения. Например, по-английски *eventual* означает «окончательный, завершающий», а по-немецки *eventuell* — «возможный» или «может быть»; немецкое существительное *Fabrik*, как и русское *фабрика*, переводится на английский не как *fabric*, а как *factory* или *mill*. Ср. также немецкое *vital* «энергичный» и английский *vital* «жизненно важный».

Подобные случаи не представляют собой серьезной переводческой проблемы, поскольку они хорошо известны и неплохо описаны в словарях — как в специальных словарях «ложных друзей», так и в обычных двуязычных словарях общего характера. Гораздо сложнее дело обстоит с устойчивыми словосочетаниями (прежде всего идиомами), которые, будучи идентичными или очень схожими по лексическому составу и образной составляющей, тем не менее существенно отличаются по значению [Райхштейн 1980, с. 29].

Сравним в качестве примера французскую идиому *mettre la puce a l'oreille* с ее немецким «ложным другом» *jmdm. einen Floh ins Ohr setzen* (букв. «посадить блоху в ухо кому-л.»). Французская идиома означает нечто вроде «возбудить подозрения в ком-л.», в то время как немецкое выражение, аналогичное по компонентному составу, значит «пробудить в ком-л. желания, которые вряд ли выполнимы».

Подобные примеры могут быть найдены и при сопоставлении русского языка с английским. Идиомы *пускать пыль в глаза кому-л.* и *throw dust in/into someone's eyes*, абсолютно идентичные по образной составляющей, обнаруживают тем не менее существенные различия в значении. Английская идиома толкуется в [Longman dictionary of English idioms 1979] как «to confuse (someone) or take his attention away from something that one does not wish him to see or know about» («сбивать с толку кого-л., отвлекать внимание кого-л. от чего-л., чего он, по мнению субъекта, не должен видеть или знать»), в то время как русская идиома означает нечто вроде «с помощью эффектных поступков или речей пытаться представить кому-л. себя или свое положение лучше, чем они есть в действительности» (Гуревич, Дозорец 1995).

Часто близкие по внутренней форме и лексическому составу идиомы L₁ и L₂, являясь принципиальными эквивалентами, обнаруживают довольно тонкие семантические (и соответственно сочетаемостные) различия. Такие идиомы оказываются эквивалентными друг другу в контекстах нейтрализации, но не могут заменять друг друга в контекстах, высвечивающих релевантные различия. Для переводчика такие случаи особенно сложны, поскольку ни словари, ни имеющиеся теоретические описания

не эксплицируют подобных различий. Покажем эти трудности на примерах.

Столь близкие и по внутренней форме, и по компонентному составу идиомы, как русское *поставить на карту что-л.* и немецкое *etw. aufs Spiel setzen* (букв. «поставить на кон/на игру что-л.») неидентичны по своему актуальному значению. Анализ особенностей употребления этих идиом показывает, что русская идиома может употребляться только в контекстах, в которых речь идет не просто о риске, а о риске с надеждой на определенный выигрыш⁷⁾. Значение немецкой идиомы не содержит этого признака, поэтому данные выражения эквивалентны лишь в контекстах нейтрализации. По этой причине, в частности, нельзя использовать идиому *поставить на карту* при переводе следующего немецкого предложения: *Rettungsschwimmer setzen stndig ihr Leben aufs Spiel*. В качестве приемлемого перевода можно предложить нечто вроде *Работники спасательной станции постоянно подвергают свою жизнь опасности*.

Примером отсутствия полной эквивалентности может служить также русская идиома *пускать козла в огород* и ее немецкий псевдо-аналог *den Bock zum Gartner machen* (букв. «делать из козла садовника»). Все известные двуязычные словари трактуют их как полные эквиваленты. Действительно, их семантические структуры обнаруживают много общих

⁷⁾ Ср. сходные наблюдения в [Костева 1996, с. 11].

компонентов. Обе идиомы связаны с идеей нанесения вреда, но у русского выражения есть дополнительный смысловой компонент «извлечения йннды, удовольствия», отсутствующий у соответствующей немецкой идиомы. Ср. контекст (3) и его буквальный перевод на русский. Очевидно, что употребление идиомы *пускать козла в огород* в этом случае некорректно; следовало бы сказать нечто вроде *дал маху или переоценил возможности X-а*.

(3) (...) einige Zeit spater stieB er (...) darauf, daB er sozusagen *den Bock zum Gartner gemacht hatte*, denn es stellte sich heraus, daB bei der Planung der Flachdacher der Architekt fehlerhaft gearbeitet hatte.

[*Mannheimer Morgen*, 26.04.1986]

[{...} спустя какое-то время он натолкнулся (...) на то, что, так сказать, *пустил козла в огород*, так как оказалось, что при планировании плоских крыш архитектор допустил ошибку.)

Не будучи «ложными друзьями» в точном смысле, подобные случаи неполной эквивалентности требуют от переводчика особенно тонкой семантической интуиции.

1.3.2.1. Синтактика: синтаксический тип языка.

Согласно наблюдениям Дж. Хокинза [Hawkins 1986, p. 121-123] английский язык, в отличие от немецкого, является типично «синтаксическим» языком, то есть использует синтаксические роли (типа субъекта), абстрагируясь от семантических ролей (таких, как агенс). Ср., например:

(4) *англ.* My guitar broke a string mid-song.

[Моя гитара порвала (сломала) струну в середине песни.]

(5) *нем.* An meiner Gitarre riB mitten im Lied eine Saite.

[На моей гитаре порвалась в середине песни струна.]

Можно сказать, что в английском языке синтаксис более автономен, чем в немецком или в русском. Проблемы возникают прежде всего при переводе на язык с большей степенью рассогласования между синтаксисом и семантикой. Иными словами, естественно ожидать, что предложение (4) будет переведено на немецкий или русский язык в соответствии с действующими в этих языках правилами синтаксического представления. С другой стороны, вполне возможно, что при переводе немецкого предложения (5) на английский его исходная синтаксическая организация будет сохранена, то есть для получения на выходе структуры, подобной (4), требуется проведение неких дополнительных синтаксических трансформаций, набор и последовательность которых трудно представить в виде общих правил. Таким образом, в реальной рабочей ситуации переводчик вынужден в значительной степени опираться на свою интуицию. На этом примере становится очевидной одна из наиболее глобальных проблем переводческой деятельности: порождая текст на L₂, переводчик находится под влиянием исходного языка L₁ и, как правило, не использует всех возможностей L₂ для наиболее естественного и элегантного выражения заданного смысла.

Трудности, связанные с синтактикой языковых выражений, разумеется, не исчерпываются подобными случаями. Приведенный выше в разделе 1.3.1.1 пример *Встретимся сегодня вечером* с его возможными переводами на немецкий язык *Wir treffen uns heute nachmittag* «Встретимся сегодня в послеполуденное время» и *Wir treffen uns heute abend* «Встретимся сегодня вечером» позволяет указать на еще одну переводческую сложность, связанную с синтаксическим типом языка. Будучи языком типа pro-drop⁸⁾, русский позволяет, а в некоторых случаях даже требует опущения личного местоимения в позиции подлежащего. Так, в качестве прощальной реплики фраза *Буду вечером* выглядит несколько лучше, чем *Я буду вечером* (по крайней мере при отсутствии логического ударения на местоимении). Немецкий язык, относимый по данному параметру к языкам non-pro-drop, не допускает опущения личного местоимения⁹⁾. Это межязыковое различие, не представляющее особых трудностей при переводе с русского языка на немецкий, оказывается весьма существенной проблемой для носителей немецкого языка, переводящих с немецкого на русский. От переводчика требуется в этом случае владение сложной системой правил, регулирующих употребление русских личных местоимений в позиции подлежащего. Аналогичные проблемы возникают при переводе с английского, французского и ряда других германских и романских языков.

1.3.2.2. Синтактика: лексическая сочетаемость.

Выделяются два типа сочетаемости лексем — семантическая и лексическая [Апресян 1974]. С точки зрения перевода семантическая сочетаемость не представляет существенного интереса, так как предсказывается значением слова. Совершенно другая ситуация с лексической сочетаемостью. Поскольку она не выводится из значения, она оказывается уникальной для каждого языка. Для систематического описания лексической сочетаемости был разработан аппарат лексических функций [Жолковский, Мельчук 1967]. Типичным примером лексической сочетаемости являются коллокации — устойчивые идиоматические выражения типа *принимать решение*. Выбор глагола, имеющего очень абстрактную семантику типа CAUS, при семантически

8) На основе этого типологического параметра, выработанного в рамках генеративной грамматики, всякий язык может быть включен в одно из двух множеств: языки pro-drop vs. языки non-pro-drop. Языки pro-drop обладают следующими характеристиками: (а) при определенных условиях местоимения, не несущие логического ударения, могут быть опущены; (б) имеется развитая система спряжения глагола; (в) подлежащее и сказуемое свободно могут меняться местами в простом предложении; (г) позиция вопросительных слов в предложении может варьироваться. В соответствии с этой типологией английский является языком non-pro-drop, а, к примеру, русский и итальянский — языками pro-drop. См. по этому поводу, в частности, [Chomsky 1981, p. 240-248, 253-275].

9) Строго говоря, немецкий является языком смешанного типа. Не допуская опущения личных местоимений (параметр (а)), он обладает достаточно развитой системой спряжения глагола (параметр (б)); ср. [Comrie 1987, p. 218].

«полновесном» существительном практически непредсказуем, ср. нем. *eine Entscheidung treffen* (букв, «встретить решение»), *einen Beschluss fassen* (букв, «схватить решение»), англ. *to make a decision* (букв, «сделать решение»). Во всех примерах такого рода переводчик должен знать факты соответствующей сочетаемости.

Лексическая сочетаемость не ограничивается коллокациями и, соответственно, не сводится к аппарату лексических функций. Например, употребление таких русских слов, как *года, месяцы, недели, дни, часы, минуты, секунды* в конструкциях с *тому назад* без кванторных слов типа *несколько, много* невозможно. Немецкое словосочетание *vor Wochen* «недели тому назад» следует перевести как *несколько недель тому назад*.

(6) War die Diskussion für ihn [Helmut Kohl] *vor Wochen* noch «überflüssig», so signalisierte er jetzt in einem Fernsehinterview, er sei in Bezug auf seine künftige Regierungsmannschaft «noch völlig offen».

[Deutsch-russischer Kurier, September/Oktobre 1997]

(7) Если еще *несколько недель тому назад* (букв, *недели тому назад*) дискуссия на эту тему была «излишней», то на этот раз Коль отметил в телевизионном интервью, что вопрос о составе будущего правительства остается для него «все еще абсолютно открытым».

1.3.2.3. Синтактика: способы введения прямой речи. Один из наиболее интересных случаев ввода прямой речи в немецком языке — конструкция *so X* «так X» (например, ...*так президент* вместо ...*сказал президент*). Разумеется, дословный перевод с немецкого на русский в подобных случаях недопустим. В соответствующий русский текст необходимо дополнительно ввести глагол говорения.

(8) «Ich respektiere seine Haltung und verstehe seine Entscheidung, zumal ich weiß, daß er nicht amtsmüde ist», so der Kanzler am 21.8.

[Deutsch-russischer Kurier, September/Oktobre 1997]

(9) 21 августа Коль прокомментировал слова Вайгеля следующим образом: «Я с уважением отношусь к его позиции, тем более, что я знаю, как хорошо он справляется со своими обязанностями».

Тот факт, что этот случай не описывается словарями и грамматиками немецкого языка, по-видимому, связан с тем, что контексты такого типа интерпретируются как результат узусализовавшегося опущения глагола говорения.

1.3.3.1. Прагматика: дескрипции в анафоре.

В процессах анафоризации принято различать антецедент (то, на что указывает анафора в предшествующем тексте) и анафор (та дескрипция, которая отсылает к антецеденту). Анализ показывает, что структура дескрипций, функционирующих в роли анафора, существенно отличается от языка к языку.

языковых выражений, способных выполнять функции анафора, отнюдь не универсален. Помимо личных местоимений, стандартным образом выступающих в качестве анафора (*Это стол. Он круглый.*), эти функции могут брать на себя самые различные (но не любые) дескрипции. Набор этих дескрипций и ограничения на их использование не просто различаются от языка к языку, но представляются совершенно непредсказуемыми и, насколько нам известно, никогда серьезно не анализировались в лингвистической литературе. Сталкиваясь с этим явлением, переводчик вынужден опираться исключительно на свою языковую интуицию. В качестве характерного примера может служить крайне распространенная в немецких газетных текстах (особенно в спортивных сообщениях) анафора с помощью указания на возраст: *Diese Weltmeisterschaften brachten Erfolg für X. Der 22-jährige hat einen sicheren Sieg davongetragen.* (букв.) «Этот чемпионат мира принес успех X-у. 22-летний одержал уверенную победу». Использование подобных дескрипций в анафорической функции в русском языке возможно только в случае их трансформации в именную группу типа *22-летний спортсмен...* Ср. также контекст (10) и его перевод на русский язык (11).

(10) Binnen 24 Stunden hat der Schauspieler Ernst Hannawald in München ein Postamt und eine Bank überfallen. Nach Angaben der Polizei von gestern war *der 3&-Jährige* dabei mit einer Pistole bewaffnet.

[Münstersche Zeitung, №625, 30.01.1998]

(11) В течение суток актер Эрнст Ханнавальд совершил в Мюнхене два вооруженных нападения: на почтамт и банк. Как сообщила вчера полиция, *38-летний артист* был вооружен пистолетом.

На сходные случаи межъязыковых различий указывает К. Райе [ReiB 1995, p. 71-72]. Формально корректным переводом испанского предложения (12) на немецкий язык является (13).

(12) Si *este informador* tuviese tendencia al sensacionalismo, diría que Galicia arde por los cuatro costados (...)

[Mundo, 14.10.1974]

(13) Wenn *dieser Berichterstatter* ein wenig sensationslustern wäre, würde er behaupten, Galizien brenne an allen Ecken und Enden (...)

[Если бы *этот корреспондент* был немного падок на сенсации, он заявил бы, что Галиция полыхает в огне.]

Для немецкого (и добавим: для русского) читателя этот перевод был бы непонятен, так как принятые в обсуждаемых языках прагматические конвенции не позволяют догадаться, что за *этим корреспондентом* скрывается сам автор данного текста, то есть дескрипция *este informador* может служить в испанском языке для анафорического указания на отправителя сообщения. По-видимому, близким аналогом в русском языке могут служить дескрипция *ваш корреспондент* и несколько иное по стилевой принадлежности выражение *ваш покорный слуга*.

С проблематикой анафоры связаны и узуализированные принципы образования эллиптических конструкций. По-русски в анафорическом отношении допускается опущение зависимой части именной группы, по-немецки, особенно если это композит — нет:

(14) Seit Anfang Oktober hat das *Sprachenzentrum* der Universität eine neue Struktur (...) Am *Sprachenzentrum* (...)

[WWU-Universitätszeitung, Oktober 1997]

(15) С начала октября университетский *центр иностранных языков* имеет новую структуру (...) При *центре* (...)

Поскольку *Sprachenzentrum* по-немецки сложное слово, а по-русски *центр иностранных языков* распространенная именная группа, эти номинации по-разному ведут себя при повторе. Распространенная именная группа в русском языке в стандартном случае позволяет опустить прилагательное, оставляя лишь опорное существительное, способное обеспечить установление кореферентности. В немецком языке (особенно в случае лексикализации соответствующего понятия) часто повторяется все сложное слово полностью, то есть *Sprachenzentrum*, а не *Zentrum*.

1.3.3.2. Прагматика: особенности стиля. Известно, что стилевая дифференциация определяется стратегией выбора выражения из списка квазисинонимов, формируемого языковой системой. Например, в русском языке из наборов квазисинонимов {*решишь, принять решение*}, {*сказать, заявить, выступить с заявлением, выразить мнение*}, {*спросить, поставить вопрос, поднять вопрос*} газетный стиль требует выбора более развернутого варианта. Эта прагматическая особенность русского газетного стиля вовсе не универсальна. В немецком газетном стиле стремление к развернутости выражено в существенно меньшей степени.

Приводимый ниже отрывок из газеты «Зюддойче Цайтунг» (16) и его русский перевод (17) хорошо демонстрируют указанное различие.

(16) Neue Gespräche über Kurilen. Tokio und Moskau wollen Streit über Inselgruppe heilegen. Wie Japans öffentlicher Rundfunksender NH K meldet, hat die russische Seite die Bereitschaft gezeigt, *das Hauptthemenfeld für den Abschluss* eines Friedensvertrages bei den Verhandlungen direkt anzusprechen. Im April soll Jelzin in Begleitung von Außenminister Jewgeni Primakow Tokio besuchen. Als erstes Zwischenergebnis der Vorgesprache in Moskau *wurde vereinbart*, die laufenden Verhandlungen auf Staatssekretarebene zu führen (...).

[Süddeutsche Zeitung, № 18, 1997]

(17) Новые переговоры о Курилах. Токио и Москва *намерены решить спорный вопрос о Курильском архипелаге* (букв, «хотя решить спор об архипелаге»). Как передает официальная японская радиостанция НХК, российская сторона продемонстрировала готовность открыто обсуждать на переговорах *проблему, представляющую собой основное препятствие на пути подписания* (букв, «основное препятствие для подписания») мирного договора. В апреле президент Ельцин должен посетить Токио в сопровождении министра иностранных дел Евгения Примакова. В качестве первого промежуточного итога предварительных консультаций в Москве *была достигнута договоренность* (букв, «было договорено») о проведении текущих переговоров на уровне госсекретарей (...).

Интересно, что для английского языка также характерны тенденции к опущению определенных слов, не несущих значительной семантической нагрузки. При переводе на русский язык эти слова — appropriate words в терминологии З. Хэрриса [Harris 1970, p. 559-560] — восстанавливаются в поверхностной структуре [Бархударов 1975, с. 221-226].

1.3.3.3. Прагматика: парадоксы счета. В каждом языковом сообществе существуют системно не мотивированные предпочтения в выборе способа обозначения определенных сущностей. Так, выражению *восемнадцать месяцев* носители русского языка в большинстве случаев предпочтут выражение *полтора года*. Ср. *Мы не виделись полтора года* и *Мы не виделись восемнадцать*

месяцев. Напротив, в немецком языке словосочетание *achtzehn Monate* воспринимается как вполне нормальное — стилистически нейтральное и достаточно частотное. Это особенно важно, поскольку другой способ выражения (в нашем случае *anderthalb Jahre*) также не запрещен системой.

1.3.3.4. Прагматика: перевод идиом и пословиц. При переводе идиом, пословиц и поговорок наличие эквивалентной единицы в языке-цели само по себе не обеспечивает адекватного результата. Каждый опытный переводчик знает, что в ряде случаев сохранить образный компонент текста оригинала бывает настолько важно, что дословный перевод соответствующего словосочетания оказывается более удачным решением, чем поиск «нормального» эквивалента в L_2 . В связи с этим встает вопрос, в каких случаях дословный перевод допустим, то есть понятен для адресата, а в каких случаях — нет. Возможность понимания дословного перевода идиомы L_1 носителями L_2 объясняется наличием в L_2 других выражений, опирающихся на когнитивные структуры (в первую очередь концептуальные метафоры в смысле Дж. Лакоффа [Lakoff 1993]), сопоставимые с когнитивными структурами, стоящими за соответствующим языковым выражением L_1 [Добровольский 1997].

На основе этой гипотезы могут быть объяснены, например, различия в способах подачи фразеологизмов в переводе «Сатирикона» Петрония под редакцией Б. И. Ярхо. Поскольку при переводе ставилась задача сохранения образов и символики, представленной во фразеологии оригинала, во всех случаях, где это было возможно, фразеологизмы переводились буквально, а соответствующие русские фразеологические единицы давались в примечаниях. Иногда, однако, применялся обратный способ, то есть буквальный перевод приводился в примечаниях [Ярхо 1990]. В последнем случае речь идет о концептуальных метафорах и/или языковых символах, не представленных в русском языке. Например, фразеологизм *per scutum per ocreas* (букв. «сквозь щит, сквозь поножи») переводится либо *и так и сяк*, либо *и думал и гадал*. Сходным образом «душа в нос (ушла)» переводится как *душа ушла в пятки* [Ярхо 1990, с. 13]. Дословный перевод в этом случае невозможен, поскольку русская идиома *душа ушла в пятки* базируется на концептуальном противопоставлении «верх — это хорошо vs. низ — это плохо» [Lakoff 1994], а поскольку вместилище души мыслится как располагающееся в области груди, перемещение души в нос не может с точки зрения русского языка однозначно интерпретироваться в смысле квазисимптома отрицательных эмоций.

Напротив, фразеологизм *ase u teba est* — *асса ты стоишь* переведен буквально [Ярхо 1990, с. 13], так как носителям русского языка понятна подобная символическая интерпретация минимальной денежной единицы. Сущности, занимающие низшие ступени в иерархии ценностей, в русском языке также символизируются с помощью обозначений минимальных денежных единиц, ср. *грош цена в базарный день; гроша ломаного не стоит*.

В случае, когда переводчик не учитывает отсутствия когнитивных параллелей между L_1 и L_2 и переводит буквально идиому языка-источника на язык-цель, у читателя возникают серьезные проблемы с пониманием текста. Ср. дословный перевод русской идиомы *в гробу видать* из контекста (18) на немецкий язык (19).

(18) (...) я ш не говорю тебе там про Кандинского шмандинского или про Клее там шмее так што ш ты гонишь мне опять про своих Пикассо шмикассо Утрилло шмутрилло, я ш в гробу видел твоего Ван Гога там шмангоа (...)

[В. Сорокин. Дорожное происшествие]

(19) (...) ich rede ja auch nicht iiber Kandindkij Schmandinski oder tiber Klee dings Schmee also was quatschst du mich wieder voll mit deinem Picasso Schmikasso Utrillo Schmutrillo, ich hab ja deinen Gogh dings Schmangoch (...) im Sarggesehen

IV. Sorokin. Vorfall aufder Strafie]

Ни один из опрошенных нами носителей немецкого языка не был в состоянии понять, что имеется в виду. На этом примере становится очевидной также значимость культурной составляющей, заложенной во внутренней форме некоторых идиом. Так, образная мотивированность идиомы *в гробу видать* (и особенно ее полной формы *в гробу и в белых тапочках*) основана на знании соответствующих русских обычаев (отпевание в открытом гробу и т. п.). Иными словами, семантика «удаления кого-л./чего-л. из личной сферы», характерная для плана содержания обсуждаемой русской идиомы, остается совершенно непрозрачной для носителя другого языка, поскольку не поддерживается никакими культурными реалиями.

1.3.3.5. Прагматика: перевод метафор. Проблемы перевода идиом и пословиц тесно соприкасаются с общей проблематикой перевода метафор. Как известно, метафорическая система языка является мощным средством понимания и осмысления действительности (см. по этому поводу, в частности, [Lakoff, Johnson 1980; Баранов 1991]). Метафора «поставляет» мышлению список возможных альтернатив для разрешения проблемной ситуации. Для политического дискурса это оказывается настолько важным, что ошибки и неточности в переводе метафорических моделей могут существенно искажать коммуникативную установку автора исходного текста.

Рассмотрим один пример. Одной из важнейших целей изменения общественного сознания в период после октября 1917 г. была попытка совмещения органистического способа мышления (представленного метафорами ОРГАНИЗМА, РАСТЕНИЯ, ДЕРЕВА, ЧЕЛОВЕКА), которое имело глубокие корни в русском

социуме, с механистическим, рациональным мышлением, фиксированным в метафорах МЕХАНИЗМА, СТРОИТЕЛЬСТВА, МАШИНЫ, МОТОРА и пр. Требовалось по возможности снизить значимость органистической модели в общественном сознании, совместить ее с более креативными моделями, поскольку задачи индустриализации требовали мышления иного типа. Разумеется, не следует понимать это рассуждение буквально: противопоставление этих способов мышления не фиксировалось решениями партии и правительства, но идея, несомненно, витала в воздухе и была, например, в полуабсурдной, гиперболической форме гениально воплощена в произведениях Андрея Платонова.

На уровне метафор эти процессы выразились в совмещении логически абсолютно противоречивых метафорических моделей МЕХАНИЗМА и ОРГАНИЗМА. Политический дискурс тех лет был заполнен стилистическими монстрами такого рода, ср. известное *Нам разум дал стальные руки-крылья, а вместо сердца — пламенный мотор*. Рефлексы этих попыток прекрасно видны и сегодня (ср. *полнокровный механизм рынка*). С началом перестройки возрастает значимость органистической метафоры в связи с поисками новой идеологии и попытками реанимации ценностей православия и народности. Возрастающая общественная значимость органистического способа политического мышления принуждает политиков обращаться к соответствующим метафорическим моделям, даже если сами политические деятели не осознают этого на рациональном уровне. Весьма показательна в этом отношении речь Э. Шеварднадзе, бывшего в конце 80-х гг. министром иностранных дел СССР, на одном из заседаний Генеральной Ассамблеи ООН. Приведем ее русский текст (20) и официальный перевод на английский язык (21):

(20) Мы строим новую модель общества, новую модель отношений между людьми и народами, новую модель социализма. Социализма, который как великая идея не только не исчерпал себя, а, наоборот, по-новому раскрывает свой гуманистический потенциал в трудном, подчас драматическом противостоянии органически чуждым ему силам и пророкам. В нашей стране это не обновление фасада, а коренная реконструкция здания (...). Нет ни одной области нашего общественного и общенародного бытия — в экономике, политическом устройстве, духовном мире людей, — где пафос отрицания всего косного и омертвелого не шел бы одной дорогой с пафосом созидания. (...) мы убеждены: перестройка, которая началась как революция надежд, не даст им угаснуть. Люди, народ не дадут угаснуть перестройке, ибо она выражает их самые заветные чаяния.

(21) We are building a new model of society, a new model of relations among people and nations, a new model of socialism. As a great concept, socialism is by no means a spent force. Indeed, it is revealing its humanitarian potential in the bitter and often dramatic confrontation with the forces and vices that are organically alien to it. In our country we are not just repainting the facade but rebuilding the entire structure {...}. In every sphere of the common life of our state and our people — the national economy, the political system and people's intellectual endeavour — rejection of the ossified relics of the past goes hand in hand with the enthusiasm of new construction. (...) we are confident that perestroika, which began as a revolution of hopes, will keep those hopes alive. Our people, the nation, will keep perestroika going, for it embodies the aspirations that they cherish.

Основная коммуникативная цель Э. Шеварднадзе заключалась в том, чтобы показать преимущества перестройки и убедить в преемственности нового политического мышления и старой политики СССР. В качестве способа Шеварднадзе (или тот, кто готовил текст — его «спичрайтер») избирает введение изначально рационалистической метафоры перестройки (АРХИТЕКТУРНАЯ или СТРОИТЕЛЬНАЯ метафора) в структуру органистического мышления, представив необходимость перестройки как очередное изначально данное чувство советского человека¹⁰). Сложное взаимодействие метафорических моделей не всегда передается переводчиком текста речи на английский язык. Например, метафора ВМЕСТИЛИЩА в выражении *социализм не исчерпал себя* передается РЕСУРСНОЙ МЕТАФОРой — *socialism is by no means a spent force*, что, впрочем, в данном контексте можно признать удовлетворительным, поскольку в метафоре оригинала ВМЕСТИЛИЩЕ на следующем шаге семантических следствий также связывается с ресурсом. Однако при переводе выражения *духовный мир людей* была изменена не только содержащаяся там метафорическая модель ПРОСТРАНСТВА, но и сам осмысляемый в метафорических терминах концепт «духовного», противопоставляемый рационально-механистическому началу: *people's intellectual endeavour*. Иными словами, нечто явно иррациональное, близкое сфере ОРГАНИСТИЧЕСКИХ МЕТАФОР, заменяется на свою противоположность — на интеллект, разум, стоящий в одном ряду с метафорической моделью МЕХАНИЗМА. Аналогичную неточность можно обнаружить и при передаче выражения *пафос созидания* — *the enthusiasm of new construction*: при

10)Заметим, что такой способ аргументирования требует весьма искусного манипулирования метафорическими моделями, что не всегда удается и часто порождает сложности в понимании текста речи. Например, с одной стороны, *перестройка, которая началась как революция надежд, не даст им угаснуть*, а с другой — *люди, народ не дадут угаснуть перестройке*. Но надежды — это удел человека. Если так, то перестройка в этом рассуждении оказывается вообще излишней. Перестройка предстает здесь как некий государственный институт — «министерство надежд», курирующее их и распределяющее надежды в соответствии с социальным заказом. Такой способ рассуждения не был необычным для советской политической культуры, оказываясь естественной частью политической коммуникации лозунгового типа, не предполагавшей диалога политических субъектов на уровне публичной политики.

том, что и русское слово *пафос*, и английское *enthusiasm* принадлежат близким когнитивным областям, *созидание* и *construction* явно противопоставлены. *Созидание* предполагает участие иррационального начала, творческой интуиции, таланта и даже озарения, а *construction* — рационального, «вычисляемого», того, что заложено в метафорической модели СТРОЕНИЯ/СТРОИТЕЛЬСТВА. При передаче выражения *пафос отрицания* первое слово вообще опущено — переведено только *rejection*, что

также привносит в текст на целевом языке дополнительные смысловые элементы рационального. Не вполне удачно подобран эквивалент для метафоры в предложении *люди (...) не дадут угаснуть перестройке* — *our people (...) will keep perestroika going*. На значение предложения в языке-источнике здесь накладываются по крайней мере две метафоры — метафора ГОРЕНИЯ/ОГНЯ и метафора ПЕРСОНИФИКАЦИИ (если понимать в данном контексте перестройку как организм, который умирает). Стертая метафора ПЕРЕДВИЖЕНИЯ в языке-цели не вполне адекватно передает оригинал. Выраженная тенденция в сторону рационального, свойственная переводу, искажает позицию Шеварднадзе, его сложную, хотя может быть, и не вполне удачную, систему аргументации. В разобранный пример не происходит, однако, серьезного коммуникативного сбоя при неадекватной передаче метафорических моделей. Здесь можно говорить лишь об искажении метафорической структуры политического дискурса, которые дают себя знать лишь в процессе довольно длительного коммуникативного взаимодействия, в дискурсе, имеющем достаточно долгую историю.

Имеются примеры, когда неточный перевод метафор сразу создает у адресата ощущение, близкое к грамматической неправильности предложения. Это происходит в тех случаях, когда за реалией *X* в данном языковом сообществе (язык *L1*) культурно закреплена некоторая метафора *M*. При переводе на язык *L2* выражений с метафорами, обозначающими эту же реалию, с других языков, также желательно использовать метафору *M*. Например, в российской культурной традиции по крайней мере со времен Пушкина геополитическая проблема проникновения России в Европу устойчиво связывается с метафорой ОКНА. Ср. соответствующий контекст из Пушкина:

(22) И думал он: / Отсель грозить мы будем шведу, / Здесь будет город заложен / На зло надменному соседу / Природой здесь нам суждено / В Европу прорубить окно, / Ногою твердой стать при море.

[А. Пушкин. *Медный всадник*]

Именно поэтому в русском переводе контекста (23) из газеты «Die Zeit» (от 18.06.2000), из статьи, посвященной Путину, желательно использовать метафору ОКНА, а не ВОРОТ, как в немецком оригинале:

(23) a. Putin versteckt nicht, daß für ihn Deutschland ein Tor in Europa ist. (*Die Zeit*, №25, 2000) б. Путин не скрывает, что Германия является для него окном/ воротами в Европу.

Есть целые области перевода, в которых ошибка в передаче метафор влечет еще более тяжелую коммуникативную неудачу. В [Бикман, Келлоу 1994] обсуждаются сложности, возникающие при переводе текста библии на языки народов, культуры которых существенно отличаются от европейской. Например, такие реалии, как «меха», «якорь», «кораблекрушение», «меч», «корона» далеко не универсальны. Не универсальны и конкретные случаи метафорических переносов, часто фиксируемые в словарях как не прямые значения слов. Часто используемое в европейской культурной традиции слово *лисица* в значении «хитрый человек» при переводе слов Иисуса по отношению к Ироду вряд ли будет правильно понято носителями языка вилла альта запотек, поскольку на нем *лисицей* называют того, кто много плачет [Бикман, Келлоу 1994, с. 153]. В языках истмус запотек, бачахон целтал названия животных могут использоваться по отношению к людям только при обозначении связанных с ними духов-двойников, а в языке майо название животного является частью фамилии человека — если кого-то зовут лыса, это значит, что он принадлежит роду Лиса [Бикман, Келлоу 1994, с. 156].

Особую проблему представляет перевод таких метафор, которые, насколько можно судить, не всегда были ясны даже адресатам оригинала. Например, когда Иисус предупредил своих учеников: *Берегитесь закваски фарисейской*, то они поняли его буквально. Если переводчик использует в переводе сравнение, то читатели будут удивлены, что ученики оказались столь недогадливы. Тем самым метафора должна быть сохранена, однако ее следует пояснить: вместо *Иисус, уразумев, говорит им...* (Мк 8:17) для перевода можно избрать следующую формулировку — *Когда Иисус узнал, что они думали о хлебе, а не об учении фарисейском, Он сказал им...*

Сохранение метафоры исходного текста библии возможно только в том случае, если аналогичная метафора существует в языке-цели или она легко понимается его носителями. В противном случае переводчикам библии рекомендуется искать в целевом языке аналогичные по функции метафорические конструкции, эксплицитные сравнения или передавать смысл текста неметафорически, толкуя смысл метафор в соответствии с принятыми в экзегетике интерпретациями. Так, библейское выражение *у вас окаменело сердце* и аналогичные ему фразы часто передаются в целевых языках такими метафорами, как *ваши уши окаменели, ваш желудок тверд как камень* [Бикман, Келлоу 1994, с. 163].

Отсюда следует, что перевод метафор оказывается не только лингвистической, но и культурной проблемой.

1.3.3.6. Другие прагматические проблемы перевода. В заключение перечислим еще несколько важных для переводческой деятельности прагматических конвенций, большинство из которых (в отличие от обсуждавшихся выше проблем) неоднократно упоминались в специальной литературе.

Известно, что средняя длина предложения варьирует от языка к языку. Для английского текста характерны, например, существенно более короткие предложения, чем для русского или для немецкого. Не учитывающий этих различий перевод, даже будучи адекватным по всем прочим параметрам, воспринимается адресатом как не вполне соответствующий конвенциям построения текста.

Сходным образом наличие дословных повторов в тексте (прежде всего в научном тексте) по-разному оценивается разными языковыми сообществами. Если в немецком или русском тексте стилистический идеал требует от автора по возможности избегать употребления одного и того же слова в рамках одного предложения и даже одного абзаца, в английском научном тексте дословные повторы вполне допустимы.

Еще один параметр, по которому английские (и до известной степени немецкие) научные тексты могут быть противопоставлены русским, — это употребление авторского «мы». Так, было бы вряд ли уместно перевести типичную для английских научных текстов формулировку / *claim that...* как *Я утверждаю, что...* По коммуникативной функции и в рамках русского научного стиля /*claim that...*, скорее, соответствуют выражения *по нашему мнению...* или *представляется, что...* В немецких научных текстах авторское «я» получает все большее распространение и постепенно вытесняет авторское «мы».

Наконец, в каждом языке существуют определенные, узально фиксированные способы выражения некоторых стандартных смыслов. Эти способы регулируются не системой языка, а исключительно прагматическими конвенциями. Так, на упаковке продуктов питания в нормальном случае имеется надпись, содержащая информацию о сроках хранения данного продукта. Эта стандартная информация передается в разных языках весьма различными способами, ср. (24)

(24) рус. *Годен до...*

англ. *Best before...* «Лучше всего до...»

нем. *Mindestens haltbar bis...* «Может храниться по меньшей мере до...»

или *Zu verbrauchen bis...* «Употребить до...»

ндл. *Tenminste houdbaar tot...* «Может храниться по меньшей мере до...»

фр. *A consommer de preference avant le...* «Предпочтительно употребить до...»

ит. *Da consumarsipreferibilmente entro...* «Предпочтительно употребить до...»

Естественно, от переводчика ожидается знание соответствующих конвенций, а не дословный, хотя бы и «правильный» по внутренней форме перевод соответствующих выражений.

1.3.4. Экстралингвистические проблемы перевода.

Одной из наиболее традиционных для теории перевода проблем является поиск способов передачи реалий средствами языка-цели [Влахов, Флорин 1980; Honig 1995, S. 102-104]. При переводе реалий существуют в принципе две возможности: (а) передать соответствующий смысл, используя сопоставимые по значению единицы языка-цели, или (б) сохранить в переводе реалию языка-источника. Выбор одной из этих возможностей зависит от различных факторов и в любом случае связан с определенными информационными потерями. Перевод (а), будучи безусловно понятным для читателя, опирается на иные знания о мире, вызывая тем самым в сознании адресата не вполне адекватные представления. Перевод (б) может оказаться малопонятным и требует часто дополнительных комментариев. Обратимся к примерам.

В немецком переводе рассказа Владимира Сорокина «Дорожное происшествие» Габриэле Лойпольд заменила школьную оценку «два» на «пятерку».

(25) Нина Николаевна быстро подошла к своему зеленому столу, села, склонилась над раскрытым журналом. — Двойка, Соловьев. В тетради у тебя все записано. Черным по белому... А ничего не помнишь.

[В. Сорокин. *Дорожное происшествие*]

(26) Nina Nikolaevna ging rasch zu ihrem grünen Tisch, setzte sich und beugte sich über das geöffnete Klassenbuch: — Fiinf [букв, «пять»], Solovjev. In deinem Heft steht alles drin. Schwarz auf weiß... Und du hast nichts behalten.

[V. Sorokin. *Vorfall auf der Strafe*]

Эта замена представляется в данном контексте оправданной. Немецкая оценка «пять» выполняет в системе школьных оценок ту же функцию, что и русская «двойка». Таким образом, перевод этого фрагмента текста понятен немецкому читателю, не знакомому с принятой в России системой оценок. Если бы переводчица предпочла сохранить эту реалию, ей пришлось бы добавить комментарий в духе Ч. Филлмора, где идея относительной значимости элементов фрейма иллюстрируется с помощью описания различных систем школьных оценок [Филлмор 1988, с. 57], что вряд ли соответствовало бы жанру и излишне повышало бы удельный вес этого эпизода в рассказе. С другой стороны, можно представить себе читателя, хорошо осведомленного о российской системе школьного образования. Для него этот перевод может оказаться дезинформирующим, так как он, допустив, что имеет дело с буквальным переводом, может проинтерпретировать этот фрагмент текста в том смысле, что учительница поставила ученику отличную оценку, несмотря на невыполненное задание. Иными словами, даже в подобных случаях можно говорить лишь о предпочтительном, но не «правильном» варианте перевода.

Рассмотрим еще один пример. Анализируя два различных перевода детской книжки английской писательницы Джин Уэбстер на немецкий язык, Катарина Райе [ReiB 1995, S. 40-41] отдает предпочтение переводу (29):

(27) Jimmy McBride was dressed as *Santa Claus*.

[Webster 1967, p. 63]

(28) Jimmy McBride war als *Sankt Nikolaus* verkleidet.

(Пер. на нем. [Webster 1970, S. 92]) [Джими Мак Брайд был наряжен Санта Клаусом]

(29) Jimmy McBride war als *Weihnachtsmann* verkleidet.

(Пер. на нем. [Webster 1979, S. 75]) [Джими Мак Брайд был наряжен Дедом Морозом]

Заменяв *Sankt Nikolaus* на *Weihnachtsmann*, переводчица сделала, по мнению К. Райе, правильный выбор. *Nikolaus* ассоциируется в Германии не с Рождеством, а с 6 декабря — так называемым Днем св. Николая. Не вступая в дискуссию с К. Райе, заметим лишь, что аналогичный перевод на русский язык с заменой *Sайта Клауса* на *Деда Мороза* был бы вряд ли уместен, поскольку *Сайта Клаус* в русской культуре не имеет побочных ассоциаций, связанных именно с российскими реалиями. По-видимому, в таких случаях переводчик вправе ожидать от читателя знания общеизвестных реалий других культур.

Со сходными проблемами мы сталкиваемся при переводе названий некоторых религиозных праздников. Так, например, хотя нем. *Maria Himmelfahrt* имеет в русском языке точный аналог — *Успение Пресвятой Богородицы*, — было бы вряд ли уместно использовать это словосочетание в переводных текстах, описывающих события, происходящие в Западной Европе, поскольку соответствующие понятия воспринимаются как реалии разных культур.

Проблема перевода реалий дополнительно осложняется, если реалия выражена идиомой, обладающей живой внутренней формой. В этих случаях заложенная в образной составляющей информация может сделать перевод типа (а) невозможным. Так, например, в статье Сегура Гарсиа [Se-gura Garcia 1997, S. 224], посвященной анализу переводов произведений Марио Варгаса Льюсы на немецкий язык, указывается на невозможность перевести распространенную в перуанском варианте испанского языка идиому *el chino de la esquina* «китаец на углу» 'маленький продовольственный магазин традиционного типа' с помощью семантически эквивалентной немецкой идиомы *Tante-Emma-Laden* «лавка тети Эммы».

Рассмотрим еще один сходный пример. Хотя русская идиома *черный ворон* и имеет эквивалент в немецком языке — идиому *die grüne Minna* (букв. «зеленая Минна»), — набор культурно-исторических ассоциаций, сопряженных с *черным вороном*, вряд ли позволил бы перевести эту идиому как «зеленую Минну». Особенно очевидными подобные барьеры становятся при обращении к художественным контекстам, осложненным языковой игрой. Ср. контекст (30), для понимания которого, помимо знания значения идиомы *черный ворон*, необходимо привлечение культурно-исторической информации, в данном случае знаний о роли слова *красный* в названиях советских газет, журналов, заводов, фабрик и т. п.

(30) Персиков ухватился одной рукой за карточку, чуть не перервал ее пополам, а другой швырнул пинцет на стол. На карточке было приписано кудрявым почерком: «Очень прошу и извиняюсь, принять меня, многоуважаемый профессор, на три минуты по общественному делу печати и сотрудник сатирического журнала "*Красный ворон*", издания ГПУ».

[М. Булгаков. *Роковые яйца*]

Использование в немецком переводе языковой игры типа *rote Minna* «красная Минна» вряд ли было бы адекватно проинтерпретировано¹¹⁾.

В самых сложных случаях лингвистические и экстралингвистические проблемы перевода причудливым образом переплетены между собой. Одним из таких исключительных примеров несомненно является роман Энтони Бёрджесса «Заводной апельсин». Это произведение представляет особую проблему при переводе на русский язык. Дело в том, что английский текст романа не вполне английский. Основные персонажи говорят на смеси английского и русского — на «языке надцатых», то есть на выдуманном автором языке тинэйджеров. Слова русского языка в ряде случаев искажены, «англизированы», однако для русского читателя почти всегда прозрачны и легко опознаваемы. В тексте они передаются латиницей — *bydlo, kal, zhratshka, stari kashek* (по-видимому, *старикашка*), *balbesina, odi notshestvo, kliovaja kisa*. Для носителя английского языка русские слова не поясняются, он вынужден догадываться о содержании по контексту. Задача адекватного перевода состояла бы в том, чтобы создать аналогичные проблемы для русского читателя, однако если попытаться передать в русском переводе соответствующие выражения английскими словами, то эффект будет явно не тот. Хотя бы потому, что русский молодежный жаргон 70-80-х гг. был сильно англизирован — *герла, флэт, мани, стрит*. Иными словами, если у Бёрджесса в романе конструируется новый язык тинэйджеров, не известный английскому читателю, то в русском переводе при такой стратегии перевода просто будет использован реально существовавший жаргон с английскими словами, хорошо известными носителям русского языка. С точки зрения восприятия текста, соотношение между языком-целью и конструируемым жаргоном оказывается совершенно другим, чем между языком-источником и «языком надцатых». В имеющемся переводе В. Бошняка соответствующие русские слова просто переданы латиницей. Это, конечно, самое простое решение, однако оно не вполне корректно с системной точки зрения и не позволяет передать в полной мере особенности восприятия оригинального текста английским читателем. Если ориентироваться на цели филологического перевода, то источником для создания «языка надцатых» в русском варианте романа мог бы послужить один из европейских языков, не использовавшийся столь широко в русском молодежном жаргоне. Разумеется, такое решение потребовало бы совершенно нетривиальной переводческой работы.

1.3.5. Пример переводческой деятельности: терминосистема Л.

Вайсгерберга. В реальной работе переводчик сталкивается как с рассмотренными выше лингвистическими проблемами и комплексом культурных различий между языковыми сообществами, так и с общими семиотическими

11) По проблематике перевода контекстов языковой игры см., например, [Freidhof, Kosta 1987; Timkovic 1990].

закономерностями функционирования разных языков как особых семи-озисов. Особенно хорошо это видно на примере внутренне гомогенных терминосистем. Интересным объектом анализа оказывается в этом отношении оригинальная теоретическая концепция функционирования языковой системы, принадлежащая Л. Вайсгерберу. С одной стороны, она демонстрирует преемственность терминологической традиции, идущей от В. фон Гумбольдта, а с другой — убеждает в известном герменевтическом тезисе о замкнутости концептуального мира цельных, оформленных лингвистических теорий. Два варианта самоназвания лингвистической теории Вайсгербера достаточно определенно указывают на эссенциалист-ские истоки его концепции. Вайсгербер называет свою теорию *energetische Sprachbetrachtung* или *Sprachinhaltsforschung*. От удачности перевода этих исходных понятий во многом зависит видение этой теории и рамки интерпретации других терминов. Если перевод первого понятия достаточно очевиден, хотя и нуждается в дальнейших пояснениях — «энергетическая теория языка», то перевод второго термина, несмотря на прозрачность его внутренней формы, — дело весьма нелегкое. Дословный перевод «исследование языкового содержания» не отражает сущности теории Вайсгербера, поскольку речь идет вовсе не об исследовании плана содержания языковых знаков, а об обращении к глубинным когнитивным категориям, лежащим в основе человеческого мышления, национально обусловленного видения мира и функционирования языковой системы. В связи с этим более правильным представляется перевод термина *Sprachinhaltsforschung* как «теория сущности языка». Этот вариант перевода устанавливает четкие соответствия между философскими основаниями теории Вайсгербера и собственно лингвистической методологией анализа.

Строя теорию сущности языка, Вайсгербер проводит четкое противопоставление между донаучными и собственно научными взглядами на язык. Терминологически это выражается в оппозиции *Grammatik* и *Sprachbetrachtung*. В термин *Grammatik* Вайсгербер вкладывает весьма непривычный смысл: донаучный, чисто описательный подход к изучению языковых явлений. В противоположность этому, *Sprachbetrachtung* интерпретируется как собственно научная парадигма исследования языка и мышления человека.

Каждый из рассмотренных терминов служит, в свою очередь, основой для других оппозиций. Так, в пределах весьма специфично понимаемой грамматики Вайсгербер различает *lautbezogene Grammatik* и *inhaltbezo-gene Grammatik*. Первый из этих терминов целесообразно перевести как «описание языка, ориентированное на форму». Под этим понимаются концепции, ограниченные исчислением реальных и возможных форм конкретного языка, к числу которых относятся, например, традиционные грамматики, а также структурные и собственно таксономические теории, i Термин *inhaltbezogene Grammatik* традиционно переводится как «содержательно ориентированная грамматика». Однако эта интерпретация вводит в заблуждение, так как для современного читателя «содержательно ориентированная грамматика» ассоциируется скорее с семантической теорией, чем с тем, что имел в виду Вайсгербер. Во избежание ложных ассоциаций разумно в качестве перевода использовать словосочетание «грамматика смыслов». В основе грамматики смыслов лежит представление о существовании смыслов, конституирующих разные лексические и синтаксические поля.

По сравнению с описанием языка, ориентированным на форму, грамматика смыслов является, по Вайсгерберу, несомненным шагом вперед, поскольку это приближает к конечной цели лингвистического исследования — установлению когнитивных механизмов функционирования языка и мышления. Тем не менее и та и другая «грамматика» рассматривались им как донаучный этап развития лингвистической теории.

Дело в том, что описание языка, ориентированное на форму, исходит из примата языковой формы над содержанием и из предположения об обязательном существовании инвентаря форм, варьируемого от языка к языку. С другой стороны, грамматика смыслов опирается на универсальный инвентарь единиц содержания — *catalogue mundi* [Weisgerber 1961, S. 125]. Ни первое, ни второе не удовлетворяет Вайсгербера, и, построив грамматику смыслов, он подчеркивает, что языковые формы и языковые смыслы порождаются одновременно в процессе «духовного присвоения мира» по В. фон Гумбольдту¹²). Здесь в полной мере отражается восходящее к Гумбольдту представление о языке как об энергейе.

Научное языкознание начинается для Вайсгербера со следующей ступени исследования языка — *leistungbezogene Sprachbetrachtung* [Weisgerber 1962]. Здесь также возникает проблема адекватного перевода термина. Буквальный перевод — нечто вроде «функционального языкознания» или «изучения результатов функционирования языковой системы» совершенно неудовлетворителен, так как в первом случае термин обладает слишком широким спектром ассоциаций, а второй перевод нетерминологичен и маловразумителен. Внимательный анализ концепции Вайсгербера подсказывает совершенно другую интерпретацию — «функционально-концептообразующий подход к исследованию языковых явлений».

В отличие от грамматики смыслов, функционально-концептообразующий подход не разделяет форму и смысл: концептообразование по Вайсгерберу возможно только средствами родного языка и, с другой стороны, язык мыслится как инструмент концептообразования или «перевода сущего в собственность духа» (по В. фон Гумбольдту). В рамках функционально-концептообразующего подхода различия между языками видятся не столько в области формальных оболочек языковых знаков, сколько в стоящих за ними концептуальных структурах, по-разному онтологизирующих мир. В этом случае граница между значениями слов

¹²)Заметим попутно, что Выготский использует функционально близкий термин «инте-Риоризация», см. также работы Дюркгейма и его коллег («французская социологическая школа»).

и концептуальными структурами чисто условна и не обладает статусом онтологической реальности. Используемый Вайсгербером термин *Inhalt* — «содержание» — не оставляет места для собственно лингвистического значения.

Четвертая и конечная ступень в познании тайн языка — *wirkungs-bezogene Sprachbetrachtung*. Буквально это следовало бы перевести как «изучение воздействия языка». Однако такой перевод совершенно искажает мысль Вайсгербера, поскольку основная цель этого этапа в изучении языка как энергии заключается в выявлении языковых факторов формирования духовной культуры народа. Более правильно *wirkungsbezogene Sprachbetrachtung* перевести как «креативный подход к исследованию языка», так как создание духовного мира и мира национальной культуры невозможно без творческой деятельности языкового сообщества. Заметим кстати, что в концепции Вайсгербера языковому сообществу отводится центральная роль, поскольку именно оно реальный творец и хранитель языка и культуры. Другие компоненты постулируемой Вайсгербером тернарной оппозиции «Человечество—Языковое сообщество—Языковая личность» — *Menschheit—Sprachgemeinschaft—sprachliche Personlichkeit* — производны, так как «Язык вообще» — это лишь абстракция от конкретных национальных языков, а идиолект языковой личности допускает варьирование лишь в рамках соответствующего языка. Базовая оппозиция эргона и энергии прослеживается практически во всей терминологической системе Вайсгербера. Подобно тому, как ориентированная на описание языка как эргона грамматика смыслов противопоставляется функционально-концептообразующему подходу, ориентированному на описание языка как энергии, каждый «статический» концепт имеет свой «динамический» коррелят. Так, знаменитое «языковое мировосприятие» Гумбольдта (*sprachliche Weltansicht*) расщепляется на два концепта (*sprachliche*) *Zwischenwelt* — «промежуточный мир» и (*sprachliche*) *Welt-bild* — «картина мира (миросозерцание через родной язык)». Промежуточный мир представляет собой, по Вайсгерберу, статический продукт языковой деятельности, определяющий восприятие действительности человеком. «Промежуточным» он назван потому, что стоит между миром познающего субъекта и миром реальных образов. Напомним, что Вайсгербер принципиально не проводил различий между языковым значением и миром понятий. Из этого следует, что промежуточный мир, несмотря на то, что он, как правило, сопровождается атрибутом *sprachlich* («языковой»), имеет по сути дела концептуальную природу и определяет, с одной стороны, процессы мышления, а с другой — функционирование языка.

С динамической точки зрения в процессе функционирования языка промежуточный мир воссоздается в каждом речевом акте, в каждом акте номинации. Процесс создания промежуточного мира средствами родного языка формирует изменчивую и подвижную картину мира. Употребляя популярный термин *языковая картина мира*, следует иметь в виду, что это чисто динамическая сущность, отражающая «языковое вмешательство» в действительность. Языковое вмешательство — *sprachlicher Zugriff* — это языковой креативный акт, ведущий к созданию понятия — *духовного объекта* (*geistiger Gegenstand*). Несколько огрубляя действительное положение вещей, можно сказать, что совокупность духовных объектов и образует промежуточный мир, а картина мира строится как сумма языковых вмешательств. Эти два понятия — духовный объект и языковое вмешательство — составляют еще одну концептуальную пару в рамках оппозиции «эргон—энергия».

Тот факт, что вместо общепринятого термина *Begriff* «понятие» Вайсгербер использует два противопоставленных термина, не случаен, поскольку в этом отражается двойственная природа языка. Статический аналог термина *Begriff* — «духовный объект» — рассматривается Вайсгербером именно как объект мыслительных операций, что сближает *geistiger Gegenstand* с когнитивной категорией знаний, так как в современной когнитивной науке и искусственном интеллекте процесс мышления предстает именно как операции над знаниями — процесс переработки, изменения и дополнения знаний (см. подробнее ниже §2 главы 6).

Выбирая термин для динамического понятия *Begriff*, Вайсгербер, возможно, сознательно обыгрывает форму соответствующего немецкого слова (ср. «*der Begriff der sprachlichen Zugriffe*» [Weisgerber 1962, S. 33]), напоминая читателю о различии между *begreifen* «понимать», а также «ощупывать, охватывать» и *zugreifen* «хватать, брать, вмешиваться». В этом противопоставлении заложен глубокий смысл, так как при этом обращается внимание на то, что каждому акту понимания предшествует акт «вмешательства», то есть духовного освоения фрагмента мира. Вводя термин *Zugriff*, Вайсгербер попутно решает и еще одну важную задачу: он показывает, что характер концептуализации, то есть образования новых понятий, во многом зависит от способов лексической кодировки в данном языке. Каждый конкретный язык предопределяет способ мышления и принципы своего собственного описания.

Эти терминологические противопоставления, разумеется, образуют лишь небольшой фрагмент концептуальной системы Вайсгербера. Однако проведенный анализ показывает, что адекватный перевод терминологии оригинальных авторских теоретических концепций предполагает изучение авторской терминосистемы в семиозисе и учете важнейших парадигматических связей каждого слова.

* * *

В науке о переводе обсуждается также ряд других проблем. Например, постулат о примате макростратегий перевода, то есть ориентация на заложенную в тексте информацию как на целое, а не на отдельные составляющие текста [Бархударов 1975, с. 17; Honig 1995, р. 59-60]. В этом же ряду упоминается необходимость учета запросов и интересов пользователя, его знаний о мире, привлечение культурно-

исторических факторов и т. п. Эти вопросы не обсуждаются здесь как в силу того, что они зачастую выходят за рамки собственно лингвистики, так и потому, что наша цель — обрисовать теорию перевода как область приложения лингвистических знаний, а не как специфическую профессиональную деятельность и часть культурной традиции общества.

1.4. Машинный перевод

1.4.1. Машинный перевод: элементы хронологии. Начало работ по машинному переводу (МП) или автоматическому переводу (АП) относят к 50-м гг. XX в. Идея машинного перевода обязана своим происхождением чисто практическим нуждам. В начале 50-х гг. происходит информационный взрыв — существенно возрастают объемы научно-технической информации. Перевод всей научной и технологической периодики оказывается невозможным. Дополнительный импульс исследованиям в области МП дала «холодная война»: противостоящие общественно-политические системы внимательно следили за развитием научно-технического потенциала друг друга. Именно по этой причине многие первые зарубежные системы МП работают с русским языком (см. ниже).

Формальная дата начала эры машинного перевода — 1949 г. В этом году известный американский специалист по дешифровке Уоррен Уивер составил меморандум, в котором теоретически обосновал принципиальную возможность создания систем МП. Он исходил из того, что структурное сходство между языками может быть формально описано, а это является необходимым условием разработки алгоритмов для ЭВМ. Меморандум был разослан двумстам специалистам в области лингвистики, дешифровки и теории программирования. С этого времени в США появляются коллективы разработчиков МП (в Массачусетском технологическом институте — МТИ, в Калифорнийском университете, в Национальном бюро стандартов в Лос-Анджелесе, в Техасском университете). Первая международная конференция по МП организуется в 1952 г. в МТИ. Наконец, в 1954 г. проводится известный Джорджтаунский эксперимент, в процессе которого осуществляется перевод с русского языка на английский. Хотя программа работала со словарем всего лишь в 250 слов, успех этого эксперимента стимулировал дальнейшие исследования в области МП.

В СССР первый эксперимент по МП прошел в 1955 г.: был осуществлен перевод на русский язык текстов по прикладной математике. К этому времени относится начало работ по МП в Институте прикладной математики АН СССР под руководством О. С. Кулагиной и И. А. Мельчука. Коллектив разработчиков создал три экспериментальные системы МП — с французского языка на русский (ФР-1), с английского на русский и с французского на русский (в новом варианте) [Кулагина 1979]. В 1959 г. открывается Лаборатория машинного перевода в МГПИИ-ИЯ им. М. Тореца (ныне Московский государственный лингвистический университет), в которой возникли идеи, во многом предвосхитившие дальнейшее развитие теории МП и в какой-то степени систем искусственного интеллекта — концепция языка-посредника, понятие модели управления слова, роль словаря в МП и т. д. Серия публикаций этой лаборатории под общим названием «МП и ПЛ» (Машинный перевод и прикладная лингвистика), оказала существенное влияние не только на прикладную, но и на теоретическую лингвистику. Многие из этих идей нашли отражение в проекте системы англо-русского автоматического перевода (АРАП), которая, однако, не была завершена.

Изначально предполагалось, что системы МП не должны быть ограничены проблемной сферой. Иными словами, машинный перевод должен осуществляться на текстах любых типов — от научно-технических до художественных. Однако довольно быстро обнаружилось, что это невозможно. Выявились две группы причин — лингвистические и экстралингвистические. Лингвистические — сводились к тому, что для разработки систем МП недостаточно имеющихся знаний о функционировании языковой системы. Нужны фундаментальные теоретические разработки в области изучения языка, поскольку традиционной лингвистике (за очень небольшими исключениями) была чужда сама постановка задачи машинного перевода, предполагавшая создание компьютерных моделей анализа и синтеза высказываний. Кроме того, многообразие функций языка, преимущественно имплицитный характер языковой способности человека существенно затрудняли формализацию знаний о языковой системе. К экстралингвистическим причинам можно отнести осознание того факта, что процесс понимания — важнейшая составляющая естественного перевода — далеко не обеспечивается чисто лингвистическим анализом речевого сообщения. Понимание основывается на знаниях адресата, его способности делать выводы и умозаключения, кроме того оно связано с коммуникативной установкой адресата в данной ситуации общения и т. д.

Возникшее разочарование было даже формально зафиксировано в 1966 г. в докладе консультативного комитета по автоматической обработке естественных языков (ALPAC) при Национальной академии наук США. Основной упор в докладе делался на том, что ни одна из систем МП не оправдала возлагавшихся на нее надежд ни в аспекте качества перевода, ни в аспекте экономичности. По приводившимся там данным, «естественный» перевод оказывался существенно дешевле машинного. Доклад привел к свертыванию государственного финансирования проектов создания систем МП в США, что прямо повлияло на позицию государственных структур по отношению к поддержке разработок в области машинного перевода во все мире. Однако несмотря на скепсис относительно перспектив МП, многие из первых систем МП, созданных в 60-е гг., продолжали эксплуатироваться заказчиками. Большинство конечных пользователей мало

интересовало качество перевода (низкое качество — один из важнейших пунктов обвинения в докладе комитета ALPAC). Для потребителей было важнее быстро в общих чертах оценить информационный поток в научной и технической периодике, а затем материал, который вызвал интерес, переводился обычным способом — с участием переводчика. Кроме того, не прекратилось финансирование исследований в сфере МП частными компаниями, заинтересованными не только в отслеживании мировых тенденций научно-технического прогресса, но и в переводе огромных объемов технической документации, требующемся при экспорте и импорте различной продукции, в том числе и высокотехнологичной.

С середины семидесятых годов во всем мире наблюдается устойчивое возрастание интереса к МП. В Москве в 1974 г. в институте ИНФОРМ-ЭЛЕКТРО начались работы по созданию системы франко-русского перевода (ЭТАП-1) и системы англо-русского перевода (ЭТАП-2). В этом же году создается Всесоюзный центр переводов (ВЦП), в котором ряд научных коллективов работает над системами машинного перевода — АМПАР (англо-русский перевод), НЕРПА (немецко-русский перевод) и ФРАП (французско-русский перевод). С этого времени промышленные системы машинного перевода разрабатываются и широко используются в США, Европе и Японии.

1.4.2. Машинный перевод: элементы периодизации стратегий.

Первые системы МП характеризуются стратегией «прямого перевода». Сущность этого подхода к построению МП заключается в том, что исходный текст на языке L_1 (= «входной язык») постепенно через ряд этапов преобразуется в текст языка L_2 (= «выходной язык»). Преобразования сводятся к тому, что слово (словосочетание) на входном языке заменяется на его словарный эквивалент на выходном языке. Понятно, что в системах первого поколения, использующих стратегию прямого перевода, нет необходимости моделировать функционирование языковой системы в целом. Для работы таких систем оказывается вполне достаточно правил словарных соответствий. В редких случаях проводится анализ контекста для перевода неоднословных выражений, опять-таки представленных в словаре системы. Важно иметь в виду, что стратегия прямого перевода не делает различий между пониманием (анализом) и синтезом (порождением), поскольку они фактически исключены из преобразований по правилам словарных соответствий. Прямой перевод всегда привязан к конкретной паре языков. Например, неоднозначность выражений входного языка разрешается только в той степени, в которой это оказывается необходимым для выходного языка. Стратегия прямого перевода в принципе неприменима для проектирования систем МП на более, чем один язык. По временным рамкам системы первого поколения в основном создавались в период с конца 40-х до середины 60-х гг. Один из типичных примеров системы такого типа — разбираемая ниже программа GAT.

Существенная модификация стратегии «прямого перевода» обнаруживается в системах с «трансфером» — этапом межъязыковых операций, не сводимых только к замене лексем входного языка на словарные соответствия выходного языка. Наличие этапа трансфера предполагает построение «промежуточного» или «внутреннего» представления, которое далее «приспосабливается» к структуре предложения выходного языка. В отличие от первой стратегии, в архитектуре систем МП с трансфером анализ (понимание) и синтез существуют как особые процедуры и обслуживаются различными алгоритмами. В некотором смысле системы с трансфером оказываются промежуточным звеном между стратегией прямого перевода и последующей стратегией языка-посредника (см. ниже систему TAUM).

Критика стратегии прямого перевода привела к созданию «стратегии перевода через язык-посредник» или «стратегии языка-посредника». Главная особенность этой стратегии заключается в том, что между структурами входного языка и структурами выходного языка находится один или несколько промежуточных языков, на которые по соответствующим правилам последовательно «переписываются» выражения языка L_1 ¹³⁾. Анализ и синтез при использовании языка-посредника принципиально разделяются. Анализ ведется в категориях входного языка, а синтез — в категориях выходного. В качестве языка (языков)-посредников могут выступать языки представления синтаксической и семантико-синтаксической структуры, чисто семантические языки, языки глубинной семантики, приближающиеся к концептуальному представлению в категориях теории знаний (фреймов, сценариев, планов). Системы машинного перевода, основанные на знаниях (knowledge-based systems), возникшие в 80-х гг., рассматриваются как часть систем искусственного интеллекта. Достаточно условно эта стратегия соответствует второму поколению систем МП с тем уточнением, что системы второго поколения используют почти исключительно синтаксические и семантико-синтаксические языки-посредники (см. ниже систему СЕТА).

Последовательное проведение идеи языка-посредника привело к возникновению стратегии «универсального семантического языка», независимого от конкретного входного и выходного языка. Преимущества такой стратегии очевидны. Однако современное состояние семантической теории не оставляет надежд на успешную реализацию этой стратегии в ближайшем будущем. Таким образом, системы МП третьего поколения остаются в настоящее время весьма отдаленной перспективой.

Как компенсация проблем, возникших со стратегией универсального семантического языка, развивается несколько промежуточных стратегий, позволяющих существенно улучшить параметры промышленных систем МП. Стратегия «сужения проблемной области» предлагает разработчикам МП ориентироваться на узкие тематические сферы текстов. Это позволяет существенно облегчить словарь системы МП и ограничиться только теми особенностями устройства языковой системы, которые реально представлены в данном подязыке. Эта стратегия универсальна

¹³⁾ Уместно вспомнить известный тезис Романа Якобсона о том, что «Наука о языке не может интерпретировать ни одного

лингвистического явления без перевода его знаков в другие знаки той же системы или в знаки другой системы» [Якобсон 1985 в, с. 363].

для многих сфер прикладной лингвистики — от лексикографии до лингвистического обеспечения информационно-поисковых систем и систем искусственного интеллекта. Стратегия «ограниченного машинного перевода» позволяет включать в технологическую цепочку автоматического перевода человека — на этапе предредактирования, постредактирования или в режиме обработки текста (например, для разрешения синонимии и омонимии).

1.4.3. Машинный перевод: элементы типологии систем.

Компьютерные средства перевода обычно разделяют на три больших группы: системы машинного перевода, системы человеко-машинного перевода (ЧМП) и терминологические базы/банки данных (ТБД). **Системы собственно машинного перевода** не исключают (даже, как правило, предполагают) участие человека на этапе предредактирования и постредактирования. В данном случае существенно, что после ввода текста в систему перевод осуществляется без вмешательства человека. Используются только алгоритмы и словари, введенные в ЭВМ.

Системы человеко-машинного перевода, в свою очередь, разделяются на две подгруппы: системы машинного перевода с участием человека и системы человеческого перевода с участием машины. В первом случае компьютерная программа сама осуществляет перевод, однако на определенных этапах она может обратиться к человеку, предложив ему, например, выбрать наиболее подходящее слово для перевода, дать синоним для неизвестного выражения или определить структуру сложной синтаксической конструкции. Наконец, человеческий перевод с участием машины всегда осуществляется в режиме реального времени, причем основную часть работы по переводу берет на себя человек. Переводчик обращается к компьютеру для автоматической обработки отдельных фрагментов текста, для вызова информации из терминологических банков данных (часто удаленных), для автоматического форматирования результирующего текста, проверки орфографии и пунктуации и т. д. Компьютерные системы такого рода иногда называют **автоматизированным рабочим местом переводчика**.

Терминологические банки данных удобны тем, что они легко модифицируются и позволяют фиксировать самую последнюю словарную информацию по выбранной проблемной области. Часто они используются для создания обычных двуязычных и многоязычных словарей, а также для разработки автоматизированных словарей систем МП. ТБД составляют важную часть рабочего места переводчика.

1.4.4. Основные области использования машинного перевода.

Первоначальные иллюзии об универсальности применения МП быстро рассеялись. Собственно, и спрос на машинный перевод художественных текстов практически отсутствовал. Между тем область текстов научно-технической информации настолько велика, что человеческий перевод просто не в состоянии ее охватить. В службах научно-технической информации различных ведомств и организаций использование систем МП показало высокую эффективность. Требования к качеству перевода оказались довольно низкими, что позволило использовать в этой сфере системы МП первого поколения. Вторая сфера применения МП — крупные международные организации, использующие документы на многих языках. К числу таких организаций относится, например, ООН и официальные структуры Европейского Союза, в которых документы должны появляться практически одновременно на всех языках членов ЕС. Однако требования к качеству перевода здесь довольно высоки и этап постредактирования необходим даже для систем МП с хорошими характеристиками.

Третья большая область использования МП — техническая документация. Экспорт продукции — особенно высокотехнологичной — требует перевода больших массивов технических описаний и инструкций. Так, эксплуатационная документация к самолетам достигает 100 и более тыс. страниц. Компании, связанные с экспортом, готовы даже нормировать внутренний язык, используемый для технической документации, чтобы облегчить автоматический перевод этих документов на выходной язык. Например, в Европейской ассоциации авиапроизводителей (European Association of Aerospace Manufacturers) под руководством Ван Дейка был разработан специальный стандарт АЕСМА «упрощенного английского языка», налагающий серьезные ограничения на используемую в документации лексику и синтаксические конструкции. Этот стандарт используется, в частности, в корпорации «Боинг» (см. по этому поводу [Wojcik 1997]).

В целом можно сделать вывод, что в настоящее время системы МП успешно функционируют в тех областях, где либо не требуется абсолютная точность перевода, либо существуют существенные ограничения на использование структур естественного языка, где входной язык нормирован и упрощен. К числу проблемных областей последнего типа относится, например, подязык метеосводок. В Канаде с 1975 г. в промышленном режиме функционирует система МП ТАУМ-МЕТЕО, переводящая тексты метеосводок с английского языка на французский.

1.4.5. Некоторые известные системы машинного перевода.

Количество реально работающих и проектируемых систем МП к настоящему времени перевалило за сотню; в некоторых обзорах содержатся описания более, чем семидесяти систем МП [Леонтьева, Шаляпина 1990]. Остановимся на тех программах перевода, которые интересны с точки зрения введенных противопоставлений, характеризующих стратегии МП и типы систем МП.

Система GAT¹⁴⁾. Одна из первых систем МП, разрабатывавшаяся с 1952 г. в Джорджтаунском университете США. Проблемная область — перевод русскоязычных текстов по физике на английский язык. Стратегия создания — прямой перевод, сопровождавшийся некоторыми синтаксическими перестановками, приближавшими русский порядок слов

14)Сокращение от Georgetown Automatic Translation.

к порядку слов английской фразы. В процессе разработки система последовательно настраивалась на определенный текст, затем на следующий текст и т. д. В результате получилась структурно непрозрачная программа, которая практически не поддавалась модификации. Работы над системой были закончены в 1964 г., после чего она была передана для эксплуатации в Комиссию по атомной энергии и в Евроатом. При том, что программа не имела под собой никакой серьезной лингвистической базы, она эксплуатировалась в Евроатоме до 1976 г.

Системы CETA¹⁵⁾ и GETA¹⁶⁾. Система русско-французского машинного перевода, разрабатывавшаяся во Франции в Гренобльском университете с 1961 по 1971 гг. Стратегия построения — использование языка-посредника, независимого от структуры входного и выходного языков. Опыт разработки оказался не вполне удачным, поскольку сконструированный язык-посредник приводил к потере релевантной информации. Тем не менее с помощью СМП CETA были переведены русские тексты по математике и физике общим объемом 400 тыс. слов. В дальнейшем проект трансформировался в новый проект разработки СМП GETA, в которой реализовывалась стратегия построения СМП с трансфером. Грамматический модуль системы GETA состоит из трех типов программ: преобразование линейных цепочек в деревья (например, при морфологическом анализе); преобразование одних деревьев в другие (например, при синтаксическом анализе и в ходе межъязыковых операций); преобразование деревьев в линейные цепочки (например, при морфологическом синтезе). Системы CETA и GETA являются научно-экспериментальными, хотя в настоящее время предпринимаются усилия по разработке промышленной версии СМП GETA.

Система TAUM¹⁷⁾. Система TAUM, предназначенная для перевода английских текстов на французский язык, разрабатывалась в Монреальском университете с 1965 г. СМП TAUM строилась как система с трансфером. Изначально проект не имел направленности на конкретную проблемную область. Позднее система была переориентирована на перевод прогнозов погоды — TAUM—METEO — и на перевод текстов руководств и инструкций по эксплуатации авиационной техники — TAUM—AVLATION. Второе направление развития системы оказалось не вполне удачным из-за неэкономичности разработанного прототипа. Между тем СМП TAUM—METEO к настоящему времени является единственной в мире полностью автоматической системой машинного перевода. Успешность работы этой системы связана в значительной степени с жесткой структурой входного языка. В подязыке метеосводок используется сильно редуцированный английский язык. Кроме того, имеются и значительные ограничения на макроструктуру текста.

¹⁵⁾ Centre d'études pour la Traduction Automatique.

¹⁶⁾ Groupe d'études pour la Traduction Automatique.

¹⁷⁾ Traduction Automatique de l'Université de Montreal.

Системы семейства ЭТАП¹⁸⁾. Работа над системами началась в 1974 г. в ИНФОРМЭЛЕКТРО и была продолжена в Институте проблем передачи информации РАН; в 1980 г. была сдана первая очередь ЭТАП-1 (французско-русский перевод), а в 1985 — ЭТАП-2 (англо-русский перевод). СМП ЭТАП-2 предназначена для перевода связных текстов и заголовков патентов. Система ЭТАП-2 работала в режиме качественного перевода на основе полного синтаксического анализа и в режиме пословного перевода, в процессе которого привлекался только морфологический анализ. Второй вариант перевода использовался в тех случаях, когда возникали проблемы с синтаксическим анализом фразы¹⁹⁾. По архитектуре системы семейства ЭТАП относятся к системам МП с трансфером: анализ — преобразование (трансфер) — синтез. Однако в идеологии их построения имеются важные концептуальные особенности: в качестве теоретической основы положены постулаты модели «СМЫСЛ—ТЕКСТ», предполагающей независимое лингвистическое описание входного и выходного языков, интегральный язык представления морфологии, синтаксиса и словаря, независимость лингвистического описания от алгоритмов программы, отказ от привязки синтаксиса и морфологии к конкретной проблемной сфере (разумеется, словаря это касается в меньшей степени). В СМП ЭТАП-1 перевод происходит через поверхностно-синтаксическую структуру, а в СМП ЭТАП-2 перевод осуществляется на уровне нормализованных синтаксических структур, которые занимают промежуточное положение между поверхностно-синтаксической и глубинно-синтаксическими структурами.

Система ФРАП. Начало работ над системой ФРАП — французско-русский автоматический перевод — относится к 1975 г. В этом году во Всесоюзном центре переводов начала работать группа исследователей под руководством Н. Н. Леонтьевой. В техническом задании к системе указывалось, что СМП должна обеспечивать перевод небольшого количества документов, не имеющих жестких тематических ограничений. Такая постановка задачи существенно осложнила разработку системы, поскольку большинство имеющихся реально работающих СМП привязаны к конкретной проблемной области. Было реализовано две экспериментальные версии системы (первая версия — в 1980 г., вторая — в 1985 г.). Архитектура СМП ФРАП основывалась на стратегии перевода через язык-посредник семантического типа. Синтаксический анализ в системе не обязательно должен всегда давать правильные синтаксические структуры, однако на этапе работы семантического блока даже неправильные и неполные синтаксические структуры получают семантическую интерпретацию, которая далее преобразуется в текст на выходном

языке. Иными словами, выбранная стратегия оказывается «помехоустойчивой». Синтаксический компонент системы не зависит от конкретной

¹⁸⁾ Электротехнический Автоматический Перевод.

¹⁹⁾ Полное описание системы ЭТАП-2 см. в [Апресян 1988].

проблемной области; роль связующего мостика между разными тематическими областями выполняет семантический компонент. В существующем варианте системы реализована лишь часть модели, выполняющая следующие функции: построение подстрочника, грамматический режим, неполный семантический режим.

Теоретическая особенность СМП ФРАП заключается в том, что в процессе работы системы текст входного языка интерпретируется не только на семантическом, но и на информационном уровне — в терминах категорий тезауруса той проблемной области, которая в данный момент обслуживается системой. Информационный уровень представления должен обеспечивать в перспективе и построение реферата по тексту перевода.

Переводческий комплекс АНРАП. Структурно комплекс состоит из двух больших систем — АМПАР (англо-русский перевод) и НЕРПА (немецко-русский перевод), разрабатывавшихся с конца 50-х гг. разными научными коллективами. Объединение этих систем связано с общим программным обеспечением, общим русским словарем и общим блоком русского морфологического синтеза. Переводческий комплекс предназначен для использования в крупных информационных службах и переводческих организациях для перевода текстов различных тематических областей. Для обеспечения тематической привязки предусматривается возможность подключения дополнительных терминологических словарей, описывающих конкретные тематические сферы. Система АМПАР занимает центральное положение в комплексе АНРАП. Теоретические основания СМП АМПАР были заложены в исследованиях И. К. Вельской. Руководили проектной группой АМПАРа сначала Ю. А. Моторин и позже Ю. Н. Марчук²⁰⁾. В промышленную эксплуатацию система принята в 1981 г. На 1987 г. система была установлена в ВЦП и пяти отраслевых организациях. СМП НЕРПА сдана в промышленную эксплуатацию в 1985 г. Технологически в системах АМПАР и НЕРПА реализована прямая стратегия перевода, опирающаяся на значительные по объему словари. В СМП АМПАР программа взаимодействует с шестью различными словарями: 1) английский морфологический словарь; 2) словарь фразеологических выражений; 3) переводной словарь однозначных слов; 4) переводной словарь многозначных слов, представленных в виде процедурных правил выбора значения; 5) словарь перевода многозначных слов по умолчанию; 6) словарь русских слов с морфологической, словообразовательной и синтаксической информацией. Обращение к каждому словарю образует отдельный цикл. Скорость перевода довольно высока (3-5 авторских листов в час), что является необходимым условием функционирования промышленных систем МП, однако качество перевода невысоко. Постредактирование переводов оказывается необходимым.

²⁰⁾Подробнее описание системы АМПАР см. в [Марчук 1983].

Система CULT²¹⁾. Программа CULT представляет собой типичный пример системы человеко-машинного перевода. Разработка системы, предназначенной для перевода китайских математических и физических текстов на английский язык, началась в Китайском университете Гонконга в 1968 г. Работа программы CULP требует активного участия человека не только на этапе предредактирования, но и в процессе самого перевода. Так, пользователь в ряде случаев должен выявить границы составляющих, определить, в каком значении используется то или иное слово. Проблема ввода в ЭВМ китайской графики (иероглифов) была решена с помощью кодирования. По имеющимся данным можно судить, что активное участие человека в процессе работы программы практически исключает этап постредактирования, что может служить показателем весьма успешной работы системы человеко-машинного перевода.

Системы семейства ALPS. Программы, разрабатываемые фирмой ALPS, можно рассматривать как типичный пример компьютерного инструментария, образующего рабочее место переводчика. Анализ работы переводчика показывает, что до семидесяти процентов времени, затрачиваемого на перевод, тратится на поиск слова в словаре, выбор и подстановку нужного значения в переводимый текст, а также на форматирование результирующего текста. Системы фирмы ALPS позволяют проводить экранное редактирование текста в многооконном текстовом редакторе, осуществлять оперативный поиск слова в словарных базах данных, переносить информацию из баз данных в текстовый файл, а также делать пословный перевод текста, опирающийся на введенные в систему словарные источники. Предусмотрена возможность пофразового перевода, которая, впрочем, пока не реализована в полном объеме. В настоящее время системы поддержки перевода, распространяемые на рынке фирмой ALPS, обеспечивают перевод на английский, немецкий, французский, португальский и испанский языки.

1.4.6. Перспективы развития систем машинного перевода.

С конца 70-х гг. наблюдается устойчивый рост интереса к системам МП. Именно в это время на рынке не как экзотика, а как технологическая реальность появляются промышленные системы МП. При всех их недостатках они заполнили вполне определенную функциональную нишу в сфере перевода, которую покинули обычные переводчики. Подавляющее большинство промышленных систем МП идейно устарели: они основываются на теоретических представлениях 50—60-х гг. Это с одной стороны. С другой стороны, потенциал вспомогательного компьютерного инструментария для облегчения переводческой деятельности — автоматические словари, специальные редакторы и т. п. — не реализован в полной мере. В этих двух

направлениях должно пойти развитие систем МП. Следует ожидать создания систем МП на основе интеллектуальных технологий (СМП

²¹⁾Chinese University Language Translator

как часть или вид системы ИИ). Кроме того, широкое распространение должны получить программы, формирующие компьютерное рабочее место переводчика.

Основная литература

1. *Апресян Ю.Д. и др.* Лингвистическое обеспечение системы ЭТАП-2. М., 1988. *Бакулов А. Д., Леонтьева Н. Н.* Теоретические аспекты машинного перевода // Искусственный интеллект. Справочник. Кн.1. Системы общения и экспертные системы. М., 1990. С. 201-215.
2. *Бакулов А. Д., Леонтьева Н. Н., Шалапина З. М.* Отечественные системы машинного перевода//Искусственный интеллект. Справочник. Кн. 1. Системы общения и экспертные системы. М., 1990. С. 248-260. *Бархударов Л. С.* Язык и перевод. М., 1975.
3. *Беляева Л. Н., Откупщикова М. И.* Автоматический (машинный) перевод // Прикладное языкознание. СПб., 1996. С. 360-388.
4. *Комиссаров В. Н.* Теоретические основы методики обучения переводу. М., 1997.
5. *Леонтьева Н. Н., Шалапина З. М.* Современное состояние машинного перевода // Искусственный интеллект. Справочник. Кн. 1. Системы общения и экспертные системы. М., 1990. С. 216-261.
6. *Слокум Дж.* Обзор разработок по машинному переводу: история вопроса, современное состояние и перспективы развития // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIV. Компьютерная лингвистика. М., 1989. С. 357-408. *Щерба Л. В.* Опыты лингвистического толкования стихотворений. II. «Сосна» Лермонтова в сравнении с ее немецким прототипом // *Щерба Л. В.* Избранные труды по русскому языку. М., 1957. С. 97-109. *Эткинд Е. Г.* Поэзия и перевод. М.—Л., 1963.
7. *Якобсон Р.* О лингвистических аспектах перевода // *Якобсон Р.* Избранные работы. М., 1985. С. 361-368.

Дополнительная литература

1. *Виноградов В. С.* Лексические вопросы перевода художественной прозы. М., 1978.
2. *Влахос С, Флорин С.* Непереводимое в переводе. М, 1980. *Дорошевский В.* О задачах и проблемах перевода // Исследование по славянской филологии. М., 1974. С. 25-28. *Комиссаров В. Н.* Слово о переводе. М., 1973.
3. *Миньяр-Белоручев Р. К.* Общая теория перевода и устный перевод. М., 1980. *Найда Ю.А.* К науке переводить. М., 1978.
4. *Райхштейн А. Д.* Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М., 1980.
5. *Ревзин И. И., Розенцвейг В. Ю.* Основы общего и машинного перевода. М., 1964.
6. *Реформатский А. А.* Перевод или транскрипция? // Восточно-славянская ономастика. М., 1972. С. 311-333.
7. *Рецкер Я. И.* Теория перевода. М., 1974.
8. *Федоров А. В.* Введение в теорию перевода. М., 1958.
9. *Федоров А. В.* Основы общей теории перевода. М., 1968.
10. *Швейцер А. Д.* Перевод и лингвистика. М., 1973.
11. *Albrecht J.* Linguistik und Übersetzung. Tübingen, 1973.
12. *Catford J.* A Linguistic theory of translation: an essay in applied linguistics. Oxford, 1965.
13. *Chesterman A.* Memes of translation: the spread of ideas in translation theory. Amsterdam etc., 1997.
14. Conference interpreting: current trends in research / Ed. by Y. Gambier, D. Gile and Ch. Taylor. Amsterdam etc., 1997.
15. *Diller H.-J., Komelius J.* Linguistische Probleme der Übersetzung. Tübingen, 1978.
16. *Fillmore Ch. J.* Lexicography and ethnographic semantics // EURALEX'94. Plenary lecture. Amsterdam, 1994. P. 27-48.
17. *Koller W.* Einführung in die Übersetzungswissenschaft. 4. Aufl. Heidelberg-Wiesbaden, 1992.
18. *Latyschew L. K.* Übersetzungstheorie in Wort und Beispiel. М., 1981.
19. *Ljudskanow A.* Mensch und Maschine als Übersetzer. München, 1972.
20. *Neubert A.* Elemente der allgemeinen Theorie der Translation. Bucurest, 1970.
21. *Königs F.* Übersetzung in Theorie und Praxis: Ansatzpunkte für die Konzeption einer Didaktik der Übersetzung. Bochum, 1979.
22. *Pontiero G.* The translator's dialogue / Ed. by P. Orero and J. C. Sager. Amsterdam etc., 1997.
23. *Ruička R.* Schwer- und Unübersetzbares: Bemerkungen zur tschechischen und russischen Übersetzung von Th. Manns «Dr. Faustus» // FS für Erwin Wedel München, 1991. S. 355-361.
24. Routledge encyclopedia of translation studies / Ed. by M. Baker. London, 1998.
25. *Schleiermacher F.* Methoden des Übersetzens. Darmstadt, 1973.

26. Text typology and translation / Ed. by A. Trosborg. Amsterdam etc., 1997.
27. Toury G. In search of a theory of translation. Tel Aviv, 1980.
28. Übersetzungswissenschaft. Eine Neuorientierung: zur Integrierung von Theorie und Praxis / Hrsg. von M. Snell-Hornby. Tübingen, 1986.

Источники

- Сорокин В. В. Сборник рассказов. М., 1992.
- Ortega y Gasset J. Miseria y Esplendor de la Traducción — Elend und Glanz der Übersetzung. Deutsch von G. Kilpper. Stuttgart, 1956.
- Ortega y Gasset J. Miseria y Esplendor de la Traducción — Elend und Glanz der Übersetzung. Deutsch von K. ReiB. München, 1977.
- Webster J. Daddy-Long-Legs. London, 1967.
- Webster J. Daddy-Long-Legs. Deutsch von Margret Boveri. Frankfurt am Main, 1979.
- Webster J. Judy Abbot. (= Daddy-Long-Legs). Deutsch von Margrit Boesch-Frutiger 1970.

§ 2. Теория и методика преподавания языка*

Одним из важнейших прикладных аспектов лингвистики является методика преподавания иностранных языков, ставшая сегодня полигоном для теоретических исследований и практических приложений. Если проследить историю методики преподавания иностранных языков за последнее столетие, то становится очевидно, что это далеко не застывшая система. На один и тот же вопрос — как Вы изучали иностранные языки? — представители разных поколений ответят по-разному. Более того, из их ответов можно будет вывести закономерности процесса смены одного доминирующего метода преподавания на другую методическую парадигму. Как и почему это происходит?

Необходимо подчеркнуть, что подобный переход от одного метода к другому не осуществляется ни директивно «сверху», ни стихийно. Один метод развивается, как правило, в недрах предшествующего и имеет два возможных пути развития: либо он противопоставляет себя предшествующему методу, являясь его полной противоположностью, отвергая его недостатки, предлагая радикально новые пути развития «от противного», либо новый метод идет путем творческого логического развития старого, совершенствуя его сильные стороны, корректируя ошибочные или однобокие подходы. Иллюстрацией первого случая может служить полемика между представителями грамматико-переводного метода и сторонниками «прямого» подхода к преподаванию иностранного языка. Ярким примером второго пути развития является многолетняя практика усовершенствования коммуникативно-ориентированного подхода.

Факторов, определяющих динамику развития доминирующих методов преподавания иностранных языков, немало. Их можно сгруппировать по параметру объективность vs. субъективность. **К объективным факторам** относятся политические, научные, культурные, социальные и т. п. Так, например, новая политическая ситуация в России повлекла за собой перемены в школьной практике преподавания иностранных языков — от пересмотра сетки часов вплоть до создания новых программ обучения и современных учебных пособий. Мощным **субъективным фактором** можно назвать симпатию со стороны как обучаемых, так и обучающихся к практике преподавания, к соответствующему методу, отражением которого неизбежно является любимый или «никуда не годный» учебник иностранного языка.

Уровень развития идей смежных наук — педагогики, психологии и, особенно, лингвистики — имеет решающее влияние на разработку методических концепций. Данные исследования становятся «подкладкой», методологической основой любого метода обучения. Более того, развитие методической мысли за последнее столетие дает возможность проследить,

*Данный параграф написан Н.Любимовой.

как смена лингвистической парадигмы определяла необходимость перехода к новому методу. Рассмотрим это утверждение на конкретных примерах.

2.1. Грамматико-переводной метод в обучении иностранным языкам

Еще в конце XIX века гимназическое образование считалось элитарным. Его целью было гармоническое развитие обучаемых, воспитание в них не только чувства прекрасного, но и умения логически мыслить, в том числе и через преподавание иностранных языков. Образцом стройности, системности, логики служили обязательные для гимназии классические языки — латынь и древнегреческий. Лингвистическое понимание языка как системы имело методические последствия: если рассматривать язык как систему, то овладеть системой можно досконально изучив и поняв ее. Самым систематизированным уровнем языка является его грамматика. Следовательно, изучение грамматической системы не только играет важнейшую роль в изучении иностранного языка, но и практически приравнивается к нему. Единицей изучения грамматики является правило, которое необходимо знать, то есть выучить наизусть и понять, уметь находить примеры его применения в текстах, уметь применять его на практике — формулировать примеры его употребления на уровне предложения и простого текста, например, ответа на вопрос или сочинения, уметь находить в родном языке эквивалент перевода определенных грамматических

конструкций. К знанию правила относится и знание всех исключений из него. Следовательно, помимо правила, приходится заучивать наизусть и все исключения. Для снятия дополнительных трудностей и недоразумений в понимании все грамматические правила, а также задания к упражнениям формулируются на родном языке, который в системе грамматико-переводного метода играет центральную роль. Главной целью обучения было чтение текстов и их перевод на родной язык, что достигалось через знание грамматики. В этом и состоит суть грамматико-переводного метода. Вот его краткая характеристика:

- когнитивность (осознанность): цель обучения — это знание системы, а не развитие умений и навыков;
- принципиальное двуязычие как учебника, так и самого процесса обучения; родной язык служит основой для сравнения и посредником в приобретении знаний;
- перенос подходов преподавания латинского и древнегреческого языков на живые языки, использование строго латинской терминологии для формулировки правил и заданий к упражнениям;
- дедуктивная логика предъявления и усвоения грамматического материала — строго от правила к примерам, а не наоборот;
- системное отношение к грамматическому материалу: изучение грамматики происходит «по частям речи», безотносительно важности того

или иного грамматического явления в практическом использовании носителями конкретного языка (в этом также заключается влияние традиций преподавания мертвых языков).

Следует остановиться также на целом ряде особенностей грамматико-переводного метода, которые неизменно вызывают критическую реакцию сторонников более «демократических» методов обучения. Данный метод и следующие ему учебные пособия предлагают довольно монотонную систему упражнений (ответы на вопросы, вставка пропущенного слова в строго определенной грамматической форме, трансформации предложений из одной грамматической формы в другую — например, из настоящего в прошедшее время, диктанты, сочинения по заданному плану с употреблением обязательных лексических единиц и грамматических конструкций и, конечно, перевод с иностранного языка на родной и обратно). Сами эти упражнения, в целом, не вызывают возражений и даже используются в несколько модифицированном виде и в других методических подходах. Критики заслуживает то, что данный ассортимент заданий повторяется в учебнике из параграфа в параграф в строго определенном порядке, что ведет к привыканию к монотонному ритму урока, а часто и к снижению мотивации учащихся. Кроме того, данные упражнения реализуются в этой системе исключительно на уровне разрозненных предложений, не увязанных между собой в контекст, следовательно, отсутствует представление о том, как изученные правила «ведут себя» в повседневном общении. Сами формулировки заданий достаточно строги и, с современной точки зрения, не способствуют созданию интерактивного климата в отношениях между обучаемыми и их учебником. Сравните две следующие формулировки:

— *Употребите данные предложения в прошедшем времени.*

— *Представьте себе, что события, описанные ниже, произошли на прошлой неделе. Как изменится текст?*

Вторая формулировка не только более «дружественна» по отношению к адресату. В ней предусмотрены характеристики некоторых условий произведения речевых действий, что особенно важно с точки зрения современных подходов к обучению.

Еще одним аспектом, неизменно вызывающим критику в адрес грамматико-переводного метода, является отношение к лексике. Лексический минимум подается как двуязычный глоссарий (список слов) и требует механического заучивания наизусть. Никаких способов семантизации (объяснения значения) слов, кроме перевода, не практикуется. Естественно, нетрудно предположить, что последующие методы стараются исправить этот недостаток и уделяют лексическому уровню языка значительно более серьезное внимание.

Нельзя не сказать несколько слов и о текстах. Как правило, это довольно трудные тексты художественной литературы, отрывки из произведений серьезных авторов, предназначенные для перевода на родной

язык с учетом выученной грамматики. Художественный текст доминирует в учебнике, поскольку одна из основных целей в рамках грамматико-переводного метода — воспитание обучающегося на текстах, соответствующих высоким эстетическим идеалам. Поэтому выбор текстов осуществляется из известных, ставших классическими произведений художественной литературы. Эти же тексты служат средством ознакомления учащихся с чужой культурой в самом широком смысле этого слова. Так решается проблема страноведения, которое не становится здесь ни целью, ни инструментом преподавания. Жанровое единообразие текстового материала считается сегодня абсолютно неприемлемым для преподавания иностранного языка.

К чести грамматико-переводного метода следует сказать, что и сейчас у него есть сторонники среди преподавателей. Он считается наиболее «надежным» в смысле абсолютной стерильности, чистоты, безошибочности, академической строгости. Обучающиеся с ярко выраженной логической доминантой мышления предпочитают этот метод любому другому. Понятно, почему его так ценят взрослые обучаемые.

Сегодня этот метод подвергся серьезным модификациям и вобрал в себя многое из более поздних подходов. Например, авторы учебных пособий частично отказались от двуязычия в формулировках правил

и заданий, оставив двуязычным глоссарий, снабдили учебные пособия аудиокассетами, сменили неизменных классиков на учебные тексты, рассказывающие «о жизни» в стране изучаемого языка. Однако принципиальные положения метода неизменны: когнитивный подход к изучению системы языка с целью получения знаний и дедуктивное изложение грамматического материала от правила к практическим примерам.

В конце XIX века ситуация вокруг метода преподавания иностранных языков была достаточно накалена. Шла серьезная полемика о целях и задачах обучения и подходах к нему. Строго системный застывший грамматический метод подвергался уничтожающей критике. Назревал переворот в деле преподавания иностранных языков. Все громче зазвучали голоса «прямистов» — сторонников нового метода, который по всем параметрам противопоставил себя грамматико-переводному.

2.2. Прямой метод обучения иностранному языку

Самым главным требованием был отказ от обучения системе. В качестве цели обучения был выбран «живой» язык, такой, которым пользуются в повседневном общении. Лингвисты к тому времени уже обратили внимание на феномен речи, вплотную занялись изучением фонетического уровня языка. Это не могло не оказать влияния на методику.

В чем же состоит суть прямого метода? Уже из его названия вычитывается главная концептуальная идея: обучаемые входят в мир изучаемого языка «прямым путем», то есть так, как ребенок овладевает родным языком. Кроме того, это означает, что обучаемые не нуждаются в языке-

посреднике, влияние которого, с точки зрения последователей данного метода, тормозит становление навыков и умений. Эта идея имеет серьезное методическое последствие: как сами занятия, так и учебник исключают использование родного языка. Прямой метод принципиально одноязычен. Следовательно, для того чтобы объяснять и добиваться понимания, необходимо развитие специальных форм объяснения. Так возникает изощренная система способов семантизации (объяснения значения) лексики, основанная на положениях лексикологии о взаимоотношениях слов между собой — семантизация через приведение синонимов, антонимов, через определение, описание и т. п. В качестве приема семантизации исключается только перевод. Наиболее широкое применение находит семантизация через наглядность, которая понимается не только как опосредованная (картинки, иллюстрации), но и как прямая (демонстрация самих предметов, произведение действий и т.д.).

Следующей принципиальной особенностью прямого метода является отказ от дедуктивного подхода к изложению грамматического материала. Закономерность, то есть правило употребления того или иного грамматического явления выводится лишь после его усвоения в ходе многократного повторения речевых образцов (фраз) как в ходе самого занятия, так и с помощью учебника через систему упражнений. Приоритет практического применения того или иного речевого образца без обязательного усвоения теоретического материала (правила и исключений из него) характеризуется как индуктивность прямого метода. Кроме того, из индуктивности можно вывести еще две его характеристики: во-первых, многократно повторяя и таким способом заучивая речевые образцы, обучаемые имитируют учителя или учебник. Отсюда вытекает еще одно обозначение прямого метода — **имитационный**. Во-вторых, модифицируя речевые образцы, обучаемые действуют методом проб и ошибок, опираясь не столько на знания правил, сколько на интуицию. Следовательно, в отличие от когнитивного грамматического метода прямой метод можно охарактеризовать как **интуитивный**.

Очень важная роль внутри этой специфической методической системы отводится учителю. Он является образцом в абсолютном смысле этого слова. Его речь должна звучать четко, понятно, фонетически правильно и красиво — прямой метод впервые выдвигает требование обучения фонетике, его учебные пособия содержат упражнения для развития навыков произношения. Следовательно, предпочтительно использование в роли учителей носителей языка. В Европе и сегодня по прямому методу работают так называемые школы Берлица. Известно, например, что знаменитый автор «Улисса» Джеймс Джойс в течение десяти лет работал учителем английского языка в одной из школ Берлица в Италии.

Прямой метод стал trampolino для развития таких сугубо специфических, высокотехнизированных методов обучения, как аудиолингвальный и аудиовизуальный методы.

2.3. Аудиолингвальный и аудиовизуальный методы обучения иностранным языкам

В этих методах нашли еще более четкое отражение представления лингвистики о языке как совокупности структур, а также психологическое учение о бихевиоризме, в основе которого лежит обоснование человеческого поведения через формулу «стимул—реакция—подкрепление». Отсюда вытекает суть обоих методов: предъявление языка через готовые формулы (структуры) и их заучивание с помощью технических средств обучения (лаборатория устной речи, магнитофон и т. п.). Для аудиовизуального метода характерна и максимальная загрузка зрительного канала приема информации одновременно со слуховым, что достигается показом «картинки» (диапозитивы, фильмы, видео и т. п.) во время звучащего звукового стимула. Благодаря этому ожидается образование стойких ассоциаций, а следовательно, и автоматизма в

овладении структурами речи, воспроизводимыми даже тогда, когда один из стимулов (зрительный или слуховой), а впоследствии и первый, и второй снимаются.

Оба этих метода очень интересны своей научной платформой. Каждый шаг объясняется с лингвистической и психологической точек зрения. Как аудиолингвальный, так и аудиовизуальный методы очень интенсивны — они требуют многочасовых тренировок как в присутствии учителя, так и самостоятельных с помощью технических средств обучения. Целью обучения является, как и для прямого метода, овладение «живым» языком.

Доминирующим умением, на развитие которого направлены все усилия как обучающихся, так и учителя, становится говорение. Интенсивность по времени, использование технических средств обучения, многократность повторения материала позволяют достаточно быстро достичь определенного уровня развития умений, особенно умений говорения. Тем не менее строго придерживаются требований обоих методов лишь энтузиасты среди учителей или определенные обучающие институты, такие как, например, Центр распространения французского языка и культуры, где был разработан аудиовизуальный метод.

Сложность аппаратуры, строгая последовательность действий, большая доля «дрилловых» упражнений, построенных на бесконечном повторении одних и тех же структур, отводят учителю довольно специфическую роль. Времена непомерных восторгов по поводу «лабораторий устной речи», в которых усматривали панацею от всех бед в процессе обучения, давно прошли. Критики данных методов подчеркивают невозможность углубленного проникновения в структуры языка подобным способом: технология лаборатории устной речи позволяет усвоить достаточно ограниченный, а следовательно, однообразный набор упражнений, целью которых является, в основном, воспроизведение (а не продукция) знакомых речевых структур. В развитии умений также наблюдается излишний крен в сторону говорения — чтение и письмо остаются падчерицами методов и вводятся лишь на продвинутом этапе обучения. Что же касается аудирования, то оно не находит последовательного развития именно как умение: при всей перезагруженности слухового канала аудирование является скорее средством достижения цели, но не самой целью.

Кроме того, мишенью для критики часто становятся тексты учебников, созданных на основе обоих методов. Как правило, это диалоги, призванные продемонстрировать, как говорят носители языка «в жизни». Однако вся беда в том, что это специально придуманные, так называемые синтетические тексты, лишь отдаленно напоминающие разговоры реальных носителей. Дело в том, что ни аудиолингвальный, ни аудиовизуальный методы не отказались от грамматического стержня всей концепции. Грамматика используется как строительный материал для так называемых структур. В отличие от грамматического метода последовательность введения структур определяется не логикой классических языков (по частям речи), а по месту каждого грамматического явления внутри самого изучаемого языка с точки зрения его простоты или сложности. Следствием такой прогрессии в отборе материала являются тексты, перенасыщенные грамматическими структурами одного порядка, производящие именно поэтому довольно странное впечатление. В последующих упражнениях текст буквально расчленяется на отдельные структуры, которые затренировываются до автоматизма.

Важным принципиальным моментом для обоих методов остается индуктивный подход к изучению грамматики — от примеров к правилу.

2.4. Коммуникативно-ориентированный подход в обучении иностранным языкам

В связи с развитием прагматического подхода в языкознании, в частности теории речевых актов, усилился интерес к механизмам общения посредством языка, к его коммуникативной функции. В орбиту внимания лингвистов попали процессы непосредственной реализации языковой системы и нормы на практике. Стало ясно, что при функционировании языка в общении реализуется не некая абстрактная норма или система, а те их варианты, которые представлены у говорящих, слушающих, читающих и пишущих в повседневном общении. Объектом исследований стало, таким образом, то, что в лингвистике принято называть речью — любой написанный или произнесенный текст. Важно отметить, что речь рассматривалась не сама по себе, а во всей совокупности факторов ее порождения: кто, с кем, каким образом и с какой целью общается. Центральным понятием лингвистической прагматики, а вместе с ней и методики, стала коммуникативная ситуация, включающая все перечисленные и прочие факторы, влияющие на характер, цели и способы общения. Это повлекло за собой настоящий переворот в методике преподавания языков, а именно, к выработке и становлению коммуникативного подхода, целью которого стало обучение общению на иностранном языке, приближенное по своим качествам и характеристикам к тому, как пользуются данным языком его носители. Поскольку все операции с языком понимаются в русле прагматической теории как действие, методическая система коммуникативного подхода рассматривает и процесс обучения как действие, производимое с языком и на языке. Отсюда следует, что данная методическая концепция предполагает большую активность обучающихся и загрузку максимального количества каналов приема информации как предпосылку успешного запоминания и дальнейшего использования языковой информации. Понятие коммуникативной ситуации перенимается методикой как явление, определяющее логику предъявления материала на страницах учебника и на уроке. Все упражнения коммуникативного

подхода так или иначе связаны с необходимостью воссоздания ситуации реального общения, усвоения ее параметров и развития навыка переноса усвоенного материала на все похожие ситуации. Отсюда всплеск интереса к разнообразным диалоговым упражнениям, ситуациям ролевого общения, ролевым играм, симуляциям реальной коммуникации.

Безусловно, такая активная практика основана на языковом материале — лексике и грамматике. Выбор материала осуществляется из чисто практических соображений. Известно, например, что любой традиционный учебник иностранного языка имеет в основе своей структуры параграф (unit, Lektion и т. п.) и соответствующую ему тему. Коммуникативно-ориентированные учебные пособия частично преодолевают эти традиции. Новое состоит в том, что за основу, на которой выстраивается «параграф», берется не «тема» (семья, еда, школа и т.д.), а речевое намерение (что я хочу сказать/написать). Речевое намерение, например: запросить информацию, обратиться с вопросом/просьбой, выразить благодарность, — приводится в соответствие с возможными коммуникативными ситуациями, в рамках которых необходимо уметь реализовать подобное речевое намерение. Так возникает соотношение: намерение — ситуация. Однако поскольку одно и то же намерение может быть в рамках одной и той же ситуации выражено по-разному (более или менее вежливо, на литературном языке или на жаргоне, более сложно или более просто в языковом отношении), пара «намерение — ситуация» дополняется компонентой «языковые/речевые средства». Предполагается, что все альтернативные возможности не могут быть усвоены сразу, в рамках «одного параграфа». Следовательно, в логику учебного пособия необходимо закладывается неизбежный возврат к материалу, но с использованием все новых языковых средств. В этом случае в методике говорят о «циклической прогрессии», то есть нарастании сложности по спиралевидной модели: с каждым витком спирали мы все дальше удаляемся от исходной точки, неизбежно, тем не менее, возвращаясь к ней.

Таким образом, речевое намерение предопределяет выбор как самих ситуаций, так и лексических и грамматических средств, необходимых для решения проблемы общения «здесь и сейчас».

Поставленная цель обучения общению «как в жизни» определяет еще целый ряд моментов, чрезвычайно важных в коммуникативной методике.

- Реальные ситуации общения связаны не только с «произносимыми» текстами, но и с прочими знаковыми системами (дорожные знаки, пиктограммы и т. п.) и печатными текстами (реклама, анкеты, меню, расписание поездов и пр.). Эти тексты включаются в процесс обучения с целью оперирования с ними в контексте предлагаемых ситуаций. Следовательно, параллельно с изучением собственно иностранного языка мы изучаем то, что окружает носителей данного языка в их обыденной жизни, учимся работать с этими типами текстов — заполняем настоящие анкеты, выбираем маршруты поездок по настоящим расписаниям поездов, читаем настоящие объявления из газет. Познание жизни в стране изучаемого языка идет «естественным путем» в ходе процесса обучения иностранному языку. Эта концепция получила название **интегрированного страноведения**.

- В рамках коммуникативной ситуации мы выступаем не только как говорящие, но и как слушающие. Тезис о том, что без слушания нет говорения, ведет к осознанию необходимости развития не только умений говорения, но и умений слушания (аудирования) с помощью специальной системы упражнений и аутентичных аудиоматериалов (объявления по радио, радиореклама, радиопьесы, информация с автоответчика и т.д.).

Несмотря на то, что данный подход прочно утвердился в методике преподавания, он не остался застывшей системой. Со временем в коммуникативную методику были внесены коррективы, учитывающие критику, которой она подвергалась на первых этапах своего существования.

Односторонняя ориентация исключительно на ситуации речевого общения и усиленное внимание к говорению не позволяли уделять достаточного внимания таким видам речевой деятельности, как чтение и письмо. Кроме того, это предопределяло характер большинства отбираемых текстов в коммуникативных учебных пособиях. Возникла потребность вернуть в учебник художественный текст, так как именно он дает возможность разнообразить подходы к чтению через понимание того, с какой именно целью текст читается. Если необходимо понять содержание лишь в самых общих чертах, определить тематику текста, то есть узнать «о чем текст?», мы применяем так называемую **стратегию глобального чтения**; если мы хотим вникнуть в содержание, мы возьмем на вооружение **стратегию детального чтения**; если нам нужны конкретные данные, факты, цитаты и т.п., мы будем придерживаться **селективной стратегии чтения**. Эти подходы были перенесены на учебные тексты. Так возникла стройная система обучения стратегиям рецептивных видов деятельности — чтения и аудирования.

Кроме того, постепенно была осознана необходимость возврата к использованию родного языка обучающихся как основы для сравнения или, что очень важно для учителя, как основы прогнозирования возможных ошибок. Сегодня методисты не так категорично отвергают использование родного языка в обучении.

Вместе с опорой на родной язык потребовалась опора на родную культуру, на личный опыт обучающихся. Осознание специфики культуры изучаемого языка приходит и через осознание своих национально-культурных особенностей и традиций. Авторы учебных пособий пришли к необходимости создания на страницах учебника, насколько это возможно, объективной картины чужой действительности. Под девизом межкультурного подхода к преподаванию были поставлены новые цели: сравнение двух или нескольких культур, поиск общих точек соприкосновения и различий, реакция на различия с учетом

политической и культурной корректности.

В основу нового принципа отбора материала и работы с ним легли процессы обязательного осознания и понимания. Именно через понимание текста, ситуации, явления чужой действительности обучающиеся приходят к необходимости формулирования высказывания. Говорение не понимается и не планируется как повторение или симуляция диалогов, но как осознанная деятельность, например, в дискуссии, в поиске и приведении аргумента, в умении убедить или опровергнуть собеседника, поделиться своими мыслями.

На уроке широко применяются такие формы, как работа в малых группах с целью поиска совместного решения поставленной задачи с последующим обсуждением предлагаемых решений, задания проектного типа, выходящие за рамки учебного процесса и представляющие собой разновидность коллективного творчества.

Понятно, что в этих условиях меняется и деятельность самого учителя. Из контролирующей и объясняющей инстанции он превращается в партнера и советника.

* * *

Такой была логика развития методики преподавания иностранных языков на протяжении столетия. На основе представленных методов возникали и развивались частные методики, которые представляют собой методические системы, разработанные с учетом потребностей определенных групп обучающихся (например, немецкий язык для иммигрантов), на основе определенных оригинальных теорий (интенсивные методы, суггестопедия) или с использованием новейших средств коммуникации (обучающие теле- и видеопрограммы, компьютерные программы обучения, взаимообучение по электронной почте). Выбор в любом случае за теми, кто хочет интересно преподавать или изучать иностранные языки.

Основная литература

1. Гез Н. И. и др. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. М., 1982.
2. Громова О.А. Аудио-визуальный метод и практика его применения. М., 1977.
3. Домашнее А. И. и др. Методика преподавания немецкого языка в педагогическом вузе. М., 1983.

Дополнительная литература

1. Костера П. Обучение иностранному языку в языковой лаборатории. М., 1986.
2. Основные направления в методике преподавания иностранных языков в XIX-XX вв. / Под ред. М. В. Рахманова. М., 1972.
3. Палмер Г. Устный метод обучения иностранным языкам. М., 1960.
4. Шейлз Д. Коммуникативность в обучении современным языкам. [Совет по Культурному Сотрудничеству. Проект № 12 «Изучение и преподавание современных языков для целей общения».] Совет Европы Пресс, 1995.
5. Bausch K.-R. u. a. Handbuch Fremdsprachenunterricht. Tübingen, 1989.
6. Berlitz M.D. Methode Berlitz. N.Y., 1987.
7. Lado R. Language Teaching. A Scientific Approach. N. Y., 1964.
8. Puren C. Histoire des méthodologies d'enseignement des langues. Paris, 1988.
9. Widdowson H. The teaching of English as Communication // English Language Teaching. 1972. № 1. P. 15-19.
10. Wilkins D.A. Linguistics in Language Teaching. London, 1972.

§3. Оптимизация общения с ЭВМ: системы обработки естественного языка

Междисциплинарное прикладное направление с несколько неудачным названием «обработка естественного языка» (перевод английского термина Natural Language Processing) возникло в конце 60-х гг. и развивалось в рамках научно-технологической дисциплины «искусственный интеллект». По своей внутренней форме словосочетание «обработка естественного языка» охватывает все области, в которых компьютеры используются для обработки языковых данных. Между тем в практике закрепилось более узкое понимание этого термина — разработка методов, технологий и конкретных систем, обеспечивающих общение человека с ЭВМ на естественном или ограниченном естественном языке.

Возникновение и бурное развитие этого направления в 70-е гг., рассматриваемого в прикладной лингвистике как часть проблематики компьютерной лингвистики, связано в первую очередь с неожиданным экспоненциальным ростом количества конечных пользователей ЭВМ. Поскольку обучение языкам и технологии программирования всех пользователей невозможно²²⁾, то возникла проблема организации взаимодействия с компьютерными программами. Решение этой проблемы коммуникации шло по двум основным путям. В первом случае предпринимались попытки адаптации языков программирования и операционных систем к конечному пользователю. Языки низкого уровня типа Ассемблера заменялись языками высокого уровня типа Visual Basic; происходило развитие

²²⁾ Ср. характерное высказывание: «(...) по оценкам американских специалистов, к 2000 г. для удовлетворения потребности в программистах надо будет обучить программированию всех жителей США» [Попов 1982, с. 14].

операционных систем в сторону большей изобразительности и наглядности; для создания коммуникативного комфорта и облегчения понимания в операционных системах стали использоваться привычные человеку метафоры ПИСЬМЕННОГО СТОЛА, БИБЛИОТЕКИ. Эта тенденция в настоящее время в явной форме отразилась в дизайне и организации интерфейса в операционных средах корпорации «Microsoft Windows», но еще раньше (как минимум, на десятилетие!) аналогичная идеология приближения к

конечному пользователю была реализована в операционных системах компьютеров фирмы «Apple-Macintosh».

Второе направление — разработка систем, которые позволяли бы взаимодействовать с ЭВМ в конкретной проблемной области на естественном языке или каком-то его ограниченном варианте. В центре внимания исследований в области обработки естественного языка оказался опыт изучения общения, диалога, коммуникации в гуманитарных науках. Основное отличие компьютерного моделирования коммуникации в системах взаимодействия с ЭВМ заключается в том, что при ограничении проблемной сферы разработчикам приходится тем не менее учитывать все аспекты, все уровни реального общения, что представляет собой серьезную проблему не только практического, но и теоретического плана. Достаточно сказать, что до сих пор не существует общепринятой теории диалога на естественном языке, которая включала бы лингвистические, социологические и психологические составляющие.

Базовая структура человеко-машинного взаимодействия. Общение с ЭВМ осуществляется в виде диалога, включающего в обычном случае двух участников — человека и ЭВМ. Роли участников меняются — инициатором может выступать и машина, и человек. Имеются системы, которые настроены только на одну стратегию. Например, информационно-поисковые системы ориентированы, преимущественно, на пассивную стратегию ответа на вопросы, задаваемые пользователем. Перехват инициативы компьютером возможен только для уточнения вопроса или информационной потребности. Такие системы называются системами с **жесткой структурой диалога**. С другой стороны, многие экспертные системы на определенном этапе должны использовать стратегию опроса пользователя. Если допускается смена ролей участников диалога, такая структура коммуникативного взаимодействия называется **мягкой**.

Базовые компоненты систем, обеспечивающих взаимодействие с ЭВМ на ЕЯ. Архитектура систем обработки естественного языка в общем случае включает блок анализа речевого сообщения пользователя, блок интерпретации сообщения, блок порождения смысла ответа и блок синтеза поверхностной структуры высказывания. Особой частью системы является диалоговый компонент, в котором фиксированы стратегии ведения диалога, условия применения этих стратегий, способы преодоления возможных коммуникативных неудач.

Диалоговый компонент. Диалоговый компонент системы общения на ЕЯ должен обеспечивать коммуникативное взаимодействие на глобальном уровне (стратегия ведения диалога в зависимости от решаемых задач), на уровне тематической структуры (выбор и отождествление конкретной проблемы), а также на уровне речевых действий (последовательностей речевых актов участников). Степень проработки каждого из этих уровней в конкретных алгоритмах системы может быть различной. Это определяется общими задачами системы ИИ, в которую встроена система диалогового взаимодействия. Стратегии ведения диалога и его тематическая структура обычно представляются в виде сценариев. Сценарии могут вводиться в систему изначально или порождаться ею в зависимости от конкретной задачи. Готовые сценарии используются в тех случаях, когда система ориентирована на узкую проблемную область и требуется значительное быстроедействие. По большей части это общение с базами данных, а также задачи устранения коммуникативных неудач. Если готовый сценарий в системе отсутствует, в архитектуре программы предусматривается специальный блок планирования, который формирует сценарий для данной проблемной ситуации, данного диалога. Порождение сценариев предпочтительно для таких систем ИИ, когда полное исчисление типов ситуаций общения изначально предусмотреть невозможно. Такова, например, специфика общения с экспертными системами.

На уровне речевых действий в системах используются разработанные в лингвистике модели диалогового взаимодействия. Центральную роль здесь играет представление о коммуникативном шаге (ходе), вынуждаемом ситуацией или предшествующими коммуникативными ходами. Так, речевой акт вопроса (инициирующий шаг) иллокутивно вынуждает речевой акт ответа (реактивный шаг); речевой акт разрешения вынуждается речевым актом просьбы и т.д.²³⁾ Типичные последовательности иллокутивно связанных реплик фиксируются в диалоговом компоненте и используются системой в планировании коммуникативного поведения на уровне речевых действий.

Блок понимания. Понимание высказываний предполагает два основных этапа — анализ и интерпретация. На этапе анализа происходит морфологический анализ словоформ и синтаксический и семантический анализ предложений. Особенности построения систем поддержки диалога с ЭВМ таковы, что часто граница между синтаксическим и семантическим анализом почти отсутствует. Общая тенденция построения алгоритмов работы программ сводится к тому, чтобы как можно быстрее перейти от поверхностного уровня к уровню глубинной семантики и к уровню концептуальных структур, чтобы компенсировать возможные недостатки или ошибки работы грамматических парсеров (программ грамматического анализа). Достигается это за счет богатой модели мира (детального представления проблемной области в модели мира), позволяющей восстанавливать опущенные или неопознанные связи.

²³⁾ О понятии иллокутивного вынуждения см. [Баранов, Крейдлин 1992 а; Баранов, Крейдлин 1992 б].

Блок порождения высказываний. Порождение высказываний в системах поддержки диалога с ЭВМ предполагает этап синтеза содержания в виде концептуального представления на специальном метаязыке и этап оформления содержания в высказывание. На первом этапе определяется объем информации, которую следует передать пользователю, уровень общности информации; предполагаемое членение информации на «порции», соответствующие предложению; определение последовательности «порций» смысла; выявление

частей содержания, соответствующих предполагаемым границам слов; построение семантического представления отдельных предложений. На втором этапе происходит упаковка семантического представления высказывания в синтаксические структуры предложения. Здесь, среди прочих, играют существенную роль категории коммуникативной организации смысла высказывания — тема, рема, данное, новое и др.

Элементы типологии систем, обеспечивающих взаимодействие с ЭВМ на ЕЯ. Среди систем рассматриваемого типа обычно выделяются вопросно-ответные системы, диалоговые системы решения задач и системы обработки связанных текстов²⁴⁾.

Изначально **вопросно-ответные системы** стали разрабатываться как реакция на плохое качество кодировки запросов при поиске информации в информационно-поисковых системах. Поскольку проблемная область таких систем была сильно ограничена, это несколько упрощало алгоритмы перевода запросов в представление на формальном языке и обратную процедуру преобразования формального представления в ЕЯ-высказывания. Из отечественных разработок к программам такого типа относится система ПОЭТ, созданная коллективом исследователей под руководством Э. В. Попова. Она обрабатывает запросы на русском языке (с небольшими ограничениями) и синтезирует ответ. Блок-схема программы предполагает прохождение всех этапов анализа — морфологический, синтаксический и семантический анализ и соответствующих этапов синтеза. Запросы преобразуются во внутреннее представление системы, которое сопоставляется с данными по проблемной области, после чего синтезируется ответ. Система ПОЭТ может отвечать на вопросы о перевозках грузов — количестве, времени, затратах и пр. В вопросно-ответных системах ЭВМ играет пассивную роль, интерпретируя каждую реплику пользователя как информационный запрос. Пользователь не может задавать вопросы о свойствах системы, о ее структуре. Имеются ограничения и на форму запроса — он должен выражаться только одним речевым актом.

Одна из наиболее сложных проблем разработки вопросно-ответных систем — способы организации данных. В некоторых системах для обработки и хранения данных используются «списочные» языки типа LISP. Они позволяют существенно упростить логику поиска и приблизить алгоритмы обработки запроса к алгоритмам обработки базы данных.

²⁴⁾Классификация дается по [Преображенский 1990].

Фактически языки списков представляют собой готовую структуру для хранения информации. Например, в программе BASEBALL, предназначенной для ответа на вопросы об играх в американской бейсбольной лиге, формат структуры данных имеет следующий вид:

ГОД

МЕСЯЦ

МЕСТО

(номер игры, день (команда, счет) (команда, счет)) (номер игры, день (команда, счет) (команда, счет))

(номер игры, день (команда, счет) (команда, счет))

Работа программы BASEBALL основывается на двух важнейших понятиях — «путь данных» и «список спецификаций». Путь данных — это последовательность ветвей или терминальных узлов в дереве хранения информации, которую надо пройти, чтобы получить информацию о конкретной игре. Например, путь «ГОД = 1959, МЕСЯЦ = АПРЕЛЬ, МЕСТО = БОСТОН, ИГРА = 55» определяет некоторую конкретную игру со всей предусмотренной информацией. Список спецификаций порождается лингвистическим процессором при обработке запроса и представляет собой набор признаков или условий, которыми должен обладать путь данных, чтобы быть ответом на поставленный вопрос. Например, списком спецификаций запроса *Где играла в июле команда «Редокс» ?* будет следующее выражение:

МЕСТО = ?

КОМАНДА = РЕДОКС

МЕСЯЦ = ИЮЛЬ²⁵⁾

После формирования списка спецификаций программа порождает все пути данных, которые согласуются с этим списком [Хант 1978, с. 439-443].

Диалоговые системы решения задач в отличие от систем предшествующего типа играют в коммуникации активную роль, поскольку их задача заключается в том, чтобы получить решение проблемы на основе тех знаний, которые представлены в ней самой, и той информации, которую она может получить от пользователя. Система содержит структуры знаний, в которых фиксируются типичные последовательности действий для решения задач в данной проблемной области, а также сведения о необходимых ресурсах. Когда пользователь задает вопрос или ставит определенную задачу, активизируется соответствующий сценарий. Если какие-то компоненты сценария пропущены или отсутствуют какие-то

²⁵⁾ Год в данном случае не нужен, поскольку разработанный вариант системы содержал информацию только об играх 1959 г.

ресурсы, система выступает инициатором коммуникации. Так, система SNUKA решает задачи планирования военных операций, ср. пример диалогового решения задачи этой системой:

П{ользователь} 1: я хочу направить 4 самолета из 707 истребительной эскадрильи для удара по Бостону между 11.40 и полуднем

С{истема} 1: какие самолеты вы хотите послать?

П2: какие самолеты имеются в эскадрилье?

С2: в 707 истребительной эскадрилье F-4S

С3: вы хотели бы использовать F-4S?

ПЗ: нет, лучше F-16S из 606 истребительной эскадрильи
 С4: в 606 истребительной эскадрилье нет F-16S
 П4: где имеются F-16S?
 С4: F-16S имеются на аэродромах Кеннеди и Лагардия
 П5: в каких эскадрильях на Лагардии они имеются?
 С6: F-16S имеются в 808 и 909 истребительных эскадрильях
 П6: возьмите их из 808 истребительной эскадрильи на Лагардии
 С7: какая система вооружения должна быть на F-16S?
 П7: какие возможны?
 С8: на F-16S могут быть системы D1, D2 и D4
 П8: ударьте по цели системой D4 и спланируйте остальное
 С9: время достижения цели: 11.50 время вылета: 11.20 позывной: PEACE-7²⁶⁾

Из приведенного примера видно, что в ряде случаев программа берет на себя инициативу в диалоге. Уже второй ход инициируется ЭВМ. Это связано с тем, что один из пунктов сценария планирования нападения — тип самолета — пропущен. По той же причине система синтезирует вопрос на седьмом шаге.

Системы обработки связных текстов довольно разнообразны по структуре. Их общей чертой можно считать широкое использование технологий представления знаний. Функции систем такого рода заключаются в понимании текста и ответах на вопросы о его содержании. Понимание рассматривается не как универсальная категория, а как процесс извлечения информации из текста, определяемый конкретной коммуникативной интенцией. Иными словами, текст «прочитывается» только с установкой на то, что будущий пользователь захочет узнать о нем. Тем самым и системы обработки связных текстов оказываются отнюдь не универсальными, а проблемно-ориентированными.

Типичными примерами систем обсуждаемого типа могут служить системы RESEARCHER [Lebowitz 1985] и TAILOR [Маккьюин 1986], образующие единый программный комплекс, позволяющий пользователю получить информацию из рефератов патентов, описывающих сложные физические объекты. Программа RESEARCHER обрабатывает рефераты

²⁶⁾ Воспроизводится по [Преображенский 1990, с. 52].

патентов (на английском языке), вводит выявленную информацию в базу знаний и даже способна делать обобщенные выводы относительно объектов, описываемых в рефератах. Программа TAILOR образует вторую часть этого комплекса, обслуживая вопросно-ответные функции. Внутреннее представление в системе RESEARCHER основано на теории концептуальных зависимостей, сформулированной Р. Шенком. Внутреннее представление позволяет фиксировать информацию о иерархическом членении объекта на отдельные компоненты, о функциональных отношениях между объектами и о свойствах описываемых объектов. При поступлении рефератов патентов система не только выявляет содержащуюся в нем информацию, но и интегрирует ее в базу знаний, включая лишь то, что является новым.

Программа TAILOR для синтеза ответов использует комплекс дискурсивных стратегий, определяемых коммуникативным намерением и стандартной дискурсивной практикой обсуждения определенной темы. В каждой проблемной области допускаются (разрешены) свои способы объяснения или определения чего-либо. Дискурсивные стратегии состоят из риторических предикатов типа «аналогия», «состав» (описание компонентов), «атрибутив» (сообщение дополнительной информации о некоторой сущности). Так, дискурсивная стратегия ОПИСАНИЯ включает такие предикаты, как «отнесение объекта к обобщенному классу», «перечисление компонентов объекта и их специфических функций в рамках целого», «сообщение каких-то дополнительных сведений». Дискурсивная стратегия описания позволяет системе синтезировать следующий ответ на запрос пользователя о телефоне: «Телефон — это устройство. Телефон состоит из микрофона, корпуса, шнура и приемника; микрофон имеет двухрезонансную систему и диафрагму. Корпус — это своего рода кожух. Шнур — это провод. (...)». Идеология дискурсивных стратегий была использована К. Маккьюин также для разработки системы TEXT, синтезирующей ответы на вопросы к базе знаний некоторой проблемной области (корабли и вооружение военно-морского флота). Важно отметить, что дискурсивные стратегии позволяли базе данных отвечать пользователю не только на конкретные вопросы фактического характера, но и на вопросы об устройстве самой базы, о свойствах объектов, представленных в базе.

Основная литература

1. *Городецкий Б. Ю.* Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIV. Компьютерная лингвистика. М., 1989. С. 5-31.
2. *Маккьюин К.* Дискурсивные стратегии для синтеза текста на естественном языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIV. Компьютерная лингвистика. М., 1989. С. 311-356.
3. *Попов Э. В., Преображенский А. Б.* Особенности реализации ЕЯ-систем // Искусственный интеллект. Кн. I. Системы общения и экспертные системы. М., 1990. С. 9-32.
4. *Преображенский А. Б.* Состояние развития современных ЕЯ-систем // Искусственный интеллект. Кн. 1. Системы общения и экспертные системы. М., 1990. С. 32-64.

Дополнительная литература

1. *Кобозева И. М., Лауфер Н. И., Сабурова И. Г.* Моделирование общения в человеко-машинных системах // Лингвистическое обеспечение информационных систем. М., 1987. С. 73-101.
2. *Попов Э. В.* Общение с ЭВМ на естественном языке. М., 1982.

§4. Теория и практика информационно-поисковых систем

Резкое возрастание объемов научно-технической информации в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов XX столетия привело к бурному развитию информационных технологий и созданию автоматизированных информационно-поисковых систем — ИПС или АИПС. Структура и организация информационно-поисковых систем определялись следующей проблемной ситуацией:

- 1) имеется множество документов (текстов, фрагментов текстов);
- 2) имеется коммуникативное задание, выраженное в запросе на информацию — информационная потребность;
- 3) требуется найти в множестве документов тексты, соответствующие запросу и удовлетворяющие коммуникативную интенцию пользователя.

Особенно актуальной задача разработки информационно-поисковых систем оказалась для различных министерств и ведомств, заваленных горами официальной и технической документации.

4.1. Основные понятия информационного поиска

Понятия **запроса** и **документа** стоят в центре информационной деятельности. В процессе поиска информации происходит сравнение содержания запроса и документа. Степень соответствия документа запросу задается категорией **релевантности**. Каждый документ в ИПС получает определенный информационный код — кодируется с помощью информационно-поискового языка. Этот код называется **поисковым образом документа (ПОД)**. Аналогичное выражение на информационно-поисковом языке — **поисковое предписание (ПП)** — сопоставляется запросу. Соответствие поискового образа документа поисковому предписанию называется **формальной релевантностью**. Действительное соответствие содержания выданного документа содержанию запроса называется **смысловой релевантностью**. Очевидно, что классификация характеристик информационного поиска в значительной степени связана с возможными ошибками и сложностями, которые могут возникнуть в процессе информационной деятельности. Так, документ, релевантный запросу по смыслу, может оказаться не релевантным с формальной точки зрения и не будет выдан ИПС. С другой стороны, в процессе информационного поиска можно получить в выдаче значительный **информационный шум** — множество документов, формально релевантных, но не являющихся релевантными по смыслу. Возможен и другой случай, когда пользователь не может адекватно выразить свою информационную потребность: степень соответствия информационного запроса реальной информационной потребности называется **пертинентностью**. Для обеспечения пертинентности запросов разрабатываются специальные методики, включающие использование информационных словарей, которые позволяют пользователю более точно формулировать свою информационную потребность.

Результаты поиска могут характеризоваться с двух точек зрения: с точки зрения точности и с точки зрения полноты. **Полнота поиска** определяется соотношением между количеством выданных релевантных (по отношению к данному запросу) документов к общему числу релевантных документов, имеющих в информационной системе. **Точность поиска** задается отношением между количеством выданных релевантных документов к общему количеству документов в выдаче:

$$\text{Полнота поиска} = \frac{\text{количество релевантных документов в выдаче}}{\text{общее количество документов}}$$

$$\text{Точность поиска} = \frac{\text{количество релевантных документов в выдаче}}{\text{общее количество документов в выдаче}}$$

В идеальном случае количественное выражение полного и точного поиска равно единице.

4.2. Типы информационно-поисковых систем

По типу хранимой и обрабатываемой информации, а также по особенностям поиска ИПС разделяются на две больших группы — документальные и фактографические. В **документальных** ИПС хранятся тексты документов или их описания (рефераты, библиографические карточки и пр.). До последнего времени обычной формой представления данных в документальных ИПС был реферат (или другое краткое описание документа) и его библиографические данные. В этом массиве, который называется первым документальным контуром, и проводился основной поиск. Первичные документы хранились отдельно на бумаге или микрофишах. Массив первичных документов называется **вторым документальным контуром**.

В настоящее время в связи с развитием ИПС бестезаурусного типа и появлением новых продуктивных способов архивации данных, а также новых типов памяти ЭВМ (оптические диски большой емкости) различие между первым и вторым контурами стирается: в память ЭВМ вводятся и сам текст документа, и его сокращенные аналоги. Для этих целей разрабатываются международные стандарты. Сейчас получил широкое распространение стандарт ISO 2709 (ГОСТ 7.14-84), который, кроме текста документа, предполагает наличие маркера записи (включает характеристики, относящиеся ко всей записи) и справочника (характеристики внутренней структуры документа).

Фактографические ИПС имеют дело с описанием конкретных фактов, причем не обязательно в текстовой форме. Это могут быть таблицы, формулы и пр. Существуют и смешанные ИПС, включающие как документы, так и фактографическую информацию. В настоящее время фактографические ИПС строятся на основе технологий баз данных (БД). С теоретической точки зрения база данных представляет собой совокупность признаков описываемых объектов с указанием отношений между ними. В качестве описываемого объекта может выступать, например, книга, телефонный номер и пр. Объект в базе данных характеризуется по признакам или атрибутам. Так, книга может иметь следующие атрибуты: 1) автор; 2) название; 3) год выхода; 4) издательство; 5) тираж; 6) объем. Телефонный номер может характеризоваться по фамилии владельца, месту его проживания, сумме абонентной оплаты и т.д.

Базы данных по своей структуре разделяются на иерархические, сетевые и реляционные. Иерархические БД используются только по отношению к таким проблемным областям, в которых характеристики объектов имеют четкую иерархию. Таковыми могут быть, например, БД по химическим веществам, по деталям машин; четко выраженную иерархию имеют биологические классификации. В существенно меньшей степени выражена иерархическая структура для БД с разнородной информацией. Сетевые БД лишены ограничений на структуру атрибутов, однако программная обработка сети представляет определенные сложности. Наиболее распространены в настоящее время реляционные базы данных, которые можно представить в виде таблиц с очень большим количеством строк и столбцов. Несколько таблиц могут быть связаны между собой перекрестными отсылками, что позволяет формировать довольно сложные БД.

Для создания структуры данных, ввода информации в реляционные БД и ее обработки создаются специальные программные средства — системы управления базами данных (СУБД). С программной точки зрения каждый объект в реляционной БД представляется в виде отдельной записи (record). Атрибутам объекта в записи соответствуют поля (fields). Поиск может происходить по всем полям БД. Типы полей различаются. Основная проблема заключается в том, что у полей записи (кроме полей типа «memo») ограничена и фиксирована длина поля. Так, для поля типа «text» она не должна превышать 255 знаков. Иными словами, атрибуты объекта описания в БД должны быть внимательно проанализированы, чтобы поле не было избыточным по длине, поскольку это значительно увеличивает объем используемой памяти ЭВМ. Дело в том, что незаполненные фрагменты поля все равно заносятся в память. С другой стороны, поле не должно быть и излишне коротким, иначе часть информации невозможно будет ввести в БД. Ср. структуру реляционной базы данных по политической метафорике, разработанной в Институте русского языка РАН, и пример записи в этой базе данных:

Структура базы данных по политической метафорике

Название поля: **METAPHOR** (метафора) Тип поля Text — 90 знаков

Название поля: **SIGNIF_DES** (сигнификативный дескриптор — метафорическая модель)

Тип поля Text — 100 знаков

Название поля: **DENOT_DES** (денотативный дескриптор — политическая реалья)

Тип поля Text — 100 знаков

Название поля: **EXAMPLE**

Тип поля Memo²⁷⁾

Название поля: **DATE**

Тип поля Date/Time

Название поля: **NEWSPAPER**

Тип поля Text — 10 знаков

Название поля: **AUTHOR**

Тип поля Text — 30 знаков

Запись 900

METAPHOR (метафора)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУХНЯ

SIGNIF_DES (сигнификативный дескриптор — метафорическая модель)

КУХНЯ

DENOT_DES (денотативный дескриптор — политическая реалья)

ПОЛИТИКА

EXAMPLE

(...) но зная нравы отечественной политической кухни и уникальные способности многих лидеров в сжатые сроки портить отношения друг с другом, достижение такой исторической договоренности, принципиально меняющей ход скоротечной предвыборной кампании, представляется мне невероятным.

DATE
01.11.93
NEWSPAPER
Собеседник
AUTHOR
Соколов М.

27) В реляционных БД типа FOX, D-Base, ACCESS поле Мемо не ограничено по длине.

4.3. Информационно-поисковые языки

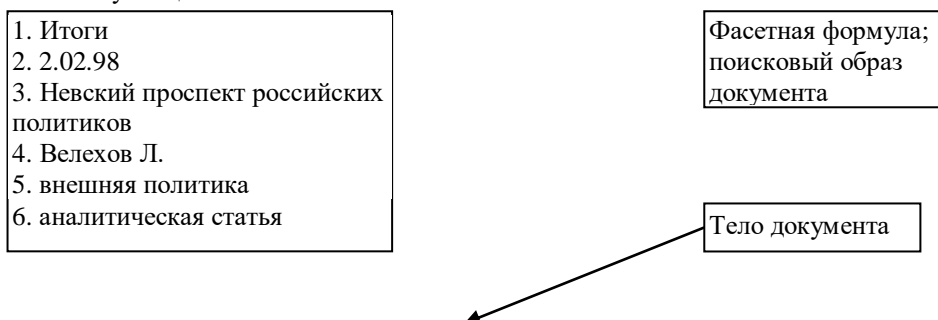
Центральное место в информационно-поисковой системе занимает информационно-поисковый язык (ИПЯ). Информационно-поисковый язык — это формальный язык, предназначенный для описания отдельных аспектов плана содержания документов, хранящихся в ИПС, и запроса. Процедура описания документа на ИПЯ называется **индексированием**. В результате индексирования каждому документу приписывается его формальное описание на ИПЯ — поисковый образ документа. Аналогичным образом индексируется и запрос, которому приписывается поисковый образ запроса или поисковое предписание. Алгоритмы информационного поиска основаны на сравнении поискового предписания с поисковым образом запроса. Критерий выдачи документа на запрос может состоять в полном или частичном совпадении ПОЗа документа и ПП. В ряде случаев пользователь имеет возможность сам сформулировать критерий выдачи. Это определяется его информационной потребностью.

Информационно-поисковые языки должны удовлетворять некоторым важным условиям. К ИПЯ предъявляется требование достаточной **разрешительной силы** — способности дифференцировать важные для данной проблемной области семантические различия между документами. На информационно-поисковые языки налагается требование **однозначности**: в записи на ИПЯ недопустима полисемия и омонимия. Кроме того, ИПЯ должен иметь достаточно **гибкую структуру**, допускающую модификацию — прежде всего в отношении лексических средств ИПЯ.

Информационно-поисковые языки можно классифицировать по разным основаниям. Чаще всего ИПЯ разделяются на **языки-классификации** и **языки дескрипторного типа**. Языки-классификации, или языки классификационного типа основываются на иерархических классификациях понятий. Наиболее известна из языков классификационного типа универсальная десятичная классификация (УДК), используемая, например, в библиотечном деле для индексирования книг. По требованиям Книжной палаты на обороте титула каждой книги должен стоять индекс УДК. Наряду с УДК в библиотечном деле применяется также Библиотечно-библиографическая классификация (ББК). Если основы УДК были разработаны еще в 1895-1905 гг. в Международном библиографическом институте под руководством П. Отле и А. Лафонтена, то ББК была создана в СССР с учетом имевшихся тогда представлений о соотношении общественных и естественных наук. Основные проблемы использования языков-классификаций связаны с тем, что они, как правило, ограничены крупными классами (таксонами) понятий и не позволяют выйти на достаточную глубину описания документов и тем самым обеспечить точность индексирования. Кроме того, они не позволяют характеризовать документ с различных точек зрения, что делает невозможным многоаспектное индексирование (см. ниже). И, наконец, иерархические классификации Понятий не успевают за научно-техническим прогрессом.

Видом языков классификационного типа можно считать **фасетные классификации**. Структура языков этого типа предусматривает индексирование документа по нескольким основаниям — фасетам (ср. английское слово *facet* — «аспект»). Например, газетные и журнальные статьи в информационном компоненте Корпуса текстов по современной российской публицистике характеризуются по параметрам источника, автора, времени публикации, темы текста, жанра текста (внутри публицистического стиля) [Баранов, Михайлов, Сидоров 1998]. Как и в классических вариантах языков классификационного типа, в качестве элементов фасетных ИПЯ могут выступать символьные выражения (коды), но часто используются и лексические элементы естественного языка с унифицированной морфологической формой. Каждый параметр (аспект) классификации называется фасетом. Совокупность фасетов, используемая для индексирования документа, называется **схемой классификации**. В поисковом образе документа последовательность и состав фасетов строго фиксированы. Они образуют **фасетную формулу** (см. рис. 1).

Рис. 1. Структура документа в информационном компоненте Корпуса текстов по современной российской публицистике

Страсбург кружит им голову. Они ходят по нему, расправив плечи, освободившись от комплексов и раскрепостившись. Иногда даже кажутся симпатичными. Плакаты, расклеенные по всему Страсбургу, утверждают, что этот маленький французский город — столица Европы. Впрочем, основания для таких утверждений хорошо известны любому здешнему обитателю. Именно здесь, в провинциальном городке с большой судьбой, который в течение нескольких веков служил причиной распрей между Францией и Германией, неоднократно переходил из рук в руки, а в конце второй мировой войны едва не был стерт с лица земли в результате ошибочного налета французской авиации, обитают на протяжении послевоенного времени самые крупные и авторитетные общеевропейские институты (...).

Большинство российских парламентариев, делегированных фракциями Думы в Парламентскую ассамблею Совета Европы, еще недавно казались принципиально необучаемыми и неприспособленными к такого рода деятельности, требовавшей специальных знаний, усидчивости, умения аргументированно и внятно выразить и защитить свою точку зрения, терпимости к мнению оппонента. Они были несправимо косноязычны, ставя в тупик даже вышколенных здешних переводчиков, они вечно попадали впросак: то выступали невпопад, то их не оказывалось на месте, когда приходил черед выступать, потому что они, конечно не успевали вовремя вернуться с «шопинга» (...).

В приведенном примере представлен довольно простой вариант фасетной классификации. В общем случае фасетные ИПЯ предполагают достаточно разветвленное, подробное описание каждого фасета — иерархического дерева понятий. Фасетные классификации довольно сложны и в аспекте индексирования, и в аспекте организации информационного поиска, выборе критериев соответствия.

Иерархические классификации и языки фасетного типа получили наибольшее распространение в ручном информационном поиске. В автоматизированных ИПС чаще используются **дескрипторные информационно-поисковые языки**. Тематика документа описывается совокупностью дескрипторов. В качестве дескрипторов выступают слова, термины, обозначающие простые, достаточно элементарные категории и понятия проблемной области. В поисковый образ документа вводится столько дескрипторов, сколько различных тем затрагивается в документе. Количество дескрипторов не ограничивается, что позволяет описать документ в многомерной матрице признаков. Совокупность дескрипторов задает координаты документа в матрице — отсюда термин **координатное индексирование**. Часто в дескрипторном ИПЯ налагаются ограничения на сочетаемость дескрипторов в ПОДе и ИП; в этом случае можно говорить о том, что ИПЯ обладает синтаксисом.

Одна из первых систем, работавших с дескрипторным языком, была американская система УНИТЕРМ, созданная М. Таубе. В качестве дескрипторов в этой системе функционировали ключевые слова документа — унитермы. Особенность этой ИПС заключается в том, что изначально словарь информационного языка не задавался, а возникал в процессе индексирования документа и запроса. Такой способ организации ИПС оказался чрезвычайно гибким, поскольку с помощью унитермов — простых понятий проблемной области — можно было достаточно полно описать любой документ. Например, сочетание унитермов «кадры» и «новый» давало возможность получить всю информацию о новых кадровых решениях, а сочетание «мебель», «офис» позволяло получить документацию об офисной мебели. К сожалению, гибкость структуры первых дескрипторных ИПЯ порождала проблему полноты и точности информационного поиска. Полисемия и синонимия естественного языка в полной мере давала себя знать в процессе индексирования документов и запросов: если из нескольких синонимов пользователь выбирал не тот синоним, который был представлен в ПОДе документа, то документ не выдавался ИПС.

На следующем этапе развития ИПЯ дескрипторного типа возникла технология лингвистического (другие варианты — лексического или словарного) контроля, заключавшегося в унификации языка индексирования запросов и документов. Наиболее удачной формой унификации оказался дескрипторный словарь, в котором в эксплицитной Форме перечислялись те слова (дескрипторы), которые допускаются^в индексировании. Дескрипторный словарь с указанными в нем парадигматическими отношениями получил название **информационно-поискового тезауруса** (ИПТ). Объединение дескрипторов в рамках одного таксона в тезаурусе позволяло установить отношения квазисинонимии, обеспечивало переход от более частных понятий к более общим и наоборот, что давало возможность преобразовать запрос в более частный или более общий по сфере охвата документов. Фактически хороший информационно-поисковый тезаурус является понятийной моделью проблемной области. Разработка ИПТ стоит в центре создания любой информационно-поисковой системы. Среди парадигматических отношений в тезаурусе обычно отражаются отношения «род—вид», «часть—целое», «свойство—проявление свойства», «процесс—результат», «действие—результат», «причина—следствие», «предмет/объект—типичная функция». Как правило, в зону парадигматических связей попадают и ассоциативные отношения, позволяющие расширить информационный поиск по параметру полноты.

Принципы создания ИПТ и их форма определяются специальными государственными стандартами. В обычном случае ИПТ состоит из двух основных частей — собственно тезауруса, в котором представлены все дескрипторы с указанием связей между ними, и комплекса указателей, позволяющих перейти от дескриптора к структуре тезауруса. Кроме алфавитного указателя дескрипторов, ИПТ может включать частотные указатели, указатели допустимых сочетаний дескрипторов и пр. Как правило, словарная статья ИПТ включает сам дескриптор и четыре зоны:

- синонимы к данному дескриптору;

- «вышестоящие» дескрипторы (более общие термины по сравнению с данным; отношение «гипероним—гипоним»);
- «нижестоящие дескрипторы» (более частные термины по сравнению с данным; отношение «гипоним—гипероним»);
- ассоциативные дескрипторы.

Синонимия является неиерархическим симметричным отношением, которое нежелательно для ИПТ, поскольку синонимия осложняет процесс информационного поиска. Часто отраслевые тезаурусы содержат синонимы, однако статус дескрипторов (элементов информационно-поискового языка) получает только один из лексических элементов синонимического ряда. Иногда в ИПТ вводятся и другие типы симметричных отношений — отношения сходства, общего подчинения по различным признакам.

Правила использования тезауруса — приписывания дескрипторов документам — регламентируются специальными инструкциями, различающимися от одной ИПС к другой. Тем не менее, инструкции не спасают: практика показывает, что процесс ручного индексирования представляет собой сложную задачу, в которой соединяются абсолютно рутинные процедуры и искусство. Качество индексирования документов в огромной степени определяет эффективность информационного поиска. Для улучшения характеристик полноты поиска часто используют **метод избыточного индексирования**: поисковый образ документа и поисковое предписание пополняются за счет ассоциативных дескрипторов. Разумеется, это ухудшает параметры поиска на точность.

Решение о релевантности документа данному запросу определяется специальными **критериями выдачи** (КВ). Здесь различаются два основных типа критериев — **вычисляемые** и **логические**. Вычисляемые КВ опираются на количественные характеристики. Обычно это соотношение количества одинаковых дескрипторов в ПОДе и поисковом предписании. Полное совпадение дескрипторов ПОДа и поискового предписания как основной КВ используется крайне редко. Как правило, речь идет о пересечении, количественная оценка которого производится в процентах. Чаще всего в качестве порога релевантности используется величина в 50 %. Значение критерия выдачи вычисляется по следующей формуле:

$$R = \frac{N_i}{N_j},$$

где N_i — количество совпавших дескрипторов в ПОДе и поисковом предписании; N_j — общее количество дескрипторов в поисковом предписании.

В некоторых случаях для повышения точности поиска различным дескрипторам приписываются веса, отражающие их значимость для описания содержания документа или для выражения информационной потребности пользователя. В этом случае в КВ веса дескрипторов, естественно, так или иначе учитываются.

Логические критерии выдачи основываются на тех логических отношениях, которые устанавливаются пользователем между дескрипторами поискового предписания. Последнее имеет вид конъюнктивной нормальной формы — конъюнкции дизъюнкций. Конъюнкцией связываются дескрипторы, отражающие различные аспекты запроса, а оператор дизъюнкции используется для связывания дескрипторов, находящихся в отношении квазисинонимии.

Увеличение объема документов в современных ИПС приводит к тому, что ручное индексирование документов становится практически невозможным. Стратегически эта проблема решается в настоящее время по двум основным направлениям. Первое направление — создание систем автоматического индексирования. Функционально они заменяют ручное индексирование и позволяют создавать ПОДы документов в автоматическом режиме. Хорошие системы автоматического индексирования не уступают по качеству работы ручному индексированию. Алгоритмы работы систем такого рода включают два основных этапа. На первом этапе происходит отбор лексических единиц из текста на основании списка ключевых слов, существенных для данной проблемной области, а на втором — отобранные слова с помощью процедур морфологического анализа приводятся к каноническому/исходному виду. В качестве такового может фигурировать не только исходная словарная форма, но и псевдооснова. Вторая стратегия решения проблемы ручного индексирования связана с разработкой ИПС бестезаурусного типа. Такие ИПС работают с пользователем на ограниченном естественном языке, а поиск осуществляется по текстам рефератов документов, по их библиографическим описаниям, а часто и по самим документам. Для индексирования в ИПС бестезаурусного типа используются слова и словосочетания естественного языка. Работа с естественным языком предполагает, что в ИПС должны быть встроены грамматические парсеры. Проведенные эксперименты показали, что ИПС последнего типа, несколько снижая параметры поиска по полноте, существенно повышают точность выдачи [Панков, Захаров 1996]. Именно в этом направлении идет развитие современных информационно-поисковых систем.

Задание 1. Иерархические отношения в информационно-поисковом тезаурусе, в частности отношения «род-вид», часто скрывают за собой комплекс более сложных отношений. Если эти более «дробные» отношения встречаются в проблемной области регулярно, то иерархическая структура может дополняться фасетной классификацией — альтернативной по отношению к семантическому дереву тезауруса. В [Варга 1970, с. 93, 94] разбирается показательный пример такого типа. Рассмотрим его

подробнее.

Таксон РАКЕТА ИПТ по ракетной технике включает следующее множество единиц:

РАКЕТА

баллистическая ракета; одноступенчатая ракета; электрическая ракета, ракета без человека; ракета с человеком на борту; ракета с орбитой вокруг луны; лунная ракета; межпланетная ракета; управляемая ракета; исследовательская ракета; квантовая ракета; ракета, запускаемая с аэростата; высотная ракета; ракета, несущая приборы; ракета без пилота; ракета-спутник; солнечная ракета; термическая ракета; многоступенчатая ракета; космическая ракета.

Семантический анализ показывает, что таксон не однороден и может быть разбит по нескольким различным основаниям: 1) вид горючего; 2) число ступеней; 3) способ управления; 4) способ старта; 5) характер груза; 6) пилотируемость; 7) назначение; 8) характер орбиты.

1. Сделайте фасетное разбиение таксона по указанным параметрам.

2. Предложите свои параметры фасетной классификации и проведите разбиение таксона по ним.

Задание 2. Среди иерархических отношений в ИПТ может отражаться и отношение «часть-целое», которое также не всегда оказывается однородным. Однако в рассматриваемом ниже примере это не тот тип неоднородности, который был разобран выше в Задании 1. Семантика «части-целого» в данном случае сохраняется и распространяется дальше по дереву, формируя более дробные непересекающиеся таксоны. Предложите свой вариант иерархического членения таксона РАКЕТА, сформированного на основании отношения «часть-целое»:

РАКЕТА

бак горючего, бак топлива, бак средства окисления, защитный конус, кабина, камера сгорания, механизм управления, несущая ракета, носовой конус, плоскость управления, подача горючего, полезная нагрузка, приборы, привод, тело ракеты, управление, форсунка.

Основная литература

1. *Панков И. П., Захаров В. П.* Информационно-поисковые системы // Прикладное языкознание. СПб., 1996.
2. *Московиц В.А.* Информационные языки. М., 1971.

Дополнительная литература

1. *Дейт К.* Введение в системы баз данных. М., 1980.
2. Информатика / Под ред. К.В.Тараканова. М., 1986.
3. *Мартин Дж.* Организация баз данных в вычислительных системах. М., 1980.
4. *Сэлтон Г.* Автоматическая обработка, хранение и поиск информации. М, 1973/.

Глава 5 Оптимизация социальной функции языка, функционирование языка как средства воздействия

§ 1. Лингвистика и функционирование государства

Функционирование языка в обществе с развитой политической и социальной структурой требует постоянного регулирования, иначе спонтанные процессы изменения языковой системы, проявляющиеся в первую очередь в изменении лексического состава, в модификации норм произношения, приведут к сложностям в общественной коммуникации — к сбоям в работе средств массовой информации, к проблемам в функционировании институтов государства и публичной политики, к разрушению образования и т. д. Вмешательство государства в этом случае оказывается необходимым. Однако государство в лице своих исполнительных и законодательных органов, а также судебной власти, обеспечивая легитимность и правовые основания языкового регулирования, не может сформулировать его содержание. Собственно содержание регулирования, его принципы разрабатываются с непосредственным участием лингвистов.

Изучение взаимодействия языка и общества относится к числу основных задач социолингвистики. Принято различать два аспекта социолингвистических исследований — влияние социальной структуры общества на язык и язык как фактор влияния на общество. В первом случае в центре внимания стоят проблемы связи языковых форм с социальной стратификацией. Например, в классической работе В. Лабова

«Социальная стратификация английского языка в Нью-Йорке» [Labov 1966] проводится исследование специфики речевого поведения жителей нью-йоркского Ист Сайда, проявляющегося в использовании некоторых типичных речевых форм.

Государственное регулирование языка относится ко второй части социолингвистической проблематики. Оно разбивается на две части — языковую политику и языковое строительство. В центре **языковой политики** стоят политические цели, формируемые соответствующими политическими институтами — конституцией, политической программой правящей партии и т. п. Например, языковая политика в Финляндии направлена на обеспечение равноправия финского и шведского языков, а языковая политика в Казахстане — на развитие и доминирование казахского языка в государственной сфере. Есть и довольно экзотические случаи. По свидетельству В.М.Алпатов [Алпатов 1996, с. 25], в Австралии в 1973 г. правительством лейбористов была принята программа всеобщего двуязычия, в соответствии с которой каждый житель Австралии должен свободно владеть двумя языками: родным и иностранным (если родной — английский), родным и английским (если он иностранец или абориген). Такой казус всеобщего двуязычия можно считать проявлением общей тенденции к проведению политики языкового плюрализма, характерного для современных развитых государств. Языковая политика всегда является следствием государственной политики.

Языковое строительство обычно рассматривается как часть языковой политики и представляет собой комплекс конкретных мероприятий, проводящихся на общегосударственном и региональном уровне. К числу таких мероприятий относится, например, разработка национальных программ обучения языку на всех уровнях образовательной системы, создание нормативных словарей (толковых, орфографических, орфоэпических и т. п.) и грамматик, разработка и введение алфавитов, формирование и фиксация норм литературного языка, нормирование языка средств массовой информации и т. д.

Типичным мероприятием языкового строительства можно считать известные реформы русского письма и орфографии. Петровская реформа азбуки (орфографическая реформа, проводившаяся в двух вариантах — в 1708 и в 1710 гг.) привела к замене церковной кириллицы новым гражданским шрифтом, в котором вводилось различие между строчными и прописными буквами, была отменена обязательная постановка на письме ударения в словах. Петр I узаконил употребление буквы «э», изъясил некоторые дублетные буквы, отменил титулы (знаки сокращения слова). Существенно изменили вид русского письма арабские цифры, которыми были заменены кириллические буквы с соответствующими значениями. С начала XX века в Академии наук группа ученых под руководством Ф. Ф. Фортунатова и А. А. Шахматова вела работу над проектом упрощения русской орфографии. В орфографической комиссии активное участие принимали известные лингвисты — И. А. Бодуэн де Куртене, Р. Ф. Брандт, В. И. Чернышев. Однако разработанный в 1904 г. проект не получил государственной поддержки и не стал тогда актом государственного строительства. Его основные положения были учтены только в реформе 1917—1918 гг. Иными словами, языковое строительство в своей исполнительной части — прерогатива государства, принимающего или отвергающего проекты специалистов.

К примерам глобальных акций в области языкового строительства можно отнести создание алфавитов и письменностей для языков народов СССР, осуществлявшееся как государственная программа с начала 20-х гг. Разработка основ письменности для бесписьменных народов и модернизация (отчасти унификация) имевшихся алфавитов происходила в рамках языковой политики удовлетворения потребности идентичности (и самоидентификации) различных этнических образований, населявших территорию СССР. Фактически речь шла об обеспечении реального развития национальных языков. Программа была поддержана институционально: в 1925 г. в Баку был организован Всесоюзный центральный комитет нового алфавита (ВЦКНА), в котором была сосредоточена практически вся работа по созданию алфавитов национальных языков народов СССР, за исключением народов Севера, имевших свой региональный центр в Ленинграде (Комитет народов Севера). Дополнительно при ВЦКНА организуется Центральный институт языка и письменности, который в конце 30-х гг. объединяется с Институтом языка и мышления АН СССР.

Кроме институциональной поддержки, программа была обеспечена высококлассными лингвистами. В работе ВЦКНА принимали участие Е. Д. Поливанов, Л. И. Жирков, Н. Н. Поппе, Л. П. Якубинский и ряд других ученых. Во главе проекта стоял Н. Ф. Яковлев. Лингвистическое обоснование проекта было одной из причин успеха в проведении языковой политики. Участники проекта разрабатывали теоретические принципы построения алфавита, исходя из системы языка и его функционирования в обществе. В частности, был реализован тезис о единых основаниях создания алфавитов для разных языков. Е. Д. Поливанов писал о том, что однотипные фонологические различия должны описываться единообразно, а специфические — по-разному.

Особой частью программы языкового строительства в СССР было создание литературных языков — уникальная проблема, не имевшая в то время precedентов в мировой практике. И здесь знания лингвистов-экспертов были чрезвычайно важны. Например, чисто практическая проблема — что брать в качестве основы литературного языка — требовала серьезной лингвистической подготовки. В выборе основного варианта для литературного языка следует учитывать несколько факторов различной природы. Считалось, например, что на статус литературного может претендовать только тот диалект, в котором сохранились в наиболее полном виде свойства праязыка. Другой тезис заключался в том, что в литературном варианте должны быть равномерно представлены все диалекты данного языка. Теоретики языкового строительства

отстаивали приоритет не лингвистических, а социокультурных факторов, к которым относятся такие категории, как престижность диалекта, его распространенность, использование как инструмента общения между носителями других диалектов, использование диалекта носителями других языков того же языкового ареала и т. д. Так, Поливанов выступал против принятого в Узбекистане решения строить литературный язык на основе кишлачных диалектов. Последние, по мнению сторонников этого решения, в большей степени сохранили исконно тюркские черты. Однако в окончательном варианте литературный узбекский создавался на основе городских диалектов, оказавшихся более престижными [Алпатов 1996, с. 54].

Иными словами, в центре обсуждения оказались понятия, ставшие впоследствии базовыми категориями современной социолингвистики. К ним относятся, в частности, свойства языка, влияющие на оценку его социального статуса: 1) историческая обусловленность языка (формирование языка в процессе естественного функционирования; сюда относится также связь с национальной традицией, если таковая существует); 2) стандартизация (наличие кодифицированных грамматических и лексических норм); 3) жизнеспособность (существование достаточно большого количества носителей); 4) гомогенность (связь лексикона и грамматики языка с более ранними этапами его развития). На основе этих свойств У. Стюарт разработал социолингвистическую типологию языков: стандартный язык (реализуются все свойства, кроме последнего); классический (все свойства, кроме третьего); местный (все свойства, кроме второго); креольский (все свойства, кроме второго и четвертого); пиджин (только первое свойство) [Stewart 1962].

Типология разрабатывалась Стюартом как часть метаязыка для описания **языковой ситуации** — одного из важнейших понятий социолингвистики, введенного Ч. Фергюсоном. Понятие языковой ситуации характеризует язык в его связи, во-первых, с другими языками данного ареала, и, во-вторых, с носителями данного языка и других ареальных языков, а также с их представлениям о статусе и сфере использования этих языков. Другая часть метаязыка Стюарта — функции языка как средства общения. Различаются следующие функции: официальная функция (использование языка в сфере политики и государственного управления); групповая функция (использование языка в определенном языковом коллективе, этнической группе); функция широкой коммуникации (функционирование языка как средства межнационального общения в пределах государства); образовательная функция (использование языка в системе образования); литературная функция (использование языка в художественной литературе и науке); религиозная функция (использование языка в религиозных обрядах и религиозной литературе); техническая функция (использование языка для получения научно-технической информации). Каждый социолингвистический тип языка и каждая функция получила специальное обозначение, что позволило описывать языковую ситуацию в виде формул.

Таксономия Стюарта была в дальнейшем уточнена и развита Фергюсоном, который ввел в метаязык различие «крупных», «малых» и «особых» языков, а также две новые функции — функцию международного общения и функцию, характеризующую изучение языка в качестве школьной дисциплины. «Крупными» считаются языки, которые являются родными по крайней мере для 25 % населения страны, или языки, число носителей которых превышает 1 млн человек, а также официальные государственные языки. К «малым» языкам относятся языки, на которых говорят от 5 до 25 % населения страны или не менее 100 тыс. человек. К «особым» языкам относятся языки, используемые в религиозных обрядах, на которых имеется художественная литература, преподаваемые в качестве особой дисциплины в большинстве учебных заведений и пр.

Языковая ситуация может также характеризоваться в терминах билингвизма и диглоссии. Под **билингвизмом** понимается ситуация сосуществования двух языков в одном и том же языковом коллективе, который использует эти языки в разных ситуациях общения в зависимости от тех или иных условий коммуникации [Швейцер 1976, с. 115]. По Фергюсону, **диглоссией** называется такая ситуация, когда две и более разновидности языка, представленные в одном языковом коллективе, используются в различных коммуникативных ситуациях. В терминах диглоссии Б. А. Успенский описывал соотношение между древнерусским и старославянским языком: первый — язык повседневного общения; второй — язык религии, искусства, науки [Успенский 1994, с. 4—8].

Другими важными понятиями социолингвистики, необходимыми для описания языковой ситуации, являются категории **языковой общности** и **языкового коллектива**, понимаемые довольно широко. Языковой коллектив — это совокупность людей, объединяемая каким-то формами социального взаимодействия (в том числе коммуникативного), а языковая общность — множество людей, выделяемое на основании какого-то параметра (пола, возраста, образования) для целей исследования. Коммуникативное взаимодействие между ними не обязательно. В некоторых работах проводится разграничение между языковым и речевым коллективами. Если первый характеризуется общностью языка как системы, то второй — единым набором речевых особенностей.

Задачей социолингвистического изучения языка является не только описание языковой ситуации, но и фиксация **социальной вариативности языковых средств**. Последняя проявляется в двух основных формах — стратификационной и ситуативной. **Стратификационная вариативность** связана с социальной структурой общества. Варьирование языковых средств определяется принадлежностью носителя к той или иной социальной группе. Так, варьирование старомосковской нормы произношения (произношение типа *було[ин]ая*) и обычной литературной (произношение типа *було[чи]ая*) может служить коррелятом «гиперинтеллигентности», принадлежности к престижным социальным группам (лицам творческих

профессий, среде старомосковской интеллигенции и пр.). **Ситуативная вариативность** определяется варьированием языковых средств в зависимости от типа ситуации общения (ср. противопоставление «высокого» и «низкого» стиля; литературного и разговорного языка, а также просторечия). Основной единицей социолингвистического анализа варьирования является **социолингвистическая переменная** — любой языковой (речевой) коррелят стратификационной или ситуационной вариативности. Например, местоимения *ты* и *вы* при изучении их функционирования в социолингвистическом исследовании имеют статус социолингвистических переменных. В целом концептуальный аппарат социолингвистики в значительной степени опирается на методы и категории социологии.

Основная литература

1. Алпатов В. М. 150 языков и политика: 1917-1997. М., 1996.
2. Белл Р. Социолингвистика. Цели, методы и проблемы. М., 1980.
3. Швейцер А. Д. Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы. М., 1976. С. 69-86, 114-145.

Дополнительная литература

1. Зиндер Л. Р. Введение в теорию письма // Прикладное языкознание. СПб., 1996. С. 15-24.
2. Иванова В. Ф. Орфография // Прикладное языкознание. СПб., 1996. С. 25-33.
3. Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику. М., 1978.

§ 2. Лингвистические аспекты теории воздействия: языковые механизмы вариативной интерпретации действительности*

2.1. Предмет теории воздействия и ее истоки

Объектом теории воздействия являются когнитивные, психологические, социальные, языковые и другие механизмы, позволяющие влиять на сознание, на процесс принятия человеком тех или иных решений. Поскольку эти механизмы весьма разнообразны, то и сама теория воздействия оказывается по сути междисциплинарной, что выражается в отнесении этой проблематики к числу задач заведомо междисциплинарных научных направлений, оформившихся в последние десятилетия. Здесь имеются в виду прежде всего когнитивная наука, исследующая, среди прочего, присущие человеку способы мышления и, как следствие, способы интерпретации действительности. В какой-то мере в этом ряду может быть упомянут и искусственный интеллект — особенно те разработки в рамках ИИ, в которых создаются компьютерные модели политического мышления (см., например, [Абельсон 1987]). Кроме того, проблемы речевого воздействия в той или иной мере входят в сферу интересов социологии, психологии, философии, логики, юриспруденции, политологии, семиотики, теории рекламы, языкознания и, конечно, прикладной лингвистики, поскольку знания об устройстве языковой системы необходимы как для разработки технологий воздействия, так и для выявления случаев манипулирования сознанием.

Воздействие на сознание и процесс принятия решений тесно связаны с проблематикой категорий истины и лжи. Важно отметить, что категория лжи рассматривалась в логико-философской литературе прежде всего в аспекте истинности высказывания, понимаемой как соответствие

* В параграфе используются положения работ [Баранов, Паршин 1986; Баранов 1990; Баранов 2000].

действительности («корреспондентная» теория истинности). Иными словами, обсуждалось то, что можно было бы назвать «пропозициональным искажением истины». Между тем, обратившись к прагматике речевого общения, к реальным ситуациям воздействия, легко обнаружить, что в языковом манипулировании более интенсивно используются «непропозициональные» способы искажения истины, основанные на возможности вариативной интерпретации действительности средствами языка. Обычно в этих случаях говорят о «введении в заблуждение», «полуправде», «умолчании» (ср. противопоставление тотальной лжи и полужли в [Вайнрих 1987]). **Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности определяются самой сущностью функционирования языка, преобразующего недискретное в дискретное.** С помощью языка человек получает возможность осмыслить недискретную действительность, интерпретируя ее в дискретных терминах языковых категорий. Происходит и другой процесс (в каком-то смысле обратный процессу интерпретации) — недискретный многомерный мир смысла преобразуется в развернутую по временной оси дискретную последовательность языковых выражений. Сущность механизмов вариативной интерпретации действительности (языковых механизмов ВИД) обсуждается ниже.

Существование языковых механизмов воздействия на сознание, воспринимаемых, преимущественно, как средство непропозиционального искажения истины, на протяжении длительного времени отмечалось философами (занимавшимися проблемами этики и эстетики), писателями и публицистами, психологами и представителями так называемой «общей семантики». Одним из первых вопрос о влиянии языка на восприятие действительности и, соответственно, о ее альтернативных интерпретациях затронул Фр. Бэкон в «Новом Органоне» [Бэкон 1977], обсуждая процесс человеческого познания и сопутствующие ему заблуждения — «идолы» или «призраки». В их числе он упоминал «идолов площади» (*idola fori*),

порождаемых в процессе речевого общения и, в частности, приводящих к отождествлению слова и вещи — «языковая угроза», интенсивно обсуждавшаяся впоследствии многими исследователями, в том числе Дж. Локком в «Опыте о человеческом разуме», где можно обнаружить элементы теории и типологии «злоупотребления словами» (abuse of words) [Локк 1960]. Локк выделял, в частности, внесение намеренной неясности в высказывание; использование слов для номинации того, что они не могут обозначать; использование выражений с широкой семантикой (*идея, истина, народ* и пр.); чрезмерную образность речи.

В теологии о способах искажения истины писал Аврелий Августин и его крупнейший интерпретатор Фома Аквинский, которые, впрочем, ориентировались не столько на языковые, сколько на морально-этические категории (типы лжи исчислялись по их последствиям для участников — вреду, пользе и т. п.).

Осмысление проблем использования языковых механизмов ВИД прослеживается в художественной литературе. Так, Н. В. Гоголь, передавая в своей поэме беседы Чичикова с помещиками относительно продажи мертвых душ, исключительное внимание обращает на процесс естественноречевой аргументации. При этом им тонко подмечается тот факт, что Чичиков по-разному квалифицирует предмет купли-продажи, в одном случае называя его собственно *мертвыми душами*, а в другом, ориентируясь на иных адресатов с иными представлениями, уже определяет его как *неживые, несуществующие, ревизорские души (окончившие жизненное поприще)* и т. д. (см. более подробный разбор этого примера в конце параграфа). Языковые аспекты механизмов воздействия привлекали внимание писателей, особенно склонных к морализаторству. Здесь могут быть упомянуты Л. Н. Толстой, существенной чертой творческого метода которого было развенчание разнообразных символов и стереотипов, в том числе языковых — ср. его определение в «Воине и мире» знамен как «тряпок на палках», а также А. Бирс, автор знаменитого «Словаря сатаны», в котором «черное» определяется как «белое», «белое» как «черное» и т. д. Риторическая традиция в той или иной мере затрагивала практически все стороны речевого воздействия, сосредотачиваясь на изменении языковой формы речи в зависимости от типа аудитории, типа текста, условий ситуации общения [Античные риторики 1978].

Рационалистически-морализаторская англоязычная традиция (Фр. Бэкон, Дж. Локк, А. Бирс, Э. Херман, У. Лэмбин), своеобразно преломилась в школе «общей семантики» А. Кожибского и его более или менее ортодоксальных последователей С. Чейза, С. И. Хаякавы и до некоторой степени А. Раппопорта. Оригинальность принципов «общей семантики» — тезисов о нетождественности слова и вещи, о неполноте описания действительности языковым выражением — очевидным образом относительна. Новую интерпретацию тезис о нетождественности слова и вещи приобрел в нейро-лингвистическом программировании (см. §3 главы 5). В рамках собственно языкознания механизмы ВИД стали обсуждаться сравнительно поздно. Так, не далее чем в 1972 г. Д. Болинджер в качестве президента Американского лингвистического общества обосновал важность профессионального лингвистического подхода к изучению искажения истины [Болинджер 1987]. Тем не менее, в советском языкознании уже Л. В. Щерба поставил задачу «показа тех лингвистических средств, посредством которых выражается... идейное содержание» [Щерба 1957, с. 97], а также указывал на важность исследования стерео-типизированной лексики, интенсивно используемой в целях воздействия на сознание [Щерба 1942].

Можно сделать вывод, что значительная часть вопросов, связанных с функционированием языковых механизмов воздействия на сознание, была поставлена достаточно давно. При этом степень изученности различных языковых механизмов ВИД неодинакова. Почти все исследователи, пишущие на эту тему, сосредотачиваются прежде всего на значении отдельных слов. На преобладание лексической семантики в области изучения механизмов ВИД обращал внимание Д. Болинджер в предисловии к книге «Язык: заряженное оружие» [Bolinger 1980]. Исследования последнего десятилетия несколько изменили общую картину, однако преобладание лексико-ориентированных исследований сохраняется. Эти вопросы весьма актуальны и поныне, однако лишь в последнее время в рамках когнитивной науки, когнитивной лингвистики и лингвистической прагматики был разработан концептуальный аппарат, позволяющий вплотную подойти к изучению лингвистических аспектов феномена воздействия.

2.2. Языковое варьирование как важнейший источник имплицитного воздействия языка на сознание. Предпосылки языкового варьирования

Говоря о теории речевого воздействия, следует подчеркнуть, что она, вопреки широко распространенному мнению, отнюдь не исчерпывается речевыми произведениями, циркулирующими в сфере массовой коммуникации, публичной политики, рекламы и т. п. На это в явной форме указывает, в частности, Р. М. Блакар: «Идея о том, что наше — мое и твое — повседневное использование языка, наша непринужденная беседа предполагает осуществление господства, то есть влияние на восприятие мира и его структурирование собеседником — эта идея может показаться одновременно неожиданной и многообещающей» [Blakar 1979, p. 134]. Из этого следует, что «нейтральное» выражение вряд ли возможно. Говорящий не только **имеет возможность** выбирать различные варианты выражения некоторого содержания, но и вынужден осуществлять этот выбор. Близкую аналогию можно увидеть в сфере грамматики: язык навязывает говорящему обязательный выбор той или иной граммы грамматической категории (единственное или множественное число, вид, время) — часто вне зависимости от того, нужно ли это реально с точки зрения коммуникативной интенции говорящего.

Основной лингвистической предпосылкой языкового варьирования является **принципиальное несоответствие между структурой языка как системы и недискретной реальностью**. Преобразование недискретного в дискретное в любом случае приводит к искажениям, причем эти искажения нерегулярны — в зависимости от использования тех или иных языковых средств меняется и дискретная интерпретация одного и того же фрагмента реальности и, тем самым, взгляд на него. Такое варьирование может восприниматься и как коммуникативно значимое, и как коммуникативно незначимое. Например, в языке есть средства для различного описания одной и той же ситуации, которые в одних коммуникативных условиях рассматриваются как одинаковые, а в других — как принципиально различающиеся, при этом правила выбора интерпретации различения или отождествления четко не определены. Иными словами, предложения *Бутылка наполовину пуста* и *Бутылка наполовину полна* в каких-то ситуациях общения оказываются практически эквивалентными, а в каких-то совершенно различными. Значимое варьирование языковых форм предполагает, с одной стороны, принципиальную различимость языковых выражений *A* и *B* (аспект различения, значимость), а с другой — их возможную отождествимость (аспект отождествления, вариативность).

Ситуация осложняется еще и тем, что язык — это не только система. Кроме системной части с четко противопоставленными дискретными единицами и связывающими их отношениями, в языке есть феномены, которые содержат недискретную составляющую. К ним относится, например, естественная языковая метафора, представляющая собой отражение метафоры как когнитивной сущности (см. подробнее по этому поводу [Баранов 1991]). Недискретность метафоры проявляется в семантических следствиях из нее, которые принципиально неисчислимы. В разных контекстах для одной и той же метафоры могут коммуникативно «высвечиваться» различные следствия. Рассмотрим контексты (1) и (2), в которых употреблена одна и та же метафора ЛОДКИ (примеры взяты из [Баранов, Караулов 1994, с. 75]):

(1) (...) поскольку из «Акта провозглашения независимости Украины» следует, что ее территория неделима и неприкосновенна и что на территории независимого украинского государства имеют силу исключительно ее Конституция и ее законы, жители Крыма оказались в роли пассажиров лодки, которую большой корабль потащил вдруг на буксире совсем не туда, куда им хотелось бы.

[Э. Кондратов, В. Филиппов]

(2) Возникла опасность голода. Нам нужно действительно объединиться, чтобы не умереть! Уж слишком раскачали мы **гигантскую лодку**, именуемую СССР.

[М. Ульянов]

В первом контексте метафора позволяет акцентировать внимание на идее несамостоятельности, подчиненности, следующей из лингвистических и экстралингвистических знаний о лодке — прототипическая лодка меньше корабля, на ней не обязательно присутствует мотор и пр. Во втором контексте обращается внимание на ненадежность, опасность обсуждаемой ситуации. Поскольку знания человека о действительности чрезвычайно многообразны, то предсказать, какое семантическое следствие из той или иной метафоры будет «высвечено» в контексте, очень трудно.

В процессе синтеза высказывания языковая система используется для дискретизации многомерного мира смысла. Поскольку смысл нелинеен, то его линеаризация в речевой последовательности, упорядоченной по временной оси, также оказывается вариативной. Коммуникативные «упаковки» смысла вносят неоднородность в план содержания высказывания, что приводит к возникновению в нем различных компонентов или слоев, неодинаковых по степени эксплицитности содержания. К эксплицитным слоям относятся, например, пропозиция, фокус, рема, а к имплицитным — пресуппозиция, установка, следствие, модальный компонент, импликатура дискурса и т. д. Помещение семантической информации в имплицитный компонент плана содержания высказывания и текста позволяет говорящему осуществлять имплицитное воздействие на адресата. Например, рекламы типа *Почему наш комфортабельный спортивный автомобиль признан самым удобным автомобилем года* самую важную часть смысла — в данном случае идею комфортабельности рекламируемого автомобиля — содержат в пресуппозициональном компоненте высказывания. Такой прием в рекламе называется **навязыванием пресуппозиции**.

Недискретные элементы содержатся и в плане содержания слова. «(...) значение слова по своему объему растянуто (*weitgespannt*)», — замечает Вайнрих и далее пишет: «(...) всякое значение неопределенно (*vage*)» [Вайнрих 1987, с. 49]. В современной лексической семантике при описании таких специфических областей плана содержания иногда говорят о «факультативных», «слабых» компонентах семантической экспликации (см., например, [Апресян 1995 6, с. 38-40]). Известная расплывчатость, неясность плана содержания языковых выражений, «многослойность» их строения, наличие в языке отношений омонимии, синонимии, полисемии, антонимии и др. на различных уровнях его структуры — все это образует целый комплекс лингвистических предпосылок функционирования языковых механизмов ВИД.

Кроме собственно лингвистических оснований, существуют и другие предпосылки речевого воздействия.

Коммуникативные предпосылки определяются самой природой общения на естественном языке. Начиная естественную языковую коммуникацию, участники вынуждены основываться на многочисленных предпосылках, имплицитных договоренностях о структуре диалога. Сюда относятся роли участников (активный участник vs. пассивный участник; спрашивающий vs. отвечающий; лектор vs. слушатель и пр.);

максимы Грайса; условия успешности речевых актов; социально и культурно обусловленные условия смены коммуникативного хода и пр. Носители языка не имеют возможности каждый раз обсуждать базовые условия общения (хотя в некоторых социальных и государственных институтах предусмотрены процедуры такого рода — ср., например, акт установления «надлежащего истца и надлежащего ответчика» в гражданском процессе). Очень точно об этом сказал Г. Фреге в работе «Sinn und Bedeutung»: «Если попытаться ничего не опускать в речи, она станет невыносимо многословной» (цитируется по [Серио 1999, с. 365]). Действительно, если каждый раз мы будем выяснять, кто говорит первый, а кто — второй, можно ли повторять сказанное ранее, достаточная ли степень уважения оказана собеседнику и требует ли обычный вопрос ответа, то общение будет состоять из последовательности метаактов, воспринимаемых как цепочка коммуникативных неудач. Относя нужную информацию к исходным условиям коммуникации, говорящий имеет возможность имплицитно навязывать ее слушающему. Отсюда различные виды «статусного» давления на адресата, злоупотребление коммуникативной ролью активного или пассивного участника ситуации, сознательное использование преимуществ «слабой стороны» в переговорах и пр.

Экстралингвистические предпосылки заключаются в том, что сами по себе языковые механизмы ВИД принципиально не привязаны к выражению истины или лжи. Одни и те же лингвистические способы выражения смысла и описания ситуации применимы как для искажения истины, так и для ее прояснения. М. Холлидей (со ссылкой на М. Дуглас) отмечает в связи с этим, что потенциал речевого воздействия и речевого контроля над сознанием адресата заключается «не в речевых формах, а во множестве отношений между людьми, которые порождают мышление и речь» [Halliday 1978, p. 25]. Иными словами, известный тезис Ш. Талейрана о том, что язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли, следует признать справедливым ровно наполовину, поскольку язык с не меньшим успехом способен адекватно выразить мысли говорящего, донести их до слушающего.

Семиотические предпосылки определяются возможностью выделения в процессе коммуникации двух ее аспектов — собственно информационной и регулятивной (контролирующей, воздействующей и т.д.). К семиотическим предпосылкам можно отнести и возможность использования регулярных преобразований некоторого условно «нейтрального» описания положения дел, в котором с наибольшей полнотой представлены все участники и все компоненты ситуации [Левин 1974]. Эти преобразования не обязательно влияют на образ этого положения дел в сознании участников ситуации общения (аспект отождествления), но могут приводить и к совершенно различным интерпретациям (аспект различения, дифференциации). Например, **аннулирующее преобразование** приводит к исключению из описания некоторой части положения дел (участника, события и т. п.). Наиболее частыми случаями этого преобразования является умолчание и полуправда. Аннулирующее преобразование часто дополняется **фингирующим преобразованием**, вводящим в описание ситуации некоторых не содержавшихся там изначально персонажей, события и/или предметы. К числу фингирующих преобразований относятся, например, высказывания, которые не относятся к существу дела, попытки объяснения кризисных ситуаций с использованием устойчивых когнитивных структур — мифологем, включающих «образ врага» (по принципу «Бей рыжих!») и пр. Индефинитизирующее **преобразование** приводит к замене конкретных предметов и участников более обобщенными описаниями, что существенно увеличивает неопределенность в интерпретации ситуации. Ср. *военные действия вместо расстрел пленных; операции по спасению заложников вместо передача выкупа* и т. п. И, наконец, **модальные преобразования** вводят в описание идеи гипотетичности, оценки, рефлексии и пр. Преобразования, связанные с гипотетичностью, характерны для тех случаев, когда истина (или ложь) выдается за гипотезу или же, наоборот, гипотеза выдается за истину (или ложь). В обоих случаях говорящий не вполне искренен, преследуя те или иные цели. Навязываемая адресату оценка часто протаскивается в непропозициональных частях текста — в пресуппозициях, следствиях, импликатурах дискурса. Даже эксплицитная ссылка на источник информации — *по сведениям из военных кругов; по оценке экспертов из министерства экономики; согласно информации, полученной из МИДа* — может использоваться для имплицитного воздействия и искажения реальной ситуации. Искажение может заключаться либо в некорректном указании на источник — для повышения или понижения коммуникативного статуса информации, либо в ссылке на него безо всякой необходимости (когда информация общеизвестна).

Когнитивные предпосылки речевого воздействия связаны с самим процессом познания и определяются возможными ошибками в процессе восприятия знания (ср. фактор коммуникативных ожиданий, эффекты инертности восприятия, влияние первоначально смутных представлений на последующие); ошибками в оценке значимости тех или иных фактов, сбоями в процессе функционирования когнитивной системы при усвоении нового знания (явные или скрытые противоречия между новыми знаниями и старыми, невозможность согласования нового и старого знания из-за недостаточности фоновых знаний и пр.) [Neuer 1982].

2.3. Типология языковых механизмов воздействия на сознание

В таксономическом описании естественно рассматривать языковые механизмы ВИД по уровням языковой системы.

Значимое варьирование на **фонетико-фонологическом уровне** разделяется на сегментное

варьирование и супraseгментное варьирование. Сегментное варьирование хорошо изучено в диалектологии и классической социолингвистике и обычно не используется как средство воздействия для навязывания конкретного пропозиционального содержания. Тем не менее, такое варьирование очень эффективно в тех случаях, когда речь идет об ассоциативной семантике, о создании определенных позитивных представлений у адресата. В книге Дж. Фаста и Б. Фаст показывается, что характерные фонетические особенности речи Дж. Картера, южанина по происхождению, сыграли немаловажную роль в создании образа «своего парня», что в специфической внутривнутриполитической обстановке в США в середине 70-х гг. способствовало его избранию на президентский пост [Fast, Fast 1979]. Значительным речевоздействующим потенциалом обладает варьирование супraseгментных характеристик — интонации [Бернштейн 1972], которое, впрочем, пока изучено недостаточно. Намечившаяся в последние годы семантизация интонологии позволяет по-новому взглянуть на эту проблему [Кодзасов 2000].

Значимое варьирование на **лексическом уровне** изучено к настоящему времени гораздо лучше всех остальных языковых механизмов воздействия на сознание. Значимому варьированию, сопряженному с изменением стилистической окраски лексики, и смысловому варьированию терминов различных идеологических систем посвящена значительная литература (см. подробную библиографию в [Баранов, Паршин 1986]). Особенно широко эта область функционирования лексики обсуждалась в связи с существованием двух политических дискурсов немецкого языка — политического языка бывшей ГДР и ФРГ. Типичный объект анализа — варьирование формы, сопровождающееся изменениями в понятийном и оценочном слое плана содержания слова в лексических заменах типа *DDR vs. Zone vs. Sovietzone* [Крючкова 1982]. На материале английского языка лексическое варьирование исследовалось прежде всего по текстам, циркулировавшим в средствах массовой информации США в период вьетнамской войны. Имеются и примеры сатирического осмысления лексики того периода, хорошо раскрывающие потенциал воздействия лексического варьирования. Ср. примеры из «Словаря Великого Общества» и «Большого Имперского Словаря» Э. Хермана (см. по этому поводу [Shenker 1979]): *вьетконговец* = «вьетнамский крестьянин, особенно убитый нами (т. е. американцами)»; *зверства* = «убийства, совершаемые ими»; *возмездие* = «убийства, совершаемые нами»; *фанатизм* = «его глубокие убеждения»; *вера* — «наши глубокие убеждения»; *самоопределение* = «право народа избирать правительство, удобное нам»; *анархия* = «быстрое непривычное изменение, не соответствующее моим интересам».

Речевоздействующим эффектом может обладать варьирование и внутри стилистически нейтральной и нетерминологической лексики. Это обусловлено тем, что во всяком естественном языковом описании действительности присутствуют черты, привнесенные средствами его интерпретации. Языковые выражения не обозначают действительность, а интерпретируют ее, соотнося с естественном языковым стандартом, нормой, устроенной достаточно нетривиально. Хотя на существование подобного рода варьирования указывал еще Л. С. Выготский, отмечавший, что обозначение Наполеона как *победителя при Иене* — это совсем не то, что обозначение его как *побежденного при Ватерлоо* [Выготский 1982, с. 162]. Д. Болинджер разбирает следующий пример значимого варьирования нейтральной лексики [Bolinger 1980]. В 1970 г. во время разгона демонстрации студентов Гарвардского университета в Кенте были убиты четыре студента. Большинство средств массовой информации признали это событие прискорбным, однако определили его как *трагедию*. Очевидно, однако, что то же событие могло быть названо и *преступлением*, что повлекло бы постановку вопроса о его виновниках, которые должны быть наказаны; у трагедии же виновников в точном смысле может и не быть.

Речевоздействующим потенциалом обладает и варьирование на **синтаксическом уровне**. Изучение характера взаимодействия между семантическими и синтаксическими структурами привело ряд исследователей к необходимости постулирования промежуточного уровня глубинного синтаксиса, представляющего падежно-ролевые рамки предикатов. Падежная рамка в общем случае определяет типичные роли сопоставленной предикату прототипической ситуации — Агенса (инициатор действия), Пациенса (сущность, подвергающаяся действию) и пр. (см., классическую работу [Филлмор 1981]). Одна и та же ситуация при использовании различных глаголов или синтаксических преобразований (изменения диатезы, опущения составляющих) может быть соотнесена с различными падежными рамками, что позволяет акцентировать внимание адресата сообщения на различных сторонах описываемого положения дел, ср. высказывания, относящиеся к одной и той же ситуации *Дума обсуждает бюджет, предложенный правительством* (все участники ситуации представлены, но «Дума» коммуникативно выделена); *Правительство внесло бюджет в Думу* (все участники ситуации присутствуют, но коммуникативно выделено «правительство», а Дума синтаксически представлена как «локус»); *Бюджет принят в первом чтении* (главные участники ситуации исключены из языкового описания ситуации).

В реальных ситуациях речевого воздействия синтаксические механизмы ВИД чаще всего используются в комплексе. В одной из работ обсуждаются заголовки статей различных газет по поводу одного и того же события — расстрела демонстрации чернокожего населения в тогдашней Южной Родезии [Language and control 1979]. Множество заголовков может быть описано как применение трансформаций — синтаксических механизмов ВИД: *Police shoot dead Africans* «Полиция расстреляла африканцев» (прототипически полный вариант описания ситуации) —► *Africans shoot dead by the police* «Африканцы расстреляны полицией» (пассивизация выводит из центра внимания одного из участников ситуации — полицию, что в каком-то смысле уменьшает ее ответственность за происшедшее) —► *Africans shoot dead*

досл. «Африканцы застрелены насмерть» (опущение агенса — участника, ответственного за происшедшее) —» *Africans died* «Погибли африканцы» (действие превращается в состояние; тем самым инициатор действия даже не подразумевается) —> ...*deaths*... «...смертные случаи...» (из обсуждения исчезает не только инициатор действия, но и пострадавшая сторона) —> *Factionalism caused deaths* «Фракционность ведет к жертвам» (введение псевдопричины).

Необходимо отметить также речевоздействующий потенциал выбора порядка слов внутри перечислительных конструкций. В общем случае такой порядок определяется сложными культурно обусловленными иерархиями [Cooper, Ross 1975] и может быть использован для ранжирования адресованного партнеру по коммуникации языкового материала в соответствии с интересами говорящего. Весьма интересен в этом плане пример из Л. Соловьева («Повесть о Ходже Насреддине»):

(3) — Доходное озеро и принадлежащие к нему сад и дом, — сказал он [кадий] многозначительным, каким-то вещим голосом и поднял палец. — Очень хорошо, запишем! Запишем в таком порядке: дом, сад и принадлежащий к ним водоем. Ибо кто может сказать, что озеро — это не водоем? С другой стороны: если упомянутые дом и сад принадлежат к озеру или, иначе говоря, водоему, ясно, что и водоем в обратном порядке принадлежит к дому и саду. Пиши, как я сказал: «дом, сад и принадлежащий к ним водоем!» — По ловкости это был удивительный ход (...); озеро волшебным образом превратилось в некий захудалый водоем (...).

К синтаксическому уровню относится возможность описания ситуации с помощью нормальной предикации и ее свертки — номинализации. Имеется в виду трансформация типа (4) *Дума рассмотрела законопроект, представленный правительством, в первом чтении* —♦ (5) *Рассмотрение законопроекта в первом чтении*. Номинализации позволяют управлять процессом понимания, поскольку говорящий имеет возможность легко выводить из обсуждения важных актантов ситуации — вплоть до полной элиминации участников — ср. (5). При этом номинализация оказывается достаточно гибким механизмом, чтобы оставить того участника, который необходим в данном речевом ходе, ср. (6) *Рассмотрение законопроекта правительства в первом чтении окончилось неудачей* или (7) *Рассмотрение думой законопроекта в первом чтении не вызвало серьезных возражений у депутатов*. П. Серио в своем исследовании советского политического дискурса времен Хрущева и Брежнева выделяет две основные функции номинализации [Серио 1999]. С одной стороны, они функционируют интрадискурсивно, отсылая к предикации, которая уже была упомянута в тексте. Такова номинализация *рост рядов КПСС* в примере (8).

(8) Коммунистическая партия Советского Союза насчитывает ныне 12 миллионов 471 тысячу членов и кандидатов партии. Ее ряды за отчетный период выросли на 2 миллиона 755 тысяч человек. **Рост рядов КПСС** отражает высокий авторитет партии и безграничное доверие к ней советского народа.

Однако значительное количество употребления номинализации в советском политическом дискурсе приходится на номинализации, которые никак не представлены в предшествующем тексте. В этом случае можно говорить о интердискурсивной функции номинализации. Формально они отсылают к какому-то другому дискурсу, но «бывает очень часто, что этот предыдущий дискурс так *никогда* конкретно и *не существовал*» [Серио 1999, с. 367]. В стремлении охватить все явления действительности советский политический язык уподоблялся научному дискурсу, однако если ответственность за номинализации в научном дискурсе несут соответствующие теории и научные направления, то в политическом языке ответственность за номинализации возлагалась на какого-то универсального субъекта, существование которого в то же время не признавалось (см. подробнее [Seriou 1985]).

Речевоздействующий потенциал варьирования **макроструктурных** моделей, то есть способов организации текста, не вызывает сомнений и на протяжении тысячелетий изучается риторикой и отчасти стилистикой. Вхождение таких моделей в число объектов лингвистического изучения лишь только начинает осуществляться; в стадии разработки находится и метаязык исследования. Наличие метаязыка особенно важно, поскольку выделение элементов макроструктуры текста в очень сильной степени зависит от способа описания этой структуры. Один из наиболее разработанных метаязыков этого типа — грамматики сюжетов (*story grammars*). Они основываются на идее порождения макроструктуры текста по правилам, во многом напоминающим правила трансформационных порождающих грамматик [Олкер 1987; Баранов, Паршин 1990 а]¹⁾. Разные грамматики сюжетов выделяют различные компоненты макроструктуры текста-нарратива — экспозицию, эпизоды, события, сюжетные ходы и пр. Варьирование касается компонентов сюжета, находящихся на одном уровне иерархии. Типичные трансформации сюжета, приводящие к его варьированию — передвижение/перестановка и опущение составляющих. Они позволяют, например, преобразовать нарратив-признание преступника, фиксирующий реальную «внешнесобытийную» последовательность развития событий в преступлении, в детективную историю, ср. (i — сюжетная структура признания; ii — сюжетная структура детектива):

(i) преступник → замысел → орудие убийства → место → убийство → обнаружение трупа → поиски преступника;

(ii) обнаружение трупа → обнаружение орудия убийства → поиски преступника...

Типология механизмов речевого воздействия с **процедурной точки зрения** основывается не на уровневой модели языка, а на когнитивных процедурах преобразования знания, приводящих к его передаче в речевом акте и введении в модель мира адресата. К процедурным механизмам воздействия на сознание относится **варьирование степени детальности описания ситуации**. Так, одну и ту же ситуацию можно назвать *событиями*, *гражданской войной* и *крупномасштабными столкновениями вооруженных*

группировок в борьбе за государственную власть. Лишь второе из приведенных языковых описаний характеризует ситуацию прототипическим образом и активизирует обширный набор прагматически значимых ассоциаций.

Процедурным механизмом воздействия является использование **меафоризации**, то есть осмысление одних объектов действительности (область «цели») через перенесение на них качеств других его объектов (область «источника»). Варьирование различных семантических следствий из метафоры в разных контекстах определяет воздействующий эффект этого механизма ВИД. Интересный пример, демонстрирующий силу воздействия метафор на сознание, разбирается Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в [Lakoff, Johnson 1980]. В английском выражении *to solve the problem* «решить проблему» скрыта идея растворения проблемы как некоторой субстанции или химического вещества. При этом визуально проблема исчезает, переходя в другое состояние, но всегда может появиться вновь. Такое восприятие проблемы настраивает человека на совершенно иной способ поведения в проблемной ситуации, чем это обычно делается. Задача человека, решающего проблему, заключается не в том, чтобы окончательно избавиться от трудностей, а в том, чтобы подобрать такой катализатор, который позволит «растворить» данную проблему, но не приведет

1) См. также раздел 1.3.2. «Моделирование структуры сюжета» главы 2 настоящего пособия.

к кристаллизации других, еще более сложных проблем. Именно такое понимание этого выражения продемонстрировал авторам разбираемого примера один иранский студент, ходивший к ним на семинар.

Являясь действенным орудием познания мира, метафора в то же время таит опасность подмены действительности ее моделью, не всегда удачной: такая модель может навязываться в ходе коммуникации с той или иной степенью сознательности — в зависимости от того, насколько глубоко укоренена метафора в языке. Так, известная метафорическая модель СПОР — ЭТО ВОЙНА, проявляющаяся в естественных языковых выражениях типа *Он защитил свои позиции, Он разбил мои доводы, Он упорно стоял на своем*, социально небезопасна в плане ее влияния на поведение человека. В споре-войне, требующем стереть с лица земли оппонента, вряд ли может родиться истина [Лакофф, Джонсон 1987].

2.4. Лингвистические аспекты теории аргументации

Речевое воздействие может осуществляться не только через языковые механизмы ВИД, но и через пропозициональные компоненты высказываний при одновременной апелляции к социально и культурно обусловленным структурам ценностей адресата. В этом случае речь идет о ценностно-ориентированной естественных языковой аргументации. Характерный пример использования ценностно-ориентированной аргументации в российском политическом дискурсе — использование аргументов, связанных с идеями справедливости/несправедливости и равенства/неравенства. Ср. (9) *А когда люди знают о вопиющем социальном неравенстве и видят, что лидер ничего не делает, чтобы исправить эту бесстыдную экспроприацию благ высшей партийной верхушкой, испаряются последние капельки веры* [Корпус политических текстов]. Разные ценности в разной мере могут использоваться в политической аргументации, поскольку аргументативный потенциал различных ценностных категорий далеко не одинаков. В общественном сознании российского общества СВОБОДА обладает более низким потенциалом в сфере политической аргументации, чем СПРАВЕДЛИВОСТЬ и РАВЕНСТВО [Баранов 1990; Baranov 1998]. Ср. довольно странный политический аргумент (10) *Это плохо, потому что это не обеспечивает мою свободу*, при норме *Это плохо, потому что это несправедливо*. Аргументативный потенциал СПРАВЕДЛИВОСТИ и РАВЕНСТВА настолько велик, что эти ценности могут использоваться для обоснования несправедливости и неравенства. Например, в одном из выступлений на Первом съезде народных депутатов СССР наличие привилегий у отдельных групп населения объяснялось тем, что они есть и у других групп, что может быть проинтерпретировано, как обоснование требования равенства в неравенстве.

Ценностно-ориентированная аргументация может быть логической (аргументативный диалог протекает при использовании одной и той же ценности), эмоциональной (в качестве ценности выступает структура эмоций), порождающей (в процессе аргументирования происходит уничтожение и/или порождение новой ценности) и диалектической (изменение порядка следования ценностей в ценностных иерархиях). В аргументативных диалогах используется весь арсенал языковых механизмов ВИД в сочетании с соответствующей коммуникативной интенцией актов аргументирования.

2.5. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности в аргументации: пример анализа

Обращение к приемам скрытого, имплицитного аргументирования, использование тех или иных механизмов ВИД в аргументации зависит от условий общения, затрагиваемых тем, целей аргументирующего, от представлений об адресате аргументативного воздействия. В скрытой аргументации весьма эффективным оказывается использование речевых актов, которые не вполне подходят для выражения аргументативной интенции (для введения в дискурс тезиса аргументации и аргументов). К таким типам речевых актов относятся, например, вопрос, согласие, обязательство, клятва.

Богатый материал по имплицитным способам аргументирования содержится в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя, где в диалогах о покупке мертвых душ отражен целый спектр языковых средств скрытой аргументации. Хотя диалогические реплики в некоторых случаях даются в пересказе, практически всегда имеется возможность восстановления исходных приемов ведения аргументации. Анализ диалогов «Чичиков—Манилов», «Чичиков—Коробочка», «Чичиков—Ноздрев», «Чичиков—Собакевич» позволяет установить, как меняет Чичиков формы явного и скрытого аргументирования в зависимости от своих представлений о собеседниках²⁾. Так, в беседе с Маниловым Чичиков совершенно открыто и без предварительных объяснений вводит основной тезис о покупке мертвых душ, используя приемы явной аргументации. Однако, имея в виду щекотливость предмета покупки и личные качества Манилова (в частности, его патологическую склонность к сфере идеального и некоторое пренебрежение материальной сферой жизни), Чичиков излагает тезис в три приема — в пропозициях трех высказываний с глаголами желания и мнения, которые эксплицитно вводят тезис аргументации: *я хотел бы купить крестьян..., я желаю иметь мертвых..., я полагаю приобрести мертвых, которые, впрочем, значились бы по ревизии как живые*. Последовательность предикатов *хочу, желаю, полагаю* также значима: в ней

²⁾ В одном из отступлений поэмы рассказчик специально обращает внимание читателя на существование в российской культуре ведения диалога разнообразных оттенков и тонкостей обращения к собеседнику: «(...) у нас есть такие мудрецы, которые с помещиком, имеющим двести душ, будут говорить совсем иначе, нежели с тем, у кого их триста, а с тем, у кого их триста, будут говорить опять не так, как с тем, у кого их пятьсот... — словом, восходи хоть до миллиона, все найдутся оттенки» [Гоголь Н. В. Мертвые души. М., 1974. С. 49].

возрастает высокопарность и высокоученость слога, к которым так чувствителен Манилов. В целом предположения Чичикова относительно Манилова оправдываются, что позволяет ему свести всю свою аргументацию к минимуму, сделав ссылки на законность сделки и выгоду ее для казны. Совершенно по-другому строится аргументация в беседе с Собакевичем, которого Чичиков не без оснований побаивается. Чичикова страшат даже не затруднения в определении стоимости мертвых душ, а возможные обвинения в незаконности сделки и ее безнравственности. Последнее и определяет языковую форму аргументативного диалога: Чичиков старается как можно глубже упрятать основной тезис, чтобы при необходимости легко отказаться от него. Для этого используются следующие приемы: а) макроструктура аргументативного текста строится таким образом, что его начало представляет собой типичное общее место (*Чичиков начал как-то очень отдаленно, коснулся вообще всего русского государства и отозвался с большою похвалой об его пространстве...*), и лишь в самом конце вводится основной тезис; б) указывается псевдопричина сделки, скрывающая реальные намерения Чичикова (ср. выше понятие фингирующего преобразования): *(...) чтоб таким образом не обременить присутственные места множеством мелких и бесполезных справок и не увеличивать сложность и без того уже сложного государственного механизма (...)*; в) основной тезис вводится в как можно более неявной форме, для чего используется речевой акт обязательства, переносящий ответственность за обещание на другое лицо (если я обязуюсь сделать что-л., то это кому-то нужно), и лексемы-ограничители (*hedges*), позволяющие частично снять ответственность говорящего за пропозицию: *(...) готов бы даже отчасти принять на себя эту действительно тяжелую обязанность* (т. е. платить подати за мертвых душ); г) осуществляется подмена-переобозначение общепринятого обозначения одиозной сущности: *Насчет главного предмета Чичиков выразился очень осторожно: никак не назвал души умершими, а только несуществующими*.

Все эти ухищрения Чичикова совершенно не производят никакого впечатления на Собакевича. Уяснив для себя основной тезис и не высказав абсолютно никаких возражений по поводу самого предмета сделки, Собакевич немедленно переходит к следующей части аргументативного диалога — начинает торг о стоимости мертвых душ. Тут уже Чичикову приходится полностью перестраиваться на явную аргументацию и специально обращать внимание Собакевича на то, что сам недавно скрывал: — *Но позвольте, — сказал наконец Чичиков, изумленный таким обильным наводнением речей... — зачем вы исчисляете все их качества, ведь в них толку теперь нет никакого, ведь это все народ мертвый. Мертвым телом хоть забор подпирай...* Здесь модель собеседника в модели мира Чичикова оказалась не очень точной, что повлекло не вполне удачные для главного героя поэмы финансовые условия сделки.

Прочие диалоги также несут печать представлений Чичикова об адресате аргументации. При этом особенно интересен способ введения основного тезиса аргументации: если в диалоге «Чичиков—Манилов» основной тезис вводится в виде намерения, а в диалогах «Чичиков—Собакевич», «Чичиков—Плюшкин» — в виде обязательства, то в беседе с Ноздревым он опосредован речевым актом просьбы. Особая форма введения тезиса используется в диалоге «Чичиков—Коробочка», в котором тезис включен в установочную составляющую вопроса-просьбы: *Уступите-ка их [мертвых душ] мне, Настасья Петровна ?* Выбор способа введения тезиса, разумеется, коррелирует с представлениями Чичикова об адресате, однако эта зависимость не однозначна. Так, использование обязательства в диалогах «Чичиков—Собакевич», «Чичиков—Плюшкин» объясняется различными причинами. В первом случае это позволяет Чичикову снять с себя ответственность за покупку мертвых душ, отчасти перенести ее на Собакевича (или какое-то третье лицо), так как прототипическая ситуация произнесения обязательства предусматривает существование какого-то лица, для которого обязательство желательно. В беседе с Плюшкиным обязательство дает возможность представить покупку мертвых душ как благодеяние.

* * *

Проблема изучения языка как средства воздействия на сознание и роль языковых механизмов ВИД

как инструмента искажения истины выходит далеко за рамки собственно лингвистических задач. Однако любое исследование этой специфической функции языка в социуме невозможно без чисто лингвистических знаний. Расширение сферы публичной политики с неизбежностью повышает общественную значимость проблематики теории воздействия — отсюда перспективность этого направления в прикладной лингвистике, ранее бытовавшего где-то на периферии науки о языке.

Задание. В политическом тексте очень часто используются способы имплицитного воздействия на адресата. Ниже приводятся фрагменты из интервью, которое дал канцлер Герхард Шредер «Независимой газете» (номер от 18.07.2000). Найдите в нем примеры использования механизмов вариативной интерпретации действительности:

- навязывание пресуппозиций;
- аннулирующие и фингирующие преобразования при языковой вербализации (по Ю.Левину);
- ссылки на плохověрифицируемый источник пропозиции;
- переобозначение объекта, использование не вполне стандартной номинации (вместо *умершие души* — *неживые, несуществующие, ревизорские души; души, окончившие жизненное поприще*);
- использование лексических маркеров, позволяющих снять за себя ответственность за истинность пропозиции.

Выявите также те компоненты текста, где проявляется скрытая интенция автора — в том числе в выборе языкового способа номинации. При анализе особое внимание обратите на части текста, выделенные курсивом.

— *По мнению многих экспертов, развертывание в США национальной системы ПРО приведет к возникновению разных уровней безопасности в НАТО и тем самым фактически подорвет устои Альянса. Не обеспокоены ли вы в связи с этим в отношении будущего НАТО?*

— *Сплоченностью Атлантического альянса обусловлена существенная доля его успеха. Это и в будущем останется так же.*

В рамках Альянса интенсивно обсуждаются соображения правительства США, направленные на создание ограниченной системы противоракетной обороны. Я сам недавно в Берлине обсуждал эту тему лично с президентом Клинтоном. *При этом он снова проявил весьма четкое понимание той значимости, которую возможное решение о создании противоракетной обороны имеет для Альянса.*

— *Изменилось ли ваше скептическое отношение к американским планам создания противоракетной обороны? Каковы, на ваш взгляд, в ЕС настроения по этой проблеме? Верят ли политические лидеры ЕС в «ракетную угрозу» со стороны так называемых «государств-изгоев»?*

— Позиция федерального правительства по поводу американских соображений о создании ограниченной национальной системы противоракетной обороны остается неизменной.

Для Германии решающе важно сохранить то, что достигнуто в области контроля над ядерными вооружениями и разоружения, избежать новой глобальной гонки вооружений и не допустить отрицательного воздействия на сплоченность Атлантического альянса. Такова же принципиальная позиция наших партнеров. *И мы не единственные, кто считает, что в связи с межконтинентальными ракетами может исходить угроза от государств, вызывающих беспокойство.*

— *Ну и, наконец, о главном событии этих месяцев в Германии. Приходится слышать, что «Экспо-2000» проходит далеко не так успешно, как хотелось бы ее германским организаторам. В чем вы согласны и в чем не согласны с критиками этого международного проекта?*

— *Вы правы: «Экспо-2000» в Ганновере — уникальное событие, которое является захватывающим для каждого посетителя. Я сам уже несколько раз побывал на территории всемирной выставки, посетил ряд павильонов и тематический парк и был всякий раз в восторге. Это ведь впечатляющая, поучительная и развлекательная возможность — увидеть, как участвующие нации задумывались над вопросами будущего человечества (...). Я остаюсь при своем мнении: «Экспо-2000» заслуживает большего количества посетителей.*

Основная литература

1. Баранов А. Н. Что нас убеждает? (Речевое воздействие и общественное сознание). М., 1990.
2. Баранов А. Н., Паришин П. Б. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой коммуникации. М., 1986.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
4. Левин Ю. И. О семиотике искажения истины // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. М., 1974. Вып. 4. [Перепечатано в: Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998.]
5. Паришин П. Б. Речевое воздействие: основные сферы и разновидности // Рекламный текст. Семиотика и лингвистика. М., 2000.

Дополнительная литература

1. Баранов А. Н. Речевое воздействие и аргументация // Рекламный текст. Семиотика и лингвистика. М., 2000. С. 109-163.
2. Баранов А. И., Паришин П. Б. Варианты и инварианты текстовых макроструктур (к формированию когнитивной теории текста) // Проблемы языковой вариативности. М, 1990. С. 135-168.

3. Крючкова Т. Б. К вопросу о многозначности «идеологически связанной» лексики // Вопросы языкознания. 1982. № 1.

§ 3. Механизмы вариативной интерпретации действительности в нейро-лингвистическом программировании

3.1. Нейро-лингвистическое программирование -эффективная практика как теория

Психология и лингвистика при всей несхожести их истории и развития, методологии и задач часто оказывались совсем рядом при изучении феномена естественного языкового общения. Это особенно хорошо видно на примере клинических терапевтических методов, таких как психоанализ, групповая психотерапия, гештальттерапия. Общение с пациентом, сбор данных о заболевании и последующее терапевтическое воздействие возможно в первую очередь средствами языка, хотя и отнюдь не только ими. Но даже невербальная составляющая терапевтического воздействия семиотична, и в этом смысле также связана с естественным языком (во всяком случае часто интерпретируется в терминах естественного языка).

В наиболее явной форме эта связь с языком и знаниями о языке, собранными в области теоретической лингвистики, подчеркивается создателями сравнительно нового терапевтического направления в психологии — **нейро-лингвистического программирования**, или НЛП. Отсылка к лингвистике содержится даже в названии самого направления. К числу отцов-основателей НЛП принято относить прежде всего Ричарда Бэндлера, Джона Гриндера, Лесли Кэмерон-Бэндлер, Дэвида Гордона и Майкла Спаркса. «Им (Бэндлеру и Гриндеру. — А. Б.), — пишет Грегори Бейтсон, — удалось положить в основание своей теории лингвистику и одновременно сделать ее орудием психотерапии»³).

С точки зрения психологии как науки теоретическое новшество НЛП заключается в смене фокуса внимания исследователя и, как следствие, психотерапевта: вместо девиаций психического состояния НЛП рекомендует основное внимание обращать на норму, и не просто на норму, которой, строго говоря, не существует, а на образцы успешного поведения человека в кризисных ситуациях. По мысли основателей НЛП, только изучив, как человек умудряется не сходить с ума, можно разработать

³ Цитируется по [Трансформация личности 1995, с. 17].

методики улучшения состояния людей с теми или иными психическими отклонениями. Ср. характерное утверждение: «(...) трудность с большей частью психологии состоит в том, что она изучает сломанных людей, чтобы понять, как их починить. Это похоже на исследование всех машин на свалке с целью понять, как заставить машины лучше ездить. Изучив кучу шизофреников, вы узнаете, как получается действительно качественная шизофрения, но вы не узнаете ничего о том, чего у них не получается» [Трансформация личности 1995, с. 31]. Иными словами, психотерапевт должен предлагать пациенту (или как говорят последователи НЛП — клиенту) комплекс мотиваций положительного, а не отрицательного опыта. Построение новой теории шло сначала исключительно из практики — на основе изучения успешной работы ряда известных психотерапевтов, которая представляется неискушенному зрителю как магия. Отсюда название одной из книг Р. Бэндлера и Дж. Гриндера — «Структура магии» [Бэндлер, Гриндер 1996]. НЛП — это в некотором смысле опровержение известного тезиса о том, что нет ничего более практичного, чем хорошая теория. Теория НЛП, которая и сейчас выглядит как набор хаотично соединенных между собой терапевтических практик, строилась после накопления серьезного материала. Эффективность использования методов нейро-лингвистического программирования заставляет внимательно отнестись к его исходным постулатам, пусть даже и сформулированным *post factum*.

3.2. НЛП как психотерапевтический метод

Прежде чем обратиться к лингвистической составляющей нейро-лингвистического программирования, следует по необходимости кратко остановиться на самой сущности НЛП как совокупности методов воздействия на психическое состояние человека⁴. НЛП исходит из того, что функционирование мышления человека в определенной степени напоминает работу компьютера, однако не в смысле тривиальной компьютерной метафоры, на которой выросла современная когнитивная психология (ср. проведение аналогии между памятью ЭВМ и памятью человека, процессором ЭВМ и когнитивной системой — см. подробнее [Величковский 1980]), а в том смысле, что мышление человека программируемо. Весь вопрос в том, чтобы правильно сформулировать программу и сделать ее доступной сознанию и подсознанию человека. Отсюда понятие **моделирования**: терапевт (и шире — коммуникатор) пытается выявить наилучший способ, с помощью которого человек выполняет определенную задачу, и пытается сделать его доступным — для этого человека или совершенно другого лица. Способ верификации результирующей модели заключается

⁴⁾ Более полную информацию о собственно психологическом и терапевтическом содержании НЛП можно получить из соответствующей литературы, большая часть которой за последние десять лет переведена на русский язык: [Бэндлер, Гриндер 1995; 1996; Гордон 1995; Кэмерон-Бэндлер 1996; Макдональд 1994; Хейли 1995].

не в рассуждениях о том, правильна ли она, соответствует ли она действительности, а в том, что модель успешно выполняет свои функции. Согласно НЛП, в психике вообще трудно говорить о правильности или о соответствии реальности какого-либо опыта. В лучшем случае можно говорить лишь о том, что некоторый опыт относится к **разделяемой реальности**, то есть к совокупности более или менее общезначимых представлений об окружающем мире.

Процесс моделирования проходит несколько этапов. На первом этапе происходит сбор информации о текущем состоянии клиента и желаемом состоянии — фактически о самой сущности воздействия. На последующих этапах суть желаемого состояния последовательно уточняется. На втором этапе устанавливается **раппорт** — такое состояние между коммуникатором и клиентом, при котором между ними существует максимальное взаимное доверие. Достижение раппорта — важнейшая задача нейролингвистического программирования. Раппорт достигается на сознательном или бессознательном уровне, когда коммуникатор присоединяется к репрезентативным системам клиента, отражая их в своем вербальном и невербальном поведении. Под **репрезентативной системой (РС)** в НЛП понимается способ представления и осмысления своего опыта взаимодействия с окружающим миром. Это может быть **визуальная РС** (опыт представляется как последовательность визуальных образов), **аудиаль-ная РС** (опыт осмысливается как последовательность звуков разного типа), **кинестетическая РС** (опыт представляется как тактильные ощущения) и **обонятельно-вкусовая РС** (опыт воспринимается человеком как последовательность запахов и вкусовых ощущений). Отражая реакции клиента в каждой из этих систем, подстраиваясь под них, коммуникатор может достигнуть с ним раппорта. Отражение может быть вербальным (коммуникатор повторяет те или иные черты вербального поведения клиента) и невербальным. В последнем случае коммуникатор подстраивается под важные элементы невербального поведения, указывающие на ведущую (наиболее важную для субъекта) РС — под темп дыхания, жесты, движение глаз и т. п. Достижение раппорта может быть довольно длительной процедурой, но в некоторых случаях достигается очень быстро — все зависит от мастерства коммуникатора и сложности данного случая. В литературе описывается эпизод с одной клиенткой, которая любила информировать окружающих о том, что сейчас будет пить чашку крови. Разумеется, все — в том числе больные — пытались ее разубедить, говоря, что это галлюцинация и пр. Коммуникатор же для достижения раппорта попросил и ему подогреть чашечку крови. Это привело к возникновению доверия между клиенткой и коммуникатором и позволило реализовать новую модель поведения, в которой клиентка могла различать переживания двух разных реальностей — той, которая разделяется другими, и той, которая присуща ей одной (неразделяемая реальность). После терапевтического контакта больная не оставила любимого занятия, но делала это уже одна.

После достижения раппорта коммуникатор должен установить, что в действительности желает клиент. Иными словами, каким должен быть **хорошо сформулированный результат** моделирования, который не должен противоречить тем или иным сторонам личности клиента и не может вредить его ближайшему окружению (отсюда понятие **экологичности моделирования**).

Исследуя репрезентативные системы человека для последующего достижения раппорта, коммуникатор, кроме невербальных аспектов поведения клиента (в частности движения глаз, жестов, дыхания), должен особое внимание обращать на языковое поведение. Для этого в НЛП разработана **мета-модель языка**. Ниже мы ознакомимся с ней подробнее. Здесь же достаточно знать, что в основе мета-модели лежит предположение, что язык — как и многие формы социального опыта — выступает как фильтр, который искажает опыт или по крайней мере структурирует его. Мета-модель обращает внимание коммуникатора на те свойства языковой системы, которые чаще всего искажают восприятие. Эксплицитное выяснение, выявление этих искажений составляет значительную часть психотерапевтической процедуры. Иными словами, мета-модель языка — это вовсе не модель языка и не модель отдельных его подсистем, а это модель поведения коммуникатора по отношению к естественному языку, используемому в процессе общения с клиентом. Или, еще точнее, это набор инструкций по проверке речевых актов клиента для того, чтобы выявить его действительное психическое состояние, те конфликты, которые его беспокоят, и разработать стратегию изменения.

После того, как «хорошо сформулированный результат» установлен, осуществляется выбор методов терапевтического вмешательства и перевод клиента в желаемое состояние с помощью комплекса выбранных техник. Одна из таких техник — **якорение**. Якорь — это любой стимул, который позволяет человеку перенести свой прежний опыт в настоящее и пережить то же психологическое состояние (как положительно, так и отрицательно окрашенное). Например, какая-то мелодия может вызвать у человека ассоциации, связанные с прошлым опытом, или случайно найденная вещь напомнит о каком-нибудь событии детства и пр. В художественной литературе процедура якорения как правило привлекает внимание писателей с установкой на «психологизм». Ср. характерные примеры из Ф. Достоевского, В. Набокова и Л. Андреева:

Две с половиною страницы переправы, но все-таки попадает в прорубь. Гений тонет, вы думаете, утонул? И не думал; это все для того, что когда он уже совсем утонул и захлебывался, то пред ним мелькнула льдинка, крошечная льдинка с горшинку (...) и в этой льдинке отразилась Германия или, лучше сказать, небо Германии, и радужною игрой своего отражение **напомнило ему ту самую слезу**, которая, «помнишь, скатилась из глаз твоих, когда мы сидели под изумрудным деревом, и ты воскликнула радостно: "Нет преступления!" "Да, сказал я сквозь слезы, но коли так, то ведь нет и

праведников". Мы зарыдали и расстались навеки».

[Ф. Достоевский. *Неточка Незванова*]

Она высморкалась, пошарила в темноте, опять нажала кнопку. Свет ее немного успокоил. Она еще раз посмотрела на рисунок, подумала, решила, что, как он ни дорог ей, хранить его опасно, и, разорвав бумажку на клочки, бросила их сквозь решетку в лифтовый колодец, и **это почему-то напомнило ей раннее детство.**

[В. Набоков. *Камера Обскура*]

Запоздало взвизгнула и разорвалась шрапнель, и тихо стало, — так тихо, что слышно было, как (...) стучают по камню и по орудиям капельки дождя. И этот тихий и дробный стук, напоминающий осень, и запах взмоченной земли, и тишина — точно разорвали на мгновение кровавый и дикий кошмар, и когда я взглянул на мокрое, блестящее от воды орудие, оно **неожиданно и странно напомнило что-то милое, тихое, не то детство мое, не то первую любовь.**

[Л. Андреев. *Красный смех*]

Во всех этих примерах якоря случайны: стимул образовался внезапно (ср. слова типа *неожиданно, странно, почему-то*), но вызвал очень резкое по контрасту с ситуацией психологическое переживание. Почти произвольность якоря и одновременно его эффективность при вызове психического состояния широко используется в НЛП как инструмент воздействия на субъекта. Стимул-якорь может устанавливаться во время терапевтической процедуры вербально (например, произнесением некоторых слов, словесных последовательностей, изменением тона голоса), невербально (пожатием руки, плеча, колена; изменением положения тела коммуникатора и пр.), а также сочетанием вербальных и невербальных элементов. Понятно, что установка якоря возможна только при поддержании устойчивого раппорта, в противном случае связь между якорем и переживанием не возникнет.

Якорение должно основываться на выявлении **ресурсов** данного индивидуума для решения проблемной ситуации. Осознание ресурса, понимание того, что проблема может быть решена, достигается через расширение модели мира человека. Роль коммуникатора на данном этапе сводится к тому, чтобы выявить в опыте клиента то, что можно рассматривать как ресурс. В НЛП для поиска ресурса используются как техники, предполагающие сознательное участие клиента, так и его погружение в транс и работу с подсознанием. Последнее во многих случаях оказывается существенно более эффективным. Далее, положительный и отрицательный опыт человека якорится. Последовательное — в разных комбинациях — использование якорей и, тем самым, психических состояний позволяет коммуникатору элиминировать нежелательные связи, формировать новые и в результате программировать человека на желаемое им самим поведение, определяемое в НЛП как «хорошо сформулированный результат». Якорение, сами якоря, последовательность их применения фактически аналогичны алгоритмам компьютерной программы, за тем исключением, что в отличие от компьютерных языков программирования, в НЛП при терапевтической процедуре операторы (якоря) определяются для каждого клиента индивидуально.

Среди методов НЛП имеются техники, которые дают возможность коммуникатору работать не над одной проблемой клиента, а над комплексом похожих проблем, а также над такими сложными ситуациями, когда некоторый тип поведения сам по себе не является психологической проблемой, но становится ею в определенном контексте. Например, боязнь — весьма полезное и нужное чувство, но оно превращается в болезненное состояние, в манию, если боязнь ничем не обоснована или распространяется на всех окружающих. Одной из таких техник является **рефрейминг**. Суть рефрейминга заключается в том, чтобы видоизменить поведение клиента, вызванное некоторым стимулом или комплексом сходных стимулов, ограничив это поведение только теми ситуациями, когда это поведение действительно необходимо. НЛП исходит из предположения, что в личности человека есть какая-то составляющая (X), которая отвечает за данный шаблон поведения. Коммуникатор устанавливает контакт с этой частью X, исследуя реакции репрезентативных систем клиента. Далее, в процессе общения с составляющей личности X он разводит, разделяет те ее намерения, которые часто оказываются весьма полезны клиенту (например, чувство опасения в действительно опасных ситуациях), и конкретное нежелательное поведение (например, страх, не мотивированный реальной ситуацией). После этого коммуникатор предлагает составляющей личности X найти самой более адекватный, эффективный способ достижения имеющегося у нее намерения. Фокус в том, что коммуникатор вовсе не обязан знать конкретный способ достижения этой цели. Вся процедура формирования альтернатив поведения возлагается на самого клиента — или его составляющие личности. Разумеется, коммуникатор может помогать в этом, указывая при необходимости на возможные альтернативы, если они ему известны. Сторонники НЛП утверждают, что рефрейминг помогает даже в тех случаях, когда нежелательное поведение уже обусловлено органическими изменениями. Например, при тяжелых случаях аллергических реакций, при психических отклонениях после инсультов и т. п. Возможно, говорят они, что больные просто притворяются, но если они это делают столь эффективно и это помогает им жить, то почему бы и нет?

Вообще следует отметить, что основные книги по НЛП (прежде всего те, которые написаны основателями этого направления) сами представляют собой блестящий пример применения методик воздействия **НЛП** на читателя. Здесь можно обнаружить и методику якорения, например, с помощью интересных (как правило смешных) примеров из практики, а также рассуждения, приводящие к «расширению позитивного опыта» читателя, и рефрейминг в виде соответствующих инструкций — как явных, так и скрытых.

Этот краткий экскурс, разумеется, не дает даже относительно полного представления о нейролингвистическом программировании, но он позволяет перейти к обсуждению чисто лингвистических

проблем этого направления современной психологии.

3.3. Постулаты НЛП по отношению к языку: взгляд лингвиста

Для нас наибольший интерес представляет лингвистическая составляющая нейро-лингвистического программирования — то, что можно было бы назвать приложениями лингвистических знаний. Следует заметить, что, как и во многих других случаях, интерпретацией и использованием знаний о языке в НЛП занимаются непрофессиональные лингвисты со всеми вытекающими отсюда последствиями. Поэтому описание лингвистической составляющей НЛП в рамках собственно лингвистической парадигмы требует определенной коррекции тех лингвистических категорий, апелляция к которым используется в оригинальных работах представителей этого направления. В силу этого дальнейшее изложение в существенно большей степени, чем предшествующий раздел, является результатом переосмысления работ сторонников НЛП. Это касается и названий постулатов НЛП, относящихся к языку⁵.

Основной лингвистический постулат НЛП можно сформулировать как гипотезу о **неадекватности языка** как средства отражения действительности и опыта человека. Слова — лишь искусственные ярлыки для опыта, а сам язык представляет собой фильтр, который позволяет когнитивной системе отсекалть все лишнее из опыта для того, чтобы система не перегружалась и адекватно функционировала. Однако эта полезная функция приводит к тому, что сознание человека игнорирует важные части его опыта, что приводит к формированию существенно обедненного списка альтернатив при решении проблемных ситуаций. Сознание просто не видит того, что может помочь человеку наиболее эффективно решить проблему. Мета-модель языка позволяет выявить наиболее типичные случаи искажения и исправить их, обогатив позитивный опыт человека.

Второй постулат как бы направлен в противоположную сторону от реальности — он определяет характер связи между языком и психикой. Это постулат об **иконичности** или **изоморфности** языка, с одной стороны, и психических и/или мыслительных процессов — с другой. Согласно этому постулату, языковые формы регулярно отражают особенности мышления и психического состояния человека. Обращая внимание на особенности речи клиента, коммуникатор в состоянии выявить его ведущую репрезентативную систему, а также установить области опущения важного опыта. Иными словами, язык и речь рассматриваются как важнейшие источники информации о психическом состоянии человека. Верно и обратное: хотя чрезмерное использование какого-то одного языкового средства вряд ли приведет к болезни, тем не менее комплекс соответствующих языковых выражений позволяет вызывать требуемое психическое состояние. Именно поэтому с помощью языка вообще возможно терапевтическое воздействие.

⁵ Как таковые постулаты НЛП по отношению к языку в работах основоположников НЛП не выделяются.

Важным следствием постулата об иконичности является принцип **психологического разграничения поверхностной и глубинной структур высказывания**. Интерпретируя это противопоставление в духе трансформационализма (иногда — в смысле порождающей грамматики, а иногда — в смысле порождающей семантики), пропоненты НЛП приписывают поверхностной структуре функцию отражения сознания, а глубинной — подсознания. Глубинная структура содержит актанты тех переменных, которые следует эксплицитно заполнить, чтобы выявить действительную, реальную проблему клиента и создать представление о «хорошо сформулированном результате» моделирования.

Третий теоретический постулат касается специфики использования языковых механизмов вариативной интерпретации действительности в практике НЛП. Как уже отмечалось в § 2 данной главы, специфичность механизмов вариативной интерпретации в том, что говорящий может использовать заложенный в них потенциал смысловразличения, сознательно выбирая между вариантами *защищать свою позицию в споре* и *отстаивать свою позицию в споре* и тем самым воздействуя на адресата, а может осуществлять выбор случайно, непреднамеренно. В этом заложен потенциал имплицитного воздействия на адресата, поскольку последний остается в неведении относительно истинных намерений говорящего. НЛП утверждает, что «случайный» выбор того или иного варианта языковой формы совершенно не случаен и продиктован психикой человека, его репрезентативными системами (системами осмысления опыта), причем именно «случайный» выбор формы и представляет интерес для коммуникатора, поскольку только он позволяет выявить скрытые механизмы психики человека. Этому постулату можно дать несколько парадоксальное название, определив его как принцип **значимости незначимого варьирования**.

3.4. Роль языковых механизмов вариативной интерпретации действительности в НЛП

Теперь обратимся к конкретным языковым феноменам, которые используются на разных этапах нейро-лингвистического программирования, в разных техниках НЛП. Фактически эти языковые феномены и формируют мета-модель языка, которая лежит в основе НЛП.

Метафоры. Метафора — один из излюбленных инструментов НЛП. Известная книга Д. Гордона не случайно называется «Терапевтические метафоры» [Гордон 1995]. Впрочем, и интерпретируется эта

категория в НЛП по-разному. В наиболее близком к лингвистическому пониманию метафора используется в мета-модели языка. Как уже было сказано выше, это не модель языка как таковая, а модель поведения психотерапевта, коммуникатора, когда он собирает информацию о клиенте или устанавливает с ним раппорт. На этом этапе коммуникатор должен определить, какая репрезентативная система, то есть способ осмысления опыта, наиболее сильно развита у клиента и, следовательно, чаще всего им используется. Если бы мы обратились к инструментарию когнитивной лингвистики, то мы бы сказали, что репрезентативная система — это структуры знаний, фреймы, в терминах которых человек осмысляет свой опыт и структурирует его, придает ему смысл. На поверхностном уровне, на уровне речевого поведения эти фреймы могут быть представлены метафорами, точнее метафорическими моделями.

Как уже отмечалось выше, в НЛП выделяется четыре типа репрезентативных систем: 1) визуальная РС, которая позволяет структурировать и осмыслять опыт как последовательность визуальных изображений, «картинок», возникающих в сознании человека; 2) аудиальная РС, в рамках которой опыт структурируется как последовательности звуков различного типа, музыки, шумов и т. п.; 3) кинестетическая РС, которая позволяет осмыслять опыт как смену ощущений тела, и, наконец, 4) обонятельно-вкусовая РС, воссоздающая опыт как последовательность запахов и вкусовых ощущений. Одна из РС является для человека первичной, самой главной. Ее-то и должен выявить коммуникатор на этапе сбора информации о клиенте. В этом случае анализируется как вербальное, так и невербальное поведение клиента. Невербальная составляющая — это исследование ключей доступа, которыми оказываются движения глаз. Для каждого типа РС они совершенно специфичны (см. подробнее, например, [Трансформация личности 1995, с. 70-75]). При исследовании вербального поведения для выявления РС огромное значение имеет анализ метафор, используемых клиентом. В НЛП эти выражения часто называются «процессуальными словами». Фактически речь идет о метафорических моделях, заложенных в переносных значениях слов и в оригинальной метафорике клиента. Например, визуальная РС устанавливается по таким выражениям, как *Я вижу, что он меня не понимает; Я смутно понимаю, что здесь что-то не то; Мне кажется, что все против меня; Эта картина так и стоит передо мной*. Примеры апелляции к визуальной РС легко обнаружить и в художественной литературе:

На миг, вспомнив одинокую фигуру мамы, сидящей под лампой и штопающей носок, я чувствую укол стыда: мама вечно дома одна, а мы почти каждый вечер собираемся у тетушки на кухне, как в клубе. Но это мгновенное озарение быстро проходит.

[Ф. Искандер. Школьный вальс, или Энергия стыда]

Предчувствие близкой опасности заставило разум перенапрячься. Озарение, яркое как свет молнии, позволило мне решить головоломку.

[Л. Резник. Дом в центре]

О том, что бензин куплен у шкипера, знала вся деревня, но, пожалуй, только один председатель ясно понимал, чем ему это грозит.

[В. Распутин. Деньги для Матрены]

Аудиальная РС проявляется в метафорических моделях, источником которых является область звука, а также в развернутых сравнениях с таким же источником. Например, *Эта простая, но ясная мысль просто оглушила меня; Воспоминания того лета остались как хоровод нестройных звуков над поверхностью реки на рассвете* [К. Паустовский]. Кроме того, на тип РС может указывать и внутренняя форма языкового выражения: *Мне были созвучны его идеи*. Кинестетическая РС устанавливается по значениям слов, в основе которых лежат метафоры с источником — областью ощущений: *Я чувствую, что вы правы/неправы; Я нащупал в своих воспоминаниях что-то нужное, но не могу это ухватить; Мама была всегда суха со мной и не замечала, что я для нее делала*. Обонятельно-вкусовая РС обнаруживается в высказываниях типа *Мое детство всегда вызывает у меня горькие воспоминания; Я попробую сосредоточиться, но не уверен, что это мне сейчас удастся; Что-то вы сегодня кислый; Слица отца не сходила кислая мина*.

Разумеется, тип РС может определяться не только по метафорам, но и по прямым значениям слов, указывающим на соответствующую сферу опыта, или по значениям, близким к прямым, ср. *Я прекрасно слышу, что вы говорите; Я вижу, что вы выбрали правильный вариант*, однако метафоры часто оказываются более точным показателем. Выявление первичной РС позволяет как установить раппорт с клиентом, подстраиваясь в вербальных реакциях под его первичную РС, так и расширить пространство выбора клиента, переведя осмысление опыта в другие типы РС.

Еще одна сфера применения метафор, правда в расширительном понимании, — это техники субмодальностей, которые позволяют изменять субъективную значимость события. Например, в визуальной РС неприятное событие может быть представлено как изображение, картинка (как на экране телевизора). Человек может научиться менять яркость изображения, его величину, расстояние, с которого смотрится картинка, изменить расположение объектов на картинке и пр. Уменьшение яркости изображения неприятного события или его размера уменьшит его субъективную значимость для субъекта. Перенесение тех или иных объектов картинки на задний или, наоборот, передний план приведет к изменению точки зрения на ситуацию. Здесь работают хорошо известные метафорические модели, представленные во фразеологических выражениях типа *видеть все в черном цвете; смотреть сквозь розовые очки; раздувать дело/пустяк до невероятных размеров; выдвинуть на передний план; выйти за пределы/рамки чего-л*. Анализ языковых метафор, представленных в речи клиента и в естественном языке в целом, позволяет более

точно подобрать необходимую технику субмодальности.

Метафора как языковой, так и когнитивный феномен, реализующийся не только в языковых метафорах, но и в историях-метафорах или рассказах-аллегориях. Эта сторона метафоры также не прошла мимо создателей НЛП. В процессе рефрейминга рекомендуется использовать метафоры-аллегии двух типов. Первый основан на изоморфизме проблемной ситуации и метафоры. Например, когда к коммуникатору пришла клиентка с жалобой на дочерей, которые постоянно ссорятся между собой, то тот рассказал ей историю о садовнике, у которого в саду росли два розовых куста, ветки которых тесно переплелись между собой. Аналогия между садовником и матерью позволяет клиентке сформировать множество альтернатив решения проблемной ситуации на основе следствий из метафоры. Так, поскольку садовник может обрезать кусты, чтобы сохранить их рост и здоровье, то и мать может достаточно решительно поступить с дочерьми, запретив, например, им временно общаться. Или, наоборот, возможно и другое решение, если садовник просто подвигает кусты или пересадит один из них в другое место. В этом случае мать может отправить одну из дочерей в гости к родственникам и пр. Ситуация терапевтического воздействия не требует в данном случае от коммуникатора самому принимать решение, важно очертить перед клиенткой новый, расширенный список альтернатив по сравнению с тем, который у нее уже имеется. Насколько можно судить по тексту Нового завета, именно эта техника использовалась Христом в проповедях нового учения, которые часто имели вид притч. Христос, правда, часто был более определенным, чем коммуникатор, следующий принципам НЛП.

Второй тип метафор-аллегорий не всегда изоморфен проблемной ситуации. Основная их функция заключается в формировании скрытой инструкции к действию. Здесь изоморфизм не обязателен, но обязательна наглядность. Например, рассказ коммуникатора о том, что его вкусы изменялись на протяжении всей жизни, будет воспринят клиентом как скрытая инструкция к изменению восприятия собственного опыта. С другой стороны, реакцию опасения, нежелания делать что-либо можно вызвать, рассказав историю, как некий человек (разумеется, хороший знакомый коммуникатора) взялся починить телевизор, заявив, что он все прекрасно знает, но когда он снял заднюю стенку аппарата, его ударило током и он умер.

Поверхностная vs. глубинная структура. Одна из основных идей трансформационной модели языка (а представители НЛП утверждают, что используют именно эту модель — см., например, [Трансформация личности 1995, с. 130-136]) заключается в том, что одна и та же глубинная структура может на поверхности реализоваться различными поверхностными структурами, при этом глубинное представление — базовая структура в ранних версиях ТПГ — оказывается более бедной, более простой, чем поверхностная. Такое варьирование сторонников НЛП не очень интересует. Фактически для них важна не трансформационная грамматика в духе Хомского, а порождающая семантика, работающая не столько с синтаксисом, сколько с семантикой высказывания. С точки зрения НЛП на глубинном уровне всегда строится полное, достаточно богатое представление проблемной ситуации, но на поверхностном уровне оно в результате ряда альтернативных выборов, в результате проведения различных трансформаций обедняется. Например, предложение *Джон купил автомобиль* в глубинной структуре содержит информацию о том, у кого был куплен автомобиль, за какую сумму и когда. Иными словами, на глубинном уровне всегда присутствует модель управления глагола с обязательными и факультативными валентностями, которые более подробно описывают соответствующую ситуацию. Обеднение, редукция поверхностной формы происходит, как правило, неосознанно. В процессе терапевтического воздействия коммуникатор должен восстановить на поверхностном уровне все важные глубинные элементы — пропущенные валентности и прежде всего заполняющие их актанты. Он должен также раскрыть антецеденты анафорических местоимений, если они регулярно опускаются клиентом.

С этой точки зрения для НЛП значительный интерес представляют некоторые трансформации, которые регулярно «свертывают» более богатое содержание (см. обсуждавшееся выше понятие «аннулирующего» преобразования при вербализации смысла). К ним относится, например, трансформация опущения в диалогах типа: **Клиент:** *Ну, я, в общем, не уверен.* **Терапевт:** *Не уверен в чем?* **Клиент:** *Что мне стоит говорить об этом.* **Терапевт:** *О чем об "этом"?* В первой реплике клиента элиминирована вся составляющая, реализующая обязательную валентность глагола, а во второй — синтаксически составляющая есть, но она заменена на анафорическое местоимение, однако анафора не раскрыта. Эти случаи описываются в НЛП как высказывания с **отсутствующими референтными индексами**. Предполагается, что в глубинной структуре референтные индексы всегда есть и терапевт должен в процессе опроса клиента эксплицировать эти индексы, восстановив опущенные антецеденты и опущенные составляющие. Следует иметь в виду, что референтная структура понимается в НЛП весьма расширительно и включает коммуникативный и когнитивный контекст произнесения высказывания, чувства человека относительно обсуждаемых проблем и представления о том, как другие участники коммуникации воспринимают происходящее (то есть рефлексию моделей мира партнеров по общению).

Номинализация. Аналогичное явление свертывания содержания наблюдается при номинализации. Как известно, конструкции типа *Отказ от соглашения привел к неудаче переговоров* скрывают в глубинной структуре пропозициональные формы типа 'некто отказался от соглашения'. Номинализации — в терминологии НЛП — обедняют опыт клиента, поскольку не только переводят в имплицитную форму некоторые важные аспекты ситуации, но и представляют некоторые контролируемые процессы в форме неконтролируемых уже совершившихся событий. Так, когда клиент говорит *Мои способности не находят*

никакого признания, то он находится в плену «магии слова», поскольку понимает слово *признание* как совершившееся событие. В этом случае следует обратить внимание клиента на процессуальный характер ситуации, на ее контролируемость, а также на существование валентностей у глагола *признавать* или выражения *находить признание* с помощью вопросов типа *У кого вы не находите признание?; Можете ли вы себе представить ситуацию, что вы нашли признание [у коллег или кого-л. еще] ?* или *Как вы решили, что вы не находите признание?*

Модальные операторы. Типичное языковое проявление обеднения своего опыта и, как следствие, сужение пространства выбора — использование конструкций с модальными словами типа *Необходимо Р, Следует Р, Я должен Р, Мне нужно делать Р*. Мета-модель языка в НЛП приписывает этим конструкциям глубинную структуру 'Модальный оператор Р, иначе Q'. Психотерапевт должен заставить клиента выйти за пределы его ограниченного опыта, сосредоточив внимание на альтернативе Q: *Что случится, если вы не будете делать Р?; Что бы произошло, если бы вы отказались от Р?* Например, на реплику клиента *Нельзя любить двух женщин одновременно* психотерапевт может ответить *Что вам мешает делать это?* или *Что случится, если вы будете любить двух женщин одновременно ?; Почему невозможно одновременно любить двух женщин ?* Осмысление альтернативы Q расширит осознанный опыт клиента и будет способствовать решению возникшей проблемы.

Выражения с квантором всеобщности. Искажение опыта, его неправильная интерпретация может быть связана не только с опущением, элиминацией, но и с необоснованным «дистраиванием», «обогащением» представлений о реальности. Типичный источник искажения такого типа — неправомерная генерализация, обобщение. В естественном языке выражения типа *Всегда Р* интерпретируются либо в «ослабленном» кванторном смысле 'Обычно Р/Чаще всего Р/ Как правило Р'⁶⁾ либо в «сильном» логическом смысле (нечто вроде 'для любого момента времени из выбранного временного интервала имеет место Р'). Понятно, что высказывания с квантором всеобщности в слабом смысле всегда можно поставить под сомнение с точки зрения собственно логического значения. Это очень важно для психотерапевтической процедуры, поскольку генерализованные высказывания клиента, как правило, относятся к его негативному опыту и представляют собой интерпретацию его эмоций, впечатлений о действительности, а не фактическое знание. Так, высказывание *Я никогда не был в Париже* вполне верифицируемо, поскольку отражает реальный опыт субъекта («знание по знакомству» — в терминах Рассела). Однако высказывания клиента типа *Меня никто не понимает* представляет собой результат «наивного, естественного вывода» и отражает катастрофическое восприятие действительности. Для снижения значимости отрицательного опыта клиента и фокусировки внимания на позитивном опыте психотерапевт ставит под сомнение высказывание клиента с точки зрения логического понимания: *Вы действительно уверены, что вас никто не понимает?; Попробуйте вспомнить, был ли хоть один случай, когда кто-то вас понял; Неужели не было случая, когда вас хоть кто-нибудь понял?*

Каузальные связи. Осознание действительности с необходимостью влечет установление между событиями причинно-следственных отношений. Поскольку сама суть НЛП заключается в переосмыслении опыта,

⁶⁾ Можно сказать, что в этом случае реализуется наивная семантика квантора всеобщности.

установлении новых связей между явлениями и чувствами/когнитивными состояниями, то работа с причинными конструкциями оказывается эффективным инструментом воздействия на адресата. Коммуникативная техника обсуждения причинных связей предполагает, что психотерапевт обращает внимание на отсутствие необходимой связи между событиями, которые ставятся в причинно-следственную зависимость. Например, высказывание клиента *Моя жена злит меня своим поведением* скрывает каузальную зависимость типа 'Моя жена делает что-то для того, чтобы я злился'. Здесь необходимо выяснить, на основании чего клиент решил, что его жена сознательно злит его, нельзя ли объяснить поведение жены чем-то еще, всегда ли поведение жены вызывает у клиента чувство злости и т.д. Аналогичная техника используется и для высказываний с более эксплицитными причинными связями типа *Я хочу стать другим, но мои родители мне мешают; Мне нужно было уехать из дома, но жена была больна*. Во всех этих случаях цель коммуникатора заключается в том, чтобы поставить под сомнение существование необходимой связи между причиной и следствием. Это можно сделать, выявив случаи, когда связи не было (*Всегда ли так происходит?*), обратив внимание на то, что ситуация могла возникнуть непреднамеренно (*Разве ваша жена специально хотела разозлить вас?*), попытавшись перевернуть причинную связь (*Если бы ваша жена не была больна, вы бы обязательно уехали?*).

«Чтение мыслей». Неправомерное «дистраивание», расширение картины мира типично для ситуаций, когда человек пытается делать выводы о том, что думают и чувствуют другие люди. Например, когда клиент говорит *Моя жена не обращает внимания на мои чувства*, коммуникатор должен обратить внимание клиента на то, что судить о внутреннем состоянии человека невозможно в той же мере, как и читать мысли: *Как вы установили, что ваша жена игнорирует ваши чувства?; Откуда вам известно это?; Почему вы думаете, что ей безразличны ваши чувства ?* Направление беседы в эту сторону позволяет существенно снизить конфликтность опыта и переинтерпретировать его в позитивном смысле. **Скрытая перформативность.** Для НЛП важно, что любое утверждение человека имеет смысл только в рамках его собственной модели мира. Непонимание этого является еще одним источником заблуждений, ограничивающим поле выбора альтернатив при принятии решений в проблемных ситуациях. В этих случаях

полезно эксплицировать глубинный перформатив, который, согласно перформативному анализу, представлен в глубинной структуре любого речевого акта. Например, преобразование высказывания *Плохо досаждают другим своими собственными проблемами* в форму с эксплицитным перформативом *Я утверждаю, что плохо досаждают другим своими собственными проблемами* сразу уменьшает сферу применимости утверждения, ограничивая ее моделью мира самого говорящего. Фактически это эквивалентно снятию неправомерной генерализации.

Мета-модель языка. Модель естественного языка в НЛП представляет собой набор инструкций, с помощью которых коммуникатор контролирует процесс общения, а также выявляет те части дискурса, которые указывают на особенности мышления клиента (выявление первично репрезентативной системы) и ограничивают его позитивный опыт. Рассмотренные выше феномены и образуют части мета-модели, которая вначале используется для сбора информации о клиенте, а затем для вербального воздействия. Заметим, впрочем, что часто эти этапы не противопоставлены по времени и происходят одновременно.

* * *

Закljučая обсуждение методов нейро-лингвистического программирования, следует обратить внимание на целый ряд важных для лингвистической теории выводов, которые очень трудно, а подчас и просто невозможно сделать в рамках собственно лингвистической парадигмы. Это касается в первую очередь связи между языком и мышлением. Лингвистические постулаты НЛП с определенностью указывают на существование изоморфизма между языковыми/речевыми феноменами — такими, как метафора, следствие, глубинная и поверхностная структура — и процессами мышления. В теоретическом языкознании неоднократно высказывались гипотезы о существовании такой связи, однако практическое доказательство было невозможно. Опыт успешного использования принципов и дискурсивных стратегий НЛП оказывается в этом смысле чрезвычайно важным. Представляет также значительный интерес гипотеза о психологической значимости практически любого варьирования языковых форм, по крайней мере, на лексическом уровне. В частности, неосознаваемое варьирование метафорических моделей представляет собой важнейший источник информации о способах осмысления мира человеком.

Задание. Определите языковые маркеры репрезентативных систем, представленные во фрагментах следующих ниже текстов. Если это возможно, установите ведущую репрезентативную систему:

(i) (...) для успешного выживания нужен опыт верного выбора. Это подсознательно ведет человека к чувству красоты, ощущению вредности места или пищи — всему тому, что в наиболее ярких проявлениях раньше приписывалось божественному наитию. Накопление индивидуального опыта в подсознательном часто ведет ученых к внезапным, интуитивным открытиям, на деле же это результат очень длительного, но подсознательного выбора фактов и решений. Иногда какие-то ощущения из накопленной памяти прошлого опыта поколений ведут к возникновению галлюцинаций, хотя, как правило, галлюцинации возникают при болезненном расщеплении нормальной мозговой деятельности. Но я имею в виду лишь инвертные, обратимые галлюцинации, возбужденные в сознаний какими-то выскочившими из необозримого фонда памяти частицами. Они ведут нас к головокружительной возможности — заглянуть через самого человека в бездну миллионов прошедших веков его истории, пробуждая в его сознаний закодированный памятный фонд.

[И. Ефремов. *Лезвие бритвы*]

(ii) В проходной корреспондентский билет Губина произвел некоторый переполох. Выбежал, утирая жирные губы, навстречу гостю даже сам директор, но Губин от предложенного халата отказался. Он просто и вежливо попросил вызвать к нему Варвару Родионовну Степанову.

Она не вышла, а выбежала — быстрая, словно и правда ждала его. А он понимал, издали глядя на ее быстро бегущие ноги, что кажется ей, будто приехал Устименко. Всегда кажется. Только его она ждет. Это было больно ему и унижительно так думать, но он не выходил из тени возле забора на яркий лунный свет — пусть еще так счастливо бежит к нему.

[Ю. Герман. *Я отвечаю за все*]

Основная литература

1. Бэйли Р. НЛП консультирование. М., 2000. С. 98-119, 182-217.
2. Бэндлер Р., Гриндер Д. Структура магии. СПб., 1996. С. 21-34, 42-55.
3. Трансформация личности / Анализ и комментарий О. Ксендзюка. Одесса, 1995. С. 57-67, 121-166, 169-172, 193-200, 285-301.

Дополнительная литература

1. Бэндлер Р., Гриндер Д. Рефрейминг: ориентация личности с помощью речевых стратегий. Воронеж, 1995.
2. Гордон Д. Терапевтические метафоры. СПб., 1995.
3. Макдональд В. Руководство по субмодальностям. Воронеж, 1994.

§4. Политическая лингвистика

4.1. Предмет и задачи политической лингвистики

Изучение политического языка было инициировано по крайней мере тремя факторами. Во-первых, внутренними потребностями лингвистической теории, которая с завидным постоянством в разные периоды истории лингвистики обращалась к реальным сферам функционирования языковой системы. «Примат речи» часто становился главным лозунгом реформаторов учения о языке. Во-вторых, чисто политологическими проблемами изучения политического мышления, его связи с политическим поведением; необходимостью построения предсказывающих моделей в политологии, а также разработки методов анализа политических текстов и текстов средств массовой информации для мониторинга различных тенденций в сфере общественного сознания. И, наконец, социальным заказом — малорезультативными попытками мыслящей части общества освободить политическую коммуникацию от манипуляций политиканов, обманывающих народ. Последний фактор одновременно стимулировал становление теории воздействия (см. предшествующий параграф), которая, однако, лишь частично пересекается с проблематикой политической лингвистики.

Предмет политической лингвистики — политический дискурс как совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса как таковых или формирующих конкретную тематику политической коммуникации. Под дискурсивной практикой понимаются тенденции в использовании близких по функции, альтернативных языковых средств выражения определенного смысла. Эти тенденции, естественно, находят отражение в частоте употребления соответствующих феноменов фонетического, морфологического, синтаксического и семантического уровня. Очень близким аналогом в лингвистической поэтике можно считать понятие идиолекта писателя.

Опираясь на категорию вариативной интерпретации действительности, введенную во втором параграфе этой главы, можно сказать, что дискурсивные практики с лингвистической точки зрения определяются устойчивыми наборами языковых средств вариативной интерпретации, свойственными данному политическому субъекту или характерными для обсуждения данной темы политической коммуникации. В этом смысле можно говорить (и говорится) о таких предметах политической лингвистики, как «дискурс Рейгана», «дискурс Горбачева», «тоталитарный дискурс», «дискурс о безопасности», «дискурс свободы и справедливости», «парламентский дискурс». Иными словами, дискурс Рейгана — это совокупность дискурсивных практик Рейгана, проявляющихся в его политических выступлениях, интервью и т. д. Тоталитарный дискурс — это совокупность дискурсивных практик, характерных для политического языка тоталитарного общества, а дискурс о безопасности — совокупность дискурсивных практик, встречающихся в дискуссиях о безопасности государства и формирующих эти дискуссии как часть политического дискурса в целом.

Наиболее известные примеры дискурсов, на которых развивалась политическая лингвистика, «оселки» разработки методик изучения политического языка — русский политический язык советской эпохи (во французской лингвистике называемый «деревянный язык» — *langue de bois*), дискурс Великой французской революции, политический язык «Третьего Рейха» (взгляд филолога-литературоведа на этот феномен отражен в [Клемперер 1998]).

Теория воздействия исследует механизмы вариативной интерпретации действительности не только в политическом языке, но и при функционировании языковой системы в любой сфере деятельности человека. Тем самым она шире политической лингвистики и по постановке задачи и по предмету исследования, однако теория воздействия не исследует сочетания языковых механизмов ВИД, частоту их употребления, то есть сами дискурсивные практики. В этом отношении теория воздействия уже политической лингвистики.

Наиболее значительны различия между теорией воздействия и политической лингвистикой в сфере приложений. Основные области приложения политической лингвистики в политологии связаны с изучением политического мышления политиков по языковым данным и реконструкцией и мониторингом состояния общественного сознания по текстам средств массовой информации. Для работы с этими сложными феноменами были разработаны специальные методики — метод контент-анализа и методика когнитивного картирования.

4.2. Методика контент-анализа

Первые опыты использования количественных методов, близких к контент-аналитическим, относятся к концу XIX в. Именно тогда стало ощущаться влияние средств массовой информации — и особенно газет — на общество. В США по заказам некоторых общественных организаций и университетов был проведен ряд исследований тематики газетных статей. Тематика определялась на основе количественного анализа лексики. Общий вывод заключался в том, что пресса отдает предпочтение уголовной хронике, скандалам, сплетням и спорту, практически игнорируя сферу религии, науки и искусства [Speed 1893]. В 20-30-х гг. XX в. в США по текстам прессы отрабатываются техники изучения общественного мнения. В центре внимания контент-аналитических исследований оказываются более сложные категории, такие как установки,

стереотипы, ценности.

Лассвелл, с именем которого связывают существенный прогресс в технике контент-анализа, провел исследование основных тем и идей, преобладавших в официальной пропаганде стран-участников Первой мировой войны [Lasswell, Leites 1949; Lasswell 1952]. Во время Второй мировой войны контент-анализ стал составной частью оборонной политики. Эксперты лондонского радио проводили методом контент-анализа регулярный мониторинг текстов нацистской пропаганды в средствах массовой информации. Это позволило им выявить типичные последовательности действий министерства пропаганды, связанные с обоснованием тех или иных политических и военных акций. В результате аналитиками были предсказаны некоторые важные события в политической и военной сферах. Изучение документов агентства Transocean в США с использованием методов контент-анализа позволило разоблачить его сотрудников как нацистских агентов [Grawitz 1996, p. 550-582].

Рассмотрим методику контент-анализа с лингвистической точки зрения. Рациональность такого подхода объясняется тем, что по сути контент-анализ использует чисто лингвистическую информацию о характеристиках текста и пытается выявить его семантические особенности. **Сущность контент-анализа заключается в том, чтобы по внешним — количественным — характеристикам текста на уровне слов и словосочетаний сделать правдоподобные предположения о его плане содержания и, как следствие, сделать выводы об особенностях мышления и сознания автора текста — его намерениях, установках, желаниях, ценностных ориентациях и т. д.** Для литературного текста может быть поставлена задача изучения особенностей изображения представленных в нем персонажей. Если количество привлекаемых текстов и авторов достаточно велико, то сделанные выводы могут быть распространены на большую социально значимую группу людей и даже на общественное сознание в целом. Конечно, оценка мышления вряд ли относится к собственно лингвистической проблематике, впрочем, такие задачи, как изучение идиолекта писателя, вполне рядоположены исследованию особенностей мышления.

Важнейшей категорией контент-анализа является **концептуальная переменная** — понятие, которое стоит в центре проводимого исследования. Например, концептуальной переменной (К-переменной) могут быть такие категории, как «СВОЙ-ЧУЖОЙ», «ДЕМОКРАТИЯ», «ПРАВА ЧЕЛОВЕКА», «ЖЕНСКИЙ ВОПРОС», «МАТЕРИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ». В конкретном тексте концептуальная переменная представлена своими **значениями** — языковыми представителями. Так, концептуальная категория «СВОЙ—ЧУЖОЙ» в текстах может иметь следующие значения: *мой, наш, мы, я, привычный, знакомый, близкий vs. их, его, ее, он, она, оно, они, их, ее, его, непривычный, дальний, незнакомый*. С другой стороны, концептуальная переменная «ДЕМОКРАТИЯ» может быть представлена в текстах следующими языковыми коррелятами: *демократия, демократический, демократично, демократический выбор, власть народа, народовластие, выборность, возможность выбора, разделение властей*.

Абсолютная частота концептуальной переменной определяется как совокупность абсолютных частот ее значений (языковых репрезентантов). Отсюда следует, что для правильности контент-анализа очень важно определить весь список значений, иначе будут пропущены некоторые вхождения концептуальной переменной и результаты исследования будут неточны.

Этапы подготовки и проведения эксперимента. Первый этап подготовки эксперимента заключается в выборе материала — корпуса языковых данных. Классический для контент-анализа пример корпуса данных — газетные публикации за определенный период времени или программы политических партий в разные периоды существования партий. Как правило, структура корпуса данных и отбор материала тесно связаны с самой постановкой задачи исследования. Например, если предметом исследования являются языковые и стилистические особенности русского рассказа XIX в., то и создаваемый корпус должен охватывать соответствующие литературные тексты того времени. Для формирования корпуса можно использовать принципы, разработанные в корпусной лингвистике — см. §3 главы 3.

Второй этап — выбор концептуальной переменной и определение ее значений — языковых репрезентантов выбранного понятия в тексте. Если значения К-переменной можно выявить в предварительном эксперименте на незначительном количестве материала (для часто исследуемых проблемных областей в социальных науках и политологии разработаны специальные словари-тезаурусы значений наиболее очевидных К-переменных), то выбор самой К-переменной остается нетривиальной проблемой. Один из наиболее частых подводных камней при выборе К-переменной — это **корреляция между частотой и значимостью**, а также **постулат о равнозначности вхождения значений К-переменной**. Если эта корреляция отсутствует или одно вхождение (группа вхождений) перевешивает по значимости другие вхождения, то контент-анализ в классическом варианте неприменим. Например, если известно, что Эйзенхауэр, уходя со своего поста, произнес известную речь об опасности военно-промышленного комплекса, то любые контент-аналитические выкладки в связи с К-переменной «ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС» не будут иметь никакого смысла по отношению к предшествующим выступлениям Эйзенхауэра, даже если бы они все были и позитивные или существенно превосходили отрицательные оценки. Иными словами, если исследователя интересует отношение данного политика к проблемам обороны и военного строительства, то в данном случае он должен выбрать другую переменную, например «АРМИЯ», «ООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ» и пр.

Третий этап — выбор единицы кодирования. Значения К-переменной могут приписываться текстам, их фрагментам, абзацам, предложениям и отдельным словам и словосочетаниям. Выбор единицы

кодирования зависит от объема и характера корпуса данных и от типа контент-анализа. Если корпус данных — заголовки статей, то выбор единицы кодирования предопределен. С другой стороны, чем больше корпус данных, тем крупнее могут быть единицы кодирования. Для ручного контент-анализа зависимость единицы кодирования от объема корпуса очевидна. Если корпус насчитывает тысячи статей, а кодировщиков — два-три человека, то выбор в качестве единицы кодирования одной статьи вполне оправдан. Учитывается также и объем единиц хранения корпуса. Если корпус состоит из относительно небольших заметок, то опять-таки они и могут стать единицами кодирования.

Отбор кодировщиков и формулировка инструкций по кодированию образуют **четвертый этап** подготовки эксперимента. Ручной контент-анализ требует точной формулировки инструкций. Кодировщиков может быть несколько и они должны руководствоваться едиными принципами кодирования. Часто для обеспечения единообразия кодирования между кодировщиками и руководителями эксперимента проводятся семинары, позволяющие всем участникам уточнить и унифицировать принципы обработки материала. При компьютерном контент-анализе подготовка инструкций практически заменяется перечислением языковых форм выбранных значений К-переменной. Общие принципы кодировки задают два вида контент-анализа — **жесткий** и **мягкий**. При **жестком варианте** инструкции формулируются таким образом, что кодируются только явные вхождения К-переменной в текст, то есть только тогда, когда в тексте эксплицитно представлено одно из значений К-переменной. При **мягком варианте** контент-анализа инструкции позволяют кодировщику кодировать не только явные, но и неявные, имплицитные вхождения К-переменной и текст. Это допустимо в тех случаях, когда трудно исчислить все значения К-переменной. Например, К-переменная «ПРАВА ЧЕЛОВЕКА» может реализоваться и в тексте о правилах техники безопасности на производстве. Предсказать такие значения К-переменной довольно трудно. Понятно, что компьютерный контент-анализ пока используется только как средство жесткого контент-анализа. Использование разрабатываемых в настоящее время интеллектуальных процессоров может в перспективе изменить ситуацию.

На **пятом этапе** происходит кодировка данных. И, наконец, на шестом этапе осуществляется подсчет данных и интерпретация результатов. Для обработки результатов часто используются сложные статистические методы анализа, в том числе факторный и кластерный анализ.

Факторы контроля качества эксперимента. В теории контент-анализа уделяется большое внимание обеспечению адекватности и точности проведения эксперимента. Для подготовки экспериментов и оценки их результатов учитываются факторы надежности (reliability) и достоверности/обоснованности (validity). **Фактор надежности** проявляется в трех основных формах — стабильности, повторяемости и тщательности (ассигасу). **Стабильность** — самая слабая форма надежности. Она определяется тем, насколько один и тот же кодировщик через некоторое время после первой кодировки так же сможет обработать данные. Понятно, что для компьютерной версии контент-анализа эта характеристика надежности выполняется постольку, поскольку не меняется программа кодировки. **Повторяемость** является более сильной формой надежности, она характеризует возможность получения тех же результатов разными кодировщиками в разное время и в разных ситуациях по тем же инструкциям. Если разные кодировщики в разное время похожим образом кодируют одни и те же данные, используя одинаковые инструкции, то повторяемость эксперимента достаточно велика. Самой сильной формой надежности является **тщательность**, под которой понимается соответствие некоторой норме кодирования, выработанной экспертами. В элементарном случае тщательность проявляется в следовании выработанным инструкциям.

Фактор достоверности/обоснованности проявляется во многих разнообразных формах. Одна из них — **семантическая достоверность** — определяется тем, насколько инструкции кодировщику учитывают многозначность языковых выражений, являющихся значениями К-переменной. Так, при проведении контент-анализа на К-переменную «ВОЙНА-МИР» (по отношению к межгосударственным связям) инструкция кодирования, учитывающая фактор семантической достоверности, должна делать различие между значениями слова *война*, отсеивая употребления типа (1).

(1) После этого тихо тлевшая **война** перешла в открытые боевые действия. «Мослифт» полностью перестал обращаться на тот самый завод, чьи технологии — капельная пропитка статоров, централизованная нарезка канатов с обваркой концов, автоматизированная очистка редукторов главного привода и тому подобные лифтовые премудрости, — существенно улучшают качество ремонта.

[«Известия»]

Для достижения семантической достоверности в компьютерном контент-анализе широко используется метод Key-Word-In-Context, сводящийся к построению конкордансов на каждое из значений К-переменной. Эксперт (иногда в интерактивном режиме) помогает компьютерной программе и отбрасывает те контексты, в которых языковой репрезентант К-переменной употребляется не в том значении, которое нужно.

Семантическая достоверность может быть усилена и в том случае, если в качестве концептуальной переменной и ее репрезентантов выступает не одно слово, а словосочетание, более точно указывающее на сферу поиска. Например, в только что рассмотренном случае К-переменную «ВОЙНА-МИР» (по отношению к межгосударственным связям) можно переформулировать в виде «МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНФЛИКТ» или «ПРОБЛЕМЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ» со значениями типа *кризис в межгосударственных отношениях, международный*

конфликт/международные конфликты, напряженность в отношениях между странами X и Y и т. п. В литературе это иногда не вполне удачно называется **введением темы** [Мангейм, Рич 1999, с. 274, 275].

Еще одна форма достоверности — **достоверность отбора данных** (sampling validity) — относится к формированию корпуса данных. Выборка данных для кодирования должна быть репрезентативна для проблемной области. В контент-анализе для отбора данных часто используется метод случайной выборки, а также метод стратификационной выборки. В последнем случае проблемная область разбивается по релевантным параметрам и на каждое значение параметра подбирается пример. Наконец, для некоторых типов данных, характеризующихся регулярностью, привлекается систематический отбор. Анализ объявлений о найме жилья предполагает сплошной отбор материала из определенных изданий за фиксированный промежуток времени. В принципе, здесь могут использоваться те же критерии репрезентативности, которые разрабатывались в корпусной лингвистике — см. § 3 главы 3. Другим аспектом достоверности отбора данных является отбор единицы кодирования, которая может определяться самим кодировщиком или диктоваться структурой данных.

Прагматическая достоверность или **достоверность предсказания**, будучи довольно сильной формой фактора достоверности, характеризует возможность распространения выбранного метода и/или результатов на другие данные.

Виды контент-анализа. Выше уже говорилось о том, что в зависимости от принципов кодировки контент-анализ может быть жесткий и мягкий. Выделяется также содержательный и структурный контент-анализ. Контент-анализ, основанный на выделении концептуальной переменной и исследовании ее значений (репрезентантов) в тексте, называется **содержательным**. Возможен и другой вариант контент-анализа, при котором также предполагается выделение концептуальной переменной, однако ее репрезентанты изучаются с точки зрения формы. Например, K-переменная «ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ» может анализироваться с точки зрения того, сколько места посвящалось тому или иному кандидату в средствах массовой информации — страниц, колонок в статьях, статей, количество появлений на телевидении; были ли фотографии кандидата в прессе или нет, были ли какие-нибудь другие иллюстрации, на каких полосах газет, журналов появлялись сообщения о кандидате и пр. Такой контент-анализ получил название **структурного**. За единицу анализа в этом случае принимается «материал о кандидате» или «сообщение о кандидате», которое может определяться как любое газетное сообщение о кандидате или любое его упоминание в новостных, информационных и общеполитических передачах на телевидении.

Структурный контент-анализ по сравнению с содержательным более прост в разработке и проведении, однако он дает не окончательный результат, а полуфабрикат, который требует дальнейшего изучения и содержательной интерпретации.

4.3. Примеры применения методики контент-анализа

В политологии контент-анализ обычно используется для изучения когнитивных установок автора текста — его отношения к тем или иным событиям, понятиям, ценностным категориям и т. д. Типичный пример — исследование программ республиканской и демократической партии в их динамике по отношению к концептуальной переменной «СВОЙ—ЧУЖОЙ» [Weber 1990, р. 56-57]. Превалирование «ЧУЖОГО» над «СВОИМ» позволяет сделать вывод о большей конфликтности политического дискурса, о существовании существенных проблем в межпартийных отношениях. И действительно, динамика реализации значений Непеременной коррелирует с динамикой политических конфликтов. Более того, при отсутствии внешнего конфликта пики «ЧУЖОГО» в программах часто указывают на существование внутреннего конфликта.

4.3.1. Метафоры в политическом дискурсе: эксперимент Х. де

Ландшер. Более сложный эксперимент проводился Х. де Ландшер на материале голландского политического дискурса за период с 1831 по 1981 гг. [Christ'l de Landtsheer 1991]. Весь стопятидесятилетний отрезок времени был разделен на три части: 1831-1914, 1919-1939 и 1965-1981. Цель исследования заключалась в установлении возможных корреляций между частотой использования в политическом дискурсе политических метафор и периодами политико-экономических кризисов. В качестве корпуса данных были выбраны отрывки из фламандской прессы (парламентские репортажи, колонки политических комментаторов, редакционные статьи) общим объемом 439 582 словоупотреблений. Выбор границ отрывков был чисто формальным, но варьировался. Так, для периода 1919-1939 гг. брались сто последних слов политических комментариев к парламентским выборам, а для периода 1850-1914 гг. — первые сто слов редакционных статей. Поскольку степень метафоричности для разных метафор может различаться, для общей оценки силы метафоры была введена переменная референциальной интенсивности I, которая вычислялась по следующей формуле:

$$I = \frac{1w + 2n + 3s}{t},$$

где w — количество «слабых» метафор, слабых в том смысле, что они реализуют стандартные метафорические переносы значения; переменная n — обычные конвенциональные метафоры, не фиксированные как словарные значения, и, наконец, s — абсолютно новые, креативные метафоры; t — общее количество метафор. Коэффициенты 1, 2, 3 позволяют учесть «силу» метафоричности.

Сила воздействия метафоры связана не только с новизной или об-шепринятостью, но и с типом самой метафорической модели. Понятно, что метафорические модели ВОЙНЫ, СМЕРТИ, БОЛЕЗНИ более конфликтны, чем метафорические модели СТРОЕНИЯ, ПУТИ. Для отражения конфликтности была введена еще одна переменная — переменная содержания D , которая вычислялась по следующей формуле:

$$D = \frac{1p + 2n + 3po + 4d + 5sp + 6m}{t},$$

где p — стертые метафоры (popular metaphors); n — метафоры природы; po — политические и интеллектуальные метафоры; d — метафоры смерти и бедствий; sp — игровые и спортивные метафоры; m — метафоры болезни; t — общее количество метафор.

Результаты кодирования и вычисленные переменные интенсивности и содержания были сопоставлены с имеющимися в статистических справочниках данными по безработице и динамике оптовых цен. Оказалось, что динамика значений переменных I и D коррелирует с динамикой безработицы — чем выше безработица, тем выше значение переменной интенсивности и переменной содержания. Интересно, что оценка абсолютной частоты использования метафор в меньшей степени отражает степень корреляции, чем переменные I и D . Также в меньшей степени Удаётся выявить корреляцию между степенью метафоричности политического дискурса (в переменных I и D) и динамикой оптовых цен. По-видимому, это менее очевидный показатель кризисной ситуации.

Проведенный Х. де Ландшер эксперимент важен как с практической, так и с теоретической точки зрения. Неоднократно высказывались гипотезы о связи метафор с кризисным состоянием сознания, с проблемной ситуацией и с поиском решений проблемы. Согласно когнитивной тео-Рии метафоры, метафорическое осмысление действительности позволяет сформировать множество альтернатив разрешения кризиса. Во вводной статье к «Словарю русских политических метафор» отмечается, что в пе-Риод перестройки метафоричность политического дискурса существен-но возросла, однако никаких количественных данных не приводится [Баранов, Караулов 1994]. Эксперимент Х. де Ландшер показывает, что возрастание количества метафор в политическом дискурсе — признак кризисности политической и экономической ситуации. Этот результат можно использовать в лингвистическом мониторинге политического дискурса, предсказывая приближение кризисных состояний общественного сознания.

4.3.2. Контент-анализ национальной идеи. С конца 1995 г. в российской прессе началась широкая дискуссия по национальной идее, инициированная известным обращением Президента РФ Б. Ельцина. Перед группой ученых из Института русского языка РАН была поставлена задача обобщить результаты дискуссии, сделав выводы об отношении в обществе к этому феномену и описав основные типы его понимания, представленные в прессе [Баранов, Добровольский, Михайлов 1997 а]. Для этого была использована модифицированная техника контент-анализа.

Задачи исследования. Проведения контент-аналитического эксперимента преследовало выполнение следующих задач:

1. Выявление типов интерпретации понятия «национальная идея». Иными словами, как понимается эта категория различными авторами, какое содержание вкладывается в нее в процессе обсуждения разными участниками. Например, национальная идея в текстах может интерпретироваться как мессианская (Москва — третий Рим), как нечто, объединяющее всех россиян, как идеология и т. д.
2. Определение круга метафор, которые связываются в общественном сознании с национальной идеей и близкими по значению выражениями (*идея для России, русская идея* и пр.). Здесь было бы важно не только выявить типы метафор, но и оценить частотность различных метафорических моделей, выявить их воздействующий потенциал.
3. Установить оценочную составляющую «национальной идеи» — каков баланс отрицательных, положительных и нейтральных оценок при обсуждении в прессе этого понятия.

Результаты анализа были дополнены сопоставлением с результатами аналогичного исследования, проведенного для категории идеологии [Баранов, Добровольский, Михайлов 1997 6]. Сопоставление дало возможность сравнить конфликтный потенциал этих понятий и составить общее представление о перспективах использования этих категорий в публичной политике.

Материал исследования. В качестве материала использовалась выборка газетных текстов за 1996—1997 гг. Наиболее полно в выборке представлена пресса за сентябрь-октябрь 1996 г. и январь 1997 г. Первая половина 1996 г. учитывалась в графиках, но полученные статистические оценки по этому периоду не вполне точны. В качестве основного источника текстов использовались текстовые корпуса Национально-Агентства Новостей. Для анализа были привлечены следующие газеты и журналы: «Век», «Российская газета», «Российские вести», «Литературная газета», «Известия», «Итоги», «Независимая газета», «Подмосковные известия» (ограниченная выборка), «Московские новости», «Сегодня», «Эксперт» (ограниченная выборка)⁷. Проводился анализ и левой прессы (газет «Правда» и «Советская Россия»), а также газеты «Завтра»; его результаты, однако, пока не опубликованы.

В качестве концептуальной переменной было выбрано понятие «НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ», которое в текстах имеет следующих репрезентантов (значения К-переменной): *национальная идея, идея для России, российская идея, русская идея*.

Технологические особенности эксперимента. На первом этапе анализа проводилась выборка документов из массива по ключевым словам — значениям К-переменной. Полученный корпус текстов был обработан программой DIALEX, которая позволяет составить конкордансы на каждое употребление словосочетаний *национальная идея, идея для России, российская идея, русская идея*. Средний объем конкордансов — 6 предложений. Полученные конкордансы с помощью той же программы были введены в базу данных ACCESS. Запись в базе данных имела следующие поля: 1) словосочетание, 2) пример к словосочетанию, 3) источник, 4) дата, 5) оценка, 6) значение/интерпретация, 7) тип метафорической модели. Всего было получено около 1 500 записей; после обработки (устранения повторов и информационного шума) база данных состояла из 833 записей. На следующем этапе проводился анализ полученных контекстов употреблений, на основе которого заполнялись поля значение/интерпретация, оценка, тип метафорической модели. И, наконец, после заполнения всех полей был осуществлен лингво-статистический анализ.

Типы понимания/интерпретации «национальной идеи». В результате изучения материала было выделено пятнадцать типов интерпретации категории «национальная идея». Приведем контексты на каждый тип интерпретации.

«демократия»:

(2) Всегда в России власть была далека от народа. Теперь граждане сами избирают свою власть, включая первое лицо государства. *Приверженность демократии и ее защита — пусть это тоже будет частью нашей национальной идеи.*

[«Российская газета») «возрождение России»]

(3) (...) предлагаемая мною формула общенациональной идеи для России выглядит так: «Россия — для меня, я для России» — их взаимоспасительное единство как самодостаточное условие для возрождения России (...).

[«Российская газета»]

⁷⁾ В таблицах и графиках для изданий используются следующие сокращения: Извест. — «Известия», ЛГ — «Литературная газета», Моск. нов. — «Московские новости», НГ — «Независимая газета», Подмос. изв. — «Подмосковные известия», Рос. газ. — «Российская газета», Рос. вес. — «Российские вести».

«государственная доктрина»

(4) Трогательное единение политически как будто полярных сил, западников и антизападников. Чуть-чуть поработать совместно — и вот вам она, *искомая национальная идея, общая государственная идеология — борьба с расширением НАТО*. А для граждан — всего лишь оскомины от словопроения. Почему?

[«Известия»]

«идеология»

(5) Такую же неспособность демонстрирует номенклатура, сохранившая в основном командные высоты, в новых условиях, когда она уже не связана догмами коммунизма. На фоне сворачивания производства — чеченская эпопея, упомянутая забастовка шахтеров и эпидемия невыплат зарплат — служат лишними тому доказательствами. Не случайно спасение для себя и страны власть порой пытается искать на знакомых ей путях идеологии. *Чего стоит, например, президентский заказ на формирование «национальной идеи!»*

[«Независимая газета»]

«культура»

(6) Вы ищете единую национальную идею? Внимательному читателю ее не так трудно отыскать у Льва Толстого и Федора Достоевского, у Ивана Бунина и Ивана Ильина... Ее, право же, нужно искать в великой национальной культуре, а не на политической помойке.

[«Независимая газета»]

«неопределенность»

(7) Публикации в парижской «Монд», телепередачи американской ABC, и первой немецкой программы — в этих и других проявлениях профессионального журналистского интереса видится еще и стремление самим разобраться: *а какой же может быть — и может ли быть вообще — идея для России, что представляют собой люди, ищущие ее?*

[«Российская газета»]

«мессианство»

(8) Российское государство формировалось вокруг Православной церкви. Во многом *благодаря православию русский народ осознал свое место в мире и выработал собственную национальную идею, которую можно обозначить как мессианский экспансионизм.*

[«Российская газета»]

«объединяющее начало»

(9) Наши читатели живо откликнулись на предложение редакции поделиться своими соображениями о *национальной идее, способной объединить общество*. Каждый день пополняется редакционный портфель письмами, телефонными сообщениями, факсами.

[«Российская газета»]

«православие/соборность»

(10) Поняли они также и то, что первый «нашедший», «осознавший», «разработавший» эту идею станет духовным вождем, предложит власти идеологию, которая заполнит идейный вакуум и вознесет нового пророка к вершинам политического Олимпа. В качестве исходного материала использовалось все многообразие русского духовного наследия, от самодержавной триады «*православие, самодержавие, народность*» до *религиозной философии Соловьева, Бердяева и других великих русских мыслителей*. Старую триаду представили в новом виде: «духовность,

державность, народовластие». *Русская идея религиозных философов стала «национальной идеей».*

[«Независимая газета»]

«приоритет личности»

(11) *Понимание российской «национальной идеи» как защищенности частных сфер жизни граждан от государственной регламентации также было бы воспринято обществом.*

[«Независимая газета»]

«приоритет национального»

(12) На рубеже веков реакцией на слабость России как нации-государства стал *русский этнический национализм*. Если либерально-радикальная интеллигенция *сознательно игнорировала «русскую национальную идею»*, то другая часть образованного общества встала на позиции *русского национализма*, поддержав власть, стремившуюся добиться единства общества перед угрозой растущего сепаратизма.

[«Независимая газета»]

«монархия»

(13) ПРЕСТУПНО вяло общественность отреагировала на призыв президента выдать через год новую национальную идею. Между тем можно обернуть все гораздо раньше срока. *Учитывая неизбывную любовь народа к сильной руке, я не буду оригиналом: монархия.*

[«Независимая газета»]

«социализм/коммунизм»

(14) За последние 500 лет Россия пережила по крайней мере *три четко сформулированные национальные идеи*: «Москва — третий Рим» (инок Филофей), «Православие, Самодержавие, Народность» (министр народного просвещения князь Сергей Уваров) и «*Наша цель — Коммунизм!*» (слова народные). Между тем президент предложил доверенным лицам сосредоточить внимание на историческом опыте XX века.

[«Сегодня»]

«ценность/ценности»

(15) Там, где национальная идея пустила глубокие корни в массовом сознании, отлилась в сумму чтимых в народе ценностей, включая духовные, — там и глубокие общественные кризисы преодолевались цивилизованно, не вызывая катастрофических последствий.

[«Российская газета»]

«фашизм»

(16) (...) лидер националистов Петербурга, издатель газеты 'Националист' и пламенный оратор Юрий Беляев должен чувствовать себя по гроб жизни обязанным советскому народу за то, что в борьбе с фашизмом победил народ, а не фашизм. Так или иначе, *факт осуждения «национальной идеи» в лице лидера НРПР* можно считать состоявшимся. Петербургская Фемида сочла Юрия Беляева виновным в нарушении 13-й, 19-й и 29-й статей Конституции РФ, запрещающих преследование граждан России по национальному, расовому и религиозному признакам. В приговоре указывается, что Юрий Беляев и НРПР, председателем центрального совета которой он является в настоящий момент, вели пропагандистскую работу, направленную против евреев и «лиц кавказской национальности».

[«Сегодня»]

«экономический фактор»

(17) *Общенациональная объединяющая идея для России такова.* Первое и главное — это надо *решать экономические вопросы* так, чтобы одни слои населения не жили за счет других.

[«Российская газета»]

В тех случаях, когда контекст позволял несколько смысловых интерпретаций, он дублировался в базе данных в нескольких записях с соответствующим заполнением поля «значение/интерпретация». Например, контекст (17) представлен в двух различных записях со значениями «объединяющее начало» и «экономический фактор».

Динамика изменения интерпретаций К-переменной «национальная идея». Из табл. 1 видно, что в контекстах концепт «национальной идеи» чаще всего оказывается неопределенным — на этот тип интерпретации приходится около трети всех употреблений. Объяснение этому факту лежит на поверхности: до самого последнего времени национальная идея, скорее, относилась к области философии, культурологии и литературоведения, чем к области публичной политики. С политической точки зрения понятие «национальной идеи» пока еще не сформировано, что указывает на возможную перспективу его использования для целей идеологического конструирования. Общий мотив проанализированных публикаций можно свести к следующему: осознания национальной идеи пока нет и ее нужно найти.

Вторая по частотности интерпретация связана с приоритетностью национального (121 контекст из более чем 800 употреблений), что вполне понятно, поскольку этот смысловой компонент представлен в самой внутренней форме словосочетания *национальная идея*. Приоритетность «национальной составляющей» понимается в проанализированных контекстах в широком диапазоне — от чистого национализма (оцениваемого чаще всего отрицательно — см. ниже) до идеи нации в европейском понимании и возрождения России. При положительной оценке приоритет национального часто связывается с традицией русской философии (Соловьев, Бердяев, Леонтьев, Булгаков и др.).

На третьем месте находится интерпретация «национальной идеи» как объединяющего начала (109 контекстов). В некотором смысле это понимание противоположно предыдущему. Основной аргумент сторонников объединения заключается в том, что Россия многонациональна и ориентация на приоритет национального (русского или какого-либо другого) приведет к распаду государства. В подавляющем большинстве случаев эта интерпретация сопровождается положительной оценкой. Стремление к

объединению тесно связано с идеей государственности. Интерпретация

Таблица 1

Распределение интерпретаций К-переменной «национальная идея» по источникам

Интерпретации	Общее кол-во	Век	Рос. газ.	Рос. вес.	ЛГ	Извест	Итоги	НГ	Подмос. изв.	Моск. нов.	Сегодня	Эксперт
демократия	2		1					1				
возрождение России	20		12		1			2	1	1	1	
гос. доктрина	98	4	26	9	5	3	1	25	2	1	10	
идеология	65		6	8	4	1		34		2		
культура	6		3	1	1			1				
неопределенность	240	7	87	13	4	6	1	68		1	17	4
мессианство	27		18		1			4			1	
объединяющее начало	109	3	50	7	3	3		32	1		3	
православие / соборность	30		11	3				3			1	
приоритет личности	9		7					2				
приоритет национального	121	6	22	4	4	12	3	32	1	11	6	
монархия	7		1	1				1				
социализм / коммунизм	13		1								1	
ценность / ценности	60		29	8	2			8	1		1	1
фашизм	1										1	
экономический фактор	23		10		1			10			1	1

«национальной идеи» как «государственной доктрины» оказывается в известном смысле продолжением ее интерпретации как «объединяющего начала». Интересно, что и по частотности употребления они весьма близки (на «гос. доктрину» приходится 98 употреблений). Однако оценочная составляющая у них различна — «гос. доктрина» хотя и оценивается чаще положительно, отрицательных оценок у нее довольно много (см. ниже).

Остальные интерпретации располагаются по частотности в следующем порядке: идеология (65 контекстов); ценность/ценности (60 контекстов); православие/соборность (30 контекстов); мессианство (27 контекстов); экономический фактор (23 контекста); возрождение России (20 контекстов); социализм/коммунизм (13 контекстов); приоритет личности (9 контекстов); монархия (7 контекстов); культура (6 контекстов); демократия (2 контекста); фашизм (1 контекст).

Среди выделенных типов интерпретаций по значению лишь один тип не вполне соответствует «по жанру» категории «национальной идеи». Это понимание «национальной идеи» как культуры. Возможно, что про-поненты такой интерпретации сознательно осуществляли подмену одной категории другой, понимая, что они не рядоположены друг другу. Цель такой подмены достаточно очевидна — постараться привлечь внимание к тому понятию, которое более важно для автора текста в данный момент времени.

Рассматривая частоту употребления концепта «национальной идеи» по источникам, отметим, что наиболее оживленная дискуссия по этой проблеме проводилась в «Российской газете» и «Независимой газете». В отличие от общей картины частоты распределения интерпретаций, в «Российской газете» на второе место выходит понимание «национальной идеи» как объединяющего начала. Кроме того, «гос. доктрина» оказывается на третьем месте, а «приоритет национального», занимающий второе место в общем распределении, оказывается на четвертом. Последнее понятно, если учесть, что «объединяющее начало» по семантике тесно связано с «гос. доктриной».

В «Независимой газете» на втором месте по частоте оказывается понимание «национальной идеи» как идеологии. Третье и четвертое места разделяют интерпретации «приоритет национального» и «объединяющее начало».

Временное распределение не позволило выявить какие-то устойчивые тенденции, по этой причине таблицы и графики временного распределения не приводятся. Можно лишь упомянуть, что пик дискуссии по национальной идее пришелся на август, сентябрь и октябрь 1996 г. Во всех этих месяцах превалирует интерпретация «неопределенность». В тройке лидеров, кроме «неопределенности», чаще всего оказываются интерпретации «гос. доктрина», «приоритет национального», «объединяющее начало».

Динамика изменения типов метафор, связанных с К-переменной «национальная идея». Политическая метафорика является важным параметром исследования политического дискурса. По отношению к концепту «национальная идея» было выделено тринадцать различных метафорических моделей. Количественная оценка, конечно, весьма приближительна прежде всего потому, что выделенные метафоры различны по степени абстракции, ср., например, метафору СТЕРЖНЯ и метафору МЕХАНИЗМА. Тем не менее и в таком варианте количественный анализ весьма показателен — см. табл. 2 и график к ней.

Наиболее частотной оказалась метафора ПЕРСОНИФИКАЦИИ — понимание «национальной идеи»

как одушевленной сущности:

(18) (...) я поддерживаю «обращение к общественности» А.Яковлева и его идею для России. Вместо очередного эксперимента над людьми я призываю коммунистов всех мастей к покаянию перед народом за все деяния кровавых утопистов, за фабез и ликвидацию (уничтожение) миллионов крестьянских душ. Во имя восстановления исторической правды и социальной справедливости. Во имя возрождения или *рождения новой объединяющей национальной идеи России*.

[«Российская газета»]

Ничего удивительного в высокой частотности употребления метафоры ПЕРСОНИФИКАЦИИ по отношению к концепту национальной идеи нет, поскольку именно эта метафорическая модель и в политическом дискурсе в целом является наиболее распространенной [Баранов, Караулов 1994, с.xv, xvi]. Второе место в проанализированном материале занимает метафора СТРОЕНИЯ. К этой метафоре относится широкий круг контекстов, в которых «национальная идея» интерпретируется как нечто, что следует строить, что образует фундамент, основу, базис чего-либо и т.п., ср. (19).

(19) Мне представляется, что ближе всего к формулировке национальной идеи России в настоящее время (и надолго) подходит «*Наш дом — Россия*». Меня не смущает, что это совпадает с названием известного общественного движения, хотя мне кажется, что основатели этого движения поставили перед собой цели чисто тактические, связанные с борьбой за власть, и недостаточно акцентировали идеологические проблемы существования и развития России.

[«Российская газета»]

Довольно высокая частотность использования метафоры СТРОЕНИЯ по отношению к «национальное идее» (второе место) — факт совсем не тривиальный. В русском политическом дискурсе эпохи перестройки и постперестроечного периода на втором месте обычно по данным из [Баранов, Караулов 1994, с.xv, xvi] находится метафора ВОЙНЫ. Метафора СТРОЕНИЯ, хотя и относится к числу самых употребительных, тем не менее занимает шестое место, существенно уступая в этом отношении метафоре ВОЙНЫ.

Третье место разделяют метафоры ВЕЩЬ (20) и РАСТЕНИЕ/ДЕРЕВО (21).

(20) «Великая американская мечта» возникла не в «коридорах власти», а в жестокой борьбе переселенцев из Старого Света за свой индивидуальный успех и понятна любому индивиду, являясь порождением опыта людей. Согласен с моим оппонентом, что «*национальную идею*» нельзя получать из рук некомпетентных чиновников». Еще более опасно получать ее из рук главы государства. Чиновник, какой бы высокий пост он ни занимал, не персонифицирует государство.

[«Независимая газета»]

(21) Замена понятия «народности» классовым подходом имела самые трагические последствия для страны. И вот что любопытно. Там, где *национальная идея пустила глубокие корни* в массовом сознании, отлилась в сумму чтимых в народе ценностей, включая духовные, — там и глубокие общественные кризисы преодолевались цивилизованно, не вызывая катастрофических последствий.

{«Российская газета»}

На четвертом месте находятся ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫЕ метафоры, которые представлены в корпусе примеров такими вариантами, как ФИЛЬТР, ПРИЗМА (22), СКРЕПЫ (23):

(22) Иными словами, это отдельное «произведение идеологии», стоящее несколько особняком, но при этом служащее *призмой, окрашивающим фильтром*: для общего комплекса идеологического строительства; для системы трансляторов (СМИ, образование, книгоиздание и пр.); для восприятия и воспроизводства практических, жизненных реалий, включая приоритетную расстановку разного рода социальных программ и проектов. Таким образом, *общенациональная идея* начинается как связка очень простых и понятных, по возможности лапидарных «истин» и установок, но воплощается через переориентацию практически всех основных систем духовной и практической жизнедеятельности общества.

[«Российская газета»]

(23) Если доверенные лица Б. Н. Ельцина найдут или придумают для России некую «новую» идеологию, а потом постараются навязать ее обществу, перемежая архаизмы с неологизмами, она окажется не чем иным, как разновидностью замшелого и подновленного НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА. Нам нужны не *идеологические скрепы*, а развитие общественного сознания, партийного и беспартийного, религиозного и светского, оппозиционного и поддерживающего власть.

[«Литературная газета»]

Близкая по семантике ограничительным метафорам метафора БОЛЕЗНИ представлена только четырьмя контекстами употребления, ср. (24).

(24) Сам Лебедь, не дожидаясь сеанса у психоаналитиков, обронил ключевую фразу о том, что ему, слава Богу, никому не нужно доказывать, что он русский. Это и так видно невооруженным глазом. Идеология любого национализма вырастает из комплекса неполноценности. Александр Иванович вряд ли производит впечатление ущербного человека, похожего на *инвалидов национальной идеи*.

[«Московские новости»]

Прочие типы метафор представлены единичными контекстами: МАТЕМАТИЧЕСКАЯ метафора (2 контекста), гастрономическая метафора (1 контекст), медицинская метафора (1 контекст), метафора механизма (1 контекст), организм (1 контекст), стержень (1 контекст).

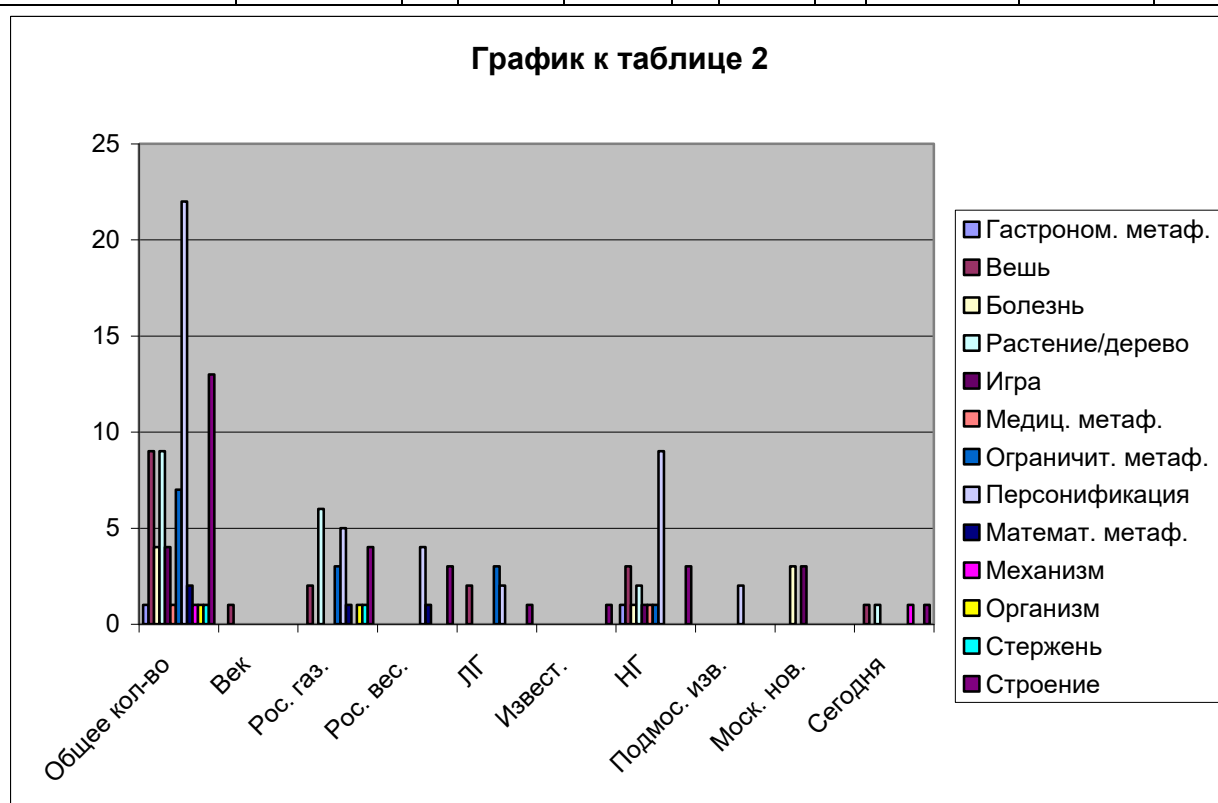
Таблица 2

Распределение метафор, связанных с К-переменной «национальная идея», по источникам

Метафоры	Общее кол-во	Век	Рос. газ.	Рос. вес.	ЛГ	Извест.	НГ	Подмос. изв.	Моск. нов.	Сегодня
Гастроном, метаф.	1						1			

Вещь	9	1	2		2		3			1
Болезнь	4						1		3	
Растение/дерево	9		6				2			1
Игра	4						1		3	
Медиц. метаф.	1						1			
Ограничит, метаф.	7		3		3		1			
Персонификация	22		5	4	2		9	2		
Математ. метаф.	2		1	1						
Механизм	1									1
Организм	1		1							
Стержень	1		1							
Строение	13		4	3	1	1	3			1

График к таблице 2

Из проанализированных общедемократических изданий наиболее широко спектр метафор представлен в «Независимой газете» и «Российской газете». Интересно, что если в «Независимой газете» превалирует метафора ПЕРСОНИФИКАЦИИ, то в «Российской газете» — РАСТЕНИЕ/ДЕРЕВО. В «Независимой газете» метафора РАСТЕНИЕ/ДЕРЕВО оказывается на четвертом месте.

Анализ метафорических контекстов употребления понятия «национальной идеи» позволяет сделать два важных вывода. Во-первых, частота использования метафор по отношению к «национальной идее» очень мала⁸⁾. Это говорит об относительно слабой «дискуссионности» концепта (ср. в этой связи результаты эксперимента Х. деЛандшера). Во-вторых, обращает на себя внимание набор метафорических моделей: в общедемократической печати⁹⁾ в принципе отсутствует метафора ВОЙНЫ. Имеющиеся метафоры опять-таки неконфликтны. Количество ограничительных метафор и метафор болезни очень мало. С другой стороны, наибольшая часть употреблений в метафорических контекстах приходится на нейтральные и позитивно оцениваемые метафоры — ПЕРСОНИФИКАЦИЯ, СТРОЕНИЕ, РАСТЕНИЕ/ДЕРЕВО.

Что касается распределения на временной оси, то здесь картина оказывается сглаженной. Откровенных «пиков активности» употребления политической метафоры по отношению к «национальной идее» обнаружить не удалось (по этой причине статистика по временному распределению не приводится).

Динамика изменения оценок К-переменной «национальная идея». Количество контекстов анализируемой К-переменной устойчиво превышает частоту отрицательных и нейтральных оценок. Из табл.

3 видно, что в сумме количество отрицательных и нейтральных оценок меньше общего количества положительных. Тем не менее в некоторых изданиях

8) Другой контент-аналитический эксперимент по изучению К-переменной «ИДЕОЛОГИЯ» показал, что она метафорически осмысливается более часто. См. [Баранов, Добровольский, Михайлов 19976].

9) Разумеется, термин «общедемократическая печать» весьма условен.

Таблица 3

Распределение положительных, отрицательных и нейтральных оценок К-переменной «национальная идея» по источникам

Оценка	Общее кол-во	Век	Рос. газ.	Рос. вес.	ЛГ	Извест	Итоги	НГ	Подмос. изв.	Моск. нов.	Сего-дня	Эксперт
+	401	5	241	32	11	9		79	5	4	14	1
–	119	8	14	2	10	13	3	46		10	10	3
0	188	8	28	20	5	3	2	98	1	2	19	2

оценка оказывается на первом месте — это «Известия», «Итоги» (положительная оценка отсутствует в принципе), «Московские новости», «Эксперт». В ряде случаев на первое место выходит нейтральная оценка — «Независимая газета», «Сегодня». Фактически значительный перевес положительной оценки создается за счет «Российской газеты», «Российских вестей» и отчасти «Независимой газеты» (хотя в последней и превалирует нейтральная оценка).

Корреляции между оценками, метафорами и интерпретациями значений К-переменной «национальная идея». Изучение корреляций между оценками, метафорами и интерпретациями дает важную дополнительную информацию о статусе концепта «национальная идея» в общественном сознании. Кроме того, появляется возможность независимой оценки проведенного ранее анализа материала. Например, нестандартные, неожиданные корреляции либо должны быть объяснены на основе привлечения дополнительной информации об общественно-политической ситуации, либо это проявление неточности, недостаточности проведенного анализа.

Сравнение оценок и метафорических моделей (табл. 4 и график к ней) указывает на вполне правдоподобную корреляцию между положительной оценкой и конструктивными, неконфликтными метафорами. Так, метафоры ПЕРСОНИФИКАЦИИ, СТРОЕНИЯ, РАСТЕНИЯ/ДЕРЕВА, ОРГАНИЗМА чаще всего сочетаются с положительной оценкой. Отрицательная оценка, связанная с ГАСТРОНОМИЧЕСКОЙ метафорой, явно случайна, поскольку имеется лишь один контекст употребления. Вполне понятно превалирование отрицательной оценки для метафоры БОЛЕЗНИ. Для ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ метафор отрицательные и положительные оценки совпадают. Преимущественно отрицательная оценка метафоры ИГРЫ связана с тем, что в имеющихся контекстах чаще всего речь шла об АЗАРТНОЙ ИГРЕ.

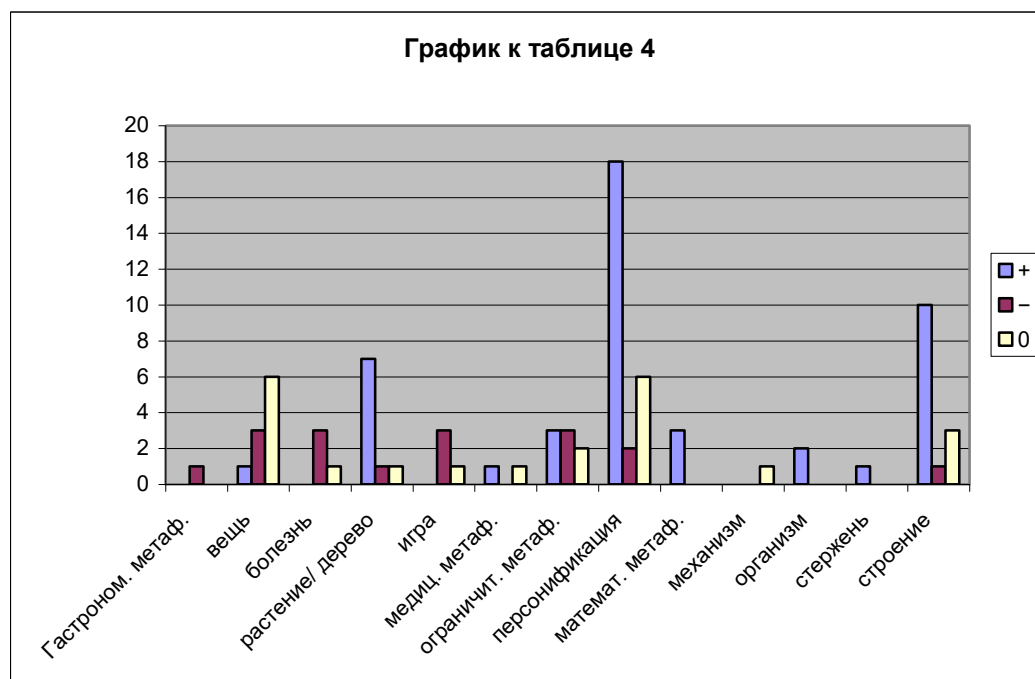
Сравнение оценок и интерпретаций (табл. 5 и график к ней) указывает на то, что в обществе реально происходит поиск чего-то, что можно было бы назвать «национальной идеей». Об этом говорит тот факт, что даже для интерпретации «неопределенность» (контексты, в которых авторы эксплицитно пишут о том, что они не знают, не понимают, что такое «национальная идея») положительная оценка имеет самую высокую частоту. Она превалирует практически для всех пониманий этого концепта, за исключением интерпретаций «фашизм» (отрицательная оценка), «монархия» (отрицательная и положительная оценка находятся в балансе), «идеология» (положительная оценка несколько опережает отрицательную).

Сопоставление метафор и интерпретаций (табл. 6) несколько менее показательно. Видно, однако, что наиболее разнообразные метафоры используются по отношению к интерпретациям «неопределенность» (что естественно — метафора очень часто выступает как инструмент познания), «приоритет национального», «объединяющее начало», «ценность/ценности». Практически для всех пониманий превалирует метафора ПЕРСОНИФИКАЦИИ (для «неопределенности» частота употребления

Таблица 4

Корреляции между метафорами и оценками

Оценка	Гастроном. метаф.	вещь	болезнь	растение/дерево	игра	мед. метаф.	огранич. метаф.	персонализация	математ. метаф.	механизм	организм	стержень	строение
+		1		7		1	3	18	3		2	1	10
–	1	3	3	1	3		3	2					1
0		6	1	1	1	1	2	6		1			3

метафоры ПЕРСОНИФИКАЦИИ совпадает с частотой метафоры СТРОЕНИЯ). Весьма частотны метафоры СТРОЕНИЯ и ВЕЩИ. Из «бедных» в метафорическом отношении интерпретаций можно назвать «возрождение России» — метафоры ПЕРСОНИФИКАЦИИ и СТРОЕНИЯ, «монархия» — только метафора ПЕРСОНИФИКАЦИИ. Характерно, что при понимании «национальной идеи» как «идеологии» преобладают ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫЕ метафоры. Концепт идеологии до сих пор воспринимается в общественном сознании довольно конфликтно.

Проведенный анализ ясно показывает некоторые важнейшие тенденции изменения состояния общественного сознания за 1996 г. Во-первых, очевидно, что общество в целом было озабочено отсутствием ценностной составляющей в деятельности как отдельного человека, так и всего социума. Если в период перестройки происходило явное отрицание имевшихся ценностей, то в исследуемый период общество стало более терпимо относиться к сфере идеологического в самом широком понимании.

Таблица 5

Корреляции между интерпретациями и оценками

Интерпретации	Общее кол-во	+	-	0
демократия	2	2		
возрождение России	20	20		
гос. доктрина	98	52	16	30
идеология	64	25	23	16
культура	6	5		1
неопределенность	240	112	42	86
мессианство	27	25		2
объединяющее начало	109	81	5	23
православие/соборность	29	22	2	5
приоритет личности	9	7		2
приоритет национального	121	47	42	32
монархия	7	3	3	1
социализм/коммунизм	13	8	2	3
цен ность/ценности	59	47	1	11
фашизм	3		3	
экономический фактор	23	15		8

График к таблице 5

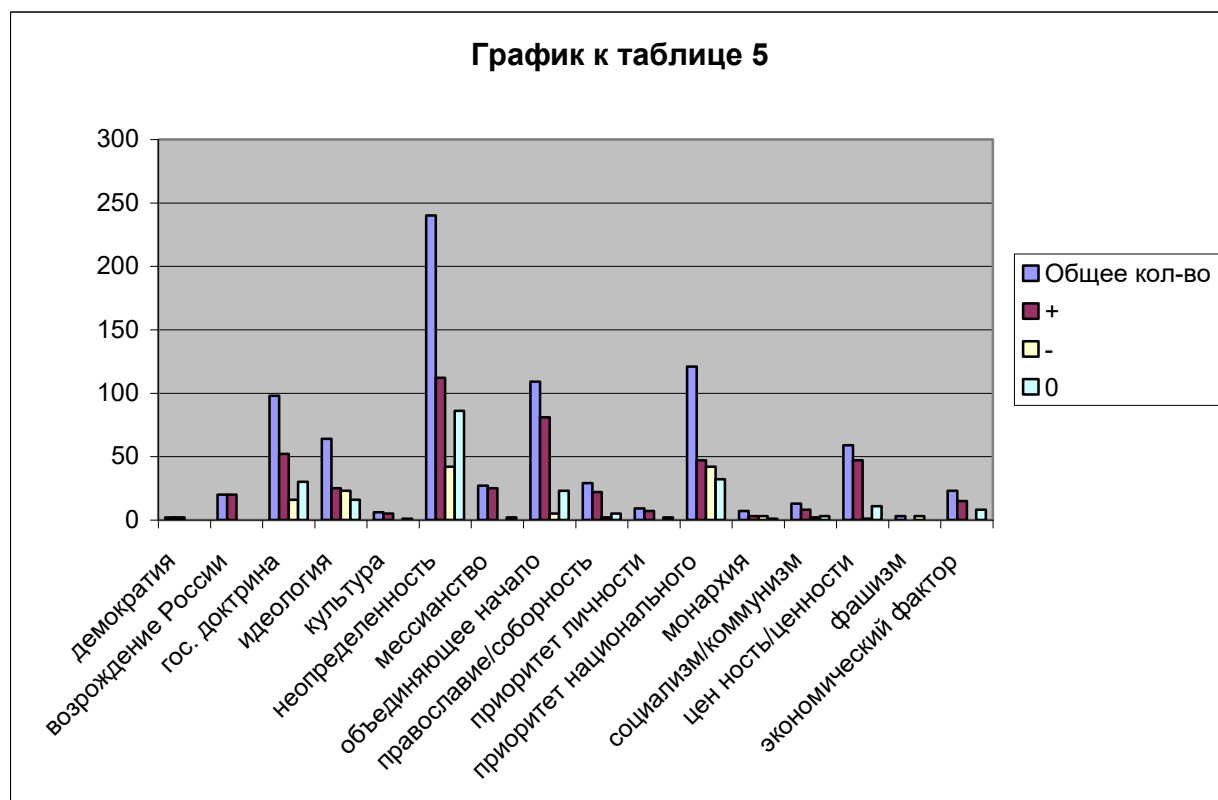

Таблица 6

Корреляции между метафорами и оценками

Интер- претации	гастро- ном. метаф.	вещь	бо- лезнь	растение/ дерево	игра	ме- диц. метаф.	ограни- чит. метаф.	персони- фикация	мате- мат. метаф.	ме- ха- низм	ор- га- низм	стер- жень	стро- е- ние
возрождение России								5					1
гос. доктрина		3				1	1	2			1		2
идеология		2		1			3	1					
неопределен- ность		5	1	4	1		1	6		1			6
объединя- ющее начало				2	1		1	4				1	1
православие/ соборность								2	2				1
приоритет националь- ного	1		3	1	2	1	1	5					2
монархия								1					
ценность/ ценности				1			1		1		1		1

Во-вторых, понятие «национальной идеи» в современном общественном сознании существенно менее конфликтно, чем другие идеологически связанные концепты, в том числе и понятие «идеологии». На это указывает значительно меньшее количество используемых метафор по сравнению с К-переменной «ИДЕОЛОГИЯ», а также сам набор метафор [Баранов, Добровольский, Михайлов 1997 6]. Среди них практически отсутствуют конфликтные метафорические модели — такие, как ВОЙНА, СПОР. Отсутствие метафорической модели ВОЙНА тем более показательно, что согласно имеющимся исследованиям, эта метафора является типичной для современного русского политического языка [Баранов, Караулов 1994]. Анализ контекстов реализации К-переменной «ИДЕОЛОГИЯ» подтверждает это: метафора ВОЙНЫ по отношению к «ИДЕОЛОГИИ» занимает второе место, лишь несколько уступая метафоре ПЕРСОНИФИКАЦИИ [Баранов, Добровольский, Михайлов 19976]. В данном же случае превалируют конструктивные по своей сути метафоры ПЕРСОНИФИКАЦИИ, СТРОЕНИЯ, ВЕЩИ, РАСТЕНИЯ/ДЕРЕВА.

В-третьих, понятие национальной идеи «удобно» для идеологического конструирования. В отличие от других идеологически связанных категорий, оно представляет собой *tabula rasa*, поскольку степень его неясности в сфере публичной политики чрезвычайно высока: подавляющее количество употреблений

выражений, связанных с национальной идеей, приходится на контексты неопределенности (240 из 833) ¹⁰⁾.

И, наконец, в-четвертых, важно, что понятие «национальной идеи» в политических дискуссиях имеет, скорее, положительные, чем отрицательные коннотации (392 положительных оценки при 130 отрицательных).

4.3.3. Контент-анализ литературного текста. Ранее были рассмотрены примеры применения контент-анализа в политическом дискурсе. Между тем он широко используется в исследовании литературных произведений. Возможности контент-анализа в сфере изучения литературного текста не оценены по достоинству в отечественном литературоведении. Однако использование этого метода позволяет существенно уточнить традиционные способы литературоведческого исследования и по-новому взглянуть на уже имеющиеся представления об авторах и литературных произведениях. В рамках литературоведения для контент-анализа может быть поставлена задача изучения особенностей творческого метода писателя и специфики изображения литературных персонажей. В качестве примера естественно взять достаточно хорошо изученный текст с выраженной внутренней структурой.

Почти идеальным объектом контент-анализа оказывается в этом смысле роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди», который представляет собой собрание писем Макара Деушкина и Варвары Добросёловой.

¹⁰⁾ Для концепта «идеологии» контекстов неопределенности не нашлось вовсе — см. [Баранов, Добровольский, Михайлов 1997 б].

Выборки писем по объему вполне сопоставимы: письма Варвары составляют 17 779 словоупотреблений, а Макара — 23 895 словоупотреблений¹¹⁾. Поскольку письма четко атрибутированы, имеется возможность провести на этом романе классическое контент-аналитическое исследование, получив результаты, которые интересно сопоставить с традиционными литературоведческими истолкованиями этого текста. В литературоведении справедливо отмечалось, что «Бедные люди» продолжают традицию «натуральной школы», начатую «Шинелью» Гоголя. В отличие от Гоголя, изображение «бедного человека» в романе Достоевского лишено каких бы то ни было иронических черт. При этом читатель явно ощущает, как постепенно возрастает трагизм повествования, достигая кульминации в последнем письме Макара и обрываясь на нем.

В литературоведческих исследованиях подчеркивалось, что трагизм событий и состояний действующих лиц Достоевский искусно передает множественными концептуальными оппозициями — приемом, который ляжет в основу наиболее значительных его произведений. Противопоставление «Жизни и Смерти», «Ума и Безумия», «Закона и Беззакония», «Лжи и Правды», «Веры и Неверия», «Целомудрия и Порока» позволяют, согласно Бахтину, поставить героев перед решающим жизненным выбором [Бахтин 1963]. В пограничных состояниях и проявляется истинная сущность героя. Для «Бедных людей» область оппозиций, область контраста формируется такими противопоставлениями, как «юная героиня и старый герой»; «герой в обычном представлении и Макар Деушкин как анти-герой, который переводится автором в статус героя», «любящие сердца и холодная, ненавистная действительность», «сентиментальность в изображении чувств и почти натурализм в описании событий действительности»¹²⁾. Возникает вопрос, в какой мере эти противопоставления проявляются на уровне языка этого романа, в речи действующих лиц? Кроме того, в какой мере возможные языковые оппозиции можно рассматривать как еще одну сферу контраста, которая дополнительно драматизирует повествование, постоянно и в то же время скрыто воздействуя на читателя?

С учетом поставленной задачи должна выбираться и концептуальная переменная. Здесь весьма удачным оказывается концепт СВОЙ— ЧУЖОЙ, который часто становился предметом исследования в рамках прикладной политологии.

¹¹⁾ Реально словоформ несколько меньше. Подсчет производился в пакете прикладных программ «Пси», разработанном М. Н. Михайловым. В этом пакете для облегчения поиска все слова, имеющие дефисное написание разделяются. Например, *кто-то* представляется в базе данных как *кто* и *то*. Это создает определенные неудобства, однако в данном случае не играет существенной роли: оба массива писем обчитываются по единой методике, это не влияет на окончательный результат, поскольку важны не абсолютные, а относительные оценки частоты употребления.

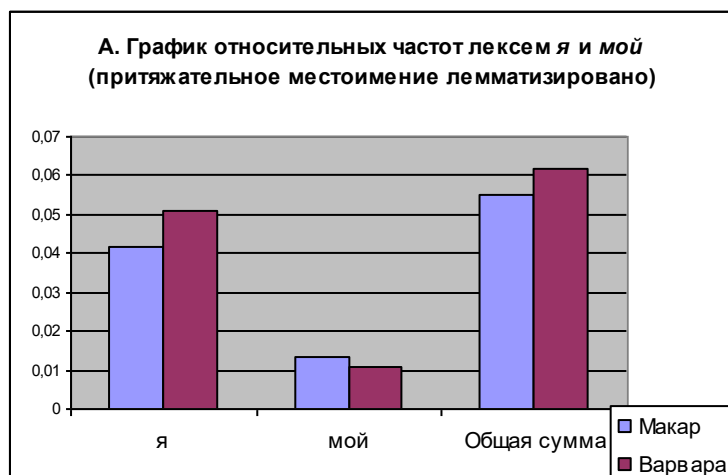
¹²⁾ См., в частности, [Trubeckoj 1948; Neuhauser 1976; Timm 1981; Terras 1983].

Семантико-прагматические репрезентанты категории СВОИ—ЧУЖОЙ (i): эксклюзивность. Одним из вариантов категории СВОИ—ЧУЖОЙ является понятие ЭКСКЛЮЗИВНОСТИ — ориентации говорящего на себя, на свои мысли, желания, на свое прошлое и будущее. На поверхностной уровне ЭКСКЛЮЗИВНОСТЬ представлена прежде всего формами личного местоимения *я* и притяжательного местоимения *мой*. На табл. 7 и графике А представлена абсолютная и относительная частота употребления этих местоимений в письмах Макара и Варвары, соответственно.

Таблица 7

Местоимения *я* и *мой* в дискурсе Макара и Варвары¹³⁾

Словоформы	Абсолютная частота		Относительная частота	
	Макар	Варвара	Макар	Варвара
я	992	908	0,0415	0,0511
мой	322	193	0,0135	0,0109
Общая сумма	1314	1101	0,0550	0,0619

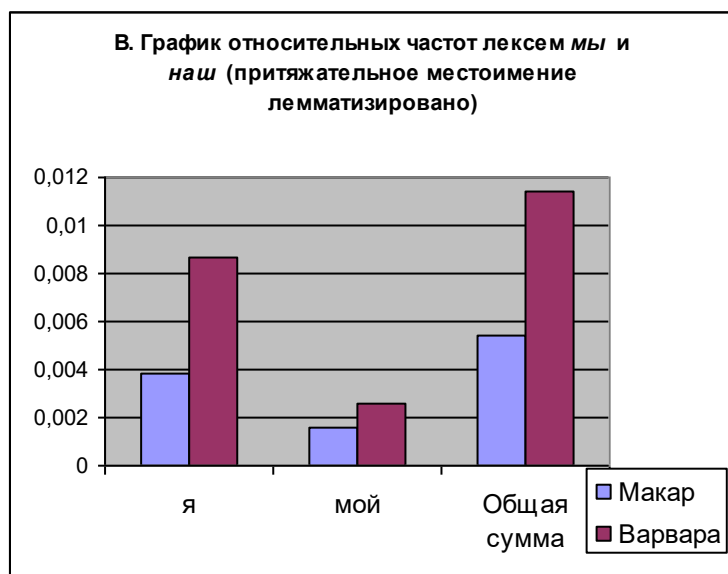
Из табл. 7 и графика А видно, что Варвара в несколько большей степени ориентирована на сферу личного. Текст романа подтверждает это наблюдение: значительные фрагменты текста посвящены воспоминаниям Варвары о своем прошлом. Кроме того, не без оснований страхась своего будущего, Варвара часто думает именно о нем. Прошлое Макара для читателя куда более неопределенно.

13) Здесь и далее, если это не оговаривается специально, словоформы лемматизированы

Таблица 8

Местоимения *мы* и *наш* в дискурсе Макара и Варвары

Словоформы	Абсолютная частота		Относительная частота	
	Макар	Варвара	Макар	Варвара
я	90	155	0,0038	0,0087
мой	39	47	0,0016	0,0026
Общая сумма	129	202	0,0054	0,0114

Семантико-прагматические репрезентанты категории СВОЙ-ЧУЖОЙ (iii): инклюзивность. ЭКСКЛЮЗИВНОСТЬ тесно связана с ИНКЛЮЗИВНОСТЬЮ — включенностью в свою личную сферу. Сюда входит то, что говорящий считает важным, существенным для себя, с чем он в какой-то мере себя отождествляет. Языковыми репрезентантами этой категории оказываются в первую очередь местоимения *мы* и *наш*.

Тенденция, которая только была обозначена при употреблении местоимений *я* и *мой*, здесь находит

последовательное воплощение. ЭКСКЛЮЗИВНОЕ вместе с ИНКЛЮЗИВНЫМ фактически формируют ядро ЛИЧНОЙ СФЕРЫ говорящего — это «мое Я» и то, что я связываю или отождествляю с собой. Относительная частота употребления репрезентантов категории ЛИЧНАЯ СФЕРА на уровне дискурса более высока у Варвары, чем у Макара. Тем самым можно сделать вывод, что она более важна для Варвары. Это, впрочем, легко подтверждается и самим текстом. Достаточно вспомнить эпизод выхода замуж Вареньки: жалуясь Макару на свою печальную судьбу, она не забывает о форме платьев, вышивке и пр.: *Я измучилась от хлопот и чуть на ногах стою. Дела страшная куча, а, право, лучше, если б этого ничего не было. (...) Скажите мадам Шифон, чтобы блонды она непременно переменяла, сообразуясь со вчерашним образом, и чтобы сама заехала ко мне показать новый выбор. Да скажите еще, что я раздумала насчет канзу; что его нужно вышивать крошью. Да еще: буквы для вензелей на платках вышивать тамбуром; слышите ли? тамбуром, а не гладью. Смотрите же не забудьте, что тамбуром!*

Приведенный фрагмент интересен тем, что хотя в нем относительно немного местоимений *я* и *мой*, тем не менее он хорошо иллюстрирует тенденцию к превалированию ЛИЧНОЙ СФЕРЫ для Варвары.

Семантико-прагматические репрезентанты категории СВОЙ—ЧУЖОЙ (iii): ЧУЖОЕ. ЛИЧНАЯ СФЕРА, СВОЕ противопоставлены ЧУЖОМУ. Наиболее очевидный представитель этой категории — личные местоимения *он, она, оно* и *они*, а также притяжательные местоимения *его, ее*, и *их*. Абсолютная частота употребления этих местоимений в письмах Макара — 594, а в письмах Варвары — 558; относительная частота, соответственно, 0,0249 и 0,0314. Здесь тенденция не вполне ясна; различие как по относительной, так и по абсолютной частоте не велико. Кроме того, оно разнонаправлено: по абсолютной частоте Макар несколько опережает Варвару, а по относительной — наоборот. Иными словами, либо К-переменная выбрана неудачно, либо не вполне репрезентативны сами значения К-переменной. И действительно, если считать, что ядро категории ЧУЖОЕ составляет общество, противопоставленное индивидууму, то более ярким, парадигмальным репрезентантом этой категории выступает местоимение *они* и соответствующее притяжательное местоимение *их*. Анализ частоты употребления этих местоимений четко высвечивает тенденцию, не выявлявшуюся ранее.

Из табл. 9 и графика С тенденция становится совершенно ясной. Выявленная закономерность подтверждается и частотой употребления лексемы *другой* — 31 употребление в письмах Макара и 10 вхождений в письмах Варвары (относительная частота, соответственно, 0,0013 и 0,0006).

Эти данные можно проинтерпретировать как смещение интереса Макара на внешний мир, на действительность, на общество, которое явно представляет для него большую проблему, чем для Варвары. Можно, далее, предположить, что вольно или невольно противопоставляя себя сфере ЧУЖОГО, Макар оказывается в явном когнитивном конфликте, что требует от него более активного социального поведения, которое проявляется и на уровне речи. Это предположение находит отражение в лексических маркерах, если не конфликтности, то более активной социальной и, как следствие, дискурсивной позиции. Этот слой лексики заслуживает особого рассмотрения. Здесь же отметим, что лексическими маркерами дискурсивной активности являются, во-первых, те выражения, которые отражают процесс обдумывания ситуации, проблемы и процесс поиска решений, выхода из проблемной ситуации, и, во-вторых, мета-текстовые элементы — выражения, регулирующие сам процесс общения. К таким показателям можно отнести различные вводные и модальные слова, обрамляющие пропозицию и указывающие на последовательность естественного языкового вывода, а также частицы, семантика которых содержит отсылку к имевшимся ранее предположениям, намерениям, желаниям; частицы дейктического характера, определяющие положение субъекта в описываемой ситуации. К лексическим маркерам дискурсивной активности относятся также обращения (они разбираются ниже). Грубо говоря, участник ситуации общения, чаще использующий частицы типа *ведь, даже, неужели, разве, только, уже, хотя, хоть, дескать, вот*, а также вводные выражения типа *мне кажется, я думаю/считаю*, оценочные предикаты типа *совершенно ясно, очевидно, вряд ли, сомнительно* и т.д., занимает более активную дискурсивную позицию по сравнению с тем, кто использует эти выражения существенно реже.

Интуитивно кажется вполне правдоподобным предположение, что Макар более активен в общении с Варварой, чем Варвара с ним. И действительно, такие маркеры дискурсивной активности более типичны для писем Макара, чем для писем Вареньки. Ниже в табл. 10 и графике D представлены данные об абсолютной и относительной частоте употребления некоторых лексических маркеров дискурсивной активности, характерных для рассматриваемого текста.

Таблица 9

Местоимения *я* и *мой* в дискурсе Макара и Варвары

Словоформы	Абсолютная частота		Относительная частота	
	Макар	Варвара	Макар	Варвара
они	72	14	0,0030	0,0008
их	20	23	0,0008	0,0013
им	12	5	0,0005	0,0003
ими	0	3	0,0000	0,0002

них	36	7	0,0015	0,0004
Общая сумма	140	52	0,0059	0,003

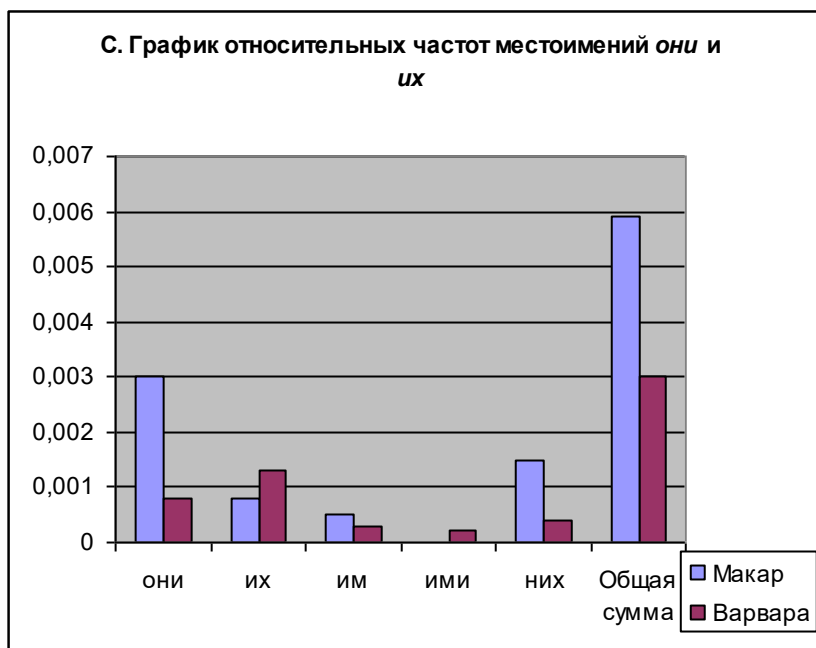
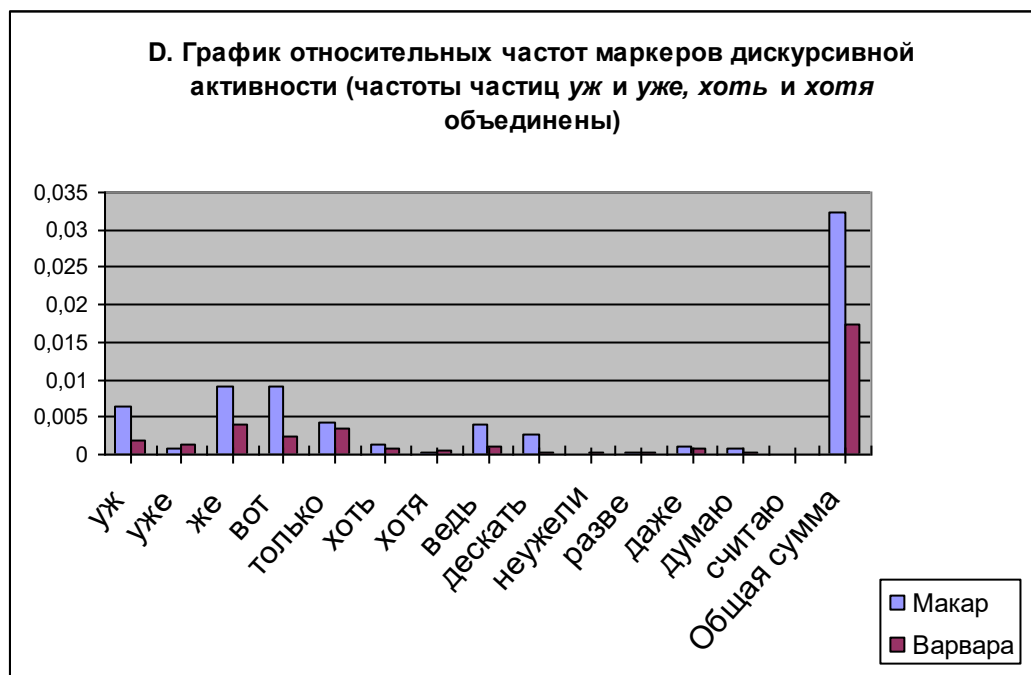

Таблица 10

Лексические маркеры дискурсивной активности

Словоформы	Абсолютная частота		Относительная частота	
	Макар	Варвара	Макар	Варвара
уж	155	34	0,0065	0,0019
уже	17	25	0,0007	0,0014
же	167	69	0,0092	0,0039
вот	221	45	0,0092	0,0025
только	106	62	0,0044	0,0035
хоть	33	15	0,0014	0,0008
хотя	6	9	0,0003	0,0005
ведь	91	21	0,0039	0,0012
дескать	64	3	0,0027	0,0002
неужели	0	4	0,0000	0,0002
разве	4	6	0,0002	0,0003
даже	26	12	0,0011	0,0007
думаю	18	5	0,0008	0,0003
считаю	2	0	0,0001	0,0000
Общая сумма	769	259	0,0322	0,0174

Семантико-прагматические репрезентанты категории СВОЙ—ЧУЖОЙ (iv): «Я» и «Ты», Говорящий и Собеседник. Обратимся, наконец, к еще одному измерению категорий СВОЙ—ЧУЖОЙ и ЛИЧНАЯ СФЕРА. Это отношение между говорящим и слушающим — Я и ТЫ. Очевидными репрезентантами этого отношения в тексте оказываются личное местоимение *вы* и его притяжательный аналог *ваши*. Общая частота употребления всех словоформ этих местоимений в письмах Макара — 685, в письмах Варвары — 399; из-за меньшего количества словоупотреблений в письмах Варвары относительная частота различается несколько меньше — 0,0287 и 0,0224, соответственно. Иными словами, тенденция опять выражена не вполне отчетливо, хотя здесь уже видно, что количество обращений Макара как в абсолютном, так и в относительном выражении превосходит количество обращений Варвары. Эту тенденцию удастся передать более ясно, если привлечь к анализу другие значения К-переменной — другие формы обращений, характерные для обоих героев изучаемого произведения. Со стороны Макара — это такие формы, как *маточка*, *Варенька*, *голубчик мой*, *родная {моя}* и др. (см. табл. 11), а со стороны Варвары — это формы типа *Макар Алексеевич*, *друг мой*, *Милостивый Государь* (см. табл. 12).

Таблица 11

Другие формы обращения в дискурсе Макара

Словоформы	Абсолютная частота	Относительная частота
маточка	241	0,0101
упрямица	1	0,0000
голубчик мой	33	0,0014
ангельчик	44	0,0018
ангел (небесный) мой	2	0,0001
родная (моя)	53	0,0022
Варенька	111	0,0046
шалуня	1	0,0000
душечка (моя)	10	0,0004
Варвара Алексеевна	37	0,0015
Милостивая	9	0,0004
общая сумма	542	0,0227

Таблица 12

Другие формы обращения в дискурсе Варвары

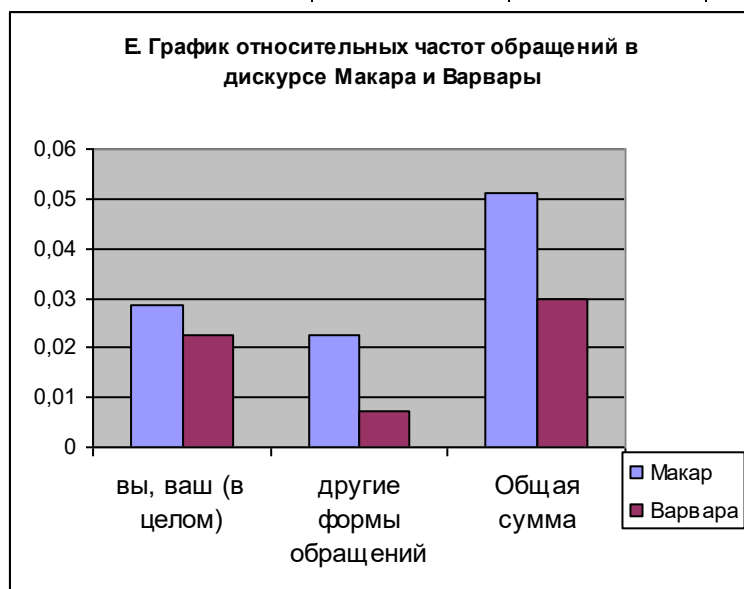
Словоформы	Абсолютная частота	Относительная частота
Макар Алексеевич	71	0,0040

друг мой	30	0,0017
мой (бесценный) друг	7	0,0004
благодетель (мой)	3	0,0002
Милостивый Государь	11	0,0006
бесценный мой	1	0,0001
родной мой	2	0,0001
голубчик мой	2	0,0001
Общая сумма	127	0,0071

Таблица 13

Сводная сравнительная таблица обращений всех видов

Словоформы	Абсолютная частота		Относительная частота	
	Макар	Варвара	Макар	Варвара
вы, <i>ваш</i> (в целом)	685	399	0,0287	0,0224
другие формы обращений	542	127	0,0227	0,0071
Общая сумма	1227	526	0,0513	0,0296

На сводной сравнительной таблице обращений *вы, ваш*, и других форм обращений в дискурсе Макара и Варвары (табл. 13 и график Е) видно, что и в оппозиции «говорящий vs. слушающий», «я vs. ты» Макар, как и в противопоставлении между СВОИМ и ЧУЖИМ, ориентирован на ЧУЖОЕ, на ТЫ, на собеседника. Перипетии его собственной судьбы важны для него только как отражение связи с миром, с действительностью, крайним выражением которой становится Варвара.

Исследованная категория СВОЙ—ЧУЖОЙ имеет несколько смысловых концентроров. Первый — это концепт Я — ЭКСКЛЮЗИВНОСТЬ. Достоевский представляет в тексте Варвару как человека несомненно положительного, но сосредоточенного в первую очередь на себе, на своих переживаниях и мыслях о прошлом и будущем. Это подтверждает и второй концентр СВОЕГО—ЧУЖОГО, понятие ИНКЛЮЗИВНОСТИ. Варвара склонна расширять свою ЛИЧНУЮ СФЕРУ. Во всяком случае, она придает ей существенно большее значение, чем Макар. Художественное произведение, между тем, требует коллизии, требует, по Выготскому, «контрапункта». Будучи активной во внутренней сфере, Варвара оказывается пассивной по отношению к действительности. Тут и обнаруживается возможность создания живительного конфликта, без которого невозможен художественный текст.

Макар создается Достоевским как более деятельная личность, способная противостоять действительности и часто идущая на конфликт с нею. Макар, в отличие от Варвары, ориентирован во вне, его собеседником и когнитивным оппонентом оказывается ЧУЖОЕ и Варвара, как часть этого ЧУЖОГО. Это не означает, что Варвара не способна на самопожертвование ради другого, но она готова пожертвовать, а не победить. Макар же, оказываясь ее когнитивным антиподом, готов на противоборство и возможную победу. Его оценки существенно более определены, желание справедливости более инструментально и, в

принципе, воплоти-мо. Но очерченный когнитивный конфликт между Варварой и Макаром

Нереализованный когнитивный конфликт — это еще один конфликт, дополнительно драматизирующий повествование.

Проведенный анализ позволяет под другим — лингвистическим — углом зрения взглянуть на проблему «полифонического» романа, сформулированную применительно к романам Достоевского М. М. Бахтиным. Сущность полифонического романа заключается в «множественности самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинной полифонии полноценных голосов» различных героев. Как пишет Бахтин: «Не множество характеров и судеб в едином объективном мире в свете единого авторского сознания разворачивается в его [Достоевского. — А. Б./произведениях, но именно множественность равноправных сознаний с их мирами сочетается здесь, сохраняя свою неслиянность, в единстве некоторого события» [Бахтин 1963, с. 78]. Очевидно, что с языковой точки зрения создание особого, индивидуального голоса героя невозможно без использования соответствующих лингвистических средств. «Неслиянный голос» героя должен быть таковым не только идейно, но и лингвистически — иначе никакие идеи не помогут. «Всякое высказывание в этом смысле имеет своего автора, которого мы слышим в самом высказывании как творца его», — замечает в связи с этим Бахтин [Бахтин 1963, с. 55]. И действительно, уже первый роман Достоевского, первая проба пера в полной мере демонстрирует языковую автономность, самобытность, языковое несходство главных героев, что, разумеется, оказывается следствием и концептуальных различий между персонажами.

4.4. Методика когнитивного картирования

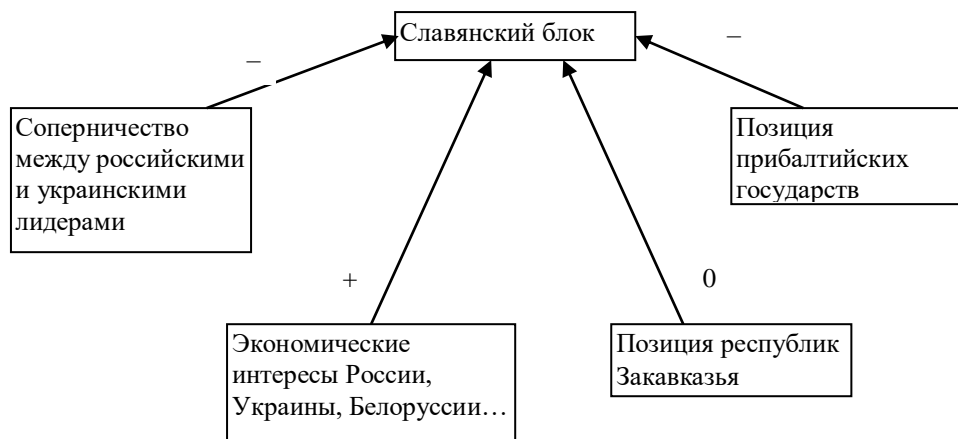
Когнитивное картирование как методика политологии и социальных наук развивалось в работах Р.Аксельрода и его коллег [Axelrod 1976]. Когнитивное картирование позволяет выявить каузальную, причинную структуру политического текста, что используется для анализа кризисных политических ситуаций, а также для моделирования мышления политика. Фактически когнитивное картирование позволяет определить факторы, которые учитывают политики при принятии решений. Стратегия выбора факторов и задает возможную типологию политического мышления.

С формальной стороны когнитивная карта представляет собой граф, в узлах которого находятся описания некоторых важных событий, ситуаций, а отношения, связывающие узлы (стрелки или дуги), отражают причинные связи между событиями, влияние событий друг на друга. Поскольку влияние может быть положительным (одно событие способствует реализации другого) и отрицательным (событие препятствует или затрудняет реализацию другого), то стрелки получают маркировку «+» или «-». Возможен и такой вариант, когда влияние событий друг на друга в тексте отмечено, но характер влияния не определен, тогда стрелка не получает никакого маркера или ей приписывается знак «0».

Ниже приводится вариант когнитивной карты для следующего фрагмента политического текста, в котором описывается политическая ситуация на постсоветском пространстве в 1991 г.:

Экономические интересы России, Украины и Белоруссии, общность их культур объективно вели к формированию славянского союза внутри СНГ. Однако соперничество между российскими и украинскими лидерами за контроль над Украиной и Белоруссией, кажется, навеки похоронило идею славянского блока, с которого, собственно, и началось СНГ. (...) Кроме того, в общей геостратегической игре участвуют страны Прибалтики, которые, по сути, уже сегодня образуют «мягкую» конфедерацию с общими военно-стратегическими интересами. Для них идея союза славянских государств представляет явную угрозу. Несколько выпадают из общей картины республики Закавказья, которые из-за гражданских и межнациональных конфликтов не определили своего отношения к этой важнейшей теме.

[«Правда»]

Варианты формализма когнитивной карты позволяют более точно отражать степень воздействия события на другое событие с помощью аппарата «весов», приписываемых стрелкам. Часто используется трех-компонентная шкала весов — 1 (минимальное влияние), 2 («обычное», «нормальное» влияние), 3

(сильное, решающее влияние). Расстановка весов дает возможность суммировать положительные и отрицательные влияния, определяя «вектор» развития политической ситуации. Так, различная расстановка весов на приведенном фрагменте когнитивной карты будет давать совершенно разный результат. Если экспертная оценка влияния узла «Экономические интересы России...» будет равна 3, а оценка значимости узлов «Соперничество между российскими и украинскими лидерами» и «Позиция прибалтийских государств» будет равна -1 для каждого, то в сумме получится положительное значение: $3 - 1 - 1 + 0 = 1$. Иными словами, ситуация описана как способствующая идее образования славянского блока. Другое дело, что фактически экспертные оценки, скорее всего, для данного отрывка текста будут ровно противоположны:

- + 1 («Экономические интересы России, Украины и Белоруссии...»);
- 3 («Соперничество между российскими и украинскими лидерами»);
- 2 («Позиция прибалтийских государств»);
- +0 («Позиция республик Закавказья»).

Иными словами: $+1-3-2+0=-4$. Этот вариант распределения весов больше соответствует реальности. Экспертные оценки значимости событий либо выводятся из содержания текста, либо оказываются частью представлений эксперта-составителя карты о политической ситуации.

Когнитивное картирование существует в двух вариантах — жестком и мягком. При **мягком варианте** эксперт при выявлении узлов когнитивной карты и установлении отношений между ними опирается не только на анализируемый текст, но и на свои знания о проблемной ситуации. **Жесткий вариант** когнитивного картирования опирается почти исключительно на языковую форму текста: восстанавливаются только такие отношения, которые эксплицитно представлены в тексте.

При всем субъективизме когнитивного картирования — особенно по сравнению с методикой контент-анализа — оно показывает неплохие результаты по критерию надежности. Разные эксперты по одному и тому же тексту строят достаточно близкие по структуре когнитивные карты. Основная проблема — сложность и трудоемкость построения когнитивной карты, необходимость привлечения высококвалифицированных экспертов. Общий объем когнитивной карты может достигать 200—300 узлов. В этих случаях когнитивное картирование оказывается весьма сложной процедурой, требующей значительных ресурсов затрат.

Использование когнитивного картирования позволяет выявлять некоторые базовые типы политического мышления. Например, типично каузальный тип мышления, характеризующийся четким разделением ситуаций (состояний мира) и факторов, влияющих на эти ситуации, характерен для Отто фон Бисмарка. При таком типе мышления политик активен, он рассматривает себя как важнейший фактор влияния на положение дел. Каузальному типу мышления противопоставляется процессуальный тип, интерпретирующий события как процессы, складывающиеся из действий многих миллионов факторов, которые невозможно предсказать. В этом случае границы между состояниями мира и факторами влияния на них размыты, почти отсутствуют. Такой тип восприятия политической жизни был присущ Л. Н. Толстому, который его блестяще проиллюстрировал в романе «Война и мир» (см. по этому поводу [Сергеев 1987]).

С лингвистической точки зрения понятно, что когнитивная карта позволяет выявить лишь небольшую часть плана содержания текста. Более того, даже собственно причинные отношения в когнитивном картировании существенно огрубляются. Классический инструментальный когнитивного картирования включает три типа отношений между узлами: «+», «—», «0»: $A \rightarrow^+ B$ («А способствует В»), $A \rightarrow^- B$ («А препятствует В»), $A \rightarrow^0 B$ («А никак не влияет на В»). Легко показать, что эти отношения скрывают множество различных семантических связей. Например, за парой $A \rightarrow^- B$ стоит, как минимум, два варианта интерпретации: это может быть и «А — причина не В» и «А — гарантия от В». Если в первом случае позиция автора текста относительно А и В не вполне ясна, то во втором — автор, несомненно, отдает предпочтение А, а В для него нежелательно. Аналогичное разбиение по модальности 'желательно—нежелательно' можно провести для двух других отношений. Так, для $A \rightarrow^+ B$ допустимо и нейтральное понимание «А способствует В», и понимание, при котором для автора предпочтительнее «не В» — «А попустительствует В». Наложение модальности 'желательность—нежелательность' на В существенно усиливает потенциал когнитивного картирования как семантического метаязыка, но и одновременно существенно усложняет саму процедуру когнитивного картирования, которая и без того достаточно трудоемка.

* * *

Сравнение методик контент-анализа и когнитивного картирования показывает, что они применимы отнюдь не только в политологии. Контент-анализ успешно использовался в литературоведении, например, при изучении различий в тематике песенной поэзии черного и белого населения США. Оказалось, что по сравнению с песенной лирикой белых, в балладах стилей «ритм энд блюз» и «соул» афро-американцев больше внимания обращается на действие, на конкретные проявления бытия человека, практически исключенные из временного континуума [Walker 1975]. Другой пример использования контент-анализа для исследования художественного текста уже приводился выше. Когнитивное картирование как особый метаязык представления плана содержания текста можно поставить в ряд с такими способами анализа текста, как моделирование его сюжетной структуры.

С точки зрения общей теоретической задачи политической лингвистики — исследования дискурсивных практик — рассмотренные методики оказываются технологическим инструментом сбора данных, средством лингвистического мониторинга, позволяющего анализировать результаты использования

дискурсивных практик в политическом дискурсе.

Задание 1. Составьте список возможных значений следующих К-переменных:

«ПРАВДА—ЛОЖЬ/ОБМАН»; «СПРАВЕДЛИВОСТЬ»; «КОНФЛИКТ»; «ВОЙНА»; «СЕМЬЯ; СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»; «МАТЕРИАЛЬНАЯ ВЫГОДА»; «ПРАВА ЧЕЛОВЕКА». Для этих переменных составьте инструкции по кодированию текста. Установите возможные сложности в достижении семантической достоверности контент-аналитического эксперимента и учтите их в инструкциях.

Выявите различия в инструкциях для жесткого и мягкого варианта кодирования.

Задание 2. Постройте когнитивную карту следующего текста в жестком варианте когнитивного картирования:

Развитие государственных институтов в наступившем году опять же будет определяться не столько логикой демократического развития, сколько персональными возможностями и инициативами высокопоставленных чиновников, прежде всего президента. От него во многом зависят взаимоотношения исполнительной власти с парламентом и уровень взаимопонимания и взаимодействия между ведущими государственными руководителями. Усилия Анатолия Чубайса и его команды по реорганизации исполнительной вертикали в нынешнем году могут увенчаться только ограниченным успехом, так как возможности Кремля контролировать политику региональных властей лимитированы. У Кремля, правда, остается определенный потенциал, связанный с практикой внебюджетного финансирования. Однако и этот путь, по понятным причинам, далек от подлинного укрепления государства.

[«Независимая газета»]

Задание 3. Постройте когнитивную карту следующего текста в мягком варианте когнитивного картирования:

Противоречия между исполнительной и законодательной ветвями власти неистребимы, как всякий конфликт между теоретиками и практиками. Правда, в нашем случае ситуация осложняется тем, что многие думские «теоретики» из всех сил рвутся к «практическим занятиям», мечтают «поругать».

Накануне парламентских каникул обе стороны решили погугать друг друга: депутаты пригрозили импичментом президенту и вотумом недоверия правительству. Кремль же дал понять, что на «некорректное» поведение народных избранников он может ответить роспуском Думы. Однако перейти от слов к действиям ни та, ни другая сторона так и не рискнула, и обе отправились на отдых, заключив пусть временное, но все-таки перемирие.

Но ничто не вечно. На этой неделе противникам предстоит сойтись вновь, с новыми силами, по старым поводам. Перечень болевых точек с доканикулярных времен остался прежним: Налоговый и Бюджетный кодексы, одобренные лишь в первом чтении, блок социальных законов, включающий новый порядок предоставления льгот и ущемляющий, по мнению оппозиции, «наименее защищенные слои населения», и, конечно же, бюджет со всеми его «обрезаниями и хакариями».

Битва при бюджете

Первый выстрел уже прозвучал — спикер нижней палаты парламента Геннадий Селезнев на прошлой неделе публично заявил, что при обсуждении итогов исполнения бюджета в первом полугодии 1997 года депутаты скорее всего не ограничатся неудовлетворительной оценкой работы кабинета министров, но и могут «вынести ему недоверие».

[«Итоги»]

Основная литература

1. Баранов А. Н. Что нас убеждает? (Речевое воздействие и общественное сознание). М., 1990.
2. Паришин П. Б. Идиополитический дискурс // Труды международного семинара Диалог'96 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 1996. С. 192-198.
3. Херадштейн Д., Нарвесен У. Психологические ограничения на принятие решения // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 381-407.

Дополнительная литература

1. Баранов А. #., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации Советский политический язык. М., 1991.
2. Пешё М. Контент-анализ и теория дискурса // Квадратура смысла. М., 1999. С. 302-336..
3. Christ'l de Landtsheer. Function and the language of politics. A linguistic uses and gratification approach // Communication and cognition. 1991 Vol. 24 №3/4 P. 299-342.
4. Krippendorff K. Content analysis. An introduction to its methodology. London, 1980.
5. Lasswell L. e. a. Language of politics. Studies in quantitative semantics. M.I.T. Press, Cambridge, Mass., 1965.

Глава 6 Прикладная и теоретическая лингвистика: проблемы взаимовлияния

§ 1. Инструментарий прикладной лингвистики в лингвистической теории

История развития лингвистики может быть описана как смена научных парадигм, каждая из которых характеризуется, помимо всего прочего, специфическим набором эвристик — исходных представлений об объекте исследования и допустимых способах его изучения (моделирования). Разумеется, различные

парадигмы могут сосуществовать во времени, в этом случае имеет смысл говорить о более или менее отчетливых тенденциях. Нынешний период развития языкознания характеризуется серьезным влиянием на лингвистическую теорию прикладной лингвистики. Многие теории современной лингвистики, существенно изменившие облик традиционного языкознания, возникли в связи с решением чисто прикладных задач. Это в полной мере относится и к порождающей грамматике Хомского, и к разрабатывавшейся в отечественном языкознании модели «Смысл • «■ Текст», и к ряду других направлений в области когнитивной лингвистики. В. А. Звегинцев в недавно опубликованной книге, обобщившей размышления этого ученого о языке и роли прикладной лингвистики в теории языкознания, писал: «{...} прикладная лингвистика является тем эмпирическим полигоном, где проходят испытания как частные гипотезы, так и глобальные теоретические построения. (...) результаты, получаемые в результате подобных испытаний, представляют ценность не только для прикладной лингвистики, но и для лингвистики в целом. Из этого следует, что прикладной лингвистике нельзя отказать в праве на голос при решении общетеоретических вопросов лингвистики» [Звегинцев 1996, с. 222].

Основные факторы влияния прикладной лингвистики можно сформулировать в виде четырех тенденций, проявившихся при создании новых лингвистических теорий:

- формализация метаязыка теоретической лингвистики;
- изменение принципов верификации научных результатов, проявившееся в ориентации на реальный, предполагаемый или гипотетический компьютерный эксперимент;
- модификация идеи объяснения в лингвистике;
- переход от классификации, простого описания к построению компьютерных и/или формальных моделей функционирования языка.

Рассмотрим эти эффекты влияния на примере использования категорий знаний в лексической семантике.

1.1. Традиционные проблемы лексической семантики с точки зрения когнитивного подхода*

Один из результатов влияния прикладной лингвистики (и особенно работ в области лингвистических аспектов создания систем искусственного интеллекта) — возникновение и широкое развитие когнитивной лингвистики. Отсюда распространение терминов «когнитивная лингвистика», «когнитивная семантика», «когнитивная грамматика» и т. п. Парадокс заключается в том, что когнитивная парадигма в лингвистике, вернув доверие лингвистов к понятийным категориям, направила лингвистическую теорию в сторону традиционной лингвистики. Правда возврат к традиции произошел на новом уровне: для концептуального моделирования многих особенностей функционирования значения слова и предложения стали использоваться категории теории знаний — аппарат фреймов и сценариев. Оказалось, что диффузность семантики слова, эффекты нейтрализации значений, полисемия, особенности взаимодействия некоторых предикатов с отрицанием получают естественное объяснение, если считать, что собственно лингвистическое значение является лишь верхушкой айсберга структур знаний. Обработка структур знаний — их изменение, встраивание друг в друга, порождение новых структур может рассматриваться как аналог интеллектуальных процессов (понимания, решения задач, мышления, познания).

Развитие когнитивной лингвистики в бывшем СССР относится к началу 80-х гг. Возникновение этого направления, с одной стороны, было связано с влиянием западных концепций (ср. работы Р. Шенка, Дж. Лакоффа, Ч. Филлмора, У. Чейфа, Л. Талми), а с другой — определялось разрушением идеологии структурализма. Как и во всем мире, когнитивные методы в российской лингвистике использовались и используются не только в лингвистической семантике, но и в синтаксической типологии [Кибрик 1992] и в анализе дискурса (в том числе политического дискурса [Паршин 1996], см. также предшествующую главу).

Обращение к когнитивным категориям позволяет поставить в совершенно другой теоретический контекст традиционные проблемы семантики — например, (квази)синонимию и полисемию. В частности, можно выделить два принципиально разных вида квазисинонимии: близкие по значению слова, возводимые к одному фрейму (однофреймовая квазисинонимия) и семантически близкие слова из разных фреймов

* Разделы 1.1.-1.3. основываются на [Баранов, Добровольский 1997].

(межфреймовая квазисинонимия¹⁾. Так, слова *разговор* и *беседа* являются языковыми воплощениями одного фрейма ВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ, который включает слоты участников, темы, временной протяженности, коммуникативных ходов участников, смены ролей участников и т.д. Различия связаны, в частности, с появлением дополнительного слота — ср. отражение этого в сочетаемости *телефонный разговор* при невозможности * *телефонная беседа*: семантика слова *разговор* допускает наличие во фрейме ВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ слота «техническое средство передачи сообщения», а *беседа* — нет²⁾.

Примером межфреймовой квазисинонимии могут служить слова *страна* и *государство*. Слово *государство* — как в первом {функции государства}, так и во втором значениях {европейские государства}, является воплощением фрейма ВЛАСТЬ, а *страна* — фрейма ПРОСТРАНСТВО. Именно поэтому можно обнаружить довольно много контекстов, в которых их взаимозамена нежелательна или просто невозможна, ср. *уехать в другую страну* и ?*уехать в другое государство, правовое государство* и **правовая страна*,

неведомые страны и ²неведомые государства, охраняется государством и *охраняется страной, российское государство и *российская страна, предприятие задолжало государству и *предприятие задолжало стране, государство Израиль и *страна Израиль, зарубежные страны и ³зарубежные государства. Например, в последнем случае прилагательное *зарубежный* явно актуализует идею пространства, чуждую семантике слова *государство*³). Если прилагательное указывает просто на идею «иног», то сочетание вполне допустимо, ср. *иностранные государства*. В словосочетании *молодые государства Азии и Африки* прилагательное *молодые* указывает на недавнее возникновение властного образования, а сочетание ³*молодые страны Азии и Африки* сомнительно, поскольку подразумевает появление новых пространств. Интересен также контраст между словосочетаниями *богатая страна* и *богатое государство*, а также *великая страна* и *великое государство*: прилагательное *богатый* связано в первую очередь с природными условиями, производством, финансами и т. п. Именно поэтому *богатое государство* менее употребительно и используется преимущественно применительно к состоянию государственной казны, бюджета и т. п. Прилагательное *великий* в сочетании *великое государство* ассоциируется с политической и военной мощью, а *великая страна* — с обширным пространством,

1) Ср. разбор Ч. Филлмором английских слов *land* и *coast*, а также выделение двух типов отрицания — внутрифреймового и межфреймового [Филлмор 1988].

2) О некоторых семантических различиях между рассматриваемыми словами см. [Апресян и др. 1995].

3) Хотя полного запрета на сочетание *зарубежные государства* нет, сочетаемость подтверждает замеченное семантическое различие. В корпусе современной российской публицистики (21 млн словоупотреблений) на 33 вхождения словосочетания *зарубежные государства/зарубежное государство* приходится 133 употребления словосочетания *зарубежные страны/зарубежная страна*.

ср. естественность выражения *Канада — великая страна* и сомнительность предложения ³*Канада — великое государство*. Следует заметить, однако, что прилагательное *великий* имеет тенденцию сочетаться с квазисинонимическим существительным *держава*, которое требует особого обсуждения.

Замена *государства* на *страну* выглядела бы странной и в следующем контексте:

(1) Не так ли и в нашем футболе долгие годы люди, искренне желавшие ему добра и все-все, казалось бы, понимавшие, мирились с принципиальной нерепрзентуемостью Системы, успокаивая самих себя тем, что они-то уж свою работу делают честно, а за других — не ответчики? Под другими подразумевались не только коллеги по футбольному цеху, но и государство «рабочих и крестьян», политический строй.

[Московский комсомолец]

Словосочетание *страна рабочих и крестьян* в принципе вполне допустимо, но оно значит нечто вроде 'пространство, на котором живет много рабочих и крестьян', что вступает в противоречие с данным контекстом, ср. элементы контекста *нерепрзентуемость Системы, политический строй*, указывающие, скорее, на фрейм ВЛАСТИ.

Сходным образом невозможно метафорическое расширение типа **управлять механизмом страны* при норме *управлять государственным механизмом*. Это связано с европейской культурной традицией. Поскольку фрейм ВЛАСТИ лежит в основе семантики слова *государство*, а ВЛАСТЬ в европейском понимании часто сопоставляется с идеей МЕХАНИЗМА [Mumford 1966], метафора *государственный механизм* оказывается вполне уместной. С другой стороны, ПРОСТРАНСТВО трудно интерпретировать как МЕХАНИЗМ — по крайней мере в рамках европейских представлений. Это можно объяснить двумя факторами: во-первых, тем, что ПРОСТРАНСТВО не артефакт, не создается людьми, оно «при-родно», а не социально и, во-вторых, тем, что оно явно недискретно. Отсюда недопустимость приведенного выше словосочетания **управлять механизмом страны*.

Существует ряд контекстов, которые в принципе допускают замену *государства* на *страну*, но тем не менее такая замена не вполне естественна, ср. *государства Средней Азии* и несколько неудачное *страны Средней Азии* при абсолютной нормальности словосочетаний *страны Ближнего Востока, страны Латинской Америки, страны Азии и Африки*. Можно было бы отнести это за счет причуд узуса. Однако указанные различия могут быть объяснены описанным выше возведением слов *страна* и *государство* к различным когнитивным структурам. В случаях типа ³*страны Средней Азии* ощущается необходимость подчеркивания идеи ВЛАСТИ. Дело в том, что обычным носителем русского языка республики Средней Азии никогда не воспринимались как отдельные государственные образования⁴), именно поэтому требуется коммуникативное «высвечивание» идеи государственного статуса, ср. (2):

(2) Только при помощи Интерпола выявили и задержали две банды, работавшие в государствах Средней Азии.

[Московский комсомолец]

Можно предположить, что с течением времени, когда государственный статус Казахстана, Узбекистана и Таджикистана станет привычным, то и словосочетание *страны Средней Азии* будет восприниматься совершенно нормально.

Концептуальные различия между *страной* и *государством* проявляются также в том, что *государство* и *страна* персонифицируются по-разному. Персонификация *государства* основывается на его осмыслении как особого лица, ср. *контроль государства за распределением ресурсов; государство решило отметить ударников орденом «Почета»; государство не подкараулишь в подворотне; государство живет по другому принципу*. Возможности персонификации слова *страна* ограничены стандартным метонимическим переносом «пространство — люди, населяющие это пространство», ср. *вставай, страна огромная; вся страна, затаив дыхание, следила за выборами президента; вся страна поднялась на борьбу* и т. п. В этом случае *страна* осмысливается не как одно лицо, а как множество лиц, на что указывает частое наличие кванторного местоимения *вся*. Ср. явно неудачная персонификация в примерах ³*страна с вами не согласится; ?страна требует; ?контроль*

страны над экспортно-импортными операциями.

Обращение к когнитивным структурам позволяет по-новому взглянуть и на другую классическую проблему семантики — полисемию. Традиционно считается, что если у слова есть несколько значений, то их различение обязательно для каждого из употреблений. Между тем каждый лексикограф-практик постоянно встречается с контекстами, для которых невозможно определить, какое из значений многозначного слова реализуется. Когнитивный подход позволяет не различать полисемию в тех случаях, когда это не необходимо. Так, традиционная семантика вынуждена постулировать наличие двух значений у слова *государство* и различать их в контекстах типа (3). Здесь трудно говорить о реализации одного из двух значений слова *государство*, которые можно представить, например, так: «(1) основная политическая организация общества, осуществляющая его управление, охрану его экономической и социальной структуры; 2) страна, находящаяся под управлением политической организации, осуществляющей охрану ее экономической и социальной структуры» [Ожегов, Шведова 1992]. Проще — и более правильно с теоретической точки зрения — описывать эти примеры как контексты

4) Тот факт, что на территории многих из бывших советских республик этого региона существовали древние империи с многовековой традицией государственности, не имеет решающего значения, поскольку в данном случае речь идет о наивном сознании.

нейтрализации значений. Это требует привлечения метаязыка, основанного на категории знаний, который позволяет легко варьировать степень их конкретности.

(3) Принцесса Диана, очаровательная супруга наследника английского престола принца Чарльза, 15 июня прибывает в Москву... работать. Именно рабочим назван ее визит в столицу России, хотя принцесса — не вправе представлять интересы своего государства, не будет встречаться ни с президентом, ни с премьером правительства, не сделает никаких заявлений для прессы...

[Московский комсомолец]

Традиционная лексикография, ориентированная на компонентный анализ, всегда требует отнесения каждого контекста к одному из выделенных значений, что в случаях нейтрализации оказывается насилием над языком. Кроме того, с теоретической точки зрения идея нейтрализации значений поддерживается традициями фонологии и морфологии (ср. нейтрализацию фонологических и морфологических оппозиций).

1.2. Эвристики лингвистической семантики

Влияние идей прикладной лингвистики и связанных с ней научных дисциплин прослеживается в лингвистической семантике в эвристиках, определяющих как представление об объекте исследования, так и методы исследования. В близком смысле термин эвристика понимается, например, Ю. трейдером — см. [Шрейдер 1976]⁵¹. Разумеется, большая часть приводимых здесь эвристик так или иначе обсуждалась в имеющейся литературе. Однако собранные вместе они представляют некоторый новый взгляд на сущность, цели и задачи лингвистического описания, инициированный работами в области прикладной и прежде всего — компьютерной лингвистики.

1.2.1. Эвристика о примате когнитивного. Согласно этой эвристике, за значениями слов стоят тесно связанные с ними когнитивные структуры — сущности, которые можно описать на том или ином из специально разработанных языков представления знаний. Элементами этого языка являются фреймы, сценарии, планы, фон vs. фигура, модель мира, аффективные структуры, сюжетные свертки, оконные структуры текста, рамка внимания и др.

В более широком плане когнитивные структуры определяют функционирование любых компонентов языковой системы и отдельных ее феноменов — грамматических категорий, синтаксических трансформаций, стилей и регистров речи и т. д. В сфере лексической семантики

51) В данном контексте можно было бы говорить о «постулатах», тем более что изложение теоретической концепции в виде постулатов вполне традиционно для лингвистики (см., например, [Ельмслев 1960; Реформатский 1970; Кибрик 1983; Ульдалль 1960]). Однако термин «постулат» слишком обобщает, он связывается с законченной непротиворечивой теорией. Здесь же имеется в виду нечто существенно менее формальное: часто противоречивое знание об устройстве объекта исследования и методах его изучения.

описание значения слов через связанные с ними фреймы и сценарии оказывается в ряде случаев более экономным и вскрывает некоторые новые факты, которые не обнаруживаются при использовании традиционных и структурных методов. Ср., например, модификацию значения английского слова *mother* применительно к женщине, вынашивающей ребенка, но не являющейся биологической матерью, и наоборот, давшей свою яйцеклетку, но не вынашивающей ребенка [Филлмор 1988; Lakoff 1987]. В традиционных и структуралистских терминах это, по-видимому, описывалось бы как появление нового значения слова. В когнитивной парадигме это объясняется с точки зрения модификации слотов одной когнитивной категории — фрейма МАТЬ, чем достигается единство описания слова и объяснительность интерпретации.

Примером действия эвристики о примате когнитивного может служить рассмотренная выше интерпретация явлений (квази)синонимии и полисемии.

В сфере идиоматики традиционная задача описания тропических преобразований, формирующих актуальное значение идиомы, в когнитивной интерпретации предстает как результат когнитивной обработки определенных знаний о мире, в той или иной мере фиксированных в структуре идиомы [Баранов, Добровольский 1990; Baranov, Dobro-vol'skij 1996].

Так, актуальное значение русской идиомы *без царя в голове* 'легкомысленный, несерьезный человек'

порождается (не в этимологическом смысле, а в смысле возможности осмысления связи внутренней формы и актуального значения) на основе фреймов ГОСУДАРСТВО и ЧЕЛОВЕК: изъятие слота «управляющая инстанция» из фрейма ГОСУДАРСТВО приводит к его дисфункции (ослабление контроля над деятельностью и пр.), что воспроизводится в обратном порядке во фрейме человек. Такой подход объясняет больше, чем традиционное представление о переносе значения (неясно, что можно считать «прямым значением» высказывания *Он без царя в голове*), кроме того, он оказывается более приемлемым с интуитивной точки зрения. Аналогично, значение идиомы *белая ворона* объясняется не как результат «переноса» значения с «вороны» на «человека», а как результат обработки соответствующих фреймов и их взаимодействия. В области источника и в области цели представлены по два вложенных друг в друга фрейма: фрейм-источник СТАЯ ВОРОН с входящим в него подфреймом ВОРОНА и фрейм-цель КОЛЛЕКТИВ с входящим в него подфреймом ЧЕЛОВЕК. Суть когнитивных преобразований заключается во введении во фрейм ВОРОНА нехарактерного цвета, что приводит к замене содержания «сходство» в слоте «общие свойства» на идею «различия». После проведения комплекса процедур на фрейме-источнике они повторяются в обратном порядке (с незначительными изменениями) на фрейме-цели. Это соответствует логике, которую условно можно назвать ПЕРЕВЕРТЫШ. Аналогичная логика представлена в идиомах *стоять у руля, серая мышь, стреляный воробей*.

Следствие 1. *Об ущербности чисто лингвистического описания в сфере семантики.* Изучение языковых форм заведомо неполно без обращения к когнитивным категориям, поскольку, как показывает опыт лингвистики и когнитивной науки, мыслительные категории практически неотделимы от языковых категорий.

Следствие 2. *Об объяснительности в лингвистике (Объяснение типа КАК и объяснение типа ПОЧЕМУ).* Суть этого следствия заключается в том, что реальные объяснения функционирования языка можно получить только при обращении к когнитивным структурам. В структурной парадигме идея объяснительности связана с экспликацией связи языковой единицы с другими аналогичными единицами или единицами, находящимися на более высоком или более низком уровнях иерархии. Иными словами, объяснение предполагало ответ на вопрос КАК УСТРОЕНО X? Для когнитивной парадигмы объяснение определяется экспликацией связей языкового выражения со структурами знаний и процедурами их обработки. Здесь уже появляется возможность ответить не только на вопрос КАК, но и на вопрос ПОЧЕМУ X УСТРОЕНО ТАКИМ ОБРАЗОМ, А НЕ ДРУГИМ? Выше уже разбирались примеры когнитивного подхода к описанию квазисинонимии между лексемами *страна* и *государство*. Рассмотрим пример использования внутренней формы языковых единиц для выявления связанных с ними когнитивных структур.

Внутренняя форма как семантическая проблема. Для большинства слов естественного языка внутренняя форма со времен Ф. Де Соссюра считается случайным фактором, древним фантомом, оживающим в лучшем случае в играх с языком — анекдотах, каламбурах, поэзии и т. п. Для тех слоев лексики, в которых внутренняя форма явно жива и выделяется на фоне актуального значения — например, фразеологизмов — признается, что внутренняя форма участвует в формировании ассоциативной части плана содержания слова и может влиять на экспрессию слова, стиль и пр. Внутренняя форма фразеологизмов влияет не только на сферу ассоциаций, но и на собственно значение. Так, идиомы *на каждом шагу* и *на каждом углу* в пространственном значении далеко не синонимичны, ср. (4), (5) (см. подробнее [Баранов, Добровольский 1998 б]).

(4) Лес на горе стал реже и сквозил теперь до самого поля, на каждом шагу/*на каждом углу торчали пни и пенки, недалеко от дороги валялись уже почерневшие и потрескавшиеся, не впрок заготовленные жерди.

[В. Распутин. *Последний срок*]

(5) Вся моя биография есть цепь хорошо организованных случайностей. На каждом шагу/*на каждом углу я различаю указующий перст судьбы.

[С. Довлатов. *Зона*]

Невозможность использования *на каждом углу* в примерах (4), (5) указывает на то, что эта идиома не может употребляться по отношению к нежилым пространствам типа леса. Это связано с тем, что внутренняя форма рассматриваемой идиомы жива для носителя языка и, являясь частью плана содержания, влияет на употребление.

В отличие от фразеологизмов, для подавляющего большинства дискурсивных слов⁶⁾ внутренняя форма стерта, мертва. Однако анализ показывает, что метафоры, лежащие в основе внутренней формы дискурсивных единиц, могут существенно влиять на значение — как в сторону его «поддержки», так и наоборот — дополняя и модифицируя значение, особенно в отношении сочетаемости, делая ее непредсказуемой. Связь внутренней формы со значением можно описать следующими тезисами:

1) внутренняя форма является частью плана содержания слова;

2) внутренняя форма дискурсивных слов участвует в формировании актуального значения или как минимум влияет на сочетаемость.

Когнитивные схемы, следствия и значения. Под когнитивными схемами имеются в виду структуры знаний, представляющие в обобщенном виде знания о действительности. Используемый здесь термин «когнитивные схемы» близок категории фрейма, однако отличается от фрейма тем, что когнитивная схема не столь тесно связана с конкретной проблемной областью (как известно, состав слотов фрейма зависит от конкретной проблемной ситуации). Когнитивные схемы на языковом уровне отражаются в метафорах (впрочем, не только в них).

Когнитивные схемы ПРОСТРАНСТВА и ДВИЖЕНИЯ. Учет этих когнитивных схем весьма существенен для описания функционирования предлогов *кроме* и *помимо*, а также словосочетаний *помимо того, помимо всего прочего* vs. *кроме того, кроме всего прочего*, выполняющих союзную и вводные функции.

Введем два понятия: когнитивное следствие и семантическое следствие. Под **КОГНИТИВНЫМ следствием** имеется в виду нестрогая импликация, которую можно вывести из когнитивной схемы, а под **семантическим следствием** — рефлекс следствия из когнитивной схемы в сочетаемости и/или значении языкового выражения. Обратимся сначала к схеме ПРОСТРАНСТВО.

В основе *кроме* лежит идея 'нахождения вне пределов чего-либо': в древнерусском фиксируется значение 'вне, снаружи' (ПРОСТРАНСТВО). Исходно это местный падеж ед. числа от *крома* (то же, что *кромка*) — 'перегородка' [Фасмер 1986]. Тем самым речь идет о некоторой ПЕРЕГОРОДКЕ, разделяющей пространство (возможно, замкнутое) на две области. Тем самым способ указания, фиксированный в *кроме* и *кроме того*, передает актуальное значение через концепт разделения пространства на различные области. Рассмотрим существенные когнитивные и семантические следствия для значения и сочетаемости *кроме*.

- Когнитивное следствие: конструирование 1. Устанавливая перегородку, мы разделяем пространство на две области, противопоставляя их друг другу.

6) О понятии дискурсивного слова см. [Баранов, Плунгян, Рахилина 1993; Дискурсивные слова 1998].

СЕМАНТИЧЕСКОЕ СЛЕДСТВИЕ: конструкции с *кроме* используются для противопоставления элемента всему множеству. Ср. (6):

(6) Страшная по своему размаху и кровопролитности, эта война на время сдвинула на второй план все вопросы, кроме одного, самого главного, решающего: быть или не быть самостоятельной, независимой державе, быть или не быть русскому народу как жизнеспособному этническому субъекту, самобытному национальному, культурному, духовному организму?

[Корпус политических текстов]

- Когнитивное следствие: конструирование 2. Убирая перегородку, мы соединяем разделенное пространство, снимая имеющееся противопоставление.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ СЛЕДСТВИЕ: конструкции с *кроме* используются для формирования единого множества из двух подмножеств. Ср. (7):

(7) Приезд президента в Кремль получился очень торжественным, несмотря на отсутствие зрителей. По сути единственными свидетелями исторического мгновения, кроме официальных лиц, были тележурналисты.

[«Итоги»]

Внутренняя форма служебной единицы *помимо того* также связана с когнитивной схемой ПРОСТРАНСТВА, точнее, с ПЕРЕМЕЩЕНИЕМ в пространстве, с ПРОХОЖДЕНИЕМ (класс метафор ДВИЖЕНИЯ — от глагола *миновать*): это нечто вроде 'минуя что-либо, пройдя что-либо'. В какой мере внутренняя форма *помимо того* влияет на значение этого выражения? Иными словами, какие следствия из этих метафор имеют корреляты в значении *помимо* и *помимо того*?

- Когнитивное следствие: иконичность. Проходя что-то, мы встречаем это раньше, чем последующее.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ СЛЕДСТВИЕ: конструкции с *помимо* тяготеют к абсолютному началу предложения (клаузы). Ср. (8).

(8) Помимо этого, огромных затрат требует консервация военной инфраструктуры и техники. Vs. (8') *Огромных затрат требует, помимо этого, консервация военной инфраструктуры и техники.

- Когнитивное следствие: изменение поля зрения. Проходя что-то, мы оставляем это позади и перестаем это видеть. СЕМАНТИЧЕСКОЕ СЛЕДСТВИЕ 1: конструкции с *помимо* маркируют что-то, выходящее за пределы фокуса внимания. Ср. (9).

(9) Уже сейчас приходит конец, если не истории, то геополитике в ее примитивном понимании: захват чужой территории становится просто бессмысленным. Помимо этого, происходит кардинальное изменение отношения общества к войне: даже минимальные по меркам прошлых войн потери ныне выглядят в глазах общественности уже неприемлемыми.

[«Итоги»]

СЕМАНТИЧЕСКОЕ СЛЕДСТВИЕ 2: конструкции с *помимо* отсылают к данному, уже известному. См. примеры выше.

- Когнитивное следствие: траектория. Перемещаясь, мы движемся из одного пункта в другой, что не приводит к исчезновению каждого пройденного пункта из траектории движения. Иными словами, точки (пункты) траектории движения суммируются, что и образует саму траекторию.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ СЛЕДСТВИЕ: поскольку пройденные точки всегда существуют, то *помимо* никогда не используется для описания ситуаций, в которых некоторый элемент противопоставляется всему множеству по некоторому параметру, что характерно для *кроме*. Ср. (10 а, б):

(10) а. Кроме этих десяти тысяч, у меня ничего не было. Vs. "Помимо этих десяти тысяч, у меня ничего не было. б. Обычно я ем щи. Щи из кислой капусты — моя обычная пища, я ем их кастрюлю за кастрюлей, изо дня в день, и, кроме^{??} помимо щей, почти ничего не ем.

[Э. Лимонов]

Когнитивное следствие ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛЯ ЗРЕНИЯ, приводящее к выведению за пределы фокуса внимания некоторой сущности, объясняет возможность сочетаний типа *помимо меня, помимо своей воли* при невозможности таких сочетаний с *кроме* в том же значении:

(11) В общем, оппозиция у нас имеет многофункциональное значение. Но основная роль, которую вынуждена, пусть и помимо/* кроме своей воли, играть оппозиция, — это служить оправданием для данного режима.

[«Независимая газета»]

С другой стороны, использование *кроме* возможно в конструкции *кроме как* в значении 'только'.

Семантика ограничения хорошо вписывается в когнитивную схему ПЕРЕГОРАЖИВАНИЯ, но противоречит метафоре ПРОХОЖДЕНИЯ, ср. (12), см. подробнее [Баранов 19986].

(12) Есть и другая позиция: кроме/* помимо как на себя, надеяться больше не на кого. «Все из-за Лебеда. Мы ему поверили».

[«Итоги»]

Объяснение типа ПОЧЕМУ. Использование концептуального аппарата когнитивной лингвистики позволяет перейти на новый уровень объяснения в семантических исследованиях. Ранее историческая лексикология могла показать, как развивалось и изменялось значение слова с течением времени, какие закономерности развития значения в принципе представлены в языковой системе. С другой стороны, синхронная лингвистика давала возможность объяснить типичные случаи полисемии слова (в частности, тропеические переносы значения), опираясь как на опыт исторической лексикологии, так и на продуктивные тенденции развития лексической системы на синхронном уровне. Однако вопросы о том, почему именно такие значения представлены в плане содержания слова, почему близкие по семантике слова имеют различный набор значений, почему в одних словах происходят стандартные преобразования значений, а в других нет — все это по вполне понятным причинам выводилось за сферу компетенции лексической семантики, да и теории языка в целом. Как кажется, когнитивный подход дает некоторые новые возможности в сфере объяснения. Мы можем показать, например, почему у предлога *кроме* в современном русском языке имеется два значения (первое — нечто вроде «за исключением» в примерах типа *...институт возглавил профессор Елисеев, которого, кроме акустики, больше ничто не интересовало* и второе — что-то похожее на смысл «в добавление» в примерах *...единственными свидетелями исторического мгновения, кроме официальных лиц, были тележурналисты*), а у предлога *помимо* только одно — «в добавление» (примеры типа *...приходит конец... геополитики в ее примитивном понимании... Помимо этого происходит кардинальное изменение отношения общества к войне*). Когнитивная схема ПЕРЕГОРОДКА хранит знание о двух основных действиях, возможных с этой сущностью — постановка перегородки и ее снятие, а когнитивная схема ПЕРЕМЕЩЕНИЕ/ДВИЖЕНИЕ в явном виде разделяет vs. соединение пространства не предполагает. Более того, идея ТРАЕКТОРИИ предусматривает сохранение пройденных точек, что соответствует значению «в добавление», представленному в плане содержания *помимо*.

Разумеется, методы когнитивной лингвистики не универсальны. Рассмотренный языковой материал показывает, что внутренняя форма и лежащая за ней когнитивная схема далеко не всегда порождают то актуальное значение, которое можно предсказать. Тем самым привлечение категории знаний в лексической семантике может рассматриваться в первую очередь как продуктивная эвристика, а не как единственный инструмент описания плана содержания языкового знака.

1.2.2. Эвристика о нерелевантности противопоставления лингвистического и экстралингвистического знания. Как традиционная, так и структурная лингвистика проводила четкие разграничения между внутренними и внешними аспектами функционирования языковой системы (ср. «внутреннюю» и «внешнюю» лингвистику по Соссюру). В сфере лексической семантики предпринимались попытки отграничить собственно лингвистические аспекты значения от «энциклопедических». Ср. в связи с этим характерное рассуждение из «Лексической семантики» Ю. Д. Апресяна: «Текст *Он проплыл сто метров кролем за 45 секунд* для всякого носителя русского языка значит: 'Плывя стилем "кроль", он покрыл расстояние в сто метров и затратил на это 45 секунд'. Для тех, кто знает не только русский язык, но и таблицу мировых достижений в плавании (элемент энциклопедической, а не языковой информации), то же самое предложение может оказаться гораздо содержательнее. Оно может быть воспринято как сенсационное сообщение о феноменальном мировом рекорде, как напоминание о безграничных физических возможностях человека и т. п. (...) Итак, речь идет лишь о моделировании знания языка, а не знания действительности» [Апресян 1995 а, с. 12—13].

Такое резкое ограничение сферы лексической семантики, по-видимому, полезно для решения целого ряда теоретических задач, однако существенно затрудняет использование результатов лингвистических исследований для полного описания и компьютерного моделирования процессов понимания и порождения текста. Кроме того, далеко не всегда удается провести четкое членение плана содержания на лингвистическую и экстралингвистическую составляющую. Например, к числу компонентов плана содержания (и, соответственно, высказываний с ними), имеющих двойственный характер, относится категория пресуппозиции. Так, в план содержания глагола *прекращать* (ср. *Прекращена трансляция программ радио и телевидения на трети территории Тверской области [«Московский комсомолец»]*) входит пресуппозиция о том, что нечто до момента речи имело место ('ранее трансляция программ осуществлялась'). Очевидно, что эта часть плана содержания релевантна с лингвистической точки зрения и должна быть представлена в толковании глагола. Столь же очевидно, однако, что это часть знаний о мире, фиксированная в соответствующих когнитивных структурах.

Другая проблема, возникающая в связи с различием собственно лингвистических и экстралингвистических компонентов в плане содержания языковых единиц, касается противопоставления конкретной и абстрактной лексики. Если значение абстрактных лексем может быть описано с чисто лингвистических позиций, то конкретная лексика, в которой преобладает денотативный компонент значения, требует обращения к энциклопедической информации. Попытки последовательно провести

рассматриваемое противопоставление в лексикографии часто давали несколько странные результаты, ср. известный пример толкования слова *золотник* как 'одна из частей паровой машины' [Щерба 1974, с. 280]. Если относиться к этому примеру серьезно, то приходится признать, что любая деталь паровой машины может оказаться золотником. Можно возразить, что читатель словаря обычно в состоянии догадаться, что у паровой машины много различных деталей, имеющих разные номинации, однако это не делает толкование Л. В. Щербы более удачным. Сравним толкование этого слова в словаре Ожегова и Шведовой: «Устройство для автоматического управления потоком пара, жидкости или газа в паровых машинах и турбинах, гидравлических и пневматических механизмах» [Ожегов, Шведова 1992]. Легко видеть, что толковый словарь, рассчитанный на реальное использование, вынужден привлекать энциклопедическую информацию. Известно, что некоторые толковые словари (особенно, если они ориентированы на учебные цели) включают в качестве одного из способов представления значения рисунки, то есть явным образом выходят за пределы чисто языковой информации.

Заметим, что традиционная лингвистика в целом ряде направлений также игнорировала различие между лингвистическим и экстралингвистическим (ср., например, идеи школы *Wort und Sachen* Шухардта и их дальнейшее развитие в работах Понтера и Вайсгербера). Попытка четкого разведения этих категорий была предпринята в парадигме структурализма, опиравшегося на исследовательские установки позитивизма и неопозитивизма. Когнитивная лингвистика, обращаясь к категории знания как базовой, снимает противопоставление лингвистического и экстралингвистического, позволяя исследователю использовать один и тот же метаязык для описания знаний различных типов (подробнее см. эвристику «О неоднородности плана содержания»). Ср. характерное высказывание А. Вежбицкой: «Сама природа естественного языка такова, что он не отличает экстралингвистической реальности от психологической и от социального мира носителей языка» ([Wierzbicka 1991, p. 16], цитируется по [Падучева 1996, с. 5]).

Следствие. *О неуниверсальности понимания.* Введение в сферу лингвистической семантики категории экстралингвистических знаний приводит к изменению взгляда на одну из базовых проблем теоретической лингвистики. Для традиционного и структурного языкознания было естественно интерпретировать понимание как универсальную категорию, независимую от участников ситуации общения и определяемую исключительно значениями языковых форм⁷. В ряде исследований было показано, однако, что понимание зависит от «фактора интереса» и от устройства модели мира участников процесса коммуникации. Человек, прочитывая текст, выбирает из него только то, что соответствует его коммуникативному намерению в данный момент или «интересу» [Schank 1982]. С другой стороны, попытки компьютерного моделирования процесса понимания показали, что понимание текста зависит также от наличия тех или иных знаний в модели мира адресата: чем «богаче» модель мира в данной проблемной области, тем глубже проникновение в смысл текста. Аналогичные мнения высказывались в рамках философской герменевтики [Risseur 1981]. Тем самым оказывается, что понимание определяется рядом стратегий, относящихся к области функционирования языка в дискурсе.

1.2.3. Эвристика об экономии усилий. Принцип экономии⁸ применительно к функционированию языковой системы определяет взаимодействие между языковыми и когнитивными структурами. Привлечение принципа экономии позволяет выявить причины существования таких областей лексической системы, как фразеология. С когнитивной точки зрения фиксация словосочетаний-фразеологизмов в словаре оказывается более экономной, чем порождение этих словосочетаний по уникальным

7) Ср. соответствующий тезис филологической герменевтики в [Ast 1808].

8) Принцип экономии обсуждался в известных работах Г. К. Ципфа и А. Мартине [Zipf 1949; Мартине 1960], см. также постулат об экономии в [Ульдалль 1960]. В российской лингвистике фактор экономии рассматривался в исследованиях И. А. Бодуэна де Куртенэ и Е. Д. Поливанова.

(нерегулярным) правилам [Баранов, Добровольский 1996]. Тенденция к экономии усилий существенным образом влияет на функционирование фонетической, фонологической, морфологической и синтаксической систем естественного языка: на процессы ассимиляции, на состав и соотношение гласных и согласных фонем, на освоение новых морфологических форм по продуктивным моделям, на область словообразования, на сложность синтаксической структуры предложения (ср. гипотезу Ин-гве) и т.д. С другой стороны, эта тенденция, свойственная когнитивной системе человека, проявляется в феноменах функционирования языка, обсуждаемых ниже в эвристиках разделов 1.2.4 и 1.2.5.

Тенденция к экономии сплошь и рядом порождает «ритуализацию» мышления человека и его языкового поведения. Усилия экономятся лишь там, где проблемная область четко структурирована, а поведение регламентировано. Фреймы и прототипы фактически представляют собой один из способов экономии усилий, поскольку являются «идеализированными когнитивными моделями» [Lakoff 1987] и сводят практически любую уникальную ситуацию к стандарту, в котором воплощен предшествующий опыт человека.

1.2.4. Эвристика о вариативности воплощения когнитивных структур. Сущность этого постулата заключается в том, что когнитивные структуры не обязательно привязаны к определенному языковому знаку: одна и та же когнитивная структура может выражаться с помощью различных значений одного и того же слова (полисемия) или значений разных слов (синонимия).

С другой стороны, когнитивная структура может объединять несколько слов (источник формирования фразеологических единиц) или выражаться грамматическими значениями (значениями грамматических категорий) [Langacker 1987, 1991]. Из этого, в частности, следует, что разные значения одного слова могут оказаться результатом модификаций единой когнитивной структуры. Так, различные значения слов *государство* и *страна* сводимы, соответственно, к когнитивным структурам ВЛАСТИ и ПРОСТРАНСТВА (см. выше). Тем самым существование у слова различных значений в когнитивной семантике не отвергается, эти значения представляются на когнитивном уровне как «поверхностные» реализации одной концептуальной структуры⁹.

Обсуждаемая проблема сопряжена с известной дискуссией о соотношении формы и значения языкового знака. В некоторых школах всерьез отстаивается тезис о единстве формы и содержания: каждой языковой форме соответствует одно значение, каждому значению — одна форма. 10) В несколько ином виде идея о нерасчлененности значения для каждой языковой формы представлена в известной теории «общего значения»

⁹ Ср. в этой связи идеи Дж. Пустеевского о регулярности полисемии [Pustejovsky 1991]. 10) Ср. постулаты А. Е. Кибрика о «единственности значения» и о «различительное™ формы» [Кибрик 1983, с. 36-37].

[Якобсон 1985], а также в школе «формальной семантики» А. Кюльоли [Culioli 1990].

Однако было бы странным отрицать наличие в естественном языке полисемии и омонимии, с одной стороны, и синонимии — с другой.

Такому пониманию связи между формой и значением языковых выражений противопоставлен известный постулат об отсутствии взаимно-однозначного соответствия между планом выражения и значением: каждая языковая форма стремится к тому, чтобы выражать несколько значений, а каждое значение — к тому, чтобы быть выраженным несколькими формами (ср. известный постулат об «асимметрическом дуализме лингвистического знака» С. Карцевского, восходящий к идее Соссюра о произвольности языкового знака [Karcevsky 1929]).

Часто считается, что одной из эвристик когнитивного подхода является идея единства формы и содержания: каждой форме соответствует свое содержание и наоборот. Однако если такая эвристика в некоторых случаях и представляется разумной (ср. идею «общего значения»), то она не связана с когнитивным подходом как таковым.

1.2.5. Эвристика о неоднородности плана содержания

языкового выражения. Одним из тезисов современной лингвистической семантики является идея о неоднородности плана содержания. Часто выделяют ассертивную часть значения, пресуппозитивный компонент, следствия различных типов, установки, иллокутивную составляющую и т. п. [Баранов, Кобозева 1987; Падучева 1981]. Эти компоненты обладают, как правило, разной степенью эксплицитности в плане содержания языкового выражения. Когнитивный подход объясняет эту особенность устройства плана содержания лексической единицы тем, что когнитивные структуры, стоящие за языковыми структурами, принципиально нелинейны и при их языковом воплощении требуют специальных «упаковок» [Чейф 1982]. Переход от нелинейной структуры к ее линейному представлению всегда сопровождается тем, что эксплицитно выражается лишь некоторая часть когнитивной структуры, а другие ее части могут присутствовать в имплицитном виде. На этой особенности устройства плана содержания языка основаны эффекты речевого воздействия, используемые в рекламе, политической аргументации и других сферах функционирования языка (см. выше §2 главы 5).

Другой источник неоднородности плана содержания языковых выражений — неоднородность самого человеческого опыта. Опыт взаимодействия человека с окружающим миром обладает для него различной значимостью. Как показывают многочисленные исследования в области семантики, опыт пространственного перемещения используется для категоризации многих других типов семантических отношений — временных, причинных, количественных, отношений иерархии и пр. Например, упорядоченность по количеству часто интерпретируется в терминах когнитивной схемы ВЕРХ—НИЗ (ср. *высокие цены* vs. *низкие цены*), обсуждаемое и предполагаемое, важное и неважное осмысляется в терминах когнитивной схемы ПЕРЕДНЯЯ СТОРОНА—ЗАДНЯЯ СТОРОНА (ср. *Эти проблемы выдвигаются сейчас на передний план*), понятийные категории могут осмысляться как КОНТЕЙНЕРЫ и т. д. В этом смысле пространственные отношения обладают высокой степенью значимости в когнитивной системе человека. В [Лакофф 1996] это свойство человеческого опыта называется «Гипотезой о пространственном воплощении формы». Неоднородность опыта прослеживается также в выборе способа номинации смысла, причем способ номинации, в свою очередь, часто влияет на семантику языкового выражения.

Следствие 1. *О влиянии способа номинации на значение.* Внутренняя форма единицы словаря, характеризующая способ номинации, оказывает влияние на собственно значение. Это связано с тем, что в структуре знаний, стоящих за языковым выражением, в определенной степени отражается и способ номинации. Так, в значении оборота *по крайней мере* сохраняется концепт 'края', а в значении *по меньшей мере* — идея 'большого—меньшего' [Баранов 1996]. Все синхронно мотивированные идиомы обнаруживают ограничения на сочетаемость, явно связанные с их внутренней формой [Баранов, Добровольский 1998 б; Добровольский 1996]. Иными словами, способ номинации может рассматриваться как особый слой в плане содержания лексической единицы. См. также выше пример анализа лексем *кроме* и *помимо*.

Следствие 2. *О вариативности способов представления когнитивных структур в тексте.* Неоднородность

плана содержания языкового выражения распространяется и на текст в целом, план содержания которого может быть разделен на текстовую и метатекстовую составляющую, пропозициональную и пресуппозициональную составляющую, систему временных, причинных и др. отношений. Очевидно, что для разных типов текстов большую значимость имеют разные компоненты. Например, для политического текста наибольшее значение имеет система каузальных (причинных) отношений, которую выявляют некоторые операциональные методики, используемые в политологии (ср. понятие когнитивного картирования — см. §4 главы 5). В качестве другого примера неоднозначности плана содержания текста можно указать на роль категории подтекста в русской литературе советского периода. Обычный текст, как правило, лишен маркеров, указывающих на отнесение тех или иных компонентов текста к соответствующим слоям плана содержания. Между тем, для некоторых типов текста подобная структуризация уже разработана (ср., например, тексты энциклопедий, справочников и т.п.). В наиболее явном виде эти идеи реализованы в концепции гипертекста, которая может быть сведена к трем базовым положениям: (1) наличие различных способов навигации по тексту, зависящих не от автора, а от читателя; (2) объединение в одном гипертексте фрагментов различной природы: одновременное включение в гипертекст собственно текстовых элементов, фрагментов визуального изображения, звучащей речи и пр.; (3) относительная смысловая автономность единиц хранения (см. раздел 1.4 главы 2).

1.2.6. Эвристика о множественности семантического описания.

Наличие в плане содержания сущностно разных компонентов требует использования при семантическом описании разных метаязыков. Отсюда следует, что вряд ли существует метаязык, способный исчерпывающим образом представить план содержания языкового выражения. Если даже такой метаязык и возможен, то сложность его устройства существенно затруднила бы его практическое использование. Ср. в связи с этим различные способы представления значения толкуемых лексических единиц в словарях. Например, в [Баранов, Плунгян, Рахилина 1993] значения дискурсивных слов описывается не только в собственно толковании, но и в метафоре, представляющей в словаре как слово в целом, так и его отдельные значения. Так, словарная статья выражения *в общем* вводится метафорой 'искусство отбросить лишнее', а первое значение этого выражения, представленное, например, во фразах типа *Пульс был, разумеется, чуть выше обычного, но, в общем, ровный* [Ю. Трифонов] — метафорой 'среднее арифметическое' [Баранов, Плунгян, Рахилина 1993]. Идею использования метафор для пояснения значения слова не отвергают и авторы «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка» [Апресян 1995б, с. 78].

Необходимость использования различных метаязыков ясно видна при попытках распространения семантических языков, ориентированных на предикатную лексику, на область слов с конкретным значением¹¹⁾.

Преимущества подхода к описанию значения, использующего различные способы представления плана содержания, могут быть проиллюстрированы на примере словарного описания идиомы *раскрыть/разинуть/развязать варежку* по схеме, принятой для «Словаря современной русской идиоматики» [Баранов А. Н., Добровольский 1995]. У этой идиомы можно выделить два значения, которые объясняются с помощью собственно толкований, отсылки к образной составляющей и квазисинонимам, а также с помощью экзemplификации: 1) [толкование:] начать говорить нечто, игнорируя принципы кооперативного общения и мнение окружающих; [квазисинонимы:] раскрыться, разорваться; [экзemplификация]: *Плечевой споткнулся на полуслове, посмотрел на Николая тоже сверху вниз, поскольку был выше на целую голову, и, подумав, сказал: — Брешет собака. А я говорю. Л ты свою **варежку** закрой да и не **раскрывай**, пока я тебе не дам разрешения. Понял? Не то я тебе на язык наступлю.* [В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина]; 2) [толкование:] потерять контроль над ситуацией, отвлекшись на некоторый внешний раздражитель — занимательную историю, захватывающее зрелище и т.п., [отсылка к образной составляющей:] что часто сопровождается специфической мимикой — открытый рот, остановившийся взгляд и пр.; [экзemplификация]: — *Вот так-то, котик, — по-русски сказал мне этот отважный Мальчик, стирая со своего страшного оружия кровь и клочья Собачьей шерсти бумажной салфеткой от гамбургера. — Не ты их, так они тебя... Здесь только **разинь** варежку! Вмиг схарчат и не подавятся...* [В. Кунин. Кыся в Америке].

¹¹⁾ Ср. [Wierzbicka 1985] и критику этой работы в [Geeraerts 1993; Schmid 1993].

1.2.7. Эвристика о значимости нестандартных употреблений.

Значительная часть лексических единиц используется в дискурсе с явным нарушением тех или иных норм, что приводит к эффектам языковой игры, стилистическим несоответствиям, отклонениям от стандартных правил ведения коммуникации и т. п. В обычном случае лингвистическое описание игнорирует эти примеры, считая их маргинальными. В той или иной степени учитывался лишь «отрицательный языковой материал» — случаи ошибочных употреблений слов и выражений. Поскольку в текстах примеры нестандартных употреблений весьма многочисленны,¹²⁾ было бы странно игнорировать их при семантическом описании соответствующих лексических единиц. Использование когнитивных методов позволяет интерпретировать нестандартные употребления не как ошибки, а как специфические операции над знаниями, приводящие, например, к перераспределению информации между имплицитными и эксплицитными слоями плана содержания (ср., эффект материализации метафоры), к намеренному осложнению процесса протекания коммуникации, к фиксации внимания на форме языкового выражения (ср. принцип остранения формы по Шкловскому) и т. п.

Учет в семантическом описании нестандартных употреблений противоречит традиционному словарному принципу ориентации на норму. Идея нормативности лексикографического описания,

восходящая к толковым словарям советского периода, представляется вполне оправданной в отношении справочных изданий, ориентированных на работников средств массовой информации, а также по отношению к учебным словарям, предназначенным для учащихся. Однако для дескриптивных словарей, претендующих на полноту и научность, требование нормативности неприемлемо, поскольку отсекает огромный пласт языковых фактов, подлежащих описанию и научному осмыслению. Идея нормы в научном описании языка приводит и к серьезным издержкам. С позиций нормирования следовало бы исключить из сферы описания большое количество языкового материала, представленного в художественных текстах Достоевского, явно предпочитавшего разговорный язык литературной норме своего времени.

Остается также открытым вопрос о том, как совместить идею нормирования с требованием полноты семантического описания, выдвигаемым практически любой семантической теорией. Об абсурдности ориентации на норму в научных исследованиях писал в 60-х гг. В. А. Звегинцев: «Нормативность требует во всем "правильности" — на эту пресловутую "правильность" ориентируются исследования в области лексики, грамматики, фонетики, стилистики и пр. Конечно же, правильность и нормативность нужны, но только на своем месте. А место им —

¹²⁾ Например, в базе данных по современной русской идиоматике, разрабатываемой в Институте русского языка РАН и включающей к настоящему времени около сорока тысяч примеров, почти 15 % приходится на нестандартные употребления.

на службе культуры речи в учебном процессе. Они не должны заслонять всего неоглядного поля лингвистических исследований, которым понятие "правильности" в той же мере чуждо, как и морскому закату или горному воздуху. Нормативный подход к языку настолько въелся, что "правильное" очень часто начинает отождествляться с закономерным — именно на этом отождествлении (или, точнее, на этой путанице) покоятся частые утверждения, что то или иное отклонение от правила, произвольно возникающее в живой речи, противоречит "духу и законам" языка» [Звегинцев 1968, с. 153].

Описание нестандартных употреблений языковых выражений может способствовать выявлению тех компонентов плана содержания высказывания, которые обычно исключались из рассмотрения. Так, учет контекстов материализации метафоры, лежащей в основе идиомы, позволяет сделать вывод о том, что внутренняя форма, отражающая способ номинации, относится к плану содержания, а не является игрой случая, как это следует из концепции Соссюра. Ср. (13) и (14).

(13) Ответ: во мне Эзоп не воскресал, / В кармане фиги нет — не суетитесь. — /А что имел в виду — то написал, — / Вот — вывернул карманы — убедитесь!

[В. Высоцкий]

(14) — Хлопобуды — серьезные люди? — Они очень серьезные люди. — Я уже чувствую, — вздохнул Данилов. — С чего бы вдруг? Ты им не вредил? — Пока нет. — Не вздумай вставать у них на дороге. Сметут! — Не пугайся. Я хожу по другой дороге.

[В. Орлов. Альтист Данилов]

Наличие контекстов типа (13) может рассматриваться как аргумент в пользу включения в семантическую экспликацию идиомы *держатъ фигу в кармане* компонентов смысла 'скрывать', 'нечто неприятное'¹³⁾, а для идиомы *вставать на пути/дороге у кого-л.* пример (14) указывает на целесообразность введения в семантическую экспликацию элемента внутренней формы 'физическое препятствие'.

1.3. Заключение

Когнитивная парадигма предложила иные — по сравнению со структурализмом — методы верификации результатов научного исследования. Если в структурной лингвистике верификация результатов определялась следованием определенным процедурам анализа (ср. процедуры «открытия» фонемного и морфемного состава языка) и требовала повторяемости при выполнении тех же процедур, то в когнитивной лингвистике —

13) Разумеется, для данной идиомы смысл 'сокрытие' может быть выведен не только из внутренней формы, однако это не отменяет факта отражения этого смысла и в образной составляющей.

междисциплинарной по своей сути — верификация была перенесена в сферу психологии и нейрофизиологии, а также в область компьютерного моделирования: если компьютерная модель при выбранных теоретических установках функционировала нормально, то результат признавался правдоподобным. Разумеется, этот принцип не проводился последовательно, поскольку построение компьютерных моделей тех или иных феноменов языковой системы оказалось весьма сложной задачей. Это привело к существенно большей субъективности результатов когнитивного исследования, однако нет запрета на использование неопозитивистских методов верификации результатов, полученных в когнитивной парадигме. Здесь вполне допустимо привлекать, например, методы выявления ограничений на сочетаемость языковых выражений с помощью подстановки близких по значению единиц в аналогичные контексты (ср. выше анализ слов *страна* и *государство*).

Несмотря на все успехи когнитивных методов в языкознании и мировую известность его проponentов — таких, как Ч. Филлмор, Дж. Ла-кофф, Л. Талми, Р. Лангакер, Т. Гивон, Ж. Фоконье, М. Тернер, Д. Герартс, Р. Дирвен, — в России это направление все еще остается довольно экзотичным. Хотелось бы надеяться, что сформулированные здесь эвристики помогут более ясно понять особенности когнитивного подхода к описанию семантики языка, с одной стороны, и характер влияния исследований в области прикладной лингвистики на лингвистическую теорию — с другой.

Основная литература

1. Баранов А. Н. Категории искусственного интеллекта в лингвистической семантике. Фреймы и сценарии. М., 1987.
2. Баранов А. Н. Добровольский Д. О. Постулаты когнитивной семантики // Известия АН. Сер. литературы и языка. 1997. Т. 56. № 1. С. 11-21.
3. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
4. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.

Дополнительная литература

1. Баранов А. И., Добровольский Д. О. Структуры знаний и их языковая онто-логизация в значении идиомы // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 903. Тарту, 1990.
2. Баранов А. И., Париин П. Б. К построению словаря терминов когнитивной науки // Когнитивные исследования за рубежом. М., 1990.
3. Minsky M. L. Frame-system theory // Thinking. Cambridge, 1977.

§ 2. Рефлексия лингвистической теории в прикладной лингвистике

2.1. Базовые теоретические оппозиции в прикладной лингвистике

Влияние лингвистической теории на прикладную лингвистику очевидно в том смысле, что прикладная лингвистика по определению рассматривается как распространение знаний об устройстве системы языка и о его функционировании на нелингвистические научные дисциплины, а также на сферы практической деятельности человека. Базовые оппозиции теоретической лингвистики — «язык vs. речь», «язык-объект vs. метаязык», «синтагматика vs. парадигматика», «семантика vs. прагматика», «лингвистическая vs. экстралингвистическая составляющая плана содержания языкового знака» — в существенной степени присутствуют практически в любых прикладных разработках. Например, противопоставление языка как системы (совокупности единиц и связывающих их отношений) и как речи (совокупности речевых актов, речевых высказываний, связанных между собой в процессе функционирования языка) так или иначе учитывается в следующих блоках и функциях прикладных моделей:

- разделение правил грамматики и, как правило, очень мощных словарей (следует иметь в виду, что проблематика словаря относится не только к области лексикографии, словарный способ представления распространяется и на сферу синтаксиса — ср. словарь словосочетаний — на область морфологии — словарь морфем и их морфов — на область фонетики и фонологии);
- функция хранения информации (язык) vs. функция выдачи информации конечному пользователю (речь).

Оппозиции «язык vs. речь» и «парадигматика vs. синтагматика» задают большой класс компьютерных программ, моделирующих (и поддерживающих) взаимодействие с человеком на естественном языке.

На противопоставлении парадигматики и синтагматики в определенной степени основывается выделение довольно важного блока систем искусственного интеллекта МОДЕЛЬ МИРА. С другой стороны, синтагматический аспект функционирования языковой системы в полной мере реализуется и в правилах порождения языковых форм: организации фонем в морфемы (морфологический синтез), морфем — в слова (синтез слов), слов — в предложения (синтаксический синтез). Говоря о разделении функций прикладных систем, можно сказать, что в системах анализа реализуется в большей степени парадигматический аспект языка, а в системах синтеза — синтагматический.

Без выделения категории метаязыка построение прикладных компьютерных систем вообще не представляется возможным, поскольку компьютер может оперировать только формально определенными множествами символов.

Противопоставление синхронии и диахронии, как можно судить на настоящий момент, в прикладной лингвистике в узком понимании практически не используется. Имеющиеся приложения в основном ориентированы на синхроническое измерение языковой системы. Если же говорить о прикладной лингвистике в широком смысле, то сфера диахронии конечно же весьма полезна историкам и археологам, поскольку диахронические изменения в языке и их фиксация в лингвистических источниках могут оказаться важным фактором датировки тех или иных исторических событий.

Представление об уровне строения языка и языковых выражений (прежде всего высказывания/речевого акта), а также разделение семантической и прагматической составляющей плана содержания широко используется в тех приложениях, где язык рассматривается как средство воздействия — в теории воздействия, теории аргументации, риторике, психоанализе, политической лингвистике. Результативное воздействие предполагает широкое владение всем репертуаром языковых средств, в том числе способностью использовать эксплицитные (пропозиция, утверждение) и имплицитные (пресуппозиция, следствие) слои плана содержания высказывания.

С другой стороны, некоторые теоретические представления существенно модифицируются. К ним относится, например, противопоставление лингвистической и экстралингвистической составляющей плана содержания. В категориальном аппарате современной компьютерной лингвистики и в когнитивной лингвистике разделение лингвистического и экстралингвистического знания практически полностью стирается, ср. категории фрейма, сценария и плана.

Имеются и менее очевидные аспекты влияния лингвистики на прикладную лингвистику. Один из них — возникновение «вычислительной герменевтики» — рассматривается ниже.

2.2. Филологические методы анализа текста как эвристики построения систем искусственного интеллекта*

К концу 80-х гг. наметился явный кризис во взаимоотношениях между лингвистикой (и шире — областями гуманитарного знания) и искусственным интеллектом. Исследования в области искусственного интеллекта все в большей степени технологизировались. Теоретический прорыв 70-80-х гг., приведший к созданию теории знаний и разработке категориального аппарата когнитивной лингвистики, сменился застоем. Ощущался явный недостаток новых идей в сфере компьютерного моделирования человеческого мышления. Если в предшествующем разделе речь шла об эвристиках, относящихся к функционированию языка, которые заимствовались из сферы прикладных лингвистических дисциплин,

*Данный и последующие разделы параграфа основываются на положениях статьи [Баранов, Сергеев 1990].

то здесь потребовались эвристики о сущности человеческого мышления, сформулированные в области гуманитарных наук. В разбираемом ниже примере речь идет об эвристиках, касающихся сущности одного из проявлений интеллектуальной способности человека — понимания. Эти исходные представления о природе процессов понимания были обнаружены в филологической традиции — в герменевтике.

Герменевтика изначально возникла как наука о понимании и истолковании текста. Герменевтический подход основан на представлениях об универсальности языковых (а в более общем смысле знаковых) структур и во многих отношениях свободен от тематических ограничений. В христианской традиции герменевтика связывалась в первую очередь с истолкованием библии. Герменевтический анализ практиковался и в филологических исследованиях, а также в языковой политике некоторых социумов. В практическом отношении герменевтика рекомендует комплекс весьма софистичированных процедур анализа текста, часть из которых достаточно формальна, а другая часть в значительной мере опирается на интуицию, то есть является чисто творческим началом.

Анализ вклада герменевтики в работы по компьютерному моделированию понимания текста требует изучения основных проблем, возникших на пути создания интеллектуальных систем этого типа. Одна из важнейших и совершенно очевидных проблем — почти полная невозможность при создании искусственно-интеллектуальных программ, понимающих естественноречевую текст, опираться на опыт традиционного экспертного анализа текста — именно в силу его принципиальной опоры на интуицию исследователя, на отказ от какой-либо формализации и на основании вывода *post factum* — эксперт обосновывает свой вывод уже после того, как он сам его осознал и сформулировал. Герменевтическая традиция, в противоположность исходным представлениям специалистов в области искусственного интеллекта, всегда ориентировалась на экспликацию правил анализа текста, связанным с имплицитным, неявным, плохо осознаваемым пониманием. Опыт создания программ искусственного интеллекта и различные варианты герменевтической традиции показывают, что герменевтическая идеология анализа текста оказывается очень близкой к современным достижениям искусственного интеллекта, причем в ряде работ эти традиции сливаются, порождая чрезвычайно плодотворный синтез точного и гуманитарного знания, синтез, который приобретает большое методологическое значение.

Искусственный интеллект в ретроспективе: элементы периодизации исследовательских подходов. Ввести те или иные параметры периодизации исследований в области искусственного интеллекта (ИИ) не составляет особой проблемы. Однако в данном случае нас интересует — в самом общем плане — лишь тот аспект, который характеризует эвристические предпосылки интеллектуальных программ и степень осознанности используемых эвристик. В самом общем виде здесь можно выделить четыре основных этапа:

1) классическая идеология «черного ящика»,
2) идеология частичной транспарентности, 3) идеология «машины знаний» и 4) интерпретационная идеология.

Классическая идеология «черного ящика». Разработка компьютерных моделей мышления — задача глобальная, и она стала осознаваться как таковая на самых начальных этапах развития кибернетики. Как это ни удивительно, но осознание глобальности отнюдь не помешало первоначальным восторгам и розовым прожекторам. Сам факт того, что хоть что-то оказалось возможным, создавал иллюзию доступности и реальности достижения окончательной цели в обозримое время. Так, один из пионеров искусственного интеллекта Г. Саймон после первых успешных опытов автоматического доказательства теорем с удивлением писал: «В мою задачу вовсе не входит поразить или шокировать вас... Однако суммировать все это кратко можно, лишь сказав, что сейчас в мире существуют машины, которые думают, учатся и творят» [Simon, Newell 1958, p. 6].

Первые исследования по машинному моделированию мышления были ориентированы на классическую концепцию «черного ящика», в соответствии с которой способы моделирования никак не соотносятся с реальным устройством моделируемого объекта. Концепция «черного ящика» в полной мере отвечала идеологии технократического превосходства, воплотившейся в принципах имитационного моделирования. Основные усилия здесь были направлены на создание «универсальных решателей задач», систем автоматического порождения и доказательства теорем, на распознавание образов и машинный перевод. Аналогии, связывающие алгоритмы интеллектуальных программ с представлениями о реальных процессах мышления, в принципе не возбранялись, однако осмысленность построения таких моделей подвергалась серьезному сомнению. Неудивительно, что первые попытки разработки программ, отражающих строение нервной системы животных, породили «впечатляющие образцы критического анализа» — широкую известность здесь приобрела критика Минским и Пайпертом концепции персептрона [Minsky, Papert 1969]¹⁴⁾.

Тем не менее чистая идеология «черного ящика», обеспечив продвигание в моделировании некоторых простых форм интеллектуальных процессов, не дала ожидаемых результатов в отношении более сложных форм поведения, что заставило в корне изменить представление о степени сложности человеческого мышления. Возникла принадлежащая фон Нейману гипотеза о «пороге сложности» моделируемого объекта: начиная с некоторой степени сложности объекта его модель становится сложнее самого объекта моделирования. Применительно к человеческому мышлению эта гипотеза вполне правдоподобна, а если так, то моделирование мышления должно основываться на исходных представлениях

14) В конце 80-х - начале 90-х годов это направление моделирования интеллектуальной деятельности человека испытало настоящий бум. См., в частности, [Dreyfus, Dreyfbs 1988; Hinton 1986].

эвристиках — о закономерностях реального протекания интеллектуальных процессов. Чисто имитационное моделирование предоставляло неограниченный набор эвристик, но само множество эвристик оказалось упрятым так глубоко в интуиции исследователя, а альтернативы выбора были столь разнообразными, что поиск приемлемой познавательной установки превращался в бесконечную процедуру перебора, не имеющую шансов на успех. Осознание необходимости хотя бы «частичного просветления» черного ящика привело к идее частичной транспарентности (прозрачности).

Идеология частичной транспарентности «черного ящика». Уже Винер исходил в своих рассуждениях из того, что моделируемый объект представляет собой комплекс «черных» и «белых» ящиков [Винер 1960]. Знание структуры и особенностей моделируемого объекта дает возможность сформулировать эвристики, на основе которых может быть построена требуемая интеллектуальная программа. Идея о частичной прозрачности «черного ящика» позволила обосновать использование любых — в том числе и наивных — представлений о функционировании человеческого мышления. Как правило, эта идеология эксплицитно не формулировалась, и разработчики систем ИИ ориентировались на свои собственные идеи о сущности мышления, сформировавшиеся в процессе обучения и практической деятельности.

Данному этапу развития ИИ принадлежит заслуга осознания и экспликации целого ряда концептуальных контrovers, отражающих представления создателей систем ИИ об интеллектуальных процессах. Эти контrovers уже post factum обосновывались с философской, психологической, лингвистической и других точек зрения. Особенно продуктивными оказались противопоставления «энциклопедии и словаря», «декларативного и процедурного представления информации», «формального и практического (естественного) вывода», «четких и нечетких (расплывчатых) категорий», «дискретности и непрерывности», «фреймового и сетевого представления знаний».

Идеология «машины знаний». Полный переход к представлению о мышлении как об устройстве, обрабатывающем знания, — «машине знаний» — дал новый толчок развитию интеллектуальных программ, в результате чего был получен целый ряд впечатляющих результатов [Rosenberg 1980]. Однако подавляющее большинство разрабатывавшихся систем было ориентировано на атомистические представления рационализма, в рамках которых компьютеры рассматривались как механизмы, производящие операции над символами. Парадигмальными проблемами для этой идеологии стали задачи моделирования процесса принятия решений (с разбиением его на более простые процедуры); понимания текста на основе разделения эксплицитной и имплицитной информации; задачи описания ситуаций внешнего мира и т. п. В работе над решениями этих проблем обозначились серьезные сложности принципиального характера, не позволившие в полной мере достичь желаемого результата. Оказалось, например, что фиксация способа представления знаний существенно ограничивает класс ситуаций, в которых они могут использоваться при моделировании интеллектуальных процессов. За рамками моделирования оказались важнейшие механизмы, выбирающие способ представления знаний в зависимости от типа проблемной ситуации и порождающие соответствующее концептуальное представление.

Одним из видов интеллектуальных программ, имитирующих разумное поведение человека, в рамках идеологии «машины знаний» были экспертные системы. Перед экспертными системами была поставлена задача агрегирования знаний экспертов в определенной области и порождения экспертных оценок тех или иных проблемных ситуаций. Наиболее активно экспертные системы стали развиваться в области медицинской диагностики. «Компьютерный врач» должен был по данным опроса больного и по результатам анализов установить диагноз. Оказалось, однако, что значительная часть деятельности «естественного

эксперта» почти не поддается экспликации и вербализации. Было выяснено, что опытные врачи при постанове диагноза большое внимание обращают на внешний вид человека, его походку, манеру говорить и т. п. Все это практически невозможно учесть в алгоритмах работы интеллектуальной программы.

Целый ряд интеллектуальных способностей человека — как это было убедительно показано Х. Дрейфузом [Дрейфус 1978; Dreyfus, Dreyfus 1988] — заложен в особенностях человеческого опыта, определяемого строением человеческого тела, способностями человека к ориентации в пространстве, длительным взаимодействием человеческого организма со средой. Атомистическая исследовательская доктрина не в состоянии описать удовлетворительным образом не только «аналоговое» мышление человека, но и парадоксы резкой смены способов представления знаний в очень близких по свойствам проблемных ситуациях и использование одних и тех же способов представления знаний в сильно различающихся ситуациях. Во многих случаях не удается сформулировать условия применимости атомистических категорий, ср., например, сложности использования понятия 'норма' применительно к сфере пространственных и темпоральных отношений.

Интерпретационная идеология. Осознание ограничений атомистического подхода заставило исследователей искать концептуальные альтернативы. «Мышление основывается отнюдь не на операциях над семантическими представлениями», — приходят к выводу Т. Виноград и Ф. Флорес [Winograd, Flores 1986, p. 225]. В попытке обнаружить новые теоретические основания моделей мышления создатели систем ИИ сознательно обращаются к опыту изучения мышления в гуманитарных науках, и прежде всего в философии, психологии и филологии. Приходит понимание того, что интеллектуальные программы должны следовать тем же принципам, которые в процессе мышления использует человек [Ленат 1986].

Особый интерес вызвали представления о процессе понимания, возникшие в герменевтике. Оказалось, что в рамках этого научного

направления широко обсуждались важнейшие закономерности понимания естественного языка текста; некоторые из них уже получили отражение в построении интеллектуальных программ. Однако большая часть теоретического багажа этой дисциплины принципиально отличается от атомистической доктрины искусственного интеллекта. Исходная предпосылка герменевтического подхода — рассмотрение понимания как интерпретирующего процесса, основанного на вхождении в герменевтический понятийный круг, то есть на процедуре, использующей категорию невербализуемого «предзнания» или «предопыта». В искусственном интеллекте использование некоторых теоретических представлений герменевтики позволяет преодолеть многие сложности чисто «атомистического» подхода [Duffy, Mallery 1986; Mallery, Hurwitz, Duffy 1987; Winograd, Flores 1986]. Уже сейчас можно указать на целый ряд программ, реально использующих подходы, восходящие к герменевтической традиции. Каковы реальные перспективы «вычислительной герменевтики»? Случайно ли такое внимание разработчиков систем ИИ к гуманитарным моделям мышления? Для ответа на эти вопросы и для выявления реальных направлений влияния лингвистики (шире — филологии) на сферу искусственного интеллекта необходимо сопоставить герменевтические теории понимания (и их составляющие) и соответствующие интеллектуальные программы.

Эвристики герменевтики и их компьютерные аналоги. Герменевтическая традиция в ее классическом варианте ставит своей целью разработку и теоретическое обоснование способов интерпретации (толкования) филологического (сакрального, исторического, философского, художественного и т.д.) текста. Причем основной упор делается именно на выявление конкретного набора процедур, позволяющего понять (истолковать) текст благодаря вхождению в герменевтический круг — концептуальный мир семантических и прагматических категорий текста. В теоретических концепциях герменевтики понятийный круг образуют бинарные совокупности различных процедур, задающие, условно говоря, «микропарадигмы» герменевтического анализа текста. Укажем лишь наиболее известные: (i) объяснение vs. понимание [Ape1 1979]; (ii) знание vs. познание; (iii) познание vs. понимание; (iv) понимание части vs. понимание целого; (v) понимание vs. объяснение; (vi) вера vs. понимание^{15*}.

Вхождение в круг для концептуальных пар (i), (iii), (v) основывается на «предпонимании» (Vorverstandniss); для пары (ii) — на «истолковании». Анализ показывает, что изначально чисто практическая ориентация герменевтической парадигмы позволила ее сторонникам выйти на широкие

¹⁵ Обсуждение некоторых из этих оппозиций см. в [Ricoeur 1982, p. 261].

теоретические обобщения, которые органично переосмысляются в категориях современной когнитивной науки.

Герменевтическая метафора в самой своей сути адресатна и **деятель-носна**. Понимание текста рассматривается как активный процесс, требующий от интерпретатора проведения определенных операций, обеспечивающих разрыв герменевтического круга. Каждое из направлений в герменевтике предлагает свои рецепты проникновения в содержание текста, которые могут быть представлены в виде исследовательских установок или эвристик — наиболее общих принципов исследования, основанных на теоретических представлениях, которые воплощаются в концептуальной модели изучаемого объекта. Аппарат эвристик позволяет выявить и оценить исследовательский потенциал научной теории (см. уже упоминавшуюся работу [Шрейдер 1976]).

Эвристики в широком понимании не обязательно привязаны к одной теоретической концепции; они довольно автономны по отношению к теории и могут функционировать независимо от нее. Собственно,

автономность эвристик и дает возможность проследить идеи герменевтической традиции в искусственном интеллекте, поскольку интеграция герменевтических идей в искусственный интеллект осуществляется в форме заимствования отдельных теоретических положений, свойственных, как правило, нескольким герменевтическим направлениям. Заимствование моделей в целом — моделей понимания критической герменевтики, философской герменевтики, филологической герменевтики¹⁶⁾ — сильно затруднено из-за сложностей формализации совершенно неформального по сути своей литературно-художественного текста, а также из-за неполноты теорий-источников.

Первое характерное (осознаваемое или неосознаваемое) заимствование связано с самой идеей герменевтического круга: наиболее известный вариант понятийного круга — анализ частей с точки зрения целого и, далее, целого с точки зрения частей реализован в компьютерной программе «бутстрепинг» (bootstrapping) [Mallery, Hurwitz, Duffy 1987], используемой при построении баз знаний [Hinton 1989] и интеллектуальных моделей развития мышления [Lenat 1983], ср. также широко известную методику «анализа через синтез» в системах понимания текста и распознавания речи [Шенк, Лебовиц, Бирнбаум 1983].

В типологии герменевтических эвристик естественно исходить из некоторого общего основания, в котором отражена специфика герменевтической парадигмы. Целый ряд важнейших характеристик этой исследовательской традиции был уже отмечен, однако наиболее существенным следует считать то, что в герменевтическом подходе впервые было обращено внимание на **включенность текста в рамки дискурса, диалога, коммуникации на естественном языке**. Герменевтические эвристики понимания

¹⁶⁾ Классификацию и периодизацию герменевтической традиции см., например, в [Герменевтика 1985; Гусев, Тульчинский 1985].

по-разному «высвечивают» отдельные составляющие процесса коммуникации. На рис. 1 представлена герменевтическая модель диалогового взаимодействия и указаны те области модели, с которыми взаимодействуют эвристики.

«Топография» диалогового взаимодействия, суммирующая основные направления герменевтических разысканий, задает несколько аспектов исследования феномена понимания текста — языковой, когнитивный, порождающий и ситуационный — исчерпывающих плоскость рисунка. Языковой аспект соответствует собственно лингвистическому аспекту общения, когнитивный — когнитивным сферам автора и адресата, порождающий — процессу порождения речевого сообщения, а ситуационный — охватывает сферу включенности автора и адресата в социум на различных этапах исторического, культурного, политического развития этого социума.

Языковой АСПЕКТ. Языковой аспект представлен тремя основными эвристиками, тесно связанными между собой. С историографической точки зрения они представляют собой наиболее раннее обобщение опыта исследования процессов понимания. Первое, с чем сталкивается адресат в процессе анализа текста, — это собственно языковое (точнее — лингвистическое) содержание текста. *Эвристика о лингвистическом значении* требует от адресата внимательного прочтения текста с опорой на анализ смысла слов, словосочетаний, предложений и даже, если это необходимо, грамматических категорий (ср. в этой связи пример анализа Л. В. Щербой стихотворения Г. Гейне «Fichtenbaum» [Щерба 1957]), характера использования тех или иных синтаксических конструкций и т. д. Эти идеи в разной форме высказывались представителями философской герменевтики (Эразм Роттердамский, Д. Манетти. Фр. Аст) и др. 17)

Опора на лингвистическую составляющую плана содержания текста прослеживается и в более частных исследовательских установках. Так, *сущностная эвристика* ставит целью восстановить по лингвистическому значению описываемую ситуацию, положение дел, концептуальный мир и т. п., что образует мостик к пониманию скрытых и явных интенций автора [Гадамер 1989]. Выявление сущности текста может потребовать привлечения по сути антигерменевтической *эвристики универсальных категорий*, непосредственно связанной с традицией аналитической философии. Ее цель — привлечь внимание интерпретатора к тем общим понятиям, на которых основывается концептуальный мир текста. В герменевтическом варианте эта установка носит менее универсальный характер: сфера применимости понятийных категорий ограничивается рамками одного или нескольких однотипных текстов. В аналитической философии (ср. также традицию рационализма)

¹⁷⁾ Ср. концепцию грамматического понимания и грамматической интерпретации в [Ast 1808; Schleiermacher 1974].

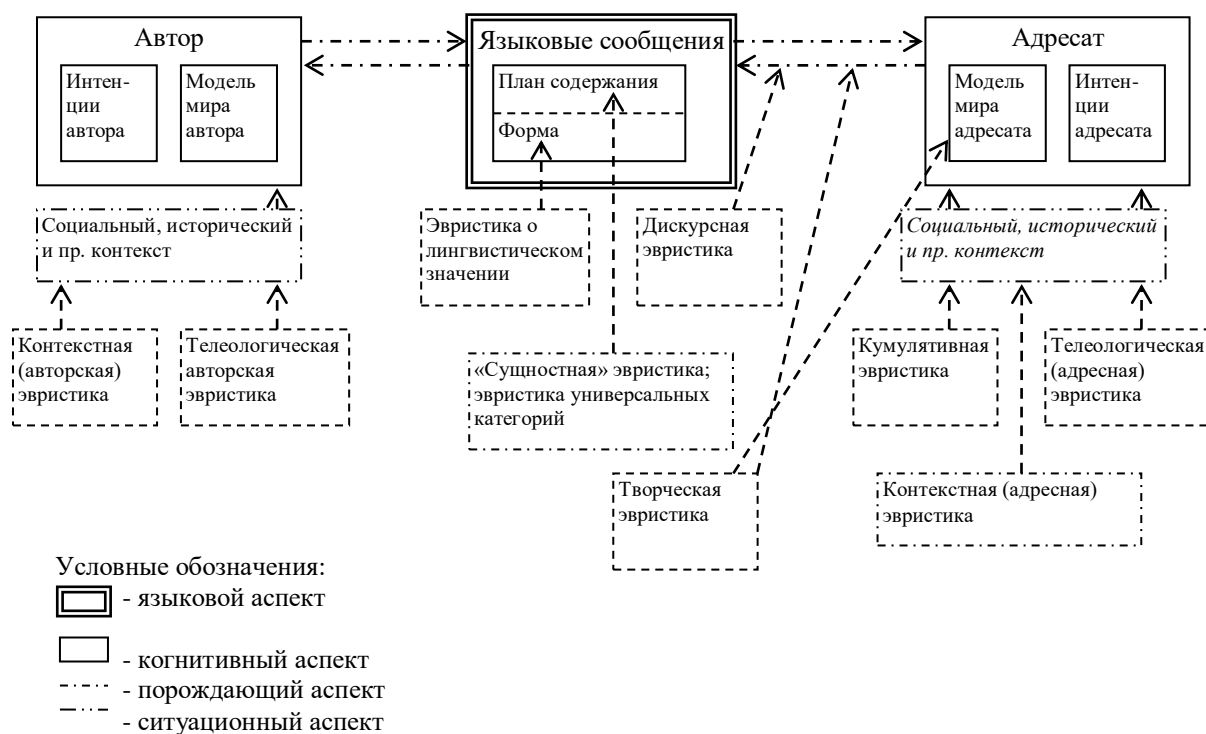

Рис.1 Герменевтическая модель общения (в когнитивных терминах) и «топография» эвристик понимания

множество исходных (элементарных) универсальных категорий действительно универсально и с его помощью могут быть описаны естественный язык, концептуальный аппарат научных дисциплин, религиозные тексты и т. д. [Декарт 1914; Leibniz 1959] ¹⁸⁾.

Лингвистические эвристики герменевтики широко привлекались на разных этапах построения интеллектуальных систем, работающих с естественным языком. Так, эвристики универсальных категорий в том или ином виде эксплуатировались в большинстве автоматизированных систем анализа текста (ср. модель «Смысл О Текст» и ее варианты [Мельчук 1974; Апресян, Богуславский, Йомдин и др. 1978]; теорию концептуальных зависимостей Р. Шенка [Шенк 1980; Шенк, Лебовиц, Бирнбаум 1983]). Интересное понимание эвристик о сущности и универсальных семантических единицах реализовано в работе Ленерт, Олкера и Шнайдера, посвященной установлению базовых сюжетных «молекул» библейских текстов для целей компьютерного моделирования сюжета текста [Alker, Lehnert, Schneider 1985].

Эвристика о лингвистическом значении сама по себе слишком узка для систем ИИ. По этой причине она получила распространение прежде всего в системах машинного перевода и в некоторых ранних экспериментальных моделях языка. В целом можно утверждать, что взятый изолированно лингвистический аспект герменевтики не дает возможности строить адекватные интеллектуальные системы даже на ограниченной предметной области, поскольку собственно лингвистической информации недостаточно для моделирования понимания и тем более для моделирования мышления человека в целом. Кроме того, выделение универсальных категорий и разделение лингвистического и экстралингвистического знания сталкивается с серьезными сложностями. Тем не менее, в той или иной мере учет эвристик о языковом аспекте естественной языковой коммуникации неизбежен, хотя и очевидно недостаточен.

Когнитивный АСПЕКТ. Когнитивные установки в понимании связывают процедуры анализа с когнитивными системами либо автора текста, либо адресата. В первом случае речь идет о *телеологической авторской эвристике*, характерологической для философской и филологической герменевтики [Ast 1808; Schleiermacher 1974]. Согласно этой установке, интерпретация значения текста и вхождение в герменевтический круг зависит от того, в какой степени читатель проник в замысел автора, в мир его представлений, целей и желаний. Чаще всего эта исследовательская установка использовалась для канонизации того или иного способа прочтения текста; именно на ней основывается традиционная интерпретация библейских сюжетов. Однако в эпоху Реформации авторскую эвистику заменила другая — *телеологическая адресатная эвристика*, узаконившая зависимость понимания

¹⁸⁾ Критику этого направления см. в [Степанов 1985; Fodor, Fodor, Garrett 1975; Fodor, Garrett, Walker, Parkes 1980].

текста от целей и намерений читателя. По мнению Лютера, она в большей степени отражала интересы верующих и, следовательно, была более близка к истине. Адресатная эвристика, будучи противоположна авторской по направленности, сходна с ней по основанию — по ориентации на когнитивные механизмы мышления.

В самом явном виде телеологическая адресатная эвристика воплощена в концепции «интереса» Р.

Шенка [Шенк 1980]. Согласно гипотезе Шенка, понимание прямо зависит от конкретных коммуникативных целей читателя/слушателя. В подавляющем большинстве ситуаций адресат извлекает из текста только отдельные фрагменты, содержащие те или иные ключевые слова, связанные с активизированными в сознании адресата структурами знаний. Аналогичным образом строятся и компьютерные программы, понимающие текст на естественном языке.

Телеологическая авторская исследовательская установка в рамках ИИ находит отражение в концепции модели мира. Особенности строения модели мира определяют особенности понимания текста. Модель мира в системе понимания текста включает как составную часть рефлексии модели мира автора текста.

СИТУАЦИОННЫЙ АСПЕКТ. Ситуационные факторы оказывают влияние на процесс понимания с самых различных сторон. Герменевтическая традиция сосредоточивает внимание на исторических, социальных, культурных и др. условиях создания текста — *контекстная авторская эвристика*, а также на аналогичных условиях его интерпретации/понимания — *контекстная адресатная эвристика* [Гадамер 1989; Ast 1808; Schleiermacher 1974]. Историческая обусловленность понимания продуктов речевой деятельности — сакральных текстов, литературных произведений — отмечалась и в других научных парадигмах. Так, в русской формальной школе значимость литературного факта ставилась в зависимость от исторической эпохи [Шкловский 1929]. Тезис о ситуационной привязке понимания представлен в герменевтической традиции еще и познавательной *установкой кумулятивного знания*, согласно которой интерпретация данного текста должна опираться на результаты анализа аналогичных, близких по теме или идентичных по автору текстов — ср. представление о способах достижения «нового горизонта понимания» у Ю. Хабермаса [Habermas 1978].

Эвристики ситуационного аспекта оказались весьма продуктивными в сфере компьютерного моделирования мышления. Контекстные эвристики (в тех или иных версиях) послужили основой разработки теории «лексико-интерпретирующей семантики», направленной на моделирование особенностей использования лексемы данным носителем языка, в данном тексте, в данном социуме, на данном этапе развития общества, в данных исторических условиях. В качестве канонической формы языкового выражения, над которой производятся преобразования, выступает не структура семантических примитивов, а множество семантических репрезентаций языковых выражений с фиксированной синтаксической структурой, для которых указаны классы семантических эквивалентов в рамках данного текста (*meaning congruence class*) с приписанными им коммуникативными целями. Эта теория была реализована при создании системы RELATUS [Duffy, Mallery 1989].

Порождающий АСПЕКТ. Механизмы порождения столь же существенны для функционирования языка, как и механизмы анализа, однако в рамках герменевтической идеологии для интерпретирующего субъекта метафора порождения, вообще говоря, должна уступать по значимости метафоре интерпретации. Между тем сопоставление процедур анализа и синтеза показывает, что они образуют две стороны одного и того же процесса интеллектуальной деятельности человека, что находит отражение в смешанных методиках «анализа через синтез». Подобно тому как диалог в некоторых теориях считается первичным по отношению к монологу [Якубинский 1988], *дискурсная эвристика* рассматривает понимание текста как процесс коммуникативного речевого взаимодействия между адресатом и смыслом текста — понимание текста возникает по мере того, как интерпретатор получает ответы на свои вопросы в процессе чтения [Гадамер 1989]. Идее порождения соответствует также *эвристика понимания как т вор чес т в а*, расширяющая возможные рамки интерпретации текста до весьма широких пределов, ограничиваемых лишь интеллектуальными возможностями интерпретатора [Ricoeur 1981]. Очевидно, что эвристика понимания как творчества хорошо сочетается с телеологической адресатной эвристикой.

Порождающие эвристики в компьютерном моделировании понимания довольно редки, и пока их использование по большей части носит рекламный характер (ср. машинные «творческие программы»), однако в некоторых системах удается передать очень характерные особенности естественного языкового дискурса [Hinton 1986; Lenat 1983; Weizenbaum 1975].

ВНЕТЕКСТОВЫЕ ЭВРИСТИКИ. Кроме эвристик, в той или иной мере соответствующих этапам понимания и указывающих необходимые составляющие интерпретации естественного языкового текста, в герменевтике представлен также ряд установок, позволяющих зафиксировать сам факт того, что понимание имело место. Так, понимание в некоторых случаях требует от адресата совершения определенных действий. В *эвристике действий* отмечается, что наличие действий или хотя бы их плана свидетельствует, что понимание имело место [Гадамер 1989]. Понимание составляет необходимое условие способности объяснить и оценить что-либо, это фиксируется в эвристиках объяснения и оценки [Apel 1979; 1980]¹⁹⁾. Эта группа эвристик соответствует концепции создания экспертных систем — интеллектуальных программ, предусматривающих

¹⁹⁾ Ср. в этой связи мнение М. Бахтина: «Нельзя разделить понимание и оценку: они одновременны и составляют целостный и единый акт» [Бахтин 1983, с. 346].

объяснение, оценку и — в ряде случаев — составление плана для решения проблемной ситуации [Элти, Кумбс 1987].

Важно иметь в виду, что во многих случаях использование обсуждаемых эвристик в работах по искусственному интеллекту не связывается с герменевтической традицией. Однако сам факт привлечения

коммуникативно-ориентированных эвристик понимания очень значим: формируется вполне определенная тенденция построения интеллектуальных программ на основе поиска реальных закономерностей устройства человеческого мышления. Наиболее последовательно это направление исследований реализуется в «вычислительной герменевтике», представители которой эксплицитно ссылаются на источник их теоретических представлений о процессах понимания [Mallery, Hurwitz, Duffy 1987]. Герменевтические эвристики лежат в основе структуры уже упоминавшейся модели понимания текста — системы RELATUS [Duffy, Mallery 1986].

За эвристиками, обеспечивающими вхождение в герменевтический круг, лежит множество плохо исследованных механизмов мышления. Не вполне понятно даже, доступны ли они рациональному анализу. Осознание существования этой почти мифической сферы, часто именуемой термином «предзнание» (Vorverstandniss), заставило одного из патриархов современного искусственного интеллекта — Т. Винограда — отказаться от им же созданной идеологии разработки интеллектуальных программ, основанной на атомистических представлениях, признать невозможность на настоящий момент моделирования мышления в полном объеме и предложить новую стратегию компьютерного моделирования. Ее цель — облегчить естественную языковую коммуникацию, предохранив ее от сбоев и ошибок. Реализация этой стратегии предполагает разработку систем-координаторов человеческого общения, основанных на теоретических представлениях теории речевых актов. Функции систем такого рода заключаются в экспликации условий успешности речевых актов и, соответственно, в установлении ограничений на класс возможных речевых реакций [Виноград 1985; Winograd, Flores 1986]. Широкое использование систем-координаторов существенно облегчает понимание языковых сообщений, помогая определить возможные границы их интерпретации.

Направления влияния филологического знания на сферу ИИ столь многообразны, что они вряд ли поддаются простому перечислению. Тем не менее как возможности влияния прикладной лингвистики, так и перспективы использования результатов филологических изысканий в приложениях языкознания и связанных с ними научных дисциплинах далеко не исчерпаны. Весьма вероятно, что ближайшее будущее даст нам новые впечатляющие доказательства плодотворности взаимодействия теории и практики.

Основная литература

1. Виноград Т. Работа с естественными языками // Современный компьютер. М., 1985. С. 90-107
2. Шенк Р., Лебовиц М., Бирнбаум Л. Интегральная понимающая система // Новое в зарубежной лингвистике. Прикладная лингвистика. М. 1983 Вып. 12. С. 401-449.
3. Шрейдер Ю. А. Сложные системы и космологические принципы // Системные исследования, 1975. М., 1976. С. 149-177.

Дополнительная литература

1. Герменевтика: История и современность. М, 1985.
2. Гусев С. С, Тульчинский Г.Л. Проблема понимания в философии. М., 1985.

Актуальные проблемы прикладной лингвистики

Современная прикладная лингвистика столь же многообразна, как и области практической деятельности человека. Выявление отчетливых тенденций в этой колоссальной сфере — задача неблагодарная, да и вряд ли технически осуществимая. Тем не менее некоторые оценки напрашиваются сами собой, если выбрать правильный угол рассмотрения прикладной проблематики. Здесь выделяются три аспекта видения проблемы:

- появление новых областей приложения знаний о языке;
- освоение лингвистами как новой, так и уже имеющейся «территории»

прикладной лингвистики;

- российская и мировая прикладная лингвистика.

Если выбирать ключевые слова, характеризующие новейшие области практической жизни человечества, то это, конечно, будут термины «компьютерные технологии», «коммуникация», «общество». Пример объединения этих концептов — Интернет, ставший зримым проявлением новой информационной среды XXI века. Гипертекстовые технологии, непосредственно связанные с эксплуатацией и развитием Интернета, претендуют на то, чтобы стать важнейшей сферой деятельности лингвистов. К сожалению, степень освоения гипертекста лингвистами-практиками невелика; гипертекст далеко не всегда воспринимается как естественное продолжение деятельности лингвистов по изучению принципов организации и понимания обычного текста. Между тем успешная разработка программ-оболочек гипертекста, организация удобного, эргономичного интерфейса с пользователем невозможна без привлечения фундаментальных знаний о языковой системе.

С компьютерными технологиями связана и другая бурно развивающаяся проблематика, имеющая

существенный лингвистический потенциал — компьютерный дизайн текста и его компонентов, в том числе шрифта. Имеющееся программное обеспечение позволяет выводить на монитор компьютера всю полосу печатного текста книги, журнала, газеты, рекламного буклета и компоновать текст и изобразительные элементы оригинал-макета в единое целое. В этом случае текст выступает как элемент изображения, а изображение как часть текста. Чисто практические принципы построения оригинал-макета издания должны поддерживаться исследованиями в области лингвистики и семиотики, выявляющими законы сочетания содержания текста, изображения, семантики гарнитуры (шрифта) и способов выделения компонентов текста (курсив, разрядка, отступ и т.д.). Имеющийся в лингвистике и семиотике — например, теория «защит» Реформатского — пока практически не востребован.

Особо следует сказать о российской прикладной лингвистике. Для российских лингвистов совсем недавно открылись те области приложения знаний о языке, которые вполне традиционны для западного лингвистического сообщества. В России появился осязаемый спрос на лингвистов, работающих в области рекламы и в сфере публичной политики. Эти два направления объединились в деятельности пиаровских (от англ. Public Relations) агентств различного рода, предоставляющих услуги по продвижению на «политическом рынке» как отдельных политиков, так и политических партий и движений. Здесь имеется в виду организация предвыборных компаний, связи с общественностью, мониторинг состояния общественного сознания и пр. Перспективы развития в России лингвистических приложений в рекламе и практической политике весьма значительны. Эффект, как всегда, двойной: возникает перспектива использования в практической области знаний о языке и затем корректировать имеющиеся теоретические представления. Возможность уникальная. Могли ли российские лингвисты мечтать о компьютерном мониторинге политического дискурса на достаточно длительном отрезке времени (от нескольких месяцев до нескольких лет) с привлечением текстового материала в несколько сотен мегабайт? Сейчас это уже технологическая реальность, обеспеченная исключительно нуждами практики.

Разумеется, появляющиеся новые области никак не отменяют уже существующие. Продолжается повышение интереса к системам машинного перевода, не стоит на месте современная лексикография, привлекающая компьютерные способы обработки и хранения языковых данных. Создаются автоматические словари для различных типов пользователей. Активные исследования в практической социологии стимулируют развитие социолингвистики. Основания для оптимизма есть. Остается только надеяться, что лингвистам хватит научной смелости и сил для освоения новых «целинных земель» прикладной лингвистики.

Список сокращений

АП	автоматический перевод
АС	автоматический словарь
АСКП	автоматические словари конечного пользователя-человека
АСПОТ	автоматические словари для программ обработки текста
БАС	[Большой Академический Словарь] Словарь современного русского литературного языка: В 17 т.
БД	база данных
ВИД	[языковые механизмы] вариативной интерпретации действительности
ВЦП	Всесоюзный (ныне – Всероссийский) центр переводов
ЕЯ	естественный язык
ИИ	искусственный интеллект
ИПС	информационно-поисковая система
ИПЯ	информационно-поисковый язык
К-переменная	концептуальная переменная
КВ	критерий выдачи
МАС	[Малый Академический Словарь] Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П.Евгеньевой
МП	машинный перевод
НЛП	нейро-лингвистическое программирование
ПОД	поисковый образ документа
ПОЗ	поисковый образ запроса
ПП	поисковое предписание
РС	репрезентативная система
СМП	система машинного перевода
СУБД	система управления базами данных
ТБД	терминологический банк данных
ТКС	толково-комбинаторный словарь
УДК	универсальная десятичная классификация

Литература

- Абельсон Р. Структуры убеждений // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 317-380.
- Аверина С. А., Азарова И. В., Алексеева Е. Л. и др. Прикладное языкознание. СПб., 1996.
- Аверинцев С. С. Классическая греческая философия как явление историко-литературного рода // Новое в современной классической филологии. М., 1979.
- Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л., 1975.
- Алпатов В. М. 150 языков и политика: 1917-1997. М., 1996.
- Андрющенко В. М. Концепция и архитектура машинного фонда русского языка. М., 1987.
- Античные риторики. М., 1978.
- Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966.
- Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М., 1974.
- Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Изд-е 2-е, испр. и доп. М., 1995 а.
- Апресян Ю. Д. Новый объяснительный словарь синонимов: концепция и типы информации // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект. М., 1995б.
- Апресян Ю. Д. и др. Лингвистическое обеспечение системы ЭТАП-2. М., 1988. *Апресян и др.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект. М., 1995.
- Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Йомдин Л. Л. и др. Лингвистическое обеспечение в системе машинного перевода третьего поколения. М., 1978.
- Бакулов А. Д., Леонтьева Н. Н. Теоретические аспекты машинного перевода // Искусственный интеллект. Справочник. Кн. 1. Системы общения и экспертные системы. М., 1990.
- Бакулов А. Д., Леонтьева Н. И., Шалапина З. М. Отечественные системы машинного перевода // Искусственный интеллект. Справочник. Кн. 1. Системы общения и экспертные системы. М., 1990.
- Баранов А. Н. 'Предположение' vs. 'факт': *неужели vs. разве* // *Zeitschrift für Slavistik*. 1986. № 1.
- Баранов А. Н. Категории искусственного интеллекта в лингвистической семантике. Фреймы и сценарии. М., 1987.
- Баранов А. Н. Что нас убеждает? (Речевое воздействие и общественное сознание). М., 1990.
- Баранов А. Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991.
- Баранов А. Н. Служебные слова как объект исследования авторской лексикографии (*по крайней мере vs. по меньшей мере* в художественных текстах Достоевского) // Слово Достоевского. М., 1996.
- Баранов А. Н. Автоматизация лингвистических исследований: корпус текстов как лингвистическая проблема // Русистика сегодня. 1998 а. № 1-2. С. 179-191.
- Баранов А. Н. Внутренняя форма как фактор организации дискурсивных слов // Труды Международного семинара Диалог'98 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Казань, 1998б. С. 150-158.
- Баранов А. И. Речевое воздействие и аргументация // Рекламный текст. Семиотика и лингвистика. М., 2000. С. 109-163.
- Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Структуры знаний и их языковая онтологизация в значении идиомы // Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 903. Тарту, 1990.
- Баранов А. П., Добровольский Д. О. К проблеме построения тезауруса русских идиом // Известия АН СССР. Сер. литерат. и языка. 1992. Т. 51. № 5.
- Баранов А. К., Добровольский Д. О. Современная русская идиоматика (проект словаря) // Русистика сегодня. 1995. № 4.
- Баранов А. К., Добровольский Д. О. Идиоматичность и идиомы // Вопросы языкознания. 1996. № 5.
- Баранов В. Н., Добровольский Д. О. Постулаты когнитивной семантики // Известия АН. Сер. литературы и языка. 1997. Т. 56. № 1.
- Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Немецкая корпусная лингвистика // Вестник МГУ. Сер. Иностранные языки. 1998 а. № 1.
- Баранов А. И., Добровольский Д. О. Внутренняя форма идиом и проблема толкования // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 1998б. № 1.
- Баранов А. Н., Добровольский Д. О., Михайлов М. Н. Интерпретации «национальной идеи» в политическом дискурсе // Россия в поисках идеи. Анализ прессы. М., 1997 а.
- Баранов А. Н., Добровольский Д. О., Михайлов М. Н. Идеология как феномен общественного сознания (лингвостатистический анализ) // Россия в поисках идеи. Анализ прессы. М., 1997 б.
- Баранов А. К., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. Советский политический язык. М., 1991.
- Баранов А. Н., Кобозева И. М. Метаязыковые средства описания семантики предложения: опыт типологии // Лингвистическое обеспечение информационных систем. М., 1987.
- Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Языковое взаимодействие в диалоге и понятие иллюкутивного вынуждения // Вопросы языкознания. 1992 а. №2.
- Баранов А. К., Крейдлин Г. Е. Структура диалогического текста: лексические показатели минимальных диалогов // Вопросы языкознания. 1992 б. № 3.
- Баранов А. Н., Михайлов М. П., Сидоров Г. О. «Динамический корпус текстов» как новая технология прикладной лингвистики // Труды международного семинара Диалог'98 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 2. Казань, 1998.
- Баранов А. В., Паршин П. Б. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой коммуникации. М., 1986.
- Баранов А. #., Паршин П. Б. Варианты и инварианты текстовых макроструктур. (к формированию когнитивной теории

- текста) // Проблемы языковой вариативности. М., 1990 а.
- Баранов А. Н., Паришин П. Б. Процедурный подход в лингвистической семантике // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1990б. Т. 49. № 1.
- Баранов А. Н., Паришин П. Б. К построению словаря терминов когнитивной науки // Когнитивные исследования за рубежом. М., 1990 в.
- Баранов А.Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.
- Баранов А. Н., Сергеев В. М. Искусственный интеллект и традиционные метода анализа текста // Когнитивные исследования за рубежом. Методы искусственного интеллекта в моделировании политического мышления. М., 1990.
- Бархударов Л. С. Язык и перевод. М., 1975.
- Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.
- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1983.
- Белл Р. Социолингвистика. Цели, методы и проблемы. М., 1980.
- Беляева Л. Н., Герд А. С., Убин И. И. Автоматизация в лексикографии // Прикладная лингвистика. СПб., 1996.
- Беляева Л. Н., Откупщикова М. И. Автоматический (машинный) перевод // Прикладное языкознание. СПб., 1996.
- Бернштейн С. И. Языковая сторона радиолекции // Речевое воздействие: проблемы прикладной психолингвистики. М., 1972.
- Бикман Дж., Келлоу Дж. Не искажая слова божия... Принципы перевода и семантического анализа Библии. СПб., 1994.
- Боллинджер Д. Истина — проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
- Быков В. Русская фея. М., 1994.
- Бэйли Р. НЛП консультирование. М., 2000.
- Бэкон Фр. Новый Органон // Бэкон Фр. Сочинения: В 2-х т. Т. 2. М., 1977.
- Бэндлер Р., Гриндер Д. Рефрейминг: ориентация личности с помощью речевых стратегий. Воронеж, 1995.
- Бэндлер Р., Гриндер Д. Структура магии. СПб., 1996.
- Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 44-87.
- Варса Д. Методика подготовки информационных тезаурусов // Сборник переводов по вопросам информационной теории и практики. № 17. М., 1970. Величковский Б.М. Современная когнитивная психология. М., 1980. Винер Р. Кибернетика, или управление, и связь в животном и машине. М., 1983.
- Виноград Т. Работа с естественными языками // Современный компьютер. М., 1985.
- Виноградов В. В. Лингвистические основы научной критики текста // Вопросы языкознания. 1958. №2, 3.
- Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. Виноградов В. С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. М., 1978. Вишнякова О. В. Словарь паронимов русского языка. М., 1981. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1980. Войсунский А. Е. Моделирование мышления // Речевое общение: проблемы и перспективы. М., 1983.
- Выготский Л. С. Мышление и речь // Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М., 1982.
- Гааза-Рапопорт М. Г., Поспелов Д. А., Семенова Е. Т. Порождение структур волшебных сказок. М., 1980.
- Гааза-Рапопорт М. Г., Поспелов Д. А., Семенова Е. Т. Имитация сказочного мира // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 688. Принципиальные вопросы теории знаний. Тарту, 1984.
- Гадамер Г. Г. Истина и метод. М., 1989.
- Гез Н. И. и др. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. М., 1982.
- Герд А. С. Предмет и основные направления прикладной лингвистики // Прикладное языкознание. СПб., 1996.
- Герд А. С. Научно-техническая лексикография // Прикладное языкознание. СПб., 1996.
- Герменевтика: История и современность. М., 1985.
- Горбачевич К. С., Хабло Е. П. Словарь эпитетов русского литературного языка. Л., 1979.
- Гордон Д. Терапевтические метафоры. СПб., 1995.
- Городецкий Б. Ю. Актуальные проблемы прикладной лингвистики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. М., 1983.
- Городецкий Б. Ю. Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIV. Компьютерная лингвистика. М., 1989.
- Гринбаум О. Н. Компьютерные аспекты стилистики // Прикладное языкознание. СПб., 1996.
- Громова О. А. Аудио-визуальный метод и практика его применения. М., 1977.
- Гусев С. С., Тульчинский Г.Л. Проблема понимания в философии. М., 1985.
- Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- Дейт К. Введение в системы баз данных. М., 1980.
- Декарт. Письмо к аббату Мерсенну // Декарт. Сочинения. Казань, 1914. Т. 1.
- Джонсон-Лэрд Ф. Процедурная семантика и психология значения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М., 1988. С. 234-257.
- Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М., 1998.
- Добровольский Д. О. Образная составляющая в семантике идиом // Вопросы языкознания. 1996. № 1.
- Добровольский Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии (I) // Вопросы языкознания. 1997. № 6.
- Домашнее А. И. и др. Методика преподавания немецкого языка в педагогическом вузе. М., 1983.
- Дорошевский В. О задачах и проблемах перевода // Исследование по славянской филологии. М., 1974.
- Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины. Критика искусственного разума. М., 1978.
- Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960.
- Жолковский А. К., Мельчук И. А. О семантическом синтезе // Вопросы кибернетики. Вып. 19. М., 1967.
- Звегинцев В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968.
- Звегинцев В. А. Мысли о лингвистике. М. 1996.

- Зиндер Л. Р. Введение в теорию письма // Прикладное языкознание. СПб., 1996.
- Зубкова Т.И. Психоллингвистика // Прикладное языкознание. СПб., 1996.
- Иванова В. Ф. Орфография // Прикладное языкознание. СПб., 1996.
- Информатика / Под ред. К.В.Тараканова. М., 1986.
- Исаев И. А. Опыт автоматизации лексикографических исследований. Система DIALEX // Слово Достоевского. М., 1996.
- Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976.
- Караулов Ю. И. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981.
- Квятковский А. П. Поэтический словарь. М., 1966.
- Кибрик А. Е. Методика полевых исследований (к постановке проблемы). М., 1972.
- Кибрик А. Е. Лингвистические постулаты // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 621. Механизмы вывода и обработки знаний в системах понимания текста. Труды по искусственному интеллекту. Тарту, 1983.
- Кибрик А. Е. Прикладная лингвистика // Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
- Клемперер В. LTI. Язык третьего рейха. Записная книжка филолога. М., 1998.
- Кобозева И. М., Лауфер Н. И., Сабурова И. Г. Моделирование общения в человеко-машинных системах // Лингвистическое обеспечение информационных систем. М., 1987.
- Кодзасов С. В. Голос в телевизионной рекламе // Рекламный текст. Семиотика и лингвистика. М., 2000. С. 214-221. Комиссаров В. Н. Слово о переводе. М., 1973.
- Комиссаров В. Н. Теоретические основы методики обучения переводу. М., 1997. Костера П. Обучение иностранному языку в языковой лаборатории. М., 1986. Крючкова Т. Б. К вопросу о многозначности «идеологически связанной» лексики //
- Вопросы языкознания. 1982. № 1.
- Кэмерон-Бэндлер Л. С тех пор они жили счастливо. Воронеж, 1996. Кулагина О. С. Исследования по машинному переводу. М., 1979.
- Лакофф Дж. Когнитивное моделирование // Язык и интеллект. М., 1996. С. 143-184.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
- Левин Ю. И. О семиотике искажения истины // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. М., 1974. Вып. 4.
- Лейчик В. М. Прикладное терминоведение и его направления // Прикладное языкознание. СПб., 1996.
- Лейчик В.М., Шелов С. Д. Лингвистические проблемы терминологии и научно-технический перевод. Ч. 1-2. М., 1989-1990.
- Ленат Д. Б. Искусственный интеллект // Современный компьютер. М., 1986.
- Леннгрен Л., Ферм Л. Уппсальский машинный фонд русского языка // Труды машинного фонда русского языка. Т. 1. М., 1991.
- Леонтьев А. А. Основы теории речевой деятельности. М., 1974.
- Леонтьева Н. Н., Шалапина З. М. Современное состояние машинного перевода // Искусственный интеллект. Справочник. Кн. 1. Системы общения и экспертные системы. М., 1990.
- Лободанов А. П. История ранней итальянской лексикографии. М., 1998.
- Локк Дж. Опыт о человеческом разуме // Локк Дж. Избранные философские произведения: В 2 т. Т. 1. М., 1960.
- Лотман Ю.М., Толстой Н.И., Успенский Б. А. Некоторые вопросы текстологии и публикации русских литературных памятников XVIII века // Известия АН СССР. Сер. литерат. и языка. 1981. Т. 40. №4.
- Макдональд В. Руководство по субмодальностям. Воронеж, 1994.
- Макьюин К. Дискурсивные стратегии для синтеза текста на естественном языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIV. Компьютерная лингвистика. М., 1989.
- Мангейм Д. Б., Рич Р. К. Политология. Методы исследования. М., 1999. С. 269—291.
- Мартин Дж. Организация баз данных в вычислительных системах. М., 1980.
- Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960.
- Марусенко М. В. Атрибуция анонимных и псевдонимных литературных произведений методами теории распознавания образов. Л., 1990.
- Марусенко М. В. Атрибуция анонимных и псевдонимных литературных текстов методами прикладной лингвистики // Прикладная лингвистика. СПб., 1996.
- Марчук Ю. Н. Проблемы машинного перевода. М., 1983.
- Миньяр-Белоручев Р. К. Общая теория перевода и устный перевод. М., 1980.
- Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл -О Текст». М., 1974.
- Мошковиц Ж. Г. Автоматическая лексическая система Унилекс-2. М., 1989.
- Минский М. Структура для представления знаний // Психология машинного зрения. М., 1978.
- Михайлов М. Н. Компьютерное обеспечение корпуса текстов (взгляд пользователя) // Русистика сегодня. 1998. № 1-2. С. 192-201.
- Москович В. А. Информационные языки. М., 1971.
- Найда Ю.А. К науке переводить. М., 1978.
- Норман Д. Семантические сети // Психология памяти. М., 1998. С. 350-370.
- Никитина С. Е. Семантический анализ языка науки: На материале лингвистики. М., 1987.
- Олкер Х. Р. Волшебные сказки, трагедии и способы изложение мировой истории // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
- Основные направления в методике преподавания иностранных языков в XIX-XX вв. / Под ред. М. В. Рахманова. М., 1972.
- Павлович Н. В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М., 1995.
- Падучева Е. В. Презумпции и другие виды неэксплицитной информации в тексте // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1981. № 11.
- Падучева Е. В. Феномен Анны Вежбицкой // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.

- Палмер Г. Устный метод обучения иностранным языкам. М., 1960.
- Панков И. П., Захаров В. П. Информационно-поисковые системы // Прикладное языкознание. СПб., 1996. С. 347-349.
- Паришин П. Б. Идиополитический дискурс // Труды международного семинара Диалог'96 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 1996.
- Петроний Арбитр. Сатирик / Пер. под ред. Б. И. Ярхо. М., 1990. [Репринтное воспроизведение издания 1924 г.]
- Пешиё М. Контент-анализ и теория дискурса // Квадратура смысла. М., 1999. С. 302-336.
- Пиотровский Р. Г., Бектаев К. Б., Пиотровская А. А. Математическая лингвистика. СПб., 1977.
- Поликарпов А. А. Циклические процессы в становлении лексической системы языка: моделирование и эксперимент. Автореф. докторской диссертации. М., 1998.
- Попов Э. В. Общение с ЭВМ на естественном языке. М., 1982.
- Попов Э. В., Преображенский А. Б. Особенности реализации ЕЯ-систем // Искусственный интеллект. Кн. 1. Системы общения и экспертные системы. М., 1990.
- Поспелов Д. А. Ситуационное управление. Теория и практика. М., 1986.
- Преображенский А. Б. Состояние развития современных ЕЯ-систем // Искусственный интеллект. Кн. 1. Системы общения и экспертные системы. М., 1990.
- Пропп В. Морфология сказки. Л., 1928.
- Пропп В. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
- Протченко И. Ф. Словари русского языка. М., 1996.
- Райхштейн А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М., 1980.
- Ревзин И. И. Современная структурная лингвистика. Проблемы и методы. М., 1977.
- Ревзин И. П., Розенцвейг В. Ю. Основы общего и машинного перевода. М., 1964.
- Реформатский А. А. Техническая редакция книги. М., 1933 [Отдельные главы из этой книги перепечатаны в: Реформатский А. А. Лингвистика и поэтика. М., 1987].
- Реформатский А. А. Что такое термин и терминология // Вопросы терминологии. М., 1961.
- Реформатский А. А. Основные положения МФШ // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
- Реформатский А. А. Перевод или транскрипция? // Восточно-славянская ономастика. М., 1972.
- Рецкер Я. И. Теория перевода. М., 1974.
- Садур В. Г. Речевое общение с электронно-вычислительными машинами и проблемы их развития // Речевое общение: проблемы и перспективы. М., 1983.
- Севбо И. П. Графическое представление синтаксических структур и стилистическая диагностика. Киев, 1981.
- Сергеев В. М. Типы концептуального осмысления политического развития // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Труды по искусственному интеллекту. Вып. 751. Модели диалога в системах искусственного интеллекта. Тарту, 1987.
- Серцо П. Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинаций // Квадратура смысла. М., 1999. С. 337-383.
- Скляревская Г. П. Новый академический словарь: Проспект. СПб., 1994.
- Слама-Казаку Т. Место прикладной лингвистики в системе наук: отношение прикладной лингвистики к «лингвистике» // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. М., 1983.
- Слобин Д., Грин Дж. Психоллингвистика. М., 1976.
- Слокум Дж. Обзор разработок по машинному переводу: история вопроса, современное состояние и перспективы развития // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIV. Компьютерная лингвистика. М., 1989.
- Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. М., 1985.
- Субботин М. М. Гипертекст. Новая форма письменной коммуникации // ВИНТИ. Сер. Информатика. Т. 18. М., 1994.
- Сэлтон Г. Автоматическая обработка, хранение и поиск информации. М., 1973.
- Трансформация личности / анализ и комментарий О. Ксендзюка. Одесса, 1995.
- Тьюринг А. Может ли машина мыслить? М., 1960.
- Уинстон П. Искусственный интеллект. М., 1980.
- Ульдалль Х. И. Основы глоссематики // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960.
- Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 1. М., 1960а.
- Уорф Б. Наука и языкознание // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 1. М., 1960б.
- Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI-XIX вв.). М., 1994.
- Федоров А. В. Введение в теорию перевода. М., 1958.
- Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М., 1968.
- Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М., 1981.
- Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. М., 1983. С. 74-122.
- Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М., 1988.
- Фрэнсис У. Н. Проблемы формирования и машинного представления большого корпуса текстов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии. М., 1983. С. 334—353.
- Хант Э. Искусственный интеллект. М., 1978.
- Хейли Д. Необычайная психотерапия. СПб., 1995.
- Херадштейн Д., Нарвесен У. Психологические ограничения на принятие решения // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
- Цимбурский В. Л. Макроструктура повествования и механизмы его социального воздействия // Когнитивные исследования за рубежом. Методы искусственного интеллекта в моделировании политического мышления. М., 1990.
- Чейф У. Л. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. М., 1982.
- Шайкевич А. Я. Дистрибутивно-статистический анализ в семантике // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.

- Шайкевич А. Я. Количественные методы // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Шайкевич А. Я. Конкорданс к прозаическому тексту (К выходу в свет конкорданса к «Преступлению и наказанию») // Русистика сегодня. 1995. №2.
- Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М., 1973.
- Швейцер А. Д. Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы. М., 1976.
- Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику. М., 1978.
- Шейлз Д. Коммуникативность в обучении современным языкам // Совет по Культурному Сотрудничеству. Проект № 12 «Изучение и преподавание современных языков для целей общения». Совет Европы Пресс, 1995.
- Шенк Р. Обработка концептуальной информации. М., 1980.
- Шенк Р., Лебовиц М., Бирнбаум Л. Интегральная понимающая система // Новое в зарубежной лингвистике. Прикладная лингвистика. М., 1983. Вып. 12.
- Щерба Л. В. Литературный язык и пути его развития. М., 1942.
- Щерба Л. В. Опыты лингвистического толкования стихотворений. II. «Сосна» Лермонтова в сравнении с ее немецким прототипом // Щерба Л. В. Избранные труды по русскому языку. М., 1957. С. 98—99.
- Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М., 1974.
- Шкловский В. Б. Теория прозы. М., 1929.
- Шрейдер Ю. А. Сложные системы и космологические принципы // Системные исследования. 1975. М., 1976.
- Элти Дж., Кумбс М. Экспертные системы: концепции и примеры. М., 1987.
- Эткинд Е. Г. Поэзия и перевод. М.— Л., 1963.
- Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». М., 1975.
- Якобсон Р. Лингвистика в ее отношении к другим наукам // Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985 а.
- Якобсон Р. Лингвистические типы афазии // Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985б.
- Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985 в.
- Якобсон Р. К общему учению о падеже. Общее значение русского падежа // Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985 г.
- Якубинский Л. П. О диалогической речи // Якубинский Л. П. Избранные работы. Язык и его функционирование. М., 1988.
- Ярхо Б. И. Предисловие // Петроний Арбитр. Сатирик / Пер. под ред. Б. И. Ярхо. М., 1990. [Репринтное воспроизведение издания 1924 г.]

Словарные издания

- Апресян Ю. Д. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. М., 1997.
- Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1968 (5-е изд.). Американа. Англо-русский страноведческий словарь / Под ред. Г. В. Чернова. М., 1996. Англо-русский и русско-английский словарь географических названий. М., 1994 (2-е изд.). Англо-русский словарь американского сленга / Под ред. Е. И. Тузовского. М., 1993. Англо-русский словарь глагольных словосочетаний / Под ред. Э. М. Медниковой. М., 1990 (2-е изд.).
- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969. Ахманова О. С. Словарь омонимов русского языка. М., 1974. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Немецко-русский и русско-немецкий словарь лингвистических терминов (с английскими эквивалентами). Т. 1, 2. М., 1993. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Словарь современной русской идиоматики. Т. 1.
- Тезаурус. М., 2000 (рукопись). Баранов А. Н., Добровольский Д. О., Михайлов М. Н., Паршин П. Б., Романова О. И. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. Т. 1. М., 1996. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991.
- Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. М., 1994. Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1993 (2-е изд.). Бельчиков Ю. А., Панюшева М. С. Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка. М., 1968. Бенсон М., Бенсон Э. Русско-английский словарь глагольных словосочетаний. М., 1993 (1-е изд.).
- Бильфельдт Г. Обратный словарь русского языка. Берлин, 1958. Большой англо-русский словарь: В 2 т. / Под ред. И. Р. Гальперина. М., 1979 (3-е изд.).
- Борисова Е. Г. Слово в тексте. М., 1995. Быков В. Русская фея. М., 1994.
- Вахек И. Лингвистический словарь Пражской школы. М., 1964. Великобритания / Под ред. Е. Ф. Рогова. М., 1978. Вишнякова О. В. Словарь паронимов русского языка. М., 1984. Ганишина К. А. Французско-русский словарь. М., 1977 (6-е изд.). Греве Р., Крёше Г. Обратный словарь русского языка / Под ред. М. Фасмера.
- Висбаден, 1958-1959. Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка / Под ред. Гобачевича К. С. Л., 1973.
- Греймас А. Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка // Семиотика. М., 1983.
- Гуревич В. В., Дозорец Ж. А. Краткий русско-английский фразеологический словарь. М., 1995.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1863-1866.
- Деловые контакты в России. Groteck Business Directory. М., 1996.
- Демьянков В. З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической обработке текста. Вып. 1. Порождающая грамматика. М., 1979.
- Демьянков В. З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической обработке текста. Вып. 2. Методы анализа текста. М., 1982.

- Добровольский В.Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
- Долончев В. Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи. СПб., 1886.
- Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М., 1977.
- Засорина Л. Н. Частотный словарь русского языка. М., 1977.
- Йоссельсон Г. Словарь русского языка. Детройт, 1953.
- Калайдович П.Ф. Опыт словаря русских синонимов. М., 1818.
- Караулов Ю. #., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. Кн. 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. М., 1994 а.
- Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Русский ассоциативный словарь. Кн. 2. Обратный словарь: от реакции к стимулу. М., 1994б.
- Колесников Н. П. Словарь паронимов русского языка. М., 1971.
- Костева В. М. Способы представления фразеологизмов в двуязычном словаре (на материале немецкого языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.
- Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф. Словарь морфем русского языка. М., 1986.
- Ланг Э. Словарь терминов порождающей грамматики // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 232. Тарту, 1969.
- Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка. М., 1978.
- Максимов С. В. Крылатые слова. М., 1890.
- Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М., 1960.
- Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое: В 2-х т. СПб., 1902-1903.
- Муравлева Н. В. Австрия. Лингвострановедческий словарь. М., 1997.
- Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.
- Мюллер В. К. Англо-русский словарь. М., 1946 (2-е изд.).
- Назарян А. Г. Французско-русский учебный словарь лингвистической терминологии. М., 1989.
- Немченко В. Н. Основные понятия морфемики в терминах (краткий словарь-справочник). Красноярск, 1985.
- Никитина С. Е. Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике (Автоматическая обработка текста). М., 1978.
- Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966.
- Никонов В. А. Словарь русских фамилий. М., 1993.
- Новые слова и значения / Под ред. Н. З. Котеловой, Ю. С. Сорокина. М., 1984 г.
- Новый большой англо-русский словарь / Под ред. Ю.Д.Апресяна. Т. 1. М., 1993.
- Обратный словарь русского языка. М., 1974.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
- Орфографический словарь русского языка / Под ред. С. Г. Бархударова, И. Ф. Протченко и Л. И. Скворцова. М., 1991 (29-е изд.).
- Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1989 (5-е изд.).
- Павлович Н. В. Словарь поэтических образов. Т. 1, 2. М., 1999.
- Петровский НА. Словарь русских личных имен. М., 1984 (3-е изд.).
- Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978.
- Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка: В 2 т М 1910-1914.
- Резина К. В., Тюрина Г. П., Широкова Л. И. Устойчивые словосочетания русского языка. М., 1976.
- Розенталь Д. Э., Теленкова М.А. Словарь трудностей русского языка. М., 1987. Русский орфографический словарь. М., 1999 [160 тыс. слов]. Русский семантический словарь / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1998. Симфония или словарь-указатель к Священному Писанию Ветхого и Нового Завета / Под ред. Митрополита Питирима. Т. 1: А-Г. М.: Изд. Московской патриархии, 1988.
- Словарь иностранных слов / Под ред. И. В. Лёхина, С. М. Локшиной, Ф. Н. Петрова, Л. С. Шаумяна. М., 1964 (6-е изд.).
- Словарь новых слов русского языка (серед. 1950-х - 1980-е гг) / Под ред Н. З. Котеловой. СПб., 1995.
- Словарь названий жителей РСФСР / Под ред. А. М. Бабкина. М., 1964. Словарь названий жителей СССР / Под ред. А. М. Бабкина, Е. А. Левашова. М 1975.
- Словарь образных выражений русского языка / Под ред. В. Н. Телии. М., 1995. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина. Вып. 1-23 Л 1965-1989.
- Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1985-1988 (3-е изд.).
- Словарь синонимов русского языка: В 2 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой Л 1970-1971.
- Словарь славянской лингвистической терминологии = Dictionary of Slavonic linguistic terminology / Ved. red. prof. dr. Alois Iedlicka. Praha., 1977.
- Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.—Л., 1948.
- Словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П. Н. Денисова и В. В. Морковкина. М., 1978.
- Словарь ударений для работников радио и телевидения / Под ред. Д. Э. Розенталя М., 1985 (6-е изд.).
- Словарь языка Пушкина: В 4 т. / Под ред. В. В. Виноградова. М., 1956-1961. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. СПб., 1893-1903.
- Справочник личных имен народов РСФСР / Под ред. А. В. Суперанской и Ю. М. Гусева. М., 1979 (2-е изд.).
- Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. М., 1985. Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный. В 6-ти частях. СПб., 1789-1794. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. В 6-ти частях. СПб., 1806-1822.
- Словарь образных выражений русского языка / Под ред. В. Н.Телии. М., 1995. Словарь русского языка XVIII вв. / Под ред. Ю. С. Сорокина. Вып. 1-8. Л., 1974-1995.
- Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Под ред. А. М. Бабкина, С. Г. Бархударова, Ф. П. Филина

- и др. М., 1948-1956. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1957-1961. *Мельчук И. А., Жолковский А. К.* Толково-комбинаторный словарь русского языка.
- Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена, 1984. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1. М., 1935. *Тузовский Е. И.* Англо-русский словарь американского сленга. М., 1993. *Унбегаун Б. О.* Русские фамилии. М., 1995 (2-е рус. изд.). *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1964—1973. *Федосюк Ю. А.* Русские фамилии: Популярный этимологический словарь. М., 1996 (3-е изд.).
- Фелицына В. П., Прохоров Ю. Е.* Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь. М., 1979.
- Фонвизин Д. И.* Опыт российского сословника. М., 1783.
- Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М., 1967.
- Французско-русский словарь активного типа / Под ред. В. Г. Гака, Ж. Триомфа. М., 1991.
- Хидекель С. С., Кауль М. Р., Гинзбург Е. Л.* Учебный англо-русский словарь сочетаемости и трудностей словоупотребления. М., 1998.
- Хитон Док. Б., Тэртон Н. Д.* Лонгмановский словарь типичных ошибок английского языка. М., 1991.
- Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993.
- Чернышев В. И.* Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики. М., 1914-1915.
- Чистяков В. Ф.* Словарь комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова. Смоленск, 1939.
- Шанский Н. М., Боброва Т. А.* Этимологический словарь русского языка. М., 1994.
- Штейнфельдт Э. А.* Частотный словарь современного русского литературного языка. Таллинн, 1963.
- Юганов И., Юганова Ф.* Словарь русского сленга. М., 1997.
- Яранцев Р. И.* Русская фразеология. М., 1997.
- Abraham W.* Terminologie zur neueren Linguistik. 2., vollig neu bearb. u. erw. Aufl. Tübingen, 1988.
- Benson M, Benson E., Ilson R.* The BBI Combinatory Dictionary of English. Amsterdam-Philadelphia, 1986 (1-е изд.).
- Brugmann K.* Ein Wörterbuch der sprachwissenschaftlichen Terminologie // *Germansch-Romanische Monatsschrift*. H. 1. 1909.
- Collins COBUILD English language dictionary*. London—Glasgow, 1987. *Concordance to Dostoevsky's Crime and Punishment* / Ando Atsushi, Urai Yasuo and
- Mochizuki Tetsuo* / Eds. The Slavic Research Center, Hokkaido University. Vol. 1-3. Sapporo, 1994.
- Conrad R.* (ed). *Lexikon sprachwissenschaftlicher Termini*. Leipzig, 1985. *Heupel C* Linguistisches Wörterbuch. 3., vollig neu bearb. Aufl. München, 1978. *Lewandowski Th.* Linguistisches Wörterbuch. In 3 Bd. 4., neu bearb. Aufl. Heidelberg, 1984-1985.
- Longman dictionary of English idioms*. Harlow—London, 1979. *Lubensky S.* Russian-English dictionary of idioms. N. Y., 1995.
- Nash R.* Multilingual lexicon of linguistics and philology: English, Russian, German, French. Florida, 1968.
- Partridge E.* Usage and Abusage. London etc. 1947.
- Partridge E.* A Dictionary of Slang and Unconventional English. London etc., 1984. *Roget P. M.* Thesaurus of English words and phrases. Harmondsworth, 1964. *Schmadel L. D.* Dictionary of Minor Planet Names. London etc., 1993 (2-е изд.). The Shorter Oxford English Dictionary. Oxford, 1964. *Tresor de la langue française*. Dictionnaire de la langue du XIXe et du XXe siècle (1789-1960). T. 1-13. Paris, 1971-1988.
- Spears R. A.* Dictionary of American Slang. Lincolnwood, Illinois, 1991. *Pushkin: A Concordance to the Poetry*. Vol. 1-2. Slavica Publishers Inc., Columbus, Oh., 1985.
- Ulrich W.* Wörterbuch: Linguistische Grundbegriffe. Kiel, 1972.
- Welte W.* Moderne Linguistik: Terminologie / Bibliographic. Ein Handbuch und Nachschlagewerk auf der Basis der generativ-transformationellen Sprachtheorie. In 2 Bd. München, 1974.